

И весь хаос
между ними.

СЕКС.

ЛЮБОВЬ.

СВАДЬБА.

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

ШЕЙ ШТАЛЬ

Любые отношения состоят из нескольких фаз. Начну с первой.

Секс. Для меня и Келли данная часть оказалась простой. Только тсс... Не говорите об этом ее отцу. Он всегда меня ненавидел. Не стоит давать ему лишний повод.

Вторая фаза — любовь. Я понял, что люблю Келли, в тот момент, когда она ударила меня в ухо за то, что я угнал ее машину. А это объясняет то, почему ее отец испытывает ко мне ненависть. Ну и ладно. Для того, чтобы угнать машину, нужен веский повод, но у меня его нет, если вы об этом спросите.

Когда секс и любовь срабатывают на славу, в конце концов, это все приводит к... Барабанную дробь, пожалуйста... Угадали.

Свадьба. Женатым быть трудно. Сохранить брак вдвойне труднее. Я мог бы дать парочку советов, но вам, вероятно, не стоит меня слушать. Сам же я последовал совету порно-звезды, принял крошечную голубую таблетку и припал к двери душевой. Ту ночь мне бы хотелось стереть из памяти.

Где-то на ужасающем промежутке между свадьбой и отцовством (а мои головастики заделали пятерых мелких засранцев, то есть, я хотел сказать, ангелочков) наши отношения как мужа и жены распались. Я с легкостью могу назвать тот момент (о нем вы и сами скоро узнаете), который привел к этому.

Секс. Любовь. Свадьба. И весь хаос между ними.

Я не горжусь тем, что временами вел себя как полнейший придурок. Но мы же друзья, правда? Поэтому будьте бдительны.

Шей Шталь

Секс. Любовь. Свадьба

Переводчик: Ольга С.

Редакторы: Алена Ф., Кира Б.

Вычитка и оформление: Анна Б.

Обложка: Таня П.

Специально для группы: К.N ★ Переводы книг
(vk.com/kn_books)

Ноа

Одежда и хлопья

(Не осуждайте меня. Вы можете стать такими же через десять лет)

Видите этого полуголового парня, который сидит на полу в кладовой и ест хлопья из коробки? Знаю. Горячий, правда? Спасибо. В свои тридцать я выгляжу довольно-таки неплохо.

Вероятно, многие из вас задались вопросом, почему я сижу полуголый на полу в кладовой и ем хлопья из коробки, да?

Я объясню, и, возможно, это возымеет больший смысл. Давайте вернемся на пять минут назад.

Ну, теперь заметили на полу эту парочку? Да, они занимаются сексом. Точнее, пытаются. Заниматься сексом на холодной плитке в ограниченном пространстве не так уж и легко. Все фильмы врут.

— Иисус, Ноа. Мне больно.

С ворчанием я оглядываюсь на наши переплетенные ноги.

— Тогда подвинь ногу.

— Не могу. — Келли пытается освободить свою ногу, но становится только хуже. —

Она застряла в корзине.

Я отбрасываю корзину в сторону и замечаю рядом с ней еще пять таких же. Мы словно находимся на одном из придорожных фермерских рынков.

— Почему здесь так много корзин?

— Потому что с ними порядок. В нашем доме постоянный бардак. Было бы неплохо содержать в чистоте хотя бы кладовую.

Теперь это похоже на тупое замечание в мой адрес. Вероятно, из-за того, что я иногда создаю беспорядок, но сейчас не хочу об этом думать. Простонав, я пытаюсь изменить положение, но... Вы когда-нибудь занимались сексом в кладовке, когда перед глазами находится коробка с хлопьями? Кажется, желтый цвет успокаивает? Или отвлекает? Пофиг.

— Ой, ты дергаешь меня за волосы!

С хлопком накрываю ладонью рот жены.

— Хватит болтать. Я не могу сосредоточиться.

Знаю-знаю. Я не должен быть таким грубым. Но, эй, я накрыл ее рот рукой, а значит, больше не буду тянуть за волосы.

Жену это не устраивает. Я чувствую ладонью, как она хмурится. Мне очень хорошо знаком этот взгляд. Он похож на тот, что я видел прошлым вечером, когда чистил зубы, а она (по одному богу известной причине) засунула голову в раковину, и я сплюнул зубную пасту на ее волосы.

Наверное, вы удивляетесь, почему мы находимся на полу в кладовой? Или если вы внимательны к деталям и заметили коробку с хлопьями, то вам любопытно, почему она там стоит? Ну, наши дети никогда не убирают все это дерьмо на свои места.

Почему мы на полу в кладовой... вот это более интересно. И снова все сводится к тем

грязным маленьким паршивцам, которых мы зачали и которые ничего не возвращают на место. Видите ли, когда вы женаты на протяжении десяти лет и рассматриваете возможность развода, вернуть былую искру в отношения очень сложно. Поэтому нужно использовать любую возможность. Если это означает трахаться на полу в кладовой, потому что ваша жена ходит в ужасно дорогих легинсах Lululemon, которые вы просили ее не покупать (эту историю я расскажу в другой раз), пока сами с жестким стояком моете посуду и понимаете, что на самом деле можете уговорить ее сделать это в кладовой, то вы буквально берете и делаете. Ну вот, теперь вам все понятно. Знаю, скорее всего, вы задаетесь вопросом о причине развода, но эту историю оставим для следующего раза. А теперь вернемся к сексу.

Похоже, мы можем закончить до того, как проснутся дети, и тогда мне придется уйти на работу. Ерзая на коленях, я пытаюсь поудобнее расположить наши тела, но жена вскрикивает и отстраняется от меня.

— Святое дерьмо, он огромный!

Ухмыляясь, я смотрю на нее сверху вниз:

— Вот как ты заговорила.

— Да не ты, тупица. — Она бьет меня по лицу. Прямо по щеке. — На твоём плече паук!

От меня не ускользает тот факт, что она с легкостью могла бы прихлопнуть паука, а не бить меня по лицу, но неважно. Чем дольше вы женаты, тем лучше понимаете, *почему* она решила ударить меня.

— Где? — кричу я, как маленькая девчонка.

Даже меня пугает визгливость собственного голоса, и я задаюсь вопросом, не исчезли ли мои яйца. Проверяю. Нет. Они все еще там и выглядят чертовски синими.

Занимательный факт: я не люблю пауков. Не поймите неправильно, я мужик, но вид этих жутких, ползающих черных тварей просто выводит меня из себя. Я превращаюсь в нечто похожее на человека, которого только что долбанули электрошокером, и теперь он дергается, извергая всевозможное дерьмо. Ничего прекрасного.

За долю секунды я вскакиваю на ноги и случайно бью жену, пытаюсь прихлопнуть паука. После того, как я ударяю ее кулаком, Келли, задыхаясь, смотрит на меня этим *взглядом*. Если вы состоите в отношениях, то знаете, что это за взгляд. Тот самый, который чем-то напоминает ее желание выбить из меня все дерьмо при помощи наволочки, наполненной камнями.

Просто для того, чтобы внести ясность между нами: меня каждый день одаряют этим взглядом. И, пока я разбираюсь с пауком-обломщиком, этот захватывающий момент убивает весь настрой на секс. Так вот, все это безумное дерьмо, которым я только что поделился с вами, объясняет, *почему* я сижу на полу в кладовой и ем хлопья. В одиночестве.

Теперь вы, возможно, удивитесь, узнав, что у такого красивого мужчины, как я, в итоге появилось пятеро детей и жена. Или, может быть, пожалеете, потому что у меня не было секса (не считая момента пару минут назад) в течение месяца. Тридцать. Два. Несчастных. Дня.

Я считал.

— *Гребаный отстой*, — бормочу я, откидывая в сторону хлопья.

Дверь в кладовую открывается, и Финли, наша годовалая дочь, набирает полный рот молока и плюет мне в лицо. Ее новая фишка. Ей кажется это забавным. Мы работаем над этим, но давайте посмотрим правде в глаза: дети — те еще засранцы.

Я борюсь с желанием выхватить бутылочку из ее рук и вылить на голову все молоко. Если у вас есть дети, вы точно понимаете, о чем я сейчас говорю. Они не всегда милые. Если кто-то скажет вам, что их ребенок идеален, он врет.

Вытирая рукой молоко с лица, я смотрю на ребенка.

— Прекрати это делать.

Как будто она послушает меня. Уверен, эта девчонка появилась на свет, думая, что я пустое место. Теперь соска от бутылки свисает с ее рта, а она улыбается, будто не слышит меня. И в этом еще одна фишка детей. У них избирательный слух. Не верите? Скажите «печенье» и посмотрите на их лицо. А теперь скажите «нет», и вы увидите отсутствующее выражение, которое они посылают вам в ответ.

Именно об этом я и говорил, друзья.

Весь облитый молоком, я плетусь из кладовой на кухню. А потом, широко раскрыв глаза, наблюдаю за сценой, развернувшейся передо мной. Вы когда-нибудь находились на кухне непосредственно перед тем, как дети уходят в школу? Это похоже на тюремный двор, где все дерутся за последнюю пачку сигарет. Только в данном случае в роли сигарет выступает пачка крекеров. Не осуждайте нас. Да, мы иногда позволяем детям есть крекеры.

Хейзел, наша пятилетняя принцесса с рожками (скоро вы поймете почему), с отвращением смотрит на меня, поедая пальцами арахисовое масло прямо из банки. Соседский кот сидит на столе и облизывает эту же банку.

— Она снова плюнула в тебя, верно?

Не позволяйте этим русым кудряшкам длиной до талии и ярко-голубым глазкам обмануть вас. Хейзел следует остерегаться. Она всегда мила, даже когда пытается убить вас во сне. На прошлой неделе, в четыре часа утра, она накрыла мое лицо подушкой и спросила, могу ли я дышать. А потом, в этот же день, приготовила мне тост с желе. Естественно, я заставил Келли съесть его, всерьез думая, что дочь собирается меня отравить. Шучу, я съел его. Но это странное дерьмо, которое вытворяет Хейзел, почти каждый день пугает меня до чертиков.

Схватив полотенце для рук, я вытираю остатки молока с лица и прохожу мимо детей, сидящих за кухонным островком.

— Можно и так сказать. Хейзел, выстави этого кота на улицу. Ему не место на столе.

Мои слова не оказывают на нее никакого воздействия.

— Он любит меня больше, чем своего хозяина.

— Неважно. Он не наш, — подчеркиваю я, глядя на кота. — Ты не можешь просто взять и украсть его.

Она ласково гладит рыжего полосатого кота ладошками, перепачканными арахисовым маслом.

— Могу, если я ему нравлюсь.

Спорить бесполезно. Каждый раз последнее слово остается за ней. Я с отвращением смотрю на дочь, которая теперь разглядывает свои руки, покрытые рыжей кошачьей шерстью, налипшей на арахисовое масло. Клянусь богом, если она оближет пальцы, меня вырвет.

Я жду, бросая в ее сторону отцовский взгляд, который так и кричит: «Не смей». Она смотрит на меня, оценивая ситуацию. Я прищуриваюсь. Пожав плечами, дочь вытирает руки о штаны.

— Ух. — Оливер, старший сын, смотрит на меня. — Где твоя рубашка?

Оливер хранит все наши секреты. Никогда не знаешь, о чем думает этот ребенок. И, честно говоря, мы и не хотим знать. Ему десять лет. Скорее всего, его голова забита мыслями о Fortnite и BattleRoyale (*Примеч.: мультиплатформенные компьютерные игры в жанре королевской битвы*). Или как посмешнее пукнуть под нос своей сестры.

Я не отвечаю Оливеру на вопрос о моей рубашке, потому что она до сих валяется в кладовой. И если я скажу ему об этом, то он начнет задавать дополнительные вопросы. Может, Оливер и хранитель тайн, но ребенок задает слишком много вопросов, а если вы подождете около двух минут, то он забудет, о чем спрашивал, и пойдет дальше.

Келли возвращается на кухню, держа на руках Финли — плюющегося ребенка, и закатывает глаза, когда замечает молоко на моей груди.

— Почему ты позволил ей сделать это? И надень рубашку.

Посмотрите на малышку. Правда, она выглядит мило и невинно, сидя на руках у своей мамы, пока пьет молоко из бутылочки? Хрен там. С тех пор как она выскользнула из влагалища, которое я так редко вижу, она возненавидела меня. Боюсь, это имеет какое-то отношение к тому, что мы с Келли занимались сексом, когда она была беременна ей. Финли знает, что это я таранил ее голову? Поэтому она плюет в меня?

— Позволил ей?

Я смотрю на жену так, будто она только что запихнула мой член в блендер. Я люблю Келли. Но иногда она мне не нравится. Обычно это происходит, когда она обвиняет меня в том, что я киска. Как сейчас, например.

— Вообще-то я не говорил ей: «Эй, Фин, а ну-ка, блядь, плюнь в меня».

— Папочка! — возмущается Хейзел, хлопая ладошкой, перепачканной арахисовым маслом, по моей голой спине. — Плохое слово!

Я напрягаюсь при мысли об арахисовом масле и кошачьей шерсти.

Келли вздыхает, и по ее лицу можно прочесть, в каком она настроении. Не понимаю, почему она разозлилась. Ведь это не ей приходится ходить с постоянным жестким стояком. Или с шерстью и с арахисовым маслом, прилипшими к спине.

— Ты можешь пойти переодеться или что ты там еще собирался делать и подбросить Оливера до школы?

Что я еще собирался делать? Ха. Блядь. Ха.

Боже, я сегодня свихнусь.

Хочется сказать ей в ответ что-нибудь язвительное, но я молчу. Сдаюсь. Отступаю. Так поступает тот, кто боится стычек. Подробнее расскажу об этом позже, но я ненавижу драться. Это воспоминания из детства, но вы, вероятно, не захотите знать о нем.

Кивнув, я прохожу мимо жены, которая сегодня явно меня ненавидит.

И спотыкаюсь о Севи, нашего младшего сына, сидящего на полу. Уверен, с ним все в порядке.

— Почему ты ешь, сидя на полу?

Опустив руку в коробку с хлопьями, он смотрит на меня так, будто я разговариваю на неведомом ему языке. Похоже, так и есть. Вместо того, чтобы ответить, он лает и запихивает горсть хлопьев в рот. Наш трехлетний сын думает, что он собака. И я имею в виду не «о, как мило, просто у него очередная фаза взросления», а «что за гребаное дерьмо? Он считает себя чертовым псом».

Вздыхнув, я ласково тормошу его светлую вьющуюся шевелюру. Поднимаюсь наверх, стараясь не наступить на строительный пистолет, который оставил здесь на днях. Наверное,

вы думаете: кто оставляет его в месте, где повсюду бегают дети? Я оставляю. Не волнуйтесь, я вынул аккумулятор и надежно его спрятал. Просто у меня не было времени на то, чтобы убрать все остальное. Это похоже на пассивно-агрессивное поведение с моей стороны и, может, является еще одной причиной, по которой Келли злится на меня. Она споткнулась об него недавно.

И в этот момент ситуация только ухудшается. Именно на этой лестнице я все выходные менял ступени и мельком увидел семейный портрет, лежащий у стены. Почему его не повесили? Мы делаем ремонт в доме, который едва можем себе позволить, и развешивание фото на стене, вероятно, стоит последним пунктом в списке дел Келли. Мне же запрещено вешать картины. Она утверждает, что у меня получается криво. Неважно. Я отлично повешу это дерьмо. Но меня задевает не тот факт, что портрет валяется на полу, а маленькая блондинка на фото, на которую устремлен мой взгляд.

Проглотив ком в горле, я продолжаю думать о *ней*, направляясь в спальню. Хватаю рубашку и возвращаюсь вниз. Вам интересно, в чем дело? Извините, придется потерпеть до тех пор, пока я буду готов рассказать об этой части моей жизни.

Я опаздываю на работу.

Ноа

Вернемся в начало

(Стоит упомянуть лишь пару деталей)

Спустившись по лестнице, я, ничего не говоря Келли, ухожу из дома. Возможно, я не могу справиться с эмоциями, а может, просто не хочу смотреть на нее и вспоминать, что у Мары были ее глаза и такой же смех. Поэтому я просто ухожу. Так легче.

Снаружи наш сосед стоит на подъездной дорожке и разговаривает по телефону, бросая камешки в собаку другого нашего соседа, которая навалила кучу на его газон.

Боннер указывает на собаку.

— Я сдеру кожу с этого ублюдка и сделаю из него коврик.

Я тебе помогу. Вслух этого, конечно, не произношу. Пусть я мало осведомлен о Боннере, знаю, он согласится на мое предложение, и тогда мы оба сядем в тюрьму за жестокое обращение с животными. Должно быть, вы думаете, что собака не виновата. Я бы поспорил. Если бы вы хоть раз увидели сверкающий взгляд этого ши-тцу, то поняли бы, о чем я говорю.

Я смеюсь, не зная, что сказать Боннеру. Хоть он и моложе меня, я боюсь с ним разговаривать. Не из-за того, что мне кажется, будто он сутенер, а потому... Да я, блядь, не знаю почему, ясно? Посмотрите на этого мужика без рубашки. Его вообще можно назвать мужчиной? Ему что, восемнадцать? Ладно, может быть, ему больше восемнадцати. Но давайте начистоту: вы не смотрите на него, верно? Лично я — нет. Я плююсь на его жену Эшлинн, которая стоит в паре футов от него. Она полуголая, так что да, я смотрю на нее. Пусть я женат, но у меня давно не было секса, а даже если бы и был... Поставьте передо мной голую женщину, и я, мать вашу, буду смотреть. Прикасаюсь не стану. Я не заинтересован в том, чтобы делать что-то подобное, но мои глаза живут собственной жизнью.

Прости, Келли.

У жены Боннера длинные светлые волосы до талии, большие голубые глаза и искусственные сиськи. Все в ней идеально, но, вероятно, создано пластическим хирургом. Она милая, кокетливая, но все же фальшивая. И я не могу представить ее без макияжа.

Боннер замечает мой долгий взгляд в ее сторону, пока я притворяюсь, что открываю дверь своей машины. Он ухмыляется, а затем подмигивает мне, как бы говоря: «Да, я в курсе, что мне повезло». Вот в чем дело. Да, его жена горячая, но и моя тоже. Хотите знать, что делает Келли особенной и отличает от других женщин? Она — моя жена и, что еще более важно, мать моих детей. Я все сделаю для нее и буду верным. Это клятва, которую я никогда не думал нарушать. Проблема нашего брака заключается не в моей любви к жене. Даже спустя столько времени (несмотря на то, что не за горами слово на букву «Р») я все еще люблю ее каждой клеточкой моего сердца. Я в буквальном смысле сделаю все, ради этой женщины без лишних вопросов. За исключением перспективы оказаться в комнате, наполненной пауками. Это мой частый кошмар.

Боннер склоняет голову набок, и солнцезащитные очки сползают по его носу.

— Ты видел киску моей жены?

Я смотрю на него. Он действительно только что произнес это?

— Извини, что?

Он ухмыляется. И ждет. Будто я собираюсь сказать: «Ну да, чувак. Прошлой ночью». Давайте проясним: я ничего не видел. Но сердце так сильно стучит в груди, словно меня застукали за просмотром порно.

— Ее тупого кота. Жена не может его найти.

— Ох, он... — я жестом указываю на дом и шагаю к своей машине, — он ест арахисовое масло на моей кухне.

Прежде чем разговор с Боннером приобретет большую неловкость, я открываю дверь машины и практически запрыгиваю в салон. Это один из тех моментов, когда вы закрываете дверь, едва не придавив себя. Сидя в машине, я пристально смотрю на Боннера и его жену, которые возятся на своем дворе, и вспоминаю, как мы с Келли встретились впервые. Не могу понять, была ли у нас когда-нибудь такая же искра, как у Боннера с Эшлинн?

Не уверен, что у нас вообще был на это хоть какой-то шанс, потому что Келли забеременела сразу после вечеринки, на которой мы встретились. И у нее был парень. Тот, с которым она давно встречалась и которого, я уверен, любила. И пока вы не успели подумать, что она изменщица, а я какой-то разлучник, скажу: они только встречались. Я не разрушил их отношения. Ваше мнение обо мне изменилось?

Нет?

Ну и ладно. Здорово. Сначала послушайте мою историю. Я вернусь к самому началу, а затем дополню детали, потому что длинная история и займет много времени.

Вы слышали одну противную детскую песенку, которая звучит примерно так: «Под деревом сидели Ноа и Келли»?

Сейчас я вам ее спою. Кстати, у меня ужасный голос.

Под деревом сидели Ноа и Келли.

Ц. Е. Л. О. В. А. Л. И. С. Ъ.

Сначала влюбились, потом поженились.

В коляске дитя повезли.

Я же предупреждал, что она раздражает, но давайте начистоту. Как часто это действительно работает? Может быть, так было в тысяча девятьсот тридцатом году. Определенно, не в семидесятые, а в двадцать первом веке мы все делаем немного иначе. В наше время эта песня звучит примерно так:

В сарае сидели Ноа и Келли.

Т. Р. А. Х. А. Л. И. С. Ъ.

Сначала лучший трах, потом сюрприз — ба-бах! —

А Келли беременна.

Что, блядь, происходит?

Келли за Ноа замуж выходит.

Отличная рифма, не так ли? Не совсем, но именно так начинается *эта* история. Сначала секс. Любовь. А потом свадьба. Но знаете, даже сейчас я не уверен, любит ли меня Келли.

Может, она стала моей женой, потому что думала: «Ну, он настругал чудесных детишек, так почему бы не выйти за него замуж?». Да, она говорила, что любит меня, но иногда я задаюсь вопросом, нравлюсь ли ей.

Наша история началась пятнадцать лет назад, когда я, Ноа Беккет, угнал машину девушки, желая привлечь ее внимание. Я горжусь тем, что сделал это. Мне нравится думать, что такой уникальный подход доказывает мою изобретательность. Келли и я дружили с детства. Ее родители владели ранчо по соседству с нашим. Примерно в то же время, когда я перешел в среднюю школу, наши родители разругались на почве крупного имущественного спора, и Коулы отделились. Мы поддерживали связь, но когда стали постарше, я увлекся футболом. У меня не было времени на девчонок, а мои родители не выносили Келли. Сколько я себя помню, они подталкивали меня к Везде Родес. Мы с Ведой встречались, и расходились, когда мне было удобно, но вместе были недолго. Теперь вернемся к Келли. Пока мы вместе учились в средней школе, она на меня ни разу не взглянула, поэтому я подумал, что украду ее машину, и тогда она будет вынуждена поговорить со мной.

— Она ненавидит тебя, Ноа, — говорил мой двоюродный брат Джастис, сидя рядом со мной.

О, точно. Вы же не в курсе. Вернемся в старую добрую среднюю школу. Видите меня там, да? Высокий, в черной толстовке с капюшоном и с футбольным мячом в руке.

Келли проходит мимо меня в белой футболке, едва прикрывающей ее сиськи, и в джинсах, облегающих задницу. Именно такой ее вид я до сих пор представляю, когда дрочу в душе. На самом деле, уверен, существуют еще несколько человек с такими же фантазиями. И я убью ублюдков, когда вычислю, но не будем отвлекаться.

Будучи высокомерной, уверенной в себе звездой футбола, я не собирался стоять и смотреть на то, как она игнорирует меня. Не для того я три года вкалывал, стал лучшим игроком в команде и королем школы, чтобы меня игнорировала новенькая, не говоря уже о Келли Коул.

Теперь поговорим про инцидент с автомобилем. Не нужно быть ядерным физиком, чтобы сложить дважды два, ведь Келли — новенькая и была недостаточно взрослой, чтобы водить машину. Но она водила. Восстановленную ее отцом вишневого цвета «Камаро» 1967-го года выпуска. Без прав. Она с самого начала нарушала правила.

В четверг после школы я увидел ее «Камаро» на школьной парковке с открытым окном и ключами внутри. Вот я и вывез автомобиль на прогулку, потому что, во-первых, Келли оставила ключи, а во-вторых, я знал, что так точно смогу заставить ее поговорить со мной.

Думаете, что предугадали дальнейшие события, верно? Если подумали, что я украл машину, а Келли нашла меня и врезала по уху, то вы правы. Я украл машину Келли, и она меня отыскала, но удар в ухо прилетел тогда, когда полицейский вручил ей штраф за вождение без прав.

— Ты такой мудака. Поверить не могу, что ты это сделал! — кричала Келли мне в лицо, а ее гнев только усиливал мое влечение. — Как мне теперь объяснить это отцу?

Улыбаясь, я пожал плечами и вернул ключи от машины.

— Полагаю, сейчас самое время сказать, что мой папа — шериф этого города.

Знаю, об этом я тоже умолчал, но неважно. Некоторые секреты не стоит разглашать.

— Ну тогда заставь его забрать это обратно.

— Так не пойдет. — Я подмигиваю. — Совершила преступление — отправишься в тюрьму.

Зря я так сказал. Думаю, в тот момент ее ненависть ко мне лишь усилилась. Да-да, запахло жареным. Я вовсе не шучу. Я видел дым, что валил из ее ушей.

— Я не совершала преступления. Это сделал ты, говнюк. — Келли ударила меня по лицу, что потребовало некоторых усилий, потому что она примерно на пятнадцать сантиметров ниже ростом. — Если не хочешь, чтобы я вырвала твои яйца, тогда ты заставишь его аннулировать штраф.

Я, конечно, не хотел, чтобы она оторвала мои яйца, но сама мысль о том, что она к ним прикоснется... Да, я мог от этого кончить.

— Как насчет того, чтобы ты погуляла со мной, а я попрошу отца отозвать штраф.

— Так не пойдет.

Она нахмурилась, и между ее идеальными бровями залегла морщинка. Келли чертовски милая, правда? Посмотрите на эти веснушки, небесно-голубые глаза и алые губы. Она привлекла мое внимание, и другие части тела так легко отозвались в мой-то семнадцать лет.

— Ну, что ж... — я замолкаю, отступив на шаг. — Тогда, полагаю, тебе придется объясниться с отцом. Почему ты вообще едешь без прав?

Келли скрещивает руки на груди, отчего она приподнимается над майкой.

— Потому что, могу.

— Значит, твоему отцу наплевать на этот штраф.

В ее глазах появляется непонятный блеск.

— Обычно ему все равно, что я делаю. А вот его бывшей жене — нет.

Ничего особо не изменилось. Келли до сих пор не любит свою мать. В Остине, штат Техас, разводы были редкостью, но они случались, и я начал понимать, что, возможно, именно отсюда росли ноги у неожиданной «заботы». Нина Коул, безусловно, была хороша в том, в каком свете представляла дочерей в городе, но Келли сделала все возможное, чтобы это испортить. С другой стороны, мама Келли ненавидит меня. По сей день. И ненавидит — это еще мягко сказано. По ее мнению, парни Беккет не входят в число законопослушных граждан и недостойны ее дочерей.

— Здорово. — Я провел рукой по волосам. Техасская жара припекала затылок. — Просто погуляй со мной, а детали мы обсудим позже.

До сих пор не понимаю, почему Келли согласилась, но я получил это единственное свидание. И закончилось оно тем, что я лишил ее девственности в сарае моих родителей. Тогда я не знал, что она была девственницей. То есть мне никогда не приходило в голову, что она ни разу не занималась сексом, пока мы не сделали это. И я чувствовал себя мудаком. Келли же просто не придавала этому значения.

После этого она отказалась встречаться со мной. Только четыре года спустя, когда я учился в Техасском колледже, а она только закончила среднюю школу, мы встретились на концерте Pearl Jam.

Я даже помню, как играла песня «Yellow Ledbetter». Келли, явно подвыпившая, улыбнулась и указала на меня.

— Ты *тот самый* парень.

Из-за моей очаровательной улыбки на ее щеках проступил румянец.

— У меня есть имя. И ты его знаешь.

— Знаю. Но обращаться к тебе, как к тому самому, куда приятнее.

Она повернулась и посмотрела на своих друзей. Я знал парня, стоящего рядом с ней, но не мог вспомнить его имя. Казалось, его злило то, что она говорила со мной.

Я ухмыльнулся Келли, задаваясь вопросом, к чему это все приведет, ведь я все еще желал ее, потому что она всячески игнорировала мое влияние в этом городе.

— И почему же?

— Потому что ты украл мою девственность и больше никогда со мной не разговаривал.

— Не припоминаю ничего подобного, — рассмеялся я.

Взмахнув красным стаканчиком с напитком, она покачнулась и шлепнула меня в плечо.

— Скажи-ка мне, тот самый парень... твоя машина здесь?

— Да, она там. — Стыдно признаться, но я указал на парковку с одной-единственной целью — показать ей свой бицепс. Полегче. Ну, было мне чему поучиться. Вполне возможно, что все еще нужно. — Хочешь угнать ее?

Она засмеялась из-за моей неудавшейся попыткой флирта и над отсутствием достоинства. Шагнув вперед, Келли встретила мой пристальный взгляд и облизнула великолепные красные губы, отбросив стаканчик в сторону.

— Нет. Хочу трахнуть тебя в ней.

Конечно, я согласился. Возможно, Келли и была девственницей в наш первый раз, но она оказалась лучшей из всех, кого я поимел, и мне точно хотелось это повторить. Впоследствии это привело нас к двум красным полоскам на тесте и, наконец, к тому, как я был вынужден сидеть на полу и есть хлопья через два дня после того, как жена призналась, что, по ее мнению, мы должны расстаться. Прошло десять лет, и я испытал чертовски огромную душевную боль между тем, что было и тем, что есть сейчас. Но я не могу рассказать вам всего.

Вам придется поверить мне на слово.

Келли

Мама-домохозяйка

(Дерьмо, которое входит в мои обязанности, но о котором никто не говорил)

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что вы занимались сексом?

— Именно то, что и сказала, — шепчу я в трубку, загибая края кожаной обложки тетради.

Кейт вздыхает. Очевидно, она разочарована.

— Кел, как ты можешь сначала говорить ему о том, что хочешь расстаться, а потом заниматься с ним сексом в кладовой?

Она права.

— Не знаю, хочу ли этого, — признаюсь я, грызя ногти.

— Ты про секс?

Мой мозг пытается найти оправдание или подобрать правильные слова. Я так запугалась в своих мыслях, что не знаю, имеет ли это какой-то смысл. Скорее всего, ответ отрицательный.

— Нет. Я про то, что сказала ему о своем желании расстаться.

Кейт усмехается. Думаю, она начинает понимать, какой головной болью я временами являюсь для своего мужа.

— Тогда почему ты сказала ему это?

— Не знаю.

Видите? Я же говорила.

Две ночи назад после очень горячего спора я сказала Ноа, что хочу расстаться. Он ненавидит ругаться, поэтому, черт возьми, молчит, когда начинает сходить с ума, чтобы не потерять самообладание. Это одна из вещей, которые я в нем ненавижу. Мне хочется, чтобы он хлопнул дверью или пробил дыру в стене, тем самым показывая свое бешенство. Вместо этого я получаю тишину. Поэтому в отчаянии я бросила в его голову подушку и сказала, что мы должны расстаться на некоторое время. Не думаю, что говорила это всерьез, и, честно говоря, сомневаюсь, что он тоже так решил. Если вы когда-нибудь состояли в браке, то прекрасно понимаете, как это происходит. Знаю, вам интересно, из-за чего мы поругались. Ссора возникла из-за ремонта. Ни один из нас не соглашался с мнением другого, и я сказала:

— Знаешь, что? Нам просто нужно... не знаю... сделать перерыв.

Помню выражение опустошения и гнева на его лице.

— Перерыв от чего? От брака? Это ни черта не сработает, Кел. Недостаточно просто сделать перерыв, чтобы исправить все дерьмо.

На этом спор был закончен. Он вышел из комнаты, и с тех пор мы не поднимали эту тему. Кейт, моя соседка, а теперь еще и напарница, стонет в телефон:

— Дерьмо, подруга. Я должна идти. Мой отец снова копается в соседском мусоре.

Психически больной отец Кейт теперь живет с ней, с ее бывшим мужем, который отказывается переезжать, и с одиннадцатилетними мальчиками-близнецами. Наверняка у нее своих забот хватает, моя жизненная драма ей ни к чему.

— Черт его поberi. Он еще и без штанов!

Когда я вешаю трубку, то думаю о том, что произошло сегодня утром. Мне не следовало так вести себя с Ноа. Ведь это я попросила о перерыве. Но вот она я — постоянно возвращаюсь к нашим прежним отношениям, и в момент, когда Ноа касается меня, мое сердце трепещет, а необходимость сблизиться с ним берет надо мной верх.

Хочу ли я развестись? Нет, не уверена. Но я не знаю, как исправить все случившееся. Что еще более важно, я не знаю, как изменить себя, потому что в глубине души понимаю: проблема заключается во мне, а не в Ноа.

С юных лет я не помню маму счастливой. Каждое воспоминание о ней связано либо с тем, что она беспокоилась о деньгах и об отношениях с моим отцом, либо с тем, как она была настолько пьяна, что находилась в отключке. После развода родителей я поклялась самой себе, что не стану такой, как она, когда выйду замуж. И в кого я превратилась?

Подняв ручку, я беру тетрадь, в которую последние два года записываю все происходящее, и открываю ее. Я пролистываю потертые исписанные страницы до тех пор, пока не нахожу чистый лист. Проведя по нему пальцами, я прижимаю ручку к странице и изливаю свои мысли, которые никому не могу рассказать. Даже Кейт.

*

Дневник, я не знаю, что происходит. Мы пытались заняться сексом этим утром, но Ноа увидел паука и испортил момент. Такое чувство, будто я нахожусь в автобусе из фильма «Скорость», и там точно нет Киану Ривза, который помог бы мне справиться со всем этим. А почему? О, наверное, потому что мой Киану Ривз... Я не знаю, кто он. Я даже не знаю, что с нами происходит, не говоря уже о том, как мы остановим автобус, когда я одна еду в нем. Почему после появления детей дела идут наперекосяк? Куда исчезает секс? Вечерние свидания? Теперь я даже не представляю, каково это — сходить на свидание, потому что мы погрязли в семейном быте, а найти хорошую няню гораздо сложнее, чем ты думаешь, дневник. Скажи мне правду. Неужели не смешно то, что мы не можем заняться сексом, не поссорившись при этом? Я виновата? Знаю, что после Мары я перестала быть собой, но это понятно. Мы потеряли нечто столь ценное для нас обоих, что даже время не в силах излечить наши раны. Согласна, сейчас мы очень разные, но я не хочу признавать, что думаю о том, как мы ускользаем друг от друга быстрее, чем едет этот автобус. В действительности брак, где есть дети, немного отличается от того, каким я себе его представляла.

Скажи, дневник, я слишком остро реагирую? Не в первый раз. И я знаю, что не должна была произносить слово «расстаться», когда в глубине души этого не хотела. Я вспоминаю первый год нашего брака, когда была беременна Оливером, и мы с Ноа не могли оторваться друг от друга. Мы находили для этого время, даже когда его не было. Я скучаю по тому чувству. Куда все подевалось?

Мара.

Начало и конец всему. Знаю, так и есть, но признаться в этом тебе, дневник, проще, чем признаться Ноа. Я боюсь его реакции, если расскажу об этом. Разозлится ли он? Да он ее больше и не упомянет. Если я говорю о ней, он встает и выходит из комнаты. Вчера кровельщик спросил, сколько у меня детей, и я расплакалась, а Ноа уставился перед собой в одну точку и стиснул зубы. Прикусив щеку, он сделал вид, что не слышал вопрос парня. Почему я всегда должна объясняться? Он пытается стереть ее из памяти? Знаешь, не

думаю, что была одна в этом неуправляемом автобусе. Полагаю, мы начали путь вместе, но теперь он прыгнул и оставил меня в одиночестве разбираться и обезвреживать бомбу.

*

Закрыв дневник, я помещаю ручку под кожаный ремешок и, отодвинув его в сторону, тянусь за кофе. Бывают ли у вас дни, когда вы чувствуете, что во всем терпите неудачу? Сестра, нас таких двое. Все эти разговоры о том, чтобы взять контроль над своей жизнью и обрести свое племя... Не знаю, кого все при этом имеют в виду, но мое племя ест козявки из носа и думает, что пукать в ванной очень весело. Где мои встречи за чашечкой кофе и посиделки с лучшими подругами?

Ох, конечно. Я же мать. Кажется, мамы, у которых есть все это, существуют только в Инстаграме. Уверена, пока они инсценируют свою жизнь, на заднем плане за их детьми присматривают няни.

— Я ненавижу сыр, — произносит Хейзел, прикрывая рот ладошкой так, словно ее сейчас стошнит. Если вы когда-нибудь встретите эту пятилетнюю девочку, то быстро поймете, что ей не составит труда блевануть от обычного вонючего сыра. — Пахнет, как подгузник Фин.

— Ненавижу тебя, — бормочет Оливер Хейзел, вырывая из ее рук свой айпад, перепачканный арахисовым маслом. Он показывает его мне. — Почему она все время берет мои вещи?

Надо отдать Оливеру должное. Ему нелегко быть единственным мальчиком в семье. Хотя Ноа тот еще ребенок, так что, по крайней мере, ему есть у кого поучиться. И я забыла про Севи. Упс. *Прости, малыш*. Нормально ли не помнить, сколько у тебя детей? Родители так делают?

— Не знаю, приятель, — говорю я Оливеру, поглядывая на Севи.

Он сидит на полу, вставляя в ноздри кокосовые хлопья. Надеюсь, я смогу их вытащить, или они просто выпадут. Понятия не имею, почему он с такой одержимостью все тянет в свой нос, но могло быть и хуже.

— Наверное, потому что она любит тебя.

Я нежно улыбаюсь и беру чашку с надписью: «Я воспитываю детей. А какая суперсила у тебя?». Молча и знаково смотрю на своих старших детей, чтобы они не спорили друг с другом. Они не ждут моего ответа. Они хотят, чтобы я согласилась с одним из них, чего я не могу сделать. Начнется война, а я не хочу ее до восьми утра. Сначала кофе. Потом война.

Знаете, что говорят о мамах, которые сидят дома? Нет, мне правда интересно, что вы думаете о том, если бы я, улыбаясь, оставила детей в чужом доме на весь день. Не взрывайте мои соцсети комментариями о том, насколько я бессердечна, что не греюсь в лучах любви собственных детей. Они, кстати, каждый день говорят, что ненавидят меня, и часто произносят: «Хотелось бы, чтобы у меня была другая мама». Дети закатывают истерику просто из-за того, что ты не срезаешь корочку с бутербродов. Неблагодарные засранцы.

Слушайте, я люблю каждую минуту своего времени, проведенную вместе с моими детьми, и так счастлива (о, я хочу ударить себя за это по лицу), что могу остаться с ними дома и прочувствовать каждый момент. Я была рядом, когда они делали первые шаги, говорили первые слова и бесконечно извергали рвоту. Знаю я все эти цитаты про домохозяйку. Может, я и не работаю с девяти утра до пяти вечера, но мой день начинается, когда я открываю глаза, а заканчивается (если повезет), когда их закрываю. И мне это нравится. Правда. В течение дня происходит так много всего, чего Ноа не видит, и мне

становится за него грустно. А еще я благодарна за то, что у меня есть дети.

Но иногда я сижу на кухне, пью кофе и удивляюсь, почему до сих пор не угодила в психушку. Затем смотрю на безумие вокруг себя и думаю, что, возможно, я уже в ней. Может, так и есть.

Оливер дергает меня за руку.

— Мама, а разве папа не должен отвезти меня в школу?

И тут меня осеняет.

— Черт возьми, — бормочу я, понимая, что Ноа забыл взять с собой Оливера.

Вас интересует, как он мог забыть? Если вы тоже уставшие родители, то понимаете, насколько это вероятно. Но давайте вы не будете нас судить. Он же не оставил его в баре или что-то в этом роде.

Я звоню Ноа, пока меняю подгузник Финли, и пытаюсь заставить Хейзел одеться. Если вы еще не заметили, то на ней трусы «Моя маленькая Пони» с тех пор, как она утром спустилась вниз.

Ноа не отвечает на звонок. Ничего удивительного. Он редко отвечает на звонки, а я так же редко оставляю сообщения.

— Почему я должна носить одежду? — спрашивает Хейзел, поедая купленные в «Костко» крекеры «Золотая рыбка» из коробки размером с ее тело. — Севи всегда ходит без нее.

— Потому что неприлично бегать голышом после трех лет. Только если ты не стриптизерша.

Я не заикливаюсь на том факте, что Хейзел предпочитает есть крекеры, а не блины, которые я приготовила сегодня утром, а она к ним даже не притронулась. Гораздо больше меня беспокоит то, что она рассыпала крошки по всему деревянному полу. Я забуду об этом примерно через две минуты и, прежде чем мой мозг успеет сообразить, что они там, наступлю на них. Вы когда-нибудь наступали на крошки от крекера? Ощущается так, будто ходишь босиком по стеклу. Конечно, логично было бы сразу убрать их, чтобы потом не забыть сделать это. В отличие от войны, логике нет места в моем мире до восьми часов утра.

Хейзел запихивает в рот горсть крекеров, при этом разговаривая. Хотя я не совсем понимаю ее речь, это похоже на что-то вроде: «Кто такая стриптизерша?».

Мне не следует вести подобный разговор с пятилетним ребенком, но иногда лучше быть честной.

— Та, кто снимает свою одежду, чтобы выжить.

— Мне нравится. Хочу быть стриптизершей.

Я улыбаюсь ей и кладу мобильный телефон на пеленальный столик рядом с влажными салфетками.

— Нужно добиваться цели, милая. Теперь оденься, иначе опоздаешь в школу.

— Ладно, — слышу я в ответ драматичный вздох.

А затем она исчезает в коридоре, следуя в свою спальню. Я заканчиваю менять Финли подгузник, когда звонит мой телефон. Смотрю на экран, провожу по нему пальцем и подношу мобильник к уху.

— Ты забыл своего сына, — говорю я Ноа, даже не поздоровавшись.

— Я знаю. Прости.

— Все нормально. Я отвезу его. Но можешь забрать его вечером на баскетбол? У Хейзел в это же время балет, а занятия проходят на другом конце города.

— Да. — На мгновение повисает тишина, прежде чем муж произносит: — Я скучаю по тем дням, когда ты звонила, чтобы сообщить, что ты голая ждешь меня в постели.

Это похоже на несуществующий разговор прошлой ночью, и отчасти меня это злит, потому что Ноа постоянно избегает его из-за отсутствия аргументов.

— Разве я когда-нибудь звонила тебе, чтобы сказать нечто подобное? — смеюсь я, отгоняя гнев и поднимая Фин с пеленального столика. Она пытается отнять у меня телефон, но сдается, когда я вручаю ей упаковку салфеток. Открыть их у нее не получается, но, естественно, она пытается это сделать.

— Нет. Но парень может помечтать, верно? — посмеивается Ноа, и этот звук вызывает у меня улыбку.

— Наверно, да.

А потом я думаю о том, что он сказал, и представляю, как делаю это. Я тоже скучаю по тем дням, когда все было новым и захватывающим. Дело не в том, что я не хочу ежедневно заниматься сексом. Мне бы очень хотелось, чтобы Ноа каждый вечер приходил домой и прижимал мою задницу к стене, как в фильме «Пятьдесят оттенков серого». Но это неосуществимо, когда у вас есть дети. Секс у стены не только чертовски неудобен и невозможен для женщины, но также у нас просто нет на это времени в доме с детьми. Вы всего-то оставляете их на минуту, как они уже голышом едят из собачьей миски вашего соседа. К сожалению, это реальная история.

— Пожалуйста, пусть Фин поспит в своей кроватке сегодня вечером, — практически молит Ноа. — Детка, мои яйца скоро станут черными. И я чертовски соскучился по тебе.

— Знаю, — тяжело вздыхаю я, вспоминая, как хорошо было этим утром, когда он был рядом. — Я тоже по тебе скучаю, но именно ты взбесился из-за паука. И замечу, что ты знаешь, как можно справиться с этим.

— Какой смысл жениться, если я должен сам о себе заботиться?

Я не упускаю тот факт, что после того жаркого спора он ни разу не упоминал о нашем расставании. Словно у нас на сердце лежит тяжкий груз, но мы старательно его игнорируем. Ведь именно так происходит, когда нашу жизнь меняют какие-то новости, правда? Вы избегаете последствий, пока реальность не обрушится на вас. Прямо сейчас мы все еще находимся на стадии недомолвок и пытаемся выяснить, к чему это приведет.

Кстати, Ноа совершенно серьезен. Он позаботится о себе в случае крайней необходимости, но если есть выбор, то все проблемы в жизни он предпочитает решать с помощью секса.

— О, да перестань. Прошло не так уж много времени, — наконец говорю я. — И сегодняшнее утро считается. Типа.

— Ни в коем случае. Вообще не считается, — смеется Ноа. — Все это полная хрень. Кел, прошло уже три... — его голос обрывается, когда Фин выхватывает у меня телефон, что-то лепечет в динамик, а потом, нажав кнопку завершения вызова, швыряет его на пол. Иногда она ведет себя как настоящая идиотка.

Я смотрю на дочь, а она в ответ дерзко улыбается.

— Ты зачем это сделала?

Я не получаю ответа, дочь лишь тычет пальцем в мое лицо, словно просит меня помолчать. В тринадцать месяцев Финли еще не разговаривает. Никаких «мама» или «папа». Как-то раз мы услышали от нее «тсс», при этом она сжала губы Ноа, будто приказывала ему заткнуться. Но ни единого настоящего слова. Уж поверьте мне: думаю, это к лучшему, если

судить по ее характеру.

— Могу я надеть это? — спрашивает Хейзел, возвращаясь в комнату.

Я смотрю на нее, затем на розовую рубашку с символикой штата Техас, которую она надела. И внезапно всхлипываю. Сначала у меня щекочет в носу, как будто меня ударили по лицу или я понюхала острый соус. Затем глаза начинают гореть, все это сопровождается болью в груди.

— Да, можешь, сладкая, — пытаюсь я прошептать изо всех сил.

Хейзел смотрит на рубашку, приподнимая ее за края.

— У сестренки была такая же?

Я киваю и стираю слезы рукавом своей рубашки. Оливер несется по коридору с рюкзаком на плечах.

— Я опоздаю в школу. — Он замолкает, скользя ногами по полу, когда замечает розовую рубашку. — Зачем ты ее надела? Она не твоя.

Хейзел смотрит на него со слезами на глазах.

— Она лежала в моей комнате.

— Сними ее. — Он бьет ее по плечу. — Это рубашка Мары.

— Оливер, — ругаю я его и пытаюсь их разнять. — Не бей ее. Она не сделала ничего плохого.

— Она не должна носить ее одежду! — кричит сын в ответ, убегая по коридору. Его тяжелые раздраженные шаги эхом отражаются от голых стен нашего дома.

И ни с того ни с сего Хейзел ударяется в драматичные рыдания.

— Прости. Я переоденусь.

Отлично, теперь все плачут, кроме Финли. И я понятия не имею, где находится Севи. Может, он уже снаружи, пытается подружиться с Эшлинн и ее большими сиськами. Это будет не впервые. В тот день, когда я прекратила кормить его грудью, он очень сильно разозлился. И теперь точит на меня зуб. Клянусь, иногда он смотрит на мою грудь так, будто мои сиськи порвали с ним.

Понимая, что мне нужно успокоить Хейзел, я сажаю Финли на пол и спешу за своей впечатлительной девочкой. Она копается в ящиках комода и бросает одежду через плечо на пол. Мгновение я хмурюсь, глядя на вещи, и понимаю, что снова придется их складывать.

— Я расстроила тебя, — плачет дочь, не в силах сдержать слезы.

— Все в порядке. — Я встаю рядом с ней и обнимаю. — Можешь носить ее, если хочешь. Мара будет в восторге.

Дочка поворачивается в моих руках и касается моего лица ладонями. Я пытаюсь справиться с эмоциями, но не получается, и волна боли разрывает мою душу. Я не успеваю остановиться и, рыдая, прижимаю Хейзел к груди. Дело не в рубашке. А в том, что я больше никогда не смогу обнять так Мару. Она больше никогда не наденет эту рубашку, не улыбнется и не скажет, что собирается поступить в колледж штата Техас. Она не сделает этого, потому что умерла. Ни один человек не хочет говорить о потере ребенка. Это самая большая утрата, и ничто в мире никогда не сравнится с этой болью. Ничто.

Хейзел отстраняется, и по ее пухлым щечкам текут слезы.

— Она не будет на меня злиться?

Глубоко вздохнув, я качаю головой:

— Нет, сладкая. Не будет. Мара любит тебя и хочет, чтобы ты помнила о ней.

Кивнув, Хейзел снова сокращает расстояние между нами и обнимает меня. На

мгновение я забываю, что это Хейзел обнимает меня, а не Мара. Когда мои глаза закрыты, девочки ощущаются так же, пахнут одинаково. И если я притворюсь хотя бы на мгновение, что данное объятие мне дарит Мара, этого будет вполне достаточно, чтобы вывести меня из равновесия. Даже спустя год.

Хейзел было четыре, когда Мара скончалась. Пусть она совершенно точно помнит ее, только Оливер четко знает, какие вещи принадлежали ей, и теперь защищает их. Хотя я до сих пор с трудом могу смотреть на ее фотографию, не разрыдавшись, а Ноа даже не произносит ее имя, именно Оливер все еще спит с ее фото под подушкой.

Вы-то подумали, что эта история будет про двух людей, сражающихся за свой брак, как в романтической комедии. Так и есть, но что-то привело нас к этому. К сожалению. Потеря ребенка приводит к тому, что вы подвергаете сомнению все ваше существование в этом мире и все существующие в нем отношения. То, из-за чего вы раньше злились, внезапно перестает существовать, а мелочи, из-за которых вы волновались, больше не представляют никакой ценности. Из-за этого в нашем браке появилось недопонимание, поэтому мы переехали из Техаса в Калифорнию и отделились от наших родных. По этой причине я не видела маму уже год. Все это связано с тем днем, когда наша жизнь полностью изменилась.

Хейзел отступает от меня и, улыбаясь, смотрит на что-то за моей спиной:

— С кем она разговаривает?

Проследив за ее взглядом, я вижу, как теперь уже голая Финли шагает по коридору с накинутым на плечи подгузником, словно это чертов платок. Прижимая мой телефон к уху, она что-то лепечет человеку на другом конце провода.

— Скорее всего, с папочкой.

Ноа

ТСЖ

(Это тайный культ. Не присоединяйтесь к нему)

Время на работе тянется очень медленно. Может, так кажется только мне, потому что я занят весь день. Угадайте, чем я занимаюсь по жизни? Учитывая то небольшое, что я вам уже рассказал о школе и о колледже, вы, наверное, думаете, будто я футболист, верно?

Блядь, если бы! Я свернул себе шею на первом курсе колледжа. К сожалению, любому шансу продолжить играть на профессиональном уровне пришел конец.

Так что... Даю вам вторую попытку.

Есть идеи?

Ладно, сам скажу. Я порнозвезда. Ха. Просто прикалываюсь. Но на секунду вы повелись, правда? А может, и нет.

На самом деле я механик. У меня способные руки (подмигиваю).

Солгал. Я хорошо работаю руками, но я не обычный механик. Я — начальник цеха, который до сих пор чинит машины. Именно поэтому (и по многим другим причинам) мы переехали из Техаса в Санта-Барбару. Мой брат Ник (с которым вы, к сожалению, познакомитесь в дальнейшем) предложил мне работу в принадлежащем ему дилерском центре. Работать на своего старшего брата? Кошмар. Однако это не имеет значения.

Важно то, что мне и моей семье необходимо было переехать из Остина. Когда Ник предложил эту работу, я согласился, даже не посоветовавшись с Келли. В конце концов, она не обрадовалась, узнав, что я принял столь безрассудное решение без ее согласия, но она тоже сильно хотела покинуть Остин. Иногда, когда убегаешь от своих проблем, можно от них освободиться. Проблема в том, что на эмоциональном уровне мы не смогли справиться с этим. Все, с чем мы боролись тогда, до сих пор оказывает сильное влияние на нашу жизнь и сегодня. Вы это уже знаете.

Итак, мы здесь. Живем в Южной Калифорнии и стараемся изо всех сил извлечь из этого пользу. Все же позвольте сказать вам кое-что: в Калифорнии отстойная ситуация на дорогах. На всех. В любое время суток. Если бы вы росли в Техасе, вас бы больше всего беспокоило, не заглохнет ли на дороге трактор. В Калифорнии, как правило, это «Тесла», за рулем которой сидит мудака, опаздывающий на прослушивание и заказавший фруктово-злаковый смузи «Асаибоул». Я спешу вернуться домой, потому что один раз уже забыл Оливера. Если сделаю это дважды за день, быть беде. Мы живем в шикарном загородном доме. И я ненавижу его. В Техасе мы жили на ранчо в тридцать акров, которое делили с моими родителями. Теперь живем в районе недалеко от Санта-Барбары, в самом дешевом доме, который смогли найти. Когда мы купили его, над ним пришлось поработать, но этот дом был самым оптимальным и приемлемым для нас вариантом. В нем достаточно спален для детей. Но, честно говоря, не в таком месте я планировал растить своих детей. Однако и представлял свою жизнь я совершенно иначе. Не такой, как сейчас.

Когда я подъезжаю к дому, Оливер сидит на крыльце и наблюдает за тем, как через дорогу дети пинают футбольный мяч. Я всегда думал, что Оливер, мой первенец, захочет

играть в футбол и пойдет по моим стопам, как и каждый мужчина в моей семье. Но нет. Он любит баскетбол.

Кстати, он невысокий — унаследовал гены семьи Келли. Мне очень не хочется разбивать его мечты, но он выбрал единственный вид спорта, где рост действительно имеет значение.

В тот момент, когда Оливер замечает, как я паркую пикап на подъездной дорожке, он вскакивает так, словно кто-то (наверное, я) пинает его, и направляется в мою сторону. Резко распахнув дверь машины, он смотрит на меня. Видели фильм «Лицо со шрамом»? Окей. Прекрасно. Помните ту сцену, где Аль Пачино, играющий роль Тони Монтана, устраивает перестрелку в отеле, а затем выбирается из здания весь в крови и едва способный стоять на ногах? Теперь вспомните момент, когда он стоит на улице перед колумбийцем, направив в голову этого чувака пистолет. Его взгляд. Тот, когда кровь капает с его лица, и он хмурится. Уберите кровь и пистолет. Именно *так* на меня смотрит Оливер. Страшно, правда?

— Ты забыл меня утром, — ворчит сын сквозь стиснутые зубы. Он шипит, словно рассерженный кот. А затем подходит к припаркованной рядом машине. — Я вызвал «Убер». Они надежнее.

Вот говнюк.

— Я знаю, что забыл тебя. Мне жаль. — Я смотрю на него. — Теперь остынь и садись в машину.

Келли открывает дверь гаража и машет рукой, в которой держит детское кресло Оливера. Отменный способ еще больше разозлить сына. Ему десять, и, согласно законам штата Калифорния, он все еще должен ездить в кресле.

— Я не хочу его! — кричит он матери со вспыхнувшими от гнева щеками и захлопывает дверь перед ее носом.

Наши дети замечательные. Правда. Такие воспитанные ангелочки.

Келли тяжело вздыхает, пытаясь сохранить спокойствие.

— У него был непростой день.

— Что случилось?

— Хейзел надела рубашку Мары.

Вам знакомо то чувство, когда вас бьют по лицу? Ладно, может быть, вас никогда не били по лицу, но меня — да. Около десятка раз. Спасибо, Ник.

Это чувство удивления и потрясения от жара, пылающего на вашем лице, сопровождается ударом по сердцу, а затем, если вы похожи на меня, гневом. И только после того, как вы разозлились, приходит боль.

Это непрошеное чувство настигает меня каждый раз, когда упоминается имя Мары. Оно неконтролируемо и не пройдет, что бы там ни говорил каждый терапевт моей жене. Почему? Потому что я, черт побери, ее отец! Моя работа — защищать семью, а в тот день я не смог уберечь свою дочь.

Прежде чем я успеваю что-то сказать Келли, к нам подходит Боннер. Помните Боннера этим утром, верно? Парня, который большую часть дня ходит без рубашки и у которого горячая жена? Ага. Он самый.

Поправив шляпу, он улыбается мне.

— Эй, Ноа, я могу прокатиться с тобой до школы?

— Где твоя машина?

— Приятелю одолжил.

Он произносит это столь небрежно, что, кажется, я открываю рот, как рыба, которую выбросило на берег.

Я недоверчиво смотрю на него. Вы видели машину Боннера? Он ездит на «Феррари Ф12». Шутки в сторону. Чуваку недавно исполнился двадцать один год, а у него денег столько, что он не знает, на что их потратить. Выбросите из головы тот факт, что я уверен, будто он наркобарон. Кто вообще покупает такую машину и живет в пригороде Санта-Барбары? Разве он не должен жить возле пляжа? И еще одна деталь. Извините, но если бы у меня была такая машина, моя жена даже не смогла бы прикоснуться к ней, не говоря уже о том, чтобы одолжить ее друзьям. А еще я не совсем понимаю, зачем Боннеру понадобилось ехать в начальную школу. И на самом деле мне пофиг.

Я киваю на пассажирское сиденье своего пикапа.

— Конечно.

Келли молчит и, поговорив с водителем «Убер», уходит. Когда она идет в гараж, держа Фин на руках, а Севи ползет на четвереньках возле ее ног и пытается вручить ей поводок, я плююсь на ее задницу. И практически уверен, что Боннер делает то же самое. Он разговаривает с Оливером, который ловит каждое его слово. Не могу вспомнить, когда в последний раз Оливер уделял так много внимания всему, что я говорил. Опять же, Боннер не забывал его в третий раз за этот месяц.

Знаю, вы думаете, что я никудышный отец, раз не помню ни о чем, кроме того, где находится моя работа. Я не всегда был таким. Раньше я был пунктуален, внимателен и в целом увлечен жизнью. Но год назад все изменилось. Теперь я подвергаю сомнению свои убеждения и весь мир... Я сам себя не понимаю, что уж говорить о том, чтобы помнить, где и что я должен делать в тот или иной день.

Боннер наклоняет голову и смотрит на Севи, который ползет по ступенькам лестницы в дом, как только закрывается дверь гаража.

— Чувак, твой ребенок носит поводок?

Вздыхнув, я выезжаю задним ходом на улицу.

— Ему кажется, что он собака.

— Прелестно, — смеется Боннер.

— Это вовсе не прелестно, когда он просыпается в три часа ночи и просит, чтобы его вывели на улицу, где он сможет помочиться на газон.

Вам знакомо то чувство, когда люди смотрят на вас и хотят засмеяться, потому что думают, будто вы прикалываетесь над ними, но вместо этого издают лишь нервный смешок, так как на самом деле они в этом не уверены? Именно так делает Боннер.

Я отвожу Оливера на баскетбол и подкидываю Боннера в школу, затем возвращаюсь в молодежный центр, чтобы посмотреть на тренировку сына. Когда мы уходим, он ничего не рассказывает о баскетболе и о том, как прошел его день. Все, что его интересует — Боннер.

— Куда он ушел? — спрашивает сын, нервно оглядывая парковку в его поисках.

— Не знаю.

— Я хотел снова покататься на его машине, — хмурится Оливер.

— Снова? — Я приподнимаю бровь.

— Да, мы катались с ним на днях.

Конечно.

Вздыхнув, Оливер смахивает с лица мокрые от пота волосы.

— Она круче, чем твой грузовик.

Я ничего ему не говорю. Иногда дети бывают такими злыми. Я вкалываю, чтобы каждые два года иметь возможность купить новую машину. В работе механика есть свои преимущества: я нахожу выгодные предложения. Но все же это не «Феррари».

Подъехав к дому, я замечаю на своей лужайке женщину, измеряющую высоту травы. Я ни капельки не шучу. У нее в руках чертова рулетка.

Захлопнув дверь пикапа, я иду к ней. Не сказав мне ни слова, Оливер направляется в дом Боннера.

— Что вы делаете на моем участке? — спрашиваю я черноволосую даму в очках с толстой черной оправой.

Не глядя на меня, она указывает на рулетку в руке.

— Согласно правилам ТСЖ, высота вашей травы не должна превышать трех дюймов.

Я смотрю на нее и ее идеальные волосы, подстриженные в форме горшка. Она же не серьезно, так ведь? Наш газон должен быть определенной высоты? Мы живем посреди пустыря. Повезло, что у нас вообще есть газон. Так я теперь еще должен измерять его, дабы убедиться, что он нужной высоты. Срать я хотел на это дерьмо.

Женщина встает, поправляет очки на носу, а затем встречается с моим изумленным взглядом. Смотрели «Суперсемейку»? Так вот, она выглядит в точности, как реальная версия Эдны Мод. Интересно, может ли она забрать Севи и научить нас, как с ним обращаться? Уверен, этот ребенок однажды самовоспламенится от собственной ярости.

— Вы собираетесь ее подстричь? — бросает мне вызов Эдна Мод.

— Уж точно не сейчас, — фыркаю я.

— Я Кения Мартин. — Черт, я и правда надеялся, что ее зовут Эдна. Это имя ей больше подходит. — Президент ТСЖ.

Она тянется к своей сумочке, перекинутой через плечо, и достает конверт.

— Считайте это предупреждением. Если в течение двадцати четырех часов не подстрижете газон, мы будем вынуждены оштрафовать вас.

Кого? Меня? Вот это приколы. Я отказываюсь брать конверт.

— Я подравняю траву в эти выходные, когда у меня будет свободное время.

Можете представить, что делает Кения? Бьюсь об заклад, вы не догадаетесь. Хотя возможно и обратное, если вы знакомы с работой ТСЖ, потому что я — нет. Женщина шлепает конвертом по моей груди.

— Мистер Беккет, здесь, в горах Санта-Виста, мы верим, что внешний вид участка делает наше сообщество желанным.

— Желанным? Вы стоите в куче дерьма, оставленной собакой моего соседа, и беспокоитесь о том, чтобы выглядеть желанной?

Отступив, я позволяю конверту упасть на землю рядом с собачьим дерьмом.

Кения смотрит на свои ноги и кучку говна под ними.

— Я поговорю с владельцами дома 6256 об этих животных, но пока, пожалуйста, подстригите траву.

Блядь, она существует? Такое на самом деле происходит в этих окрестностях? В Техасе мне приходилось ходить к нашему соседу, чтобы вернуть коров, а не жаловаться на газон. Что за нелепая хрень!

Боннер подходит к нам и улыбается Кении.

— Что случилось, леди из ТСЖ?

Я слегка киваю в сторону Кении, пока та соскабливает палкой собачье дерьмо со своих

высоких каблуков.

— Она хочет, чтобы я подстриг траву.

Боннер наклоняет голову и с любопытством осматривает Кению.

— А вы стрижете свою? — с ухмылкой спрашивает он и опускает взгляд ниже.

Кения смотрит на него.

— Что вы имеете в виду?

— Думаю, ты знаешь, сладкая, — подмигивает он ей.

Честное слово, как бы ни старался, я не могу сохранить невозмутимый вид и смеюсь.

Боннер протягивает мне пиво.

Кении же не кажется это смешным. Она поднимает палку, измазанную дерьмом. Ее лицо настолько красное, что на нем отчетливо видны вены, чего не скажешь о лбе, обколотом ботоксом. Угрожая, она указывает на меня покрытой дерьмом палкой.

— Косите свой газон, Беккет.

— Коси свой газон, — дерзит ей вдогонку Боннер, когда Кения уходит. Затем он толкает меня локтем. — Идем, мужик. Хочу кое-что тебе показать.

Меня интересует, раскроет ли он, наконец, содержимое своего подвала, обустроенного в стиле «Во все тяжкие». *(Примеч.: сериал об американской мечте и нелегальном бизнесе, в котором одного из героев удерживали в подвале и заставляли варить метамфетамин).* Боннер меня точно ничем не удивит. Но с моим-то везением он, скорее, покажетдохлую киску своей жены.

Келли

Девчачий разговор

(Совет, который вы не просили, но все равно получили, хоть и вынужденно)

Каждый вечер я гуляю с соседками. Это моя попытка влиться в социум. Если вы мать и, что еще важнее, домохозяйка с маленькими детьми, то понимаете, насколько бесценен разговор с тем, кто не настаивает на том, чтобы его выгуливали на поводке.

— Почему твой муж пьет с Боннером и Джейсом? Доказано, что Джейс не способен принимать правильные решения. Не позволяй им тусоваться вместе.

Если вы не знали, то Джейс — это Джейсон. Бывший муж Кейт.

— Вы развелись год назад, но он до сих пор живет с тобой. Ты действительно думаешь, что имеешь право судить о хороших и плохих решениях?

Прищурившись, Кейт смотрит на меня и цепляет поводок на шею своей собаки Майли. При любом возможном случае Майли сбежит. Не могу сказать, что виню собаку в том, что ежедневно происходит в ее доме. Я бы тоже сбежала.

— Поэтому не бери с меня пример. Если вы разведетесь, выгони его из дома.

Я смотрю на коляску, в которой пытаюсь пристегнуть детей. При мысли об уходе Ноа мое сердцебиение учащается и возникает беспокойство.

— Я не говорю, что собираюсь разводиться с ним.

Кейт смотрит на гараж Боннера, где мой муж и ее бывший пьют и веселятся. Я вздыхаю. Больше ничего не остается, когда я выхожу на улицу со сворой детей и вижу, как мой муж пьет в гараже нашего соседа. К тому же я понятия не имею, где находится Оливер. Заботливая мамаша? Это не про меня.

Я молчу про то, что дома настоящая катастрофа. Я весь день не мыла посуду, и теперь кухня выглядит так, словно в ней снимали шоу «Шеф-повар Америки», но не оставили после себя ничего изумительно вкусного. Только бардак.

И я так вымоталась, что даже не удосужилась переодеться. Я что, до сих пор хожу в леггинсах, которые надела прошлым вечером и сняла лишь на десять минут в кладовой сегодня утром?

Кейт и я стоим на моей дорожке. Я пытаюсь посадить Севи и Финли в коляску, но только Оливер знает, как это сделать.

— Почему с этими чертовыми ремнями столько заморочек? Похоже, изобретатели не учли, что ты обычно держишь ребенка, пытаясь в них попасть.

В одной руке держа бокал вина, а в другой — собачий поводок, Кейт пожимает плечами.

— Когда мои дети были маленькими, мы не использовали коляски.

— Твоим близнецам одиннадцать. Уверена, ты врешь.

— Честно. Мы не использовали их, потому что маленькие засранцы не стали бы сидеть на месте. Попробуй успокой двоих малышек. Это как два Севи.

Севи, стоящий рядом со мной, смотрит на собаку Кейт. Вероятно, делает заметки для совершенствования своих собачьих повадок. Он смотрит на Кейт, когда та произносит его

имя. И тут же лижет ее ногу.

Кейт смотрит на меня.

— Он все еще находится в стадии собаки?

— Не уверена, что это можно назвать стадией то, что длится целый год.

Она смеется и осторожно вытирает слюни моего сына с ноги. Как только Майли чувствует ослабление поводка, то тут же убегает от Кейт.

Подруге приходится бежать по дороге за собакой полмили. И единственная причина, по которой ей удается поймать Майли, заключается в том, что она бежит напрямик к Эшлинн, возвращающейся домой с пробежки. Видели «Спасатели Малибу» с Памелой Андерсон в те дни, когда она встречалась с Томми Ли? Знаю, сериал стар как мир, но именно он мне напоминает Эшлинн. Светлые волосы, большие сиськи. Даже Севи пускает на них слюни... И когда она бежит, выглядит это так, будто она двигается в замедленной съемке, а ее идеальные сиськи даже не трясутся. Они остаются в покое. Кто знает, такое бывает после тринадцати? Видимо, это возможно только в том случае, если вставляешь силикон.

— Моя собака лесбиянка? — задыхаясь, произносит Кейт и задерживает дыхание, словно умирает от нехватки воздуха.

— С чего ты так решила? — фыркаю я и продолжаю пристегивать Севи, который пытается укунить меня за это.

— Потому что эта маленькая сучка так рванула к женщине, как будто была готова ее обнять. — Она указывает на своего рыжего лабрадора, который, задыхаясь, смотрит на Эшлинн, словно желает подружиться с ее ногами.

— Что такое лесбиянка? — спрашивает Хейзел, допивая третью коробку сока за вечер. Пора бы уже переставить их на верхнюю полку.

— Больше никакого сока сегодня, Хейзел. Пей воду.

Дочь с силой втягивает сок из трубочки. Когда она проглатывает его, то улыбается мне.

— Я не люблю воду. У нее обычный вкус.

Я забираю у нее коробку до того, как она бросит ее на землю. Мои дети никогда не убирают за собой. Знаю, это ужасно.

— Но для тебя это полезно.

Эшлинн приближается к нам. Ее кожа просто сияет в свете розового калифорнийского заката. Хейзел замечает это.

— У нее красивая кожа.

— Потому что она пьет воду, — шепчу я дочери, улыбаясь. — Очень много воды. И никакого сока.

Хейзел смотрит на меня, откидывая с лица кудряшки. Ее милый маленький носик усеян веснушками, а ярко-голубые глаза точно такие же, как у Ноа.

— Ты говоришь это лишь для того, чтобы я пила воду, не так ли?

— Ага. Сработало?

— Типа того.

— Вода полезна для твоей кожи, девочка. Попей.

Хейзел вздыхает и тянется к Эшлинн и ее бутылке с водой. Ну, знаете, к той, что куплена в «Старбакс» и стоит вдвое дороже, купленной в супермаркете. Это мне сообщает ценник сбоку.

Когда я говорила, что мое племя состоит из моих детей, это было чем-то вроде лжи. У меня есть племя, если девушек моего района можно так назвать. Не скажу, что мы лучшие

подруги, но, полагаю, если бы мне пришлось закопать чье-то тело, они бы помогли.

Моя банда состоит из Кейт, которая обычно таскает с собой бутылку вина, не вылезает из Pinterest и считает, что у нее нездоровая одержимость Гарри Стайлсом.

Еще есть Чарли. Вы познакомитесь с ней через минуту. Сейчас она посреди улицы кричит на свою шестнадцатилетнюю дочь, садящуюся на мотоцикл позади парня. Большую часть времени Чарли проводит на Yelp, где ищет рестораны для своего обзора (она ресторанный критик). На ее телефоне обычно не более четырех процентов заряда батареи, и она подсела на «Датч Брос» (*Примеч.: DutchBrosCoffee — крупнейшая частная сеть кофеен в США*).

И, наконец, Гретхен. Она всего на десять лет старше меня, но считает, что между нами столетняя пропасть. Она постоянно произносит: «В мое время...», как будто это было очень давно. Парень на мотоцикле — ее сын-бунтарь, который не понимает, для чего нужен шлем и ограничение скорости на дороге. А еще есть эта прекрасная цыпочка Эшлинн, кожа которой выглядит изумительно даже после пробежки.

Мы с Ноа переехали в этот район около месяца назад, а Эшлинн и Боннер появились здесь спустя два дня. Честно говоря, понятия не имею, чем они зарабатывают на жизнь, но предполагаю, что их деятельность незаконна. У меня, Кейт и Чарли есть свои теории на этот счет. У Гретхен тоже есть мнение, но оно связано с вещами, которые я не хотела бы обсуждать.

Чарли тычет пальцем в лицо Гретхен, когда они вдвоем подходят к нам. Кейт все еще пытается оттащить свою собаку от Эшлинн.

— Держи своего сына подальше от моей дочери.

Гретхен закатывает глаза и дергает леггинсы вверх, натягивая их на «символ материнства», как она это называет.

— Ему восемнадцать. Я потеряла над ним контроль еще в январе. Теперь дома он только ночует.

— Если он угробит мою шестнадцатилетнюю дочь, я буду контролировать его банковский счет.

— Удачи! На его счету всего десять долларов. — Гретхен закатывает глаза и смотрит через плечо на то, как Майли машет хвостом. Это, конечно, не из-за Гретхен, потому что на прошлой неделе собака помочилась на ее ногу. — Он не угробит ее, Чарли. Не драматизируй.

— Конечно.

Кейт поднимает свой бокал и вытаскивает бутылку вина из моей коляски.

— Кто-нибудь хочет немного?

— Это вода? — спрашивает Хейзел, глядя на Кейт и запустив руку в пакет чипсов, которые стащила из кладовой.

— Лучше, детка. Это вино.

Хейзел указывает крошечным пальчиком на Эшлинн, стараясь не опрокинуть чипсы на колени.

— Она не пьет вино.

— Нет, она пьет...

— Не смей это говорить, — хлопаю я ладонью по губам Кейт.

Кейт улыбается и убирает мою руку.

— Она пьет... воду.

Одними губами я произношу «спасибо». Улыбаясь, Эшлинн делает пару подходов и выглядит при этом, как девушка, которая только что сошла с рекламного щита отбеливающей зубной пасты. Клянусь, ее зубы сделаны в клинике. Ставлю на то, что она ходит с коронками.

Улыбаясь, Эшлинн делает глубокий вдох, отчего ее сиськи поднимаются. А потом она демонстрирует свои идеальные белые зубы.

— Девчонки, не возражаете, если я пройду с вами, пока восстанавливаюсь?

— Конечно, — вежливо улыбается ей Кейт. При этом выглядит она так, будто сдерживается, чтобы не пукнуть. Выпив остатки вина, она смотрит на коляску, где припрятала бутылку. — Испорти нам настроение своим совершенным телом.

К счастью, Эшлинн этого не слышит. Или, может быть, делает вид, что не слышит, и предпочитает игнорировать ее слова.

— Люблю бегать перед работой. Это расслабляет на всю ночь.

— Она любит бегать? — Чарли открывает рот, не в силах сохранить серьезность.

Я никогда не увлекалась бегом, поэтому ничего не смыслю в том, как должен выглядеть бегун. Но что-то мне подсказывает, что Эшлинн знает об этом все.

— Какой прекрасный вечер. Закат просто восхитительный.

— Да, восхитительный, — насмешливо соглашается Кейт. Иногда она может быть... мудачкой. Вот я и высказалась. Кейт наливает себе еще один бокал вина и убирает бутылку. И вдруг с подозрением смотрит на королеву красоты. — Почему ты такая бодрая поздним вечером?

— Я работаю по ночам. Кардиотренировка помогает мне расслабиться.

А потом Кейт задает вопрос, ответ на который мы до смерти хотим знать.

— Где ты работаешь?

— О, я актриса. — Эшлинн так весело вышагивает, что практически подпрыгивает.

— Никогда не встречала актрис. — Чарли сияет, словно Эшлинн родилась в семье Кардашьян. — Какие твои фильмы мы могли видеть?

Эшлинн отмахивается, а затем делает пару глотков воды.

— В основном это развлечение для взрослых, так что сомневаюсь, что вы что-то видели.

— Ты имеешь в виду порно? — фыркает Кейт, удивленно распахнув глаза.

Эшлинн внимательно смотрит на нас, будто мы можем прекратить с ней общение из-за ее профессии. Она медленно закручивает крышку бутылки с водой.

— Да, можно и так сказать. Но работники данной отрасли предпочитают называть это по-другому.

— Почему?

— Потому что слово «порно» ассоциируется с чем-то дешевым и грязным. «Фильмы для взрослых» звучит намного лучше. Как и в любом другом фильме, у нас есть сценарий и сюжетная линия, которой мы следуем.

— Порно, — выпаливает Кейт. — В любом случае, как ни крути, это порно.

Знаю, что у вас на уме: «Келли, вы говорите о порно в присутствии детей?». Честно говоря, Финли крепко спит (надеюсь, так будет всю ночь), а Севи это не волнует. Он все еще смотрит на собаку и совершенно не понимает, о чем мы говорим. Однако Хейзел хотела бы подслушать, но сейчас она идет примерно в двадцати футах впереди нас и собирает цветы с соседских лужаек. Так что она не слышит ни единого слова.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я, потому что мне безумно любопытно. — Ты

ведь замужем. Неужели твой муж не ревнует?

— Я встретила Боннера на съемках. Ничего личного.

Кейт останавливается и, наливая вино в бокал, заявляет:

— Дорогуша, это личное, если парень всунул свой член в твою киску.

— Девчонки, а чем вы зарабатываете на жизнь? — спрашивает Эшлинн, пытаясь сменить тему.

— Я ресторанный критик. Проверяю рестораны, — говорит Чарли, подбегая к почтовому ящику со своим ключом.

Сегодня четверг. Я проверяю почту только по вторникам. Не хочется портить себе выходные получением возможных счетов. Меня это разозлит. Я не проверяю почту, соответственно, не расстраиваюсь.

— Я рожаю детей, — говорю я.

— А я пью через день, — произносит Кейт, допивая очередной бокал вина.

Гретхен, которая, как мне казалось, нас бросила, появляется рядом и засовывает свой телефон в лифчик.

— Что я пропустила?

— Королева красоты — порнозвезда, — выпаливает Кейт, глядя на пустую бутылку вина в моей коляске.

Гретхен кривится. Сложно описать ее реакцию. Я не понимаю, удивлена она или нет, поэтому просто скажу, что Гретхен выглядит офигевшей. И чересчур осуждающей.

— Дорогая, это недостойный способ зарабатывать на жизнь.

Да, ее понесло. На мгновение мне становится жаль Эшлинн. Невозможно сказать, насколько ее это беспокоит, но держу пари: зарабатывает она достаточно.

— Я не спрашивала твоего мнения, — произносит Эшлинн таким приятным голосом, которым обычно говорят кому-то, что его мнение не имеет значения. — И в том, что я делаю, нет ничего недостойного. Я исполнитель. Конечно, я занимаюсь сексом с мужчинами, и это записывают на видео, но в этом нет ничего недостойного. Мое тело — мое искусство. И если это означает играть роль, связанную с сексом, я это сделаю.

— Теперь мы можем стать лучшими подругами? — Кейт кашляет и протягивает руку Эшлинн.

Они дают друг другу пять и смеются, пока Гретхен закатывает глаза и снова поправляет леггинсы.

— Кажется, это твои, Кейт. У них детский размер.

— Нет. Я ненавижу леггинсы. — Кейт жестом показывает на свои дырявые треники и шлепанцы. — Мне в них жарко. И с чего бы моей одежде быть у тебя?

Гретхен снова подтягивает леггинсы.

— Потому что ты тайком пробралась в мой дом, взяла мои и заменила их на эти.

— Ну да, делать мне больше нечего.

Чарли закрывает свой почтовый ящик и закатывает глаза.

— Счета, счета, счета... О, смотрите. Члены. Старые пердуны.

— Гадость. — Кейт вырывает брошюру из руки Чарли и рассматривает ее. — Seriously, что это такое? — она указывает на фотографию внутри, на которой изображена обнаженная пара.

— Это рассылка. Присылают раз в месяц. — Чарли смотрит непонимающую Эшлинн и чувствует необходимость объясниться. — У моего мужа кризис среднего возраста. Он

присоединился к группе nudистов.

— А такая существует? — Я пожалела, что спросила, но ничего уже не исправить.

— Да. Это что-то типа тех компаний, которые собираются вместе забавы ради и отправляются в походы или играют в волейбол.

— Пока их сиськи и сосиски подпрыгивают вверх-вниз. Хотела бы я посмотреть на этих людей. — Кейт выпячивает грудь и делает вид, что играет в волейбол.

— Если серьезно, то все плохо. Он совсем свихнулся, — устало вздыхает Чарли. — Я знаю, он мне не изменяет, но это странно, правда?

Мы все киваем. Даже Эшлинн, которая, кажется, ничуть не осуждает Стива за любовь к наготу, соглашается.

— С тех пор как присоединился к этой тупой группе, он постоянно выставляет свой член на всеобщее обозрение. В буквальном смысле — его член всегда на виду. Член за утренним кофе. Стив говорит: «О, давай пообедаем», а потом вместе с огурцами я вижу член. Это ужасно. Мне и раньше не нравился вид его хрена, а сейчас я вижу его по несколько раз в день. Он не обрезан и выглядит так, как будто злющая змея пытается сбросить свою кожу. — Нас всех передергивает от отвращения. Каждую. Из. Нас. — По большей части Элла редко бывает дома, потому что боится, что ее отец будет голышом смотреть телевизор. Так теперь она еще встречается с этим раздолбаем.

— Мой сын не раздолбай. Он милый мальчик. — Гретхен ведет себя так, будто Чарли ударила ее по лицу.

Чарли широко раскрывает глаза.

— Он поцарапал мою машину, потому что я запретила ему парковаться на улице.

— Ну, ты заявила на Джейдена в полицию.

— Потому что он поцарапал мою машину, Гретхен, — нервно смеется Чарли.

— Он заплатил за покраску, — машет она рукой в ответ.

Наклонив голову, Чарли движется вперед.

— Точнее сказать, ты заплатила.

— Без разницы.

Хотите — верьте, хотите — нет, но Чарли и Гретхен подруги. Хорошие подруги. Клянусь.

Кейт стоит рядом со мной и все еще смотрит на брошюру в своей руке. А потом возвращает ее Чарли.

— Может быть, если я начну ходить голышом по дому, мой муж переедет.

— Ты живешь с одиннадцатилетними близнецами и своим отцом. Уверена, это не очень хорошая идея.

— Почему Джейсон до сих пор живет с тобой? — спрашивает Чарли, поглядывая на бутылку вина таким же взглядом, который Гретхен бросила на Эшлинн, когда узнала, что в нее входят чужие члены. — Это странно.

— Келли сказала Ноа, что хочет развестись, — произносит Кейт, пытаясь увести разговор от обсуждения своей персоны и ее проблем с алкоголем. — Ну, это что-то новенькое.

Все смотрят на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Ты серьезно сказала ему это?

Я отвечаю Кейт подзатыльник и вздыхаю. Меня охватывает беспокойство.

— Нет, я не говорила о разводе, — шепчу я, надеясь, что Хейзел не услышит. Она точно

расскажет Ноа.

— Говори громче. Я тебя не слышу, — подмечает Гретхен, словно она настолько стара.

Я бы сказала, что это фигня. Ей сорок пять. В этом возрасте острота слуха никуда не исчезает.

— Я не хочу, чтобы Хейзел услышала.

— Не похоже, что ее интересует наш разговор. — Кейт поднимает голову и наблюдает, как Хейзел пытается оседлать Майли, как лошадь.

Мне жалко Майли. Но что плохого в том, что мой ребенок ползает по ней? Собака это позволяет. Я имею в виду те случаи, когда собака кусает ребенка, и в местных новостях сообщают: «Я никогда не видел ничего подобного». А на самом деле этот ребенок вторгнулся в личное пространство собаки, и она просто не выдержала. Нет, я не хочу, чтобы Майли превратила лицо моего ребенка в месиво, но я бы поняла эту собаку, если бы она не сдержалась и вырвала кусок ее обожаемой щечки.

— Ее интересует, — подчеркиваю я, замедляя шаг, чтобы увеличить расстояние между нами. — Ей пять лет. Дети намного умнее, чем вы думаете.

Я усвоила урок и теперь, когда Хейзел научилась говорить, стараюсь не обсуждать рядом с ней подобные темы. Ничего не сообщайте этому ребенку. Это вам не Оливер, который хранит секреты. Из него никогда слова не вытянешь. Хейзел... не доверяйте ей. И вот почему. Вам знакома ситуация, когда вы сидите в ванной, а ваши дети заходят туда как ни в чем не бывало? Однажды Хейзел так сделала, когда я меняла тампон. После весьма неловкого разговора о том, как раз в месяц у мамы идет кровь и как все это устроено, я решила, что Хейзел все забудет.

Не-а. До десяти лет дети задают миллион вопросов.

— Могу я сказать папе? — был ее первый вопрос.

— Папа знает. Но давай не будем рассказывать всем, что у меня идут эти дни, — сказала я, зная, как болтлив мой ребенок.

Она может начать разговор с кем угодно, достаточно установить с человеком зрительный контакт. Один взгляд ее прекрасных голубых глаз — и люди начинают с ней говорить. Вот тогда Хейзел и раскрывает все секреты. В том числе рассказывает всем, что в тот день я была на обслуживании. Да, она имела в виду менструацию, но звучало это совершенно в другом контексте (*Примеч.: в английском созвучны слова «menstruating» — менструация и «ministering» — обслуживание*).

Чарли наклоняется ко мне.

— Так ты не сказала о разводе?

— Нет, я говорила о расставании.

Эшлинн хмурится. Ни намек на морщины. Бьюсь об заклад, она колет ботокс.

— Разве это не одно и то же?

— Нет, я так не считаю. — Смотрю на Кейт. — Или да?

Она пожимает плечами.

— Не спрашивай меня. Я развелась, думая, что мой муж съедет из дома, а он до сих пор живет со мной. Понятно, что я ничего не смыслю в этой хрени.

— Тогда почему ты так сказала? — Чарли пытается заставить меня прояснить мою беспорядочную ситуацию. — А он что сказал?

В принципе я могла бы много всего наговорить. Могла бы рассказать им о Маре и о моей матери... и о том, почему мы переехали. О наших ежедневных ссорах. Или о том, что я

не знаю, выдержит ли наш брак из-за того, кем мы стали после смерти нашей дочери. Ничего из этого я не говорю.

— У нас не было секса в течение месяца, — стыдливо признаюсь я и чувствую, что пренебрегаю своими обязанностями жены. Конечно, теперь они будут осуждать меня за это, так ведь? В Техасе я никогда не говорила с подругами о подобных вещах. Они бы заставили меня молиться, если бы я это сделала.

— Может, он смотрит порно? — Чарли хихикает, краснея.

— Девяносто восемь процентов мужчин очень часто смотрят порно. Шестьдесят пять процентов смотрят его ежедневно, — шепчет Эшлинн, глядя на меня.

— Утверждает порнозвезда, — улыбается Кейт Эшлинн.

— Так говорит «Гугл». — Эшлинн быстро моргает, отчего ее ресницы запутываются, и ей приходится разделить их пальцем. Определенно, она их нарастила.

— Да, все, что пишет «Гугл», чистая правда. Мне интересно... — Кейт протягивает руку к ресницам Эшлинн, — они настоящие?

Пытаясь дотронуться до ресниц Эшлинн, Кейт тычет ей пальцем в глаз. Девушка отдергивает голову.

— Частично.

Кейт машет нам рукой.

— С вами весело, дамы. Но я должна позаботиться о своей испорченной жизни и притвориться, что со мной все в порядке, когда она превращается в дерьмо.

Ее комментарий застает меня врасплох. Вы печалились из-за собственной жизни, думая, что никто в мире не чувствует себя так паршиво? Это ложь. Все бывают несчастны в тот или иной момент.

Мы возвращаемся к дому Кейт, где она хватает пустую бутылку из-под вина из моей коляски и пытается оттащить свою собаку от Эшлинн. Та еще битва. При этом я удерживаю Севи, который орет из-за того, что собака ушла. От его крика просыпается Фин, и затем начинает хныкать и Хейзел, потому что у нее болят ножки. Она говорит, что мы много ходили. Однако все было как обычно.

Пару минут повоевав с Севи, я снова пристегиваю его в коляске. Фин занята моим телефоном, а Хейзел сидит на моих плечах. Если серьезно, матерям необходимо присвоить звание супергероев. Посмотрите на меня: я пререкаюсь с тремя детьми, совершенно не вспотев. Ложь. Все врут. По моей груди течет струйка пота, и, если судить по исходящему от меня запаху, я забыла воспользоваться дезодорантом.

Чарли исчезает в доме, как и Эшлинн, а я остаюсь с Гретхен. Она замечает, что я смотрю на гараж, где мой муж смеется над тем, что сказал ему Джейсон.

— Просто дай бедному парню, — подталкивает меня Гретхен.

— Кому?

Я вижу, как подруга закатывает глаза

— Мужу. — Именно в этот момент Хейзел пинает ее по лицу. — Это может вам помочь. — Она смотрит на мою дочь. — Мне больно.

— Упс, — только и говорит Хейзел, а затем снова начинает доставать ее ногами, каждый раз пиная мои сиськи.

Вместо того чтобы попросить ее прекратить это делать, я продолжаю идти.

— Не двигайся. Я заплетаю твои волосы, мама. Будет красиво.

В то время как каждые две секунды моя грудь получает удар ногой, а волосы

практически выдернуты из головы, я думаю о том, что Гретхен имела в виду. Могу ли я сделать что-нибудь хорошее? Совершенно ясно, что я действительно борюсь за наш брак, и они видят это.

— Ты счастлива? — наконец спрашивает Гретхен.

— Типа.

— Что?

— Я типа счастлива. Я хочу... Понимаешь... После всей проделанной за день работы я так устаю. — Глубоко вздохнув, я вспоминаю, что меня еще ждет гора немытой посуды и обед, который необходимо приготовить на завтра. И дети, которых нужно искупать в ванной. — В любом случае сомневаюсь, что сегодня вечером что-то получится. — Я медленно приближаюсь к гаражу. — Он пьян.

— Знаешь... плохой сон — признак плохих отношений, — отмечает Гретхен.

Я вежливо улыбаюсь и смотрю на своих детей. Финли проснулась, сняла подгузник и держит его в руках. Севи все еще сходит с ума из-за того, что гребаная собака ушла. И я уверена, что Хейзел пытается спрятать в моих волосах птицу или что-то в этом роде.

— Нет, младенцы — признак плохого сна.

Не могу не спросить себя: а что, если она права? У нас с Ноа плохие отношения? Мы прошли через такое дерьмо, я заикнулась о расставании, но можно ли честно сказать, что отношения у нас плохие? Они ненасильственны или не отравляют жизнь. Мы — те, кто их разрушает. Как обозленные дети. Но они ведь не с рождения такие. Так на них влияет окружение. Наш брак — результат сложившихся обстоятельств.

Ноа

Жена-порноактриса

(Никогда не прибегайте к помощи пьяного соседа. Или таблеток)

Помните, Боннер сказал, что хочет мне кое-что показать?

Он солгал. Ему просто хотелось со мной выпить. Видимо, выпивка в компании не создает впечатления, будто вы алкоголик. По заверению Боннера, он им не является, хотя в его гараже организован настоящий бар. Кто я такой, чтобы осуждать? Я и сам прячу в ванной бутылку «Джеймсон» и по крайней мере дважды в неделю притворяюсь, что у меня запор. Ясное дело, что я не вправе кого-либо осуждать. Никогда.

Итак, я здесь. Пью в гараже Боннера Слэйда. Все не так уж и плохо, он еще не попытался убить меня, так что моя первоначальная теория о том, что Боннер — секретный агент, которого нанял школьный приятель Келли, чтобы меня прикончить, улетела в трубу. Если, конечно, он не решил сначала подружиться со мной, чтобы отвлечь внимание, но опять же, пофиг. Моя жизнь застрахована. Келли и дети будут в порядке.

Обычно женщины хотят знать, о чем говорят мужчины, когда собираются вместе. Или, может быть, вас вообще не колышет это дерьмо. Уверяю вас: с таким парнем, как Боннер, большинство мужчин говорят не о том, о чем вы думаете. Вернемся на мою родину. Там, в сарае, наши вечерние посиделки обычно проходили за разговорами о забавных вещах, которые делали дети, о недавних продажах скота или о сборе урожая.

В Калифорнии, в гараже Боннера Слэйда, все разговоры крутятся вокруг его дурацкой машины. А потом мы (то есть я, Стив и Джейсон) спрашиваем, как кто-то из его ровесников может позволить себе нечто подобное, не имея при этом работы.

— У меня есть работа, — снова произносит Боннер. Он все время так говорит, но никому из нас до сих пор не удалось узнать, чем он занимается на самом деле. — Но эту машину купила жена на мой день рождения.

Заинтригованный, Джейсон выглядывает из-под капюшона. О, извините. Вам, наверное, интересно, кто такие, черт возьми, Джейсон и Стив. Джейсон был женат на Кейт, подруге моей жены. Они в разводе, но он продолжает жить с ней. Мне кажется это суперстранным, ну да ладно. Кто я такой, чтобы осуждать их?

А Стив... Ну, об этом парне я знаю мало. Только то, что каждое утро он бежит в чем-то похожем на шорты его жены, но на самом деле это вполне могут быть плавки. Хороший парень, но с ним определенно что-то не так. Боннер шутит, что он переживает кризис среднего возраста. Не могу с ним не согласиться.

Ну, вы догоняете, о чем я.

Джейсон меняет позу, оттолкнувшись от машины с пивом в руке, а затем кивает на дом:

— Чем занимается твоя жена?

Мы смотрим на Боннера, потому что нам всем любопытно. Он ухмыляется.

— Мной.

По крайней мере, хоть кому-то перепадает. Ох уж эти вечные молодожены. Я помню такие дни. До того, как дети вмешались в нашу жизнь.

— Нет, правда. — Стив смотрит на Боннера с серьезным выражением лица. Кажется, Стив действительно не шутит, в его голосе не присутствуют нотки веселья. — Она соблазнила какого-то гендиректора или что? Эта машина стоит тысяч двести пятьдесят.

Наклонившись к машине, Боннер, поглаживая подбородок, широко улыбается:

— Она актриса.

В данный момент я понимаю, к чему все идет. Верно?

— Да? — откашливается Джейсон. По ухмылке Боннера он должен был догадаться, с чем идет речь.

— Ага.

Посмотрите на лицо Боннера. Он уклончиво отвечает на вопросы.

— Мы видели какие-нибудь фильмы с ее участием? — спрашивает Стив.

— Может быть.

Нас прерывают девушки, возвращающиеся с прогулки. Моя жена идет за детьми и исчезает в доме, даже не посмотрев в мою сторону. Уверен, это знак: мне не стоит пить в гараже соседа, я должен работать в доме, делать ремонт, как и обещал. Джейсон подталкивает меня и протягивает еще одно пиво.

— Кажется, твоя жена недовольна.

Я киваю и беру пиво.

— Такова моя жизнь.

— Моя тоже. — Джейсон открывает свое пиво.

А потом меня одолевает любопытство, поэтому я спрашиваю:

— Если вы развелись, почему ты до сих пор живешь с женой?

— Чтобы сделать ее несчастной.

Не могу сказать, серьезно ли он ответил. А вы можете?

Джейсон, сделав продолжительный глоток пива, посмеивается:

— Нет, я просто шучу. Так проще. Я принимаю участие в жизни моих мальчишек и при этом не занимаюсь всем этим дерьмом с совместной опекой. Не хочу быть воскресным папой. Если мы сможем с этим справиться, то для мальчиков так будет лучше.

Я никогда не смотрел на это с подобной точки зрения. Здорово, что они так делают и это работает.

— А что происходит, когда ты хочешь перепихнуться? — спрашивает Боннер, наблюдая за тем, как его жена идет к нам, держа на руках своего кота.

Я же смотрю на Хейзел, стоящую на дороге с хмурым видом из-за того, что кот покинул ее.

— Откуда мне знать, — уныло бормочет Стив.

Очевидно, я не единственный, кто страдает.

— У меня так же, — добавляю я и сразу жалею об этом.

Существует всего пара вещей, о которых вы не должны говорить с совершенно незнакомыми людьми. Обычно секс является одной из них. Тем более секс в браке. Это... не знаю, блядь, святое, что ли. Секс с женой уходит корнями вглубь, и вы не говорите об этом. Но по какой-то гребаной причине я открыл рот и тут же пожалел об этом.

— Что? — спрашивают все, глядя на меня, как будто я только что сказал им, чем жена Боннера зарабатывает на жизнь. Или, что более важно, как.

А затем Боннер добавляет:

— Секс с женой — лучший!

— Возможно, в начале, но спустя пару лет, это дерьмо проходит, — отмечает Джейсон, ожидая от меня подтверждения. — Верно?

— Не знаю, — говорю я, стараясь не вмешиваться в этот разговор.

Заметили, что он ничего не сказал Стиву? Мы все немного переживаем за него, подозревая, что, возможно, из-за кризиса среднего возраста он стал отдавать предпочтение баклажанам вместо моллюсков. Этого никому не понять. Клянусь, я не осуждаю.

Вздохнув, Джейсон говорит:

— Большую часть времени я сам забочусь о себе, а не получаю это от жены.

— Я женился не для того, чтобы мастурбировать, — выпаливаю я, желая, чтобы мой пьяный рот заткнулся.

Вот почему я не люблю говорить о сексе с друзьями. Я даже не могу назвать таковыми этих парней, потому что едва знаю их. В конце концов, после трех выпитых банок пива разговор заходит о Боннере и о фактах его сексуальной жизни. А их у него удивительно много.

— Я серьезно. Только два процента женщин кончают во время секса.

— Неправда, — фыркает Джейсон.

Боннер кивает, будто пытается убедить нас в своих познаниях. Его щеки краснеют, как будто он слишком много выпил, но я гарантирую вам — он опытный пьяница.

— Так и есть.

— Ну, эти бедные сучки должны достигнуть оргазма, — говорю я. Нужно же мне вставить свои пять копеек, правда? Не-а. Не нужно. Но я это делаю. — Кел каждый раз кончает.

Наверняка вы думаете: «Заткнись нахрен, придурок». Я же, пьяный в стельку, про себя размышляю: она кончает или нет?

Просто чтобы вы знали: я не должен был говорить об этом. Посмотрите на Стива. Он не сказал ни слова, потому что все понимает. Не стоит болтать о подробностях секса с женой. Позже вас ожидают неприятные последствия.

— Скорее всего, она симулирует, — смеется Джейсон, выбрасывая пустую пивную банку в мусорное ведро, стоящее рядом со мной.

Я опираюсь о канистру, чтобы не упасть, но потом размышляю о том, что сказал Джейсон. Келли? Не-а. Она бы не смогла. Я бы понял, если бы она симулировала, правда?

Боннер наклоняется вперед, склонив голову так, чтобы привлечь мое внимание. Он ждет, пока наши взгляды встретятся, а затем говорит:

— Думаю, вам просто нужно добавить перца.

Я поднимаю бровь:

— Например?

— Запиши секс на видео.

— Что? — задыхаясь, произношу я. — Нет. Я не буду снимать секс. Никто не увидит мою жену голый.

— Не для широкого просмотра, — смеется Боннер и садится на груды запасных шин, которые лежат рядом. — Только для вас двоих. Это немного разнообразит секс. Наверняка она устала от твоей старой задницы, и ей скучно.

— Или у нее депрессия, — отмечает Стив, словно знает причину, но не скажет. Он не знает, отчего у нас с Келли возникли проблемы, и про то, что случилось с Марой. Всем этим парням известно, что у нас четверо детей. И никогда не было пятого.

— Ладно. Допустим, у нее депрессия. — Боннер устраивается на шинах, размахивая руками, словно готовится к великим дебатам. — Ей грустно, она ранима. И просто кричит о том, чтобы ты вылечил ее своим членом.

И в этот момент жена Боннера входит в гараж с сумкой на плече, одетая в крошечное черное платье, которое едва прикрывает ягодицы. Вообще, вычеркните это, потому что все не так. Я вижу белые полосы незагорелой кожи на ее бедрах.

Почему я смотрю?

Прочистив горло, я пытаюсь отвести взгляд, как это делают Стив и Джейсон, но терплю неудачу, когда она наклоняется и бросает свою сумку на переднее сиденье «Феррари».

— Не возражаешь, если я сегодня возьму твою машину, малыш? — спрашивает Эшлинн, оседлав сидящего на шинах Боннера.

— Конечно, — бормочет он, осыпая ее поцелуями.

Я и парни отворачиваемся, пытаюсь вести неловкую светскую беседу. К счастью, Эшлинн уходит, и Боннер поправляет стояк.

— Серьезно, чувак. Она на самом деле актриса?

— Да, — улыбается Боннер.

Джейсон лезет на рожон, а Стив... выглядит, как спелый помидор. Удивительно, что парня, который ходит полуобнаженным, что-то может смутить.

— Что за актриса?

Вокруг воцаряется такая тишина, будто Боннер собирается сказать нам, что она агент секретной службы, или еще какую-то хрень. Но он поднимает руку и проводит ей по волосам, при этом ухмыляясь, словно скрывает секрет.

— Она звезда фильмов для взрослых, — наконец признается Боннер. — Порнозвезда. Но не произносите это слово при ней. Она щепетильно относится к подобному клейму.

После этого заявления следует неловкое молчание. Никто не спрашивает про эту чертову вещь. Я же чувствую себя так, будто в данный момент выиграл в лотерею, потому что был прав. Следующий час мы проводим, заваливая Боннера тоннами вопросов о том, как и почему и действительно ли его жена это делает?

Джейсон первым нарушает молчание, что не удивительно для тех, кто знает этого парня. Я понимаю, почему Кейт развелась с ним. Черт возьми, не очень-то я милый, когда выпью. Но в любом случае, Джейсон общается с Боннером на равных.

— И в каких фильмах?

Боннер скользит по нему взглядом, прищурившись, будто неправильно его расслышал.

— Что?

— В каком порно она играет?

— Я тебе не скажу. Ты пойдешь домой, засядешь в подвале и будешь драть.

Джейсон не спорит с этим предположением, потому что, к сожалению, в этом есть доля правды. Зато Стив, глубоко вздохнув, качает головой и упирает руки в бока, после чего произносит:

— Ты позволяешь своей жене заниматься сексом с другими мужчинами?

— Почему ты думаешь, что только с мужчинами? — подмигивает Боннер.

Джейсон раздраженно произносит:

— Окей, мне действительно нужно знать, в каких фильмах она играет. Двое парней — это отвратительно. А вот две девушки... — он замолкает и тихо присвистывает, чем вызывает у всех смех, — это искусство кинематографа в действии.

— Я ни черта тебе не скажу, — говорит Боннер, потягивая пиво. При этом его голос звучит так, словно он произнес: «И этооухуетькаксерьезно». — И эти парни не кончают в мою жену. Для них презервативы священны. Все по сценарию. В половине случаев цыпочки, в которых они кончают, не те, с кем они начинали. Даже гребаный оргазм подставной.

Джейсон машет руками и проливает пиво на беднягу Стива.

— Прекрати портить мои представления о порно! Это все, что у меня осталось.

Стив встает и покидает гараж, даже не попрощавшись ни с кем из нас. Мы наблюдаем, как он идет по спуску к дороге, сунув руки в карманы, а свет уличного фонаря создает причудливые тени на тротуаре.

— Как думаете, он гей? — наконец спрашивает Джейсон, бросая очередную пустую банку пива в мусорное ведро.

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Даже если и гей, кого это волнует?

— Мне пофиг. Просто интересно. Кейт сказала, что он вступил в нудистский клуб.

Боннер смеется, качая головой, будто не удивлен этим. Я тоже нет.

— Ну и? Ты тоже снимаешься в порно? — спрашивает Джейсон Боннера, потому что вы знаете, как нам было любопытно.

— Нет. Уже нет, — качает головой Боннер.

— Так в прошлом ты снимался? — Джейсон вопросительно поднимает бровь.

— Что? — смеется Боннер, потирая резину на шинах, на которых сидит. — Меня ты тоже будешь искать?

— Нет. Мне просто интересно, как ты попал в эту индустрию. Выходит, ты просто подумал: «Дерьмо, чувак, у меня адский член. Он должен сниматься в кино»?

Мы снова заливаемся хохотом.

— Нет. Это больше было похоже на то, как я встретил Эш на вечеринке, а она познакомила меня с парочкой людей, и я снялся в нескольких сериях. Но это намного сложнее, чем кажется.

— Заниматься сексом? — спрашиваю я, потому что да, мне тоже интересно. В своей жизни я посмотрелся достаточно порно и понимаю, что некоторые сцены из этого дерьма постановочные.

— Да, мужик. Ты не просто трахаешься с какой-то цыпочкой. В комнате находится еще тридцать человек, а какой-то чувак снимает все это на камеру. — Звонит мобильный Боннера, и он замолкает и вытаскивает его. Прочитав сообщение, продолжает: — Требуется немалая концентрация, чтобы не взорваться, пока ты находишься внутри нее, да еще и получить от этого удовольствие.

— Нет, дети — вот, кто лишает удовольствия от траха, — заявляет Джейсон. — Не болтай мне о своих проблемах с сексом, пока не займешься им в кладовке, чтобы дети вас не засекли.

Я смотрю на Джейсона и размышляю о его словах. Я не спросил, почему они с Кейт развелись, и теперь мне страшно. Думаю, мы с Келли не единственные, кто делает это в необычных местах.

Минут через двадцать Джейсон уходит и клянется, что не собирается гуглить жену Боннера. Никто из нас не верит ему.

— Мне тоже пора идти, — говорю я Боннеру, выбрасывая пустую банку пива.

Боннер встает с шин и, подмигивая, вручает мне таблетку.

— Попробуй это, чувак.

Я смотрю на таблетку в руке и понимаю, что это такое.

— Мне это не нужно.

— Нет, нужно. Поверь, это поможет.

И вот тогда я начинаю злиться. Почему этот мелкий порносопляк думает, что мне нужна помощь?

— Мне тридцать. Мне не нужна гребаная «Виагра».

Боннер изгибает губы, изо всех сил стараясь не улыбнуться, после чего приобнимает меня за плечо.

— Считай это подарком для нее.

А потом он поворачивается и заходит в дом, оставляя меня стоять с маленькой синей пилюлей в руке. Что, черт возьми, только что произошло?

Глядя на таблетку, я мысленно говорю себе, что должен выбросить ее в мусорку, но по какой-то дурацкой причине кладу ее в карман и направляюсь к дому. Также я внушаю себе, что не собираюсь принимать ее, но потом думаю о том, что Боннер предложил это в качестве подарка для Келли.

Твердый член для меня не проблема. Отсутствие секса — вот в чем проблема. Но может быть... Нет. Нет, даже не думай об этом. Я знаю страшные истории, когда мужики не могли избавиться от эрекции.

Но... мне неприятно думать, что мы потеряли искру или что бы там не было. Правда в том, что брак — чертовски сложная штука. А я чувствую себя так, будто мой член вот-вот порадует.

«Нет, тебе не нужна эта таблетка», — мысленно пытаюсь я убедить себя.

Вытащив свой мобильный, я сначала гуглю побочные эффекты. Головная боль. Покраснения. Расстройство желудка. Нечеткость зрения. Заложенность носа и насморк. Боль в спине. Боль в мышцах. Тошнота.

Почему они просто не называют это пилюлей с вирусом гриппа? Все побочки чертовски похожи на симптомы гриппа, но опять же, ваш член может стоять четыре часа?

Пожав плечами, я закидываю таблетку в рот и выпиваю целый стакан воды. В течение десяти минут я смотрю в окно и думаю, а не вызвать ли рвоту, но машу рукой и иду наверх.

Ничего же плохого не случится?

Келли

Пьяный муж и задний проход

(Подумайте дважды, прежде чем на что-то согласиться. Кроме того, смазка и вода не совместимы друг с другом. Скользко, когда мокро, — это еще мягко сказано)

— Оливер, в твоей комнате настоящий хаос.

Вы думали, что я его потеряла, верно? Это не так. Пока я гуляла, он был дома. Но не делал уроки, а играл в видеоигры. Такова моя жизнь. Дети никогда не делают то, что я им говорю. В большинстве случаев мне кажется, что они меня не слышат.

Зажимая в руках игровой джойстик, Оливер ворчит так, словно я самый плохой человек в мире. Он произносит что-то похожее на «а мне так нравится».

— Приберись.

Сказав это, я слышу, как Оливер возится в комнате. Если у вас есть сын, вы понимаете, какой там стоит запах. Что-то среднее между потом, грязью и протухшей едой.

— Ты принял душ?

Он с досадой смотрит на меня, убирает с лица темные волосы и скидывает баскетбольный мяч с кровати на пол.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я мылся вчера.

Пожалуйста, скажите мне, что я не единственная мать, которая воюет со своими детьми. Фин провела бы всю жизнь в ванной, если бы мы ей позволили. Хейзел тоже. Оливер и Севи... Нет ни единого чертова шанса. Хотя стало проще, как только мы начали купать Севи. Просто говорим ему, что щенку пора мыться, и он тут же запрыгивает в ванну. Не судите нас. По крайней мере до тех пор, пока у вас не появится такой же ребенок.

— Оливер, ты занимаешься спортом. Тебе необходимо принимать душ каждый день.

Вы когда-нибудь подготавливали ребенка ко сну? А двоих? Ха. Да ладно, девочки. Попробуйте уложить в кровати пятерых, когда никто из них не хочет спать (если только они не в машине, а вам не хочется, чтобы они засыпали). Хейзел — исключение. Она всегда ложится спать, едва часы бьют девять вечера. Тем не менее вчера она проснулась в три часа ночи, чтобы сообщить мне о том, что ее пижама задыхается. Нет, дочь не страдает клаустрофобией, просто беспокоится о пижаме так, словно она является реальным человеком. Будто пижама не может дышать, когда Хейзел ее надевает. Именно поэтому, несмотря на протесты Ноа, я позволила нашей пятилетней дочери спать голышом. Там, откуда я родом, мамы точно поймут значение слов «Нам приходится расставлять приоритеты». Не проходит и дня, чтобы я не говорила себе: «Ты хреновая мать».

После двух часов принятия ванн и надевания пижам, наполнения стаканов водой, смены подгузников, кормления очень голодной девочки (да, мои сиськи все еще остаются у нее в заложниках), трое из четырех детей укладываются спать.

После этого я воюю с Севи, чтобы он остался в своей кровати. Малыши такие странные. А по-другому и не бывает. Они ведут себя как слегка подвыпившие люди.

Ненавижу это признавать, но Севи спит в собачьей корзинке. Знаю, звучит безумно, но выглядит супермило. Мы приобрели ее в «Костко», и даже я в ней бы спала.

Я постоянно говорю себе, что мой ребенок просто переживает такой период. Например, когда он хочет, чтобы я почесала у него за ушком, или, когда он мочится на газон, стоя на четвереньках. Но не уверена в этом. Я даже отводила его к врачам, которые говорили, что это такой этап, и сын перерастет его. Мой терапевт тоже говорит, что он в порядке. Просто очередной этап. Все дети через такое проходят. Честно говоря, это началось спустя несколько дней после смерти Мары. Может быть, это совпадение, а может, и нет. Наша семья претерпела множество изменений, и я не представляю, о чем тогда думал и что чувствовал мой ребенок.

Похлопав по кровати, я убираю волосы сына с его глаз. Он не позволяет нам их стричь и поэтому постепенно становится похожим на пуделя. Вероятно, такова его задумка.

— Пора спать, приятель.

Сын улыбается мне и, обойдя кровать на четвереньках как собака, плюхается рядом, облизывает мою руку, а затем прижимается головой к моим рукам, чтобы я погладила его.

— Сегодня ночью ты должен остаться в постели. Хорошие песики спят всю ночь, — напоминаю я ему, целуя в сладкие пухлые щечки.

Севи самый очаровательный из всех моих детей. Не поймите меня неправильно, они все милые. Но у Севи поразительные, нереально голубые глаза, как у Мары, и непокорные вьющиеся светлые волосы. Именно им восхищаются и говорят: «О боже мой, он такой красивый. Посмотрите на эти глаза...», а затем: «Почему он носит собачий ошейник?». Как правило, я смеюсь и избегаю любых вопросов, касающихся навязчивой идеи моего сына быть собакой и одержимости моими сиськами. Хорошо, что он милый, потому что за три года мы ни разу не слышали, чтобы он с кем-то разговаривал. Если, конечно, не считать, что он на всех лает.

После того, как я уложила детей спать, споткнулась о строительный пистолет, который не убрал Ноа, и об упакованные деревяшки будущего пола в прихожей, которые, как утверждает муж, должны акклиматизироваться до температуры помещения в течение месяца, я пробираюсь в нашу комнату. Устроившись под одеялом, достаю свой дневник.

Взяв ручку, я задумываюсь. Я ведь не всегда вела дневник. Когда Мара заболела, мой психотерапевт предложил это в качестве способа справиться со всем происходящим. Некоторое время я сопротивлялась. Затем после курса лечения, наблюдая в течение трех часов, как мою маленькую девочку мучает сильная рвота, я начала делать записи и молиться. Я описала все с самого начала, с той ночи, когда Ноа Уильям Беккет вошел в мою жизнь, потому что именно тогда все и началось.

Даже после смерти Мары я все еще веду дневник, потому что, как ни странно, чувствую: он — единственный, кто действительно понимает меня.

*

Дневник, я в замешательстве. Кажется, большинство записей я начинаю именно так, но мы друзья, и ты хорошо меня понимаешь. Сегодня был отстойный день. Оливер расстроился из-за Хейзел, которая надела рубашку Мары, и я не могу винить его за это. Прошел год, однако сегодня мне так же больно, как и в тот день, когда она умерла. Книжки, врачи, тот дебильный терапевт, с которым я вижусь, — все они лгали. Легче не становится. Рана слишком глубока, слишком обширна, я даже думать об этом не могу. Я

вообще стараюсь не проявлять эмоций. И Ноа... Я не могу произносить ее имя рядом с ним, иначе он разозлится. Хотелось бы мне, чтобы ты сказал, что делать, потому что я в растерянности. Мы не только потеряли нашу дочь, боюсь, мы потеряли нас. Мы потеряли? Ноа хочет кого-то вроде Эшлинн? Я не страдаю комплексами, у меня никогда их не было, и я не завидую ей. Но, глядя на себя, задаюсь вопросом: могу ли я стать лучше? Эшлинн стройная, имеет объемы во всех нужных местах и явно знает толк в удовлетворении мужчин. К сожалению, не уверена, что помню, как ощущаются прикосновения Ноа, когда мы никуда не спешим. Я вспоминаю его высказывания в прошлом месяце, он никогда не говорил, что недоволен моей внешностью. Когда он скользит руками по растяжкам на моих бедрах, то никогда не дает мне ни малейшего повода думать о том, что ему это неприятно. На самом деле Ноа ни разу не говорил про мой вес. Даже когда я была беременна Севи и на девятом месяце выглядела так, словно в ближайшем будущем мой вес составит двести фунтов. Ни разу. Он всегда говорит, что я красивая. Я параноик, правда, дневник?

Кстати, моя соседка — порнозвезда. Планирую посмотреть видео с ее участием. В качестве примера.

*

Закрыв тетрадь, я кладу ее в тумбочку и смотрю на часы. Сейчас одиннадцать, а Ноа все еще у Боннера. Что, черт возьми, он там делает?

Я подумываю о том, чтобы понежиться в горячей ванне, но тут же отказываюсь от этой идеи. Все мы знаем, что в тот момент, когда мамы думают, что могут спокойно принять ванну, она сразу превращается в конференц-зал с детьми, считающими, что это пенная вечеринка.

На прикроватной тумбочке звонит мобильный. Это Кейт.

Кейт: Я провела расследование и посмотрела ее видео...

С того момента, как Кейт услышала, что соседка — порнозвезда, я знала: она обязательно посмотрит эти видео.

Кейт: Ее псевдоним — Сэйди из Санта-Барбары.

Кейт: Просто промотала.

Кейт: Эта Эшлинн такая засранка.

Кейт: Да шучу я.

Я: Сколько вина ты выпила?

Кейт: Бокальчик.

Я: Бутылку?

Кейт: Возможно.

Я: Ты реально посмотрела порно с ее участием?

Кейт: ДА! Она охренеть как знаменита.

Я: Интересно, почему?

Кейт: Потому что она горячая, признайся.

Я: Нет, не из-за этого...

Кейт: Хорошо, вот поэтому я и смотрела.

Я: Угу.

Кейт: Интересно, она поддерживает кампанию «Приведи дочку на работу»?

Я: Ты не ее дочь.

Кейт: И?

Я: Почему ты хочешь пойти с ней на работу?

Кейт: Потому что я хочу встретиться с этими парнями, которых она трахает.

Некоторые могли бы поработать в моей пещерке.

Я: О, мой бог...

Кейт: Неважно. И прекрати меня осуждать. Ты-то замужем.

Я: Очевидно, это не имеет значения, когда дело доходит до секса.

Кейт: Просто трахни уже своего мужа. Схвати его за член и заставь любить тебя!

Я: Если я возьму его за член, это наверняка к чему-нибудь приведет.

Кейт: Поверь мне, девочка, развод не всегда лучший выход! Кстати, у Эшлинн пирсинг на клиторе. Думаю о том, чтобы и себе сделать. А ты не хочешь?

Я: Спокойной ночи, Кейт.

На клиторе? Она с ума сошла. В чем-то Кейт права, и между нами, девочками, я не хочу разводиться. Совсем нет. Я хочу, чтобы у нас все получилось. Я люблю Ноа. Мне нравится, какой я становлюсь рядом с ним. Просто мне не нравится, какими стали мы.

Как я планирую снова сблизиться? Секс. Мы начали с секса. Конечно, мы помним, как это работает. Я могла бы задаться вопросом о наших отношениях и о том, во что они превратились после смерти дочери, но если что-то может заполнить пустоту между нами, то это секс, верно? Мой психотерапевт сейчас нахмурился, и вы, возможно, тоже, думая про себя: «Это очень вредно для здоровья, Келли». Дело в том, что я готова сделать все, что угодно, лишь бы избежать своих собственных мыслей. И если это означает трахаться с мужем, потому что я хочу избежать того, что на самом деле происходит между нами, я это сделаю.

Поздней ночью после двух бокалов вина хорошие мысли не приходят, и я решила, что должна посмотреть видео с Эшлинн. Тут есть два варианта развития событий: либо у меня появятся новые идеи, либо я больше никогда не смогу заговорить с соседкой. А если серьезно, то не каждый день вы узнаете, что ваша соседка — порнозвезда. Хочу увидеть, как это делает профессионал.

Через пару минут меня охватывает легкое беспокойство из-за того, что я смотрю это и, как ни странно, возбуждаюсь. Не надо далеко ходить, дабы понять, что я узнала кое-что новое. Это наталкивает меня на мысль, что в наших отношениях снова может вспыхнуть искра. Может быть, я смогу попробовать это с Ноа? Он хочет, чтобы я так усердно сосала его член, чтобы по всему лицу текла тушь? Хочет, чтобы я подавилась им? Кажется, нужно сделать заметки о ее позах и технике. Будто я беру у нее интервью.

А потом входит Ноа. Ага. Так и было. Я среагировала, как и любая жена, которую застукали за просмотром порно. Выбросила улики (а именно айпад). С глухим стуком он ударился о стену и, оставив вмятину в гипсокартоне, дал трещину на экране.

Черт. Муж будет зол из-за этого.

Дважды черт... айпад по-прежнему воспроизводит порно.

Я нервно тереблю подол рубашки, щеки горят. Я серьезно. Они так сильно пылают, что на них, наверное, можно пожарить яйцо. Никогда в своей жизни мне не было так стыдно. Наконец, я смотрю на мужа и встречаюсь с его любопытным взглядом.

— Я... э-э... я ничего не делала.

Склонив голову к экрану, Ноа пытается понять, что я смотрела. И как только он слышит стоны и фразу «Трахни мою задницу своим членом», то получает неопровержимое доказательство того, что там происходит. Теперь попробуйте угадать его реакцию. Он разозлится? Или засмеется? Ему будет больно, что я смотрела порно без него?

Естественно, мой гребаный муж раздражается смехом. И я не говорю про хихиканье или про милый смешок. Этот мудака складывается пополам от смеха и держится за живот так, словно услышал самую забавную долбаную историю в своей жизни. Даже смешнее той, когда трехлетний Оливер после того, как моя мама слишком долго готовила ему макароны с сыром, сказал ей: «Приготовь мой гребаный обед!»

— Черт возьми, ты что, смотришь без меня порнушку?

А затем Ноа срывает с себя одежду, как это делает Финли, когда я говорю, что пора купаться.

— Дай-ка гляну, что ты смотришь.

— Нет. Ты пьян, — отмечаю я, наблюдая, как он спотыкается и пытается восстановить равновесие, снимая с себя одежду.

Ему удается снять один ботинок, а затем носок. Только один.

— Я не смотрела порно, — я машу рукой в воздухе, — это просто всплывающая реклама.

Он пристально смотрит на меня с игривой ухмылкой. Нетерпеливо сорвав с себя рубашку, муж бросает ее в неизвестном направлении. Рубашка оказывается на лопасти потолочного вентилятора.

— Такие вещи просто так не всплывают, если только ты не искала порно. И я не настолько уж и пьян.

Собирая в кучу подол моей рубашки, я поднимаю взгляд и замечаю, что его покачивает.

— В самом деле? Ты используешь стену в качестве опоры.

— Нет. Просто мне так удобно.

— Хорошо. Тогда встань прямо.

Ноа пытается. Ему это не удается. Муж падает на кровать.

Я смеюсь, когда он нетерпеливо располагает голову между моих ног. Просунув руки под мою задницу, он сжимает ягодицы и стонет в мое бедро.

— Боже, ты смотрела порно, это так горячо.

Медленно облизнув губы, он закрывает глаза по той же причине, по которой я задыхаюсь под его взглядом. Вот она, та самая искра. Связь, которую я помню.

Погрузив пальцы в его волосы, я сильнее сжимаю их и тяну до тех пор, пока Ноа не смотрит на меня.

— Откуда ты знаешь, что реклама просто так не всплывет, если не искать порнушку?

— Я же не говорю, что не искал. — Он смотрит между моих ног. — Сними их.

Я закатываю глаза.

— Ты такой романтичный.

Ноа пытается стянуть мои леггинсы, но безуспешно. Слышали фразу «Ты носишь одно и то же платье, девочка?» Это касается и леггинсов. Потому что, если вы носите леггинсы

Lululemon, вы их носите. Все, кто когда-то носил их, знают, о чем я, черт возьми, говорю. Просто так вы от этих малышей не избавитесь.

— Я бы сделал это, но не могу. Они что, приклеены?

— Они с *лайкрой*, — подчеркиваю я, не желая снимать леггинсы. Я так далеко зашла, что избегаю смотреть в глаза мужу, потому что все еще в шоке оттого, что он поймал меня за просмотром порно с участием нашей соседки.

— Что?

— У тебя уже встал? — поддразниваю я, но когда замечаю выпуклость в его штанах, то и так становится понятно, что у мужа нет с этим проблем.

Ноа смотрит на меня с таким же выражением лица, как и на прошлой неделе, когда я в шутку сказала ему, что у нас будет еще один ребенок.

— Почему мы болтаем, а не трахаемся?

— И снова так романтично. — Я поднимаю бровь и подмигиваю ему. — Может, я хочу, чтобы ты немного меня разогрел.

— Уверен, что порно, которое ты смотрела, уже тебя разогрело, но ладно. Я, черт возьми, заведу тебя.

Ноа довольно неплохо играет роль джентльмена. Он самый милый человек из всех, кого я знаю, и все же делает это сексуально. В этом он мастер.

Таких парней женщины должны избегать. И вы знаете, о каком типе парней я говорю. Порно не имеет с ним ничего общего. Это тот парень, на которого ты смотришь и понимаешь, что он не учился всему этому. Он такой и есть. Представьте, что вас соблазнил брат Хемсворта или, черт возьми, Джейсон Момоа, или даже Чарли Ханнам. Я, наверно пошла бы с Чарли, потому что грубость Ноа убивает. Он — сексуальный тexasский парень с южным шармом. Таким он родился. Неотразимые темные глаза, греховно красивое тело, а от его ядовитого поцелуя я готова умирать снова и снова. И если я продолжу болтать, то расскажу вам парочку пикантных деталей. Приготовьтесь, скоро здесь будет жарко. (Подмигиваю).

Руки Ноа все еще находятся подо мной. Огрубевшими пальцами он скользит от моей талии к бедрам. Ноа оттягивает леггинсы, обнажая мою кожу. На короткий миг он встречается со мной взглядом, прежде чем медленно моргает. Затем, как только губами касается моей кожи, он закрывает глаза. Я вздрагиваю, когда Ноа языком скользит по моему бедру, словно пробуя меня на вкус. Когда я меньше всего этого ожидаю, муж стонет, и этот звук вибрацией проходит сквозь меня, а его зубы мягко вонзаются в мою кожу. И, прежде чем я успеваю понять, что он делает, Ноа стягивает леггинсы, проводит языком по моим складочкам и покусывает клитор.

— Не двигайся, иначе будет больно, — шепчет он и издает звук, похожий на шипение, когда я снова дергаюсь, а его челюсть сжимается. Мой клитор сдавливает, но я чувствую себя так чертовски хорошо, что не прошу мужа остановиться. Мне все равно, что эти действия причиняют боль. Я так сильно этого хочу.

Он скользит языком между моими складками и крепче сжимает бедра, двигаясь еще интенсивнее. Сначала я напряжена, но вскоре расслабляюсь и шире раздвигаю для него ноги. Ноа с восхищением наблюдает за моим телом и лицом, понимая, что это прекрасный способ меня отвлечь. Когда он двумя пальцами проникает в меня, я стону и молюсь, чтобы он не останавливался.

Естественно, как и у любых родителей, наш секс длится недолго. Ровно до того

момента, пока нас не прерывают. Помните, я рассказывала, что наши дети никогда не остаются в своих кроватях, как следовало бы? Так вот, они не спят. Угадайте, кто сейчас прерывисто дышит под дверью и лает?

Если вы предположили, что это Севи, то оказались правы.

— Плохая собака! — кричит Ноа, едва способный оторвать губы от моей киски.

Поверьте мне, я не хочу, чтобы он это делал, но трудно сосредоточиться и кончить, когда ваш ребенок стоит под дверью. У мужчин все проще. Женщинам же нужна концентрация и правильное место.

Севи продолжает лаять настолько громко, что мы нервничаем, не случилось ли с ним что. Но никто из нас не хочет выйти и посмотреть.

— Если игнорировать его, он замолчит.

Я закрываю лицо руками.

— Я не могу сосредоточиться из-за его лая. Он скоро разбудит Фин.

Ноа раздраженно вздыхает, садясь на пятки. Проведя рукой по волосам, он скользит взглядом по своей внушительной эрекции и смотрит на меня.

— Ладно. Я уложу его обратно в кровать и сразу вернусь.

— Здорово, — раздраженно выдыхаю я.

Ноа со стоном вылезает из кровати. Стоя рядом, он засовывает руку в джинсы и поправляет стояк. Горячо.

Заметив, с каким интересом я за ним наблюдаю, он подмигивает:

— Не смей двигаться.

Стараясь не улыбаться, я отвечаю:

— Постараюсь этого не делать.

— Если ты будешь спать, когда я вернусь, то кончу на твое лицо, — совершенно серьезно предупреждает он.

Теперь настал мой черед смеяться. Дело в том, что я бы не стала отказывать в этом Ноа.

Пять минут спустя он возвращается, стуча в дверь нашей спальни ногой, все еще обутой в ботинок. Он так и не удосужился его снять. Наклонившись, муж стягивает его вместе с носком, по пути снимая джинсы.

Я наблюдаю, как Ноа идет ко мне и как его член рвется в бой. Стояк очень жесткий, но думаю, это потому, что некоторое время у нас не было секса и мы не смогли закончить начатое.

— Что случилось с Севи?

— Ничего. Я положил его обратно в кровать, и он уснул. — Когда Ноа ложится на кровать, он тянет меня на себя, чтобы я оседлала его. Подняв мои руки, он снимает мою рубашку и отбрасывает ее подальше. — Ты такая красивая, — шепчет он, обхватывая мою грудь своими сильными руками. — Хочешь, чтобы я продолжил с того места, где остановился?

Наклонившись вперед, я замираю около его губ.

— Нет, я хочу, чтобы ты был внутри меня. — И затем целую его. Несмотря на то, что на его губах вкус моей киски, я все равно хочу этого.

— Тебе нравится ощущать на мне свой вкус? — спрашивает он и прижимается к моим губам. Его губы грубые, но невероятно мягкие. От страсти мне тяжело дышать.

Я хочу все, что он мне даст. Близость, прерывистое дыхание и его губы на моих. Но что-то сдерживает меня. Не могу понять, что это за чувство и когда оно появилось, но оно не

отступает.

Я отстраняюсь. Ноа пристально смотрит на меня, на его губах появляется мимолетная улыбка. Он ждет, когда я дам ему разрешение. Опираясь ладонями на его плечи, я плюхаюсь на матрас.

— Хочу, чтобы ты был сверху.

Обхватив мое колено, Ноа перемещается и оказывается на мне. Он снова целует меня, и я вспоминаю о том, что мельком видела в порно. На мгновение эта мысль кажется мне сумасбродной. Я стону в его рот, отзываясь на каждое прикосновение губ, которые ощущаю повсюду. На шее и плече, на груди — везде, где бы он ни был. В такие моменты слова не нужны, существует только удовольствие. Грубое и чувственное. До тех пор, пока я не произношу:

— Ляг сверху.

— Что? — Ноа опирается на локти и смотрит между нами. — Я и так это сделал.

Муж не двигается, но его тело дрожит оттого, что он пытается сдерживаться. Этим утром он не успел кончить, потому что его тупая задница грубо пинала мою вагину, и сейчас ему ненавистно то, что я делаю.

Ноа в замешательстве. Полагаю, он думает, что я говорю о своей заднице или о чем-то подобном.

— Нет, как в видео, когда парень сжимает ноги партнерши своими бедрами, чтобы войти в нее. Сделай так. Это сексуально.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — фыркает Ноа, немного раздраженный тем, что я затягиваю процесс, ведь он может просто таранить мою киску и думать, что меня все устраивает. Естественно, я жестами показываю то, чего хочу, а он пытается. И терпит неудачу. — Рука мешает.

— Попробуй еще раз, давай.

Ноа снова делает попытку, мышцы его спины напрягаются.

— Видишь? Не сработало. У меня же не полуметровый хрен как у порнозвезды.

В его голосе слышится насмешка. Как он может смеяться надо мной? Но гнев стихает, когда я вижу отчетливое разочарование на лице мужа. У него и правда не такой длинный член. Я хохочу около его уха:

— Может, прекратим? И к тому же, у меня не глубокая вагина. Так сказал доктор. Ни один полуметровый хрен в нее не поместится.

— Нормальная у тебя вагина, — Ноа тоже смеется.

Опустив голову на мое плечо, он глубоко вздыхает. Но именно в этот момент, когда мы лежим обнаженные и обижаемся друг на друга, я понимаю, что между нами все еще есть связь. Пусть нечеткая, с разрывами, но она есть. Так или иначе, это должно сработать.

Поэтому мы пробуем другую позицию.

— Обхвати мою шею рукой или дерни меня за волосы. Сделай что-нибудь извращенное.

Я оседлала мужа, расположив ноги около его бедер. Ноа смотрит на меня так, будто я заговорила на иностранном языке.

— Какое-нибудь дерьмо типа грубости?

— Да, — пожимаю я плечами, пытаюсь скрыть нотки смущения в голосе. Сглотнув, я смотрю на Ноа сверху вниз.

— Ты непослушная, верно? Вот что ты делаешь, когда меня нет дома? Строишь жесткое порно?

— Перестань. Будь серьезным.

Возбуждение, которое я вижу в его взгляде, напоминает мне юного Ноа, лишившего меня девственности у стены, а затем обрюхатившего в своей машине. Этот парень был убедителен и так сексуален со своим задумчивым взглядом темных, искрящихся блеском глаз.

— Я не могу быть серьезным, зная, что моя жена смотрит порно. Какого хрена ты вообще его смотрела? Я должен знать.

Наклонившись, я приближаюсь к лицу мужа, чтобы он почувствовал мое дыхание на своих губах, а затем подмигиваю и шепчу:

— Я никогда тебе не скажу.

— Так ты признаешь, что смотрела порно?

— Если ты не поторопишься и не трахнешь меня, то я достану вибратор и сама об этом позабочусь.

Я прожигаю его взглядом. Свирепым взглядом.

— Отлично.

И не успеваем мы добраться до этой чертовой части, как Севи возвращается к нашей двери. Сначала он лает, а затем произносит:

— Можно войти? — Потом говорит: — Позалуста, мам, — и сразу же добавляет: — Папочка, позалуста.

Как только я собираюсь подойти к двери, Ноа останавливает меня.

— Предупреждаю, если мы не закончим, я сойду с ума. Я имею полное право взорваться. — Мой муж начинает дуться. — В прямом смысле, мои яйца чертовски болят.

Севи, стоящего за нашей дверью, трудно игнорировать, поэтому мы идем в душ, где его не слышно.

— Мы плохие родители, если игнорируем своего ребенка?

Ноа ничего не отвечает. Он слишком сосредоточен на том, чтобы затащить меня под струи воды в душевой, где мы сможем закончить начатое. Муж решительно толкает меня к стене, и я смотрю вниз, когда он входит в меня, проводя ладонями от моих бедер к шее. В этот момент возникают трудности, потому что я понимаю, что могу захлебнуться.

Спустя пару минут я уже не уверена, что хочу, чтобы Ноа был грубым. Конечно, это опасно. Видеть звездочки перед глазами и страдать от нехватки воздуха — это сексуально? Я задохнусь? Кажется, я начинаю бредить. Я проглотила столько воды, что чувствую, как меня подташнивает. Я сексуально бьюсь головой о стенку душа? На самом деле нет. Мне больно.

Но... в этом что-то есть, и, если это вернет в отношения искру, разве может быть какой-то вред?

Еще через несколько минут я передумываю по поводу штуки под названием «Давай сделаем это жестко». На хрен все. Люди, которые считают, что причинение физической боли во время секса возбуждает, явно слишком долго испытывали нехватку кислорода. Из-за этого они перестали нормально соображать.

— Ноа?

Сначала он не останавливается. Муж увлечен процессом. И я понимаю почему. Ведь это горячо, запретно и эротично, верно? Нашу ванную заполняют звуки удовольствия, шлепки тел, хрипы и стоны (а в моем случае крики боли). Так что Ноа продолжает толкаться в меня. Когда я в очередной раз бьюсь головой о стенку душевой и понимаю, что к утру у меня точно будет сотрясение мозга, его хватка на моей шее усиливается. Я кричу от боли. Реальной

боли, а не от удовольствия.

— Ты делаешь мне больно!

— О, слава богу, — задыхаясь, произносит он, отступая от меня. — Не могу поверить, что ты заставила меня это сделать.

— Я не заставляла тебя, — произношу я, а капли воды, отскакивая от его плеча, падают на мое лицо. Надо придумать, как перекрыть доступ воды к лицу и продолжить в том же духе. — Хочешь попробовать в задницу?

В наших отношениях такого еще не было, для нас это в новинку. Или так, или я позволю Ноа кончить на лицо. После прошлого раза я два дня не могла нормально видеть, так как что-то мешало в глазу.

Естественно, когда вы предлагаете мужчине сунуть член в задницу женщины, Ноа, как и любой другой на его месте, желает этого.

— Черт, да. Я хочу.

Внезапно я начинаю нервничать, когда понимаю, что мы будем использовать смазку в душе. Подробнее об этом позже, но в тот момент я посылаю ему серьезный взгляд.

— Что, если я обделаюсь?

Ноа невозмутимо фыркает и закатывает глаза:

— Я видел, как из твоей вагины вышли пятеро младенцев, и ты, по сути, наложила кучу прямо в руки врача, когда рожала Севи. Уверен, теперь мне ничто не помешает.

Я смотрю на него.

— Я же спрашивала тебя, а ты сказал, что этого не было. — Опускаю взгляд на его стояк и улыбаюсь.

— Не хотел тебя смущать, поэтому ничего не сказал. — Ноа хватает меня за бедра и рассматривает свой приз. — Ты не обделаешься.

Сделав глубокий вдох, я беру смазку и выдавливаю небольшое количество на ладонь. Когда я поглаживаю член Ноа, покрывая его прохладным гелем, у мужа перехватывает дыхание.

После он снова прислоняет меня к стенке душа, но на этот раз к ней прижимается мое лицо. Лучше оно, чем затылок. И мы делаем это.

Протянув руку между нашими телами, Ноа пристраивает член около моей задницы, и я смотрю на него через плечо. Мы прикрываем глаза, когда он медленно скользит внутрь.

Я наблюдаю, как Ноа, наклонив голову вперед, кусает нижнюю губу и хмурится от удовольствия.

— Иисусе, — бормочет он, вздыхая.

Его взгляд, которым он посмотрел на меня перед тем, как вошел в мою задницу, — единственная романтическая штука во всем этом. Мне некомфортно, задница горит и чертовски болит. Но, эй, муж наслаждается этим. Вот только... Я пытаюсь держаться за стену, потому что моя левая нога соскальзывает.

А Ноа без ума от угла, под которым он входит в мой зад.

— Черт... Какая тугая, — рычит он мне на ухо, когда я наклоняюсь вперед.

— Это только начало, — говорю я, стиснув зубы от боли.

Избавлю вас от большинства деталей, потому что, по-моему, в этом нет ничего романтического. Но если Ноа этого хочет, может быть, все не так плохо, верно? Ох, но это так. Каждое движение причиняет боль, которую моя задница в жизни никогда не испытывала. Вагина привыкла к боли. Задница... Бедная девочка вообще не была готова к подобному. В

какой-то момент я всерьез думаю, чтобы взять телефон и зайти на сайт «Вебмедицина», чтобы посмотреть, может ли анальный секс причинить мне вред и нанести непоправимый ущерб моему заду.

Так и не привыкнув к боли, я начинаю психовать. Поверьте, вы бы не хотели оказаться со мной на одном этаже, когда я рожаю. Что уж говорить об одной комнате. К сожалению, сейчас тот самый момент.

— Ты в порядке? — наконец спрашивает Ноа, когда я пытаюсь сменить положение и при этом не соскользнуть с его члена. Ощущение, будто я пытаюсь просверлить свою задницу или что-то в этом роде. Это ужасно, но горячее и тяжелое дыхание Ноа бесит меня еще больше.

— Просто не трогай меня.

Серьезно, я испытываю такую боль, словно сру колючей проволокой.

— Хочешь остановиться? — задыхаясь, спрашивает он возле моего уха.

— Нет.

Вы решили, что я хочу прекратить это, верно? Я должна бы остановиться. Но дело в том, что не хочу. Боюсь, если сделаю это, то в тот же момент мы потеряем искру. А ведь мы только ее обрели.

— Дорогая, если тебе больно, мы можем остановиться. — Ноа кряхтит напротив моей ключицы, когда я выгибаю спину, позволяя его члену проникнуть еще глубже. Он изо всех сил пытается удержать мое скользкое тело. — Причинение боли не очень-то меня возбуждает.

Могу сказать, что он действительно борется. С одной стороны, Ноа хочет остановиться, потому что это причиняет мне боль, а с другой — нет, если разобраться.

Я извиваюсь, но, когда понимаю, что не могу пошевелиться из-за крепкой хватки мужа, все-таки сдаюсь. Взглянув на него, я на мгновение теряюсь в блаженном видении похоти, которая доставляет моему мужу такое удовольствие. Его спутанные волосы отброшены набок, по телу струится вода, брови нахмурены, нежные губы слегка сжаты, а грудь дрожит при каждом движении. Ему это нравится, и если бы не тупая жгучая боль, я бы, наверное, продолжила.

Но в какой-то момент все эти игры с задницей прекращаются, и жжение достигает апогея. Думаю, если я пошевелюсь, то станет лучше. Честно говоря, наша вина заключается в том, что мы пытались сделать это стоя. Вот где мы прокололись. Но самая большая проблема заключается в том, что когда вы смешиваете смазку с водой, она становится чертовски скользкой. Это напоминает сцену из «Рождественских каникул», где Кларк слетел с горы на металлической крышке и оказался в соседнем штате.

Пока я пытаюсь изменить свое положение, смазка каким-то образом попадает на пол и разбрызгивается повсюду. Становится очень скользко, поэтому я поскользнулась, Ноа падает назад и летит в стену душевой. Он врезается в стекло, разбивает его и падает на пол.

Как так получилось?

Вы бы не смогли повторить подобное дерьмо, даже если бы захотели. Все это было так неловко. Спустя мгновение я понимаю, что из руки Ноа сочится кровь. Нам требуется время, чтобы осознать происходящее, и Ноа хватается за свои причиндалы, чтобы убедиться, что они все еще на месте. Разумеется, они никуда не делись. Подняв руку, он смотрит на нее. При движении рана открывается, и кровь льется с новой силой.

Черт, черт, черт!

Я сдерживаю слезы, когда Ноа молча осматривает мое тело. Муж выглядит так, словно он... в бешенстве.

Я шепчу и понимаю, что мой голос дрожит:

— Думаю, тебе понадобятся швы.

Ноа глубоко вздыхает, глядя сначала на меня, затем на свою руку. Поднявшись, он в недоумении смотрит на кровь и разбитое стекло вокруг. Пока я собираюсь сделать язвительное замечание и накричать на него из-за того, что он порежет ноги, расхаживая по осколкам, Ноа подходит к раковине. За ним тянется кровавый след. Если бы кто-нибудь сейчас вошел в ванную, то наверняка искал бы здесь тело. Она чертовски похожа на место преступления.

Склонившись над раковиной, Ноа хватается руками за ее края. Он стискивает зубы, когда кусает нижнюю губу. Ноа смотрит в точку прямо перед собой, отказываясь обращать внимание на меня. Я знаю почему. Он злится, что все закончилось именно так. Как бы мы ни старались, что-то всегда нас разделяет.

А затем муж поднимает руку — ту самую руку, которую он порезал, разбив дверь душевой, и бьет по зеркалу, словно не может смотреть на свое отражение. От неожиданности я кричу:

— Ноа!

И начинаю задыхаться, когда замечаю, что теперь в порезах и запястье и пальцы. Отлично. Как раз то, что нам нужно. Он механик и серьезно облажался.

Ноа морщится.

— Одевайся, — рывкает он на меня и оборачивает полотенце вокруг своей руки. — Мне нужно наложить швы.

Ноа

Сучьи швы

(Мне противен вид крови. А прямо сейчас и всего остального)

Переступив через спящего в коридоре Севи, я спускаюсь вниз. На самом деле я спотыкаюсь, но мне повезло не упасть с лестницы. Строительный пистолет, который я оставил, прострелил бы мой член, будь в нем аккумулятор.

Мне бы этого не хотелось, но мысль неплохая.

Осмотрев на кухне руку, я очень пожалел о своем решении разбить зеркало. Почему я сделал это? Не так мне представлялось окончание сегодняшнего вечера, но когда вы женаты и у вас есть дети, то жизнь похожа на игру в русскую рулетку.

Я уже говорил вам, как сильно ненавижу кровь? На дух не переносу. При виде нее у меня кружится голова. Знаете, что еще хуже? Черт возьми, я не в силах ничего с этим поделаться. Кроме того, рука, которая теперь представляет собой кровавое месиво из порезанной плоти, является рабочей, чтоб вы знали, так что ничего хорошего.

Когда я, раздраженная задница, оказываюсь внизу, то беру мобильный телефон со стойки и размышляю, кому можно позвонить, чтобы попросить присмотреть за детьми, пока Келли отвезет меня в отделение скорой помощи. Другого выхода нет. Даже если не было необходимости накладывать швы после того, как я разбил душевую, то после удара в зеркало мне они определенно нужны.

Келли спускается вниз, одетая в свои гребаные леггинсы, и следит за моей реакцией.

— Ты в порядке? — робко спрашивает она, а затем поглядывает на мой стоящий колом член, едва ли скрываемый джинсами.

Сначала я ничего не отвечаю. Ей бы не понравилось то, что я хочу сказать.

— Нет, не в порядке.

Я смотрю на нее: щеки покраснели, волосы торчат во все стороны. В этот момент меня переключивает. Я больше не могу так. Не могу продолжать избегать того, что на самом деле происходит между нами, но мне также чертовски необходимо кончить. Вот единственное правильное решение. Делаю шаг к Келли. Она смотрит на меня, нахмурившись.

— Я не хотела... — она не успевает закончить предложение, так как рукой, обернутой полотенцем, я толкаю ее к кухонному островку.

О, перестаньте. Я не зол. Просто подождите.

Стянув ее леггинсы до лодыжек, я наклоняю жену над столешницей. Мне тяжело расстегивать свои джинсы одной рукой, но если вы полны отчаяния, то справитесь и с этим. Расположив член у входа в ее киску, я нажимаю на головку и жду возражений. Келли так дрожит, что мне становится понятно: возражений у нее нет. Одним рывком я вхожу в нее, прежде чем она успеет отказать. В тот момент, когда я оказываюсь внутри нее, Келли хватается за столешницу и стонет от удовольствия. Ее щека прижата к плитке, рот раскрыт в экстазе. Охренительно захватывающее зрелище.

Мы ничего не говорим. Если, конечно, не принять за разговор мое тяжелое дыхание и хрипы каждый раз, когда я вхожу в Келли, и ее тихие мольбы о том, чтобы я продолжал. Это

неправильно, мы ведь не должны были заниматься сексом на нашей кухне, где дети могут легко нас обнаружить. Но, кажется, меня это сейчас не беспокоит.

Мне необходимо трахнуть мою жену.

Расположив одну руку на ее заднице, а другую — на столешнице, я снова и снова вбиваюсь в нее. Мои бедра с хлопком прижимаются к ее попке. Судя по звукам, которые издает Келли, она уже близка к оргазму, но я в этом не уверен. Мои ноги дрожат, и я слишком увлечен тем, что наконец-то кончу.

Келли тянется вперед, жадно пытаюсь подвести себя к финишу, и я крепче сжимаю ее задницу. Она такая влажная, такая тугая и так выгибает спину, что я понимаю: Келли хочет этого так же сильно, как и я. Наши громкие и резкие вздохи разносятся по кухне, и, возможно, это самая горячая штука, которую мы делали за последние два года. Ее киска сжимается вокруг меня, и я вынужден схватиться за столешницу, чтобы не упасть. Удовольствие нарастает, бедра движутся вперед, мышцы живота напрягаются, и я кончаю. Но легче от этого не становится. Конечно, приятно получить освобождение, но внутренне я чувствую неудовлетворение. Оно словно яд. Как пульсирующая головная боль, что похожа на гвозди, вбиваемые в ваш череп.

Или грипп.

Ага. У меня до сих пор стоит. Если вам это интересно. И я не жду с нетерпением возможности отправиться в отделение скорой помощи с жутким стояком, потому что взял чертову небольшую голубую таблетку у этого мелкого сопляка, живущего по соседству.

Я отступаю, осматривая Келли. Она тяжело дышит и находится в замешательстве. Я же задыхаюсь, стараясь изо всех сил не умереть от сердечного приступа, потому что я идиот и, вероятно, принял то, отчего могу сдохнуть. Смотрю на жену. На ее спокойствие и невозмутимость... Я даже пошевелиться боюсь, не говоря уже о том, чтобы что-то сказать.

Прислоняюсь спиной к двери кладовой и натягиваю джинсы. Келли помогает мне их застегнуть, а затем исчезает в коридоре, ведущем в ванную.

Уставившись на телефон, я замечаю, что в доме Боннера загорелся свет. Конечно, он проснулся. Что ж, за ним должок. Схватив с полки справочник, я ищу имя соседа, нахожу его номер телефона и звоню.

Я немногословен:

— Двигай сюда, — рычу я, глядя на его дом. — Я знаю, что ты встал, мудака.

Он смеется и кладет трубку. Чертов придурок. Я даю ему две минуты и прожигаю хмурым взглядом его дверь. Наконец, он выходит и идет по улице к нашему дому. Если бы сосед не пришел, я бы пробрался в его дом и вытащил его оттуда за то, что он дал мне эту таблетку.

Я открываю входную дверь, прежде чем Боннер успеет постучать и разбудить детей.

— Ненавижу тебя, — говорю я.

Он улыбается и кивает на мой все еще твердый член, который выглядит так, будто направлен прямо на него.

— Похоже, ты рад меня видеть.

Я хватаю его за рубашку и затаскиваю в дом.

— Сядь и не болтай.

Боннер смотрит на меня так, словно я сошел с ума. А я сошел. Понятно? Вся кровь прилила к гребаному члену. Я больше не в состоянии ясно мыслить.

Проведя рукой по волосам, Боннер садится на диван в гостиной.

— Почему?

— Потому что ты присмотришь за моими детьми, пока я буду в отделении скорой помощи. — Я показываю свою окровавленную руку.

— Вау. Что случилось? — Боннер смотрит на мою руку, кровь с которой теперь просочилась сквозь полотенце. — Я не могу сидеть в няньках. Я ничего не смыслю в детях. Из пяти детей я самый младший.

— Конечно, ты можешь это сделать, — ставлю я его перед фактом. — Именно ты.

— А ты не очень-то вежлив.

Я вздыхаю. Он прав. Может, мне стоит немного смягчить тон.

— Извини. Просто у меня сильно болит голова.

— Уверен, головная боль — наименьшая из твоих проблем. — Его взгляд снова опускается ниже. А затем Келли возвращается в гостиную одновременно с тем, как Боннер спрашивает: — Ты принял целую таблетку?

Я даже не удосуживаюсь взглянуть на свою жену. Подскажите, какое у нее выражение лица? Она злится? Мне стоит бежать? Пофиг. Вместо этого я смотрю на Боннера.

— В каком смысле целую таблетку?

— Нужно было принять только половину, — смущенно признается он, словно не может поверить в то, что забыл об этом упомянуть.

Я подхожу к нему, выпятив грудь вперед, как какая-то горилла, готовая совершить убийство.

— Ты мелкий ублюдок. Мог бы сказать об этом, когда дал ее мне со словами «Попробуй».

Округлив глаза, Боннер быстро делает два шага назад.

— Я думал, ты знаешь.

Всплеснув руками, я использую каждую унцию самоконтроля, чтобы не ударить этого мальчишку по лицу.

— Конечно, я же регулярно принимаю это дерьмо.

— Что ты принял? — наконец спрашивает Келли, заходя в комнату и уперев руки в бедра. Я мельком перехватываю ее взгляд. И не могу понять ее настроение. Кажется, у меня пелена перед глазами.

Боннер замечает Келли в комнате и подмигивает ей.

— Похоже, ты тоже наслаждаешься этой ночью? — спрашивает он, замечая ее спутанные волосы и порванную рубашку. Я не помню, как порвал рубашку, но не удивлюсь, если это произошло на кухне.

Келли даже не думает отвечать Боннеру. Она слишком занята, смотря на меня так, словно у меня выросла вторая голова. Она и выросла, и это чертовски бесит.

— Что ты принял, Ноа?

— «Виагру», — сердито бормочу я, протягивая руку к своему бумажнику и ключам. — А теперь, если ты не хочешь, чтобы я истек кровью, мы должны поехать в больницу.

— Ты принял «Виагру»?

По выражению ее лица можно понять, что она находится на грани веселья и шока. Бьюсь об заклад, если бы я мог прочитать ее мысли, то они заключались бы в следующем: «Я недостаточно хороша для него» и «Я не возбуждаю его, поэтому он прибегнул к стимуляторам». Ничего из этого не подходит, но я также не испытываю необходимости прояснять этот вопрос.

Одними губами жена произносит:

— Почему?

— Потому что он сказал мне. — Я сердито указываю на Боннера, которого никогда не прощу за это.

Келли смотрит на меня, тяжело сглатывает и наконец говорит:

— Кто присмотрит за детьми? — Она натягивает толстовку.

Я указываю рукой на Боннера, который сидит на диване, уставившись в свой телефон, совершенно не заинтересованный в наших разборках.

— Этот чувак.

Келли переносит свой вес с одной ноги на другую. Могу ошибаться, но, похоже, она готова на меня наорать.

— Ноа, мы не можем позволить нашему соседу присматривать за ними.

— Они спят. Черт возьми, какое это имеет значение?

— Серьезно? — Ага. Келли видит в этом проблему. — Он хоть раз сидел с детьми?

— Не-а, — улыбаясь, встречает Боннер и закидывает ноги на стол. — Я справлюсь. С ними все будет в порядке.

— Видишь? Они будут в порядке.

Я выхожу за дверь и направляюсь к машине. Я и моя кровоточащая, а возможно, и сломанная рука.

Около получаса мы ищем больницу, хотя она расположена дальше по улице. Келли ни хрена не может найти дорогу по «Гугл картам». Навигатор говорит ей повернуть налево, а она поворачивает направо. И так каждый раз, черт возьми.

— Не могу поверить, что ты принял «Виагру».

Видите? Так и знал, что мы к этому вернемся. Я смотрю в окно.

— Ты не можешь в это поверить или хочешь знать почему?

Келли по-прежнему следит за дорогой, но я замечаю перемену в ее дыхании: оно неровное. Я попал в точку.

— Почему.

— Понятия не имею. Просто принял.

Правда заключается в том, что я действительно об этом не думал, если вы помните. Я просто принял таблетку с мыслью: «Посмотрим, что из этого выйдет». Но я не говорю об этом жене. Вместо этого я откидываюсь на сиденье и молчу.

— А еще я не могу поверить, что ты попросил мужа порнозвезды присмотреть за нашими детьми, — взрывается она.

Ладно. Во-первых, я не могу винить ее в этом. Во-вторых, меня осеняет.

— Вот что ты смотрела, когда я вошел в комнату? Порно с участием Боннера и его жены?

— Нет! — быстро отвечает она. — Я не смотрела на него!

— Уверен, это не так.

— Ноа, прекращай.

Я качаю головой:

— Поверить не могу, что ты смотрела порно с участием соседей.

В этот момент Келли жмет на тормоза, и машина резко останавливается, а моя рука

касается члена.

Я угрожающе смотрю на жену.

— Ты сделала это нарочно.

— Не понимаю, о чем ты.

Ну конечно, не понимает она.

В больнице я час сижу рядом с двумя парнями: у одного болит спина, а другой засунул огурец себе в задницу и не смог его вытащить. Я ни капли не шучу. Он сам рассказал мне всю историю, пока Келли заполняла документы и каждые пять минут писала Боннеру сообщения, чтобы убедиться, что дети в порядке.

— Почему на твоих коленях подушка, — спрашивает парень с огурцом, как будто это его гребаное дело.

Я отказываюсь отвечать ему и поворачиваюсь лицом к Келли.

— Если в ближайшее время они не примут меня, я отрежу руку, и, возможно, тогда это привлечет их внимание.

Келли даже не смотрит на меня. Она посасывает конец ручки. По крайней мере, я надеюсь, что эта ручка ее, а не одна из тех, что лежали здесь, потому что если это так, то гарантированно она подхватит какую-нибудь заразу.

— Не драматизируй, — говорит она мне.

Я стискиваю зубы, кусаю щеку изнутри. Не берите в голову, что жена полностью игнорирует тот факт, что я истекаю кровью. Полотенце, обернутое вокруг руки, уже полностью промокло. Меня это не беспокоит. Нахрен мою руку. Куда большее волнение вызывает то, что у меня все еще стоит. Я мог бы трахнуть кого угодно, потому что моя жена сосет кончик ручки так, словно это чертов член. Кроме того, парень-огурец пристально наблюдает за всей этой сценой. Я стреляю в него взглядом, но его это не отвлекает, поэтому добавляю:

— Перестань пялиться на мою жену, иначе у тебя в заднице окажется не только огурец, ты, больной ублюдок!

Знаю, я невероятно груб, но, черт возьми, мне больно. А может быть, у меня шок. Я не совсем понимаю. Когда я снова смотрю на Келли, она все еще сосет ручку. Ну и что мне делать?

Я вырываю ручку из ее рта и бросаю через всю приемную. Прищурившись, Келли смотрит на меня.

— Обязательно было так делать?

Опираясь головой о стену, я смотрю на нее и морщу нос, как будто чувствую неприятный запах. Здесь и правда пахнет. Я имею в виду чувака, что сидит рядом со мной.

— Ага.

К тому времени, когда я захожу к врачу, на часах уже четыре утра, а к семи я должен быть на работе. Я в плохом настроении, мой член все еще тверд, и я отнюдь не вежлив.

— Будет немного щипать, — говорит мне медсестра, когда вонзает иглу в рану, чтобы промыть ее.

— Кто бы сомневался, — оглядываюсь я на нее. — Вы бы не могли поторопиться и перестать относиться к моей руке так, словно ищете сраное золото? Вы же в курсе, что я все это чувствую, правда?

— Ноа! — вздохнув, кричит на меня Келли. — Перестань грубить.

Я закатываю глаза и прислоняюсь к кушетке, накрыв здоровой рукой лицо. Все это время я прикрывал свой член подушкой, чтобы избежать разговоров об этом, но медсестра смеется, когда замечает стояк.

— Вы принимали какие-нибудь лекарства сегодня вечером?

Готовый защищаться, я быстро сажусь. В процессе я ударяюсь головой о лампу и едва не опрокидываю поднос с иглами и бинтами. Я собираюсь сказать что-то вразумительное, но Келли хлопает ладонью по моему плечу и отвечает за меня:

— Он принял «Виагру». Тупица.

Я фыркаю и закатываю глаза.

— Ты не жаловалась, когда я трахал тебя возле столешницы, не так ли?

Да, я сказал это. Вслух. Моей жене.

Келли гримасничает, а затем растягивает губы в злобной улыбке. И она не забавляется. Это значит: «Чувак, я отрежу твой твердый член, если ты скажешь еще хоть одно слово».

На щеках медсестры проступает румянец. Я смотрю на нее и понимаю, что она совсем еще ребенок и, вероятно, даже девственница, а я тут лежу с бешеным стояком в паре дюймов от ее лица.

— Просто зашейте мою руку, чтобы я мог пойти домой, — бормочу я. Необходимость кричать на всех сдувается. Если бы сдулось и кое-что еще... Создатели таблеток, разумеется, не лгали, когда говорили о четырехчасовой эрекции, не так ли?

Медсестра, промывающая руку, отказывается смотреть в глаза мне или Келли, но добавляет:

— Я могу дать вам кое-что, чтобы помочь... ну, знаете, с вашей проблемой.

— Я в порядке, спасибо, — говорю я сквозь зубы и плюхаюсь на кушетку, как поступил бы любой расстроенный мужчина. Я даже больше не пытаюсь скрыть свою эрекцию.

Рука зашита, шина наложена, и около четырех разных медсестер и докторов приходят, чтобы проверить мои раны. Бред сивой кобылы. Они все пялятся на мою эрекцию. Мне бы следовало гордиться этим. Но нет. Когда мне за что-то стыдно, я начинаю злиться.

Дежурный хирург-ортопед сказал, что в руке сломаны две кости. Может понадобится операция, но я игнорирую все, что мне говорят. Просто в этот момент я замечаю в коридоре доктора, стоящего возле медсестринского поста.

Мое сердце в буквальном смысле уходит в пятки. Клянусь, если бы я не прислонился к стене, то упал бы, увидев его. Как? Почему? — единственные вопросы, которые крутятся в моей голове. Это он. Еще одно напоминание о дне... Нет, черт возьми, о гребаном годе, который я хочу забыть. Почти четырнадцать сотен миль от Остина, а педиатр Мары оказывается здесь. В той самой больнице, что и мы.

Я делаю все возможное, чтобы избежать каких-либо упоминаний о нашей дочери. Я не хочу вспоминать. Это слишком больно, и видеть здесь ее врача в ту самую ночь, когда мы пытаемся спасти наш брак, — чертова вишенка на торте. Один только вид этого доктора вызывает у меня желание врезать кулаком по его лицу. В глубине души я понимаю, что он не сделал ничего плохого. Но тот факт, что он не смог ее спасти, как не смог и я, лишь ухудшает и без того плохое настроение.

Келли тоже замечает его. Я медленно перевожу на нее взгляд, и мы смотрим друг на друга. Мое тело сотрясает дрожь, когда Келли рукой находит мою. В тот момент, когда она касается меня, я не уверен, что хочу этого. Чувство похоже на один из тех моментов, когда вы ничего не хотите, особенно прикосновений того, кого любите, потому что это разрушит

плотину, возведенную вокруг себя, ее просто прорвет.

Я сжимаю руку Келли, и мы вместе выходим к нему из кабинета. Это единственный выход. Доктор замечает нас, дважды кивает, и я вижу его сострадание. А его взгляд буквально кричит: «Я не знаю, что им сказать». Сочувствие, сожаление и все подобное грязное дерьмо случается, когда ребенок умирает. Такую хрень обычно никто не озвучивает, потому что это тяжело. Вы понятия не имеете, что говорить, и я уже молчу о том, что вы не знаете, как к этому относиться, потому что это так неестественно. Дети не должны умирать, а когда они покидают этот мир, это разрушает все.

Доктор Леви смотрит на мою руку — к счастью, игнорирует проблему в моих штанах (которую я не хочу обсуждать) — и улыбается моей жене. Он притягивает ее в свои объятия. Келли отпускает мою руку, и мой мир сотрясается. Все размывается перед глазами от воспоминаний о той ночи и его словах: «Мы больше ничего не можем сделать».

Эмоции накатывают, и я стискиваю зубы. Кадры прошлого проносятся перед глазами. Я не говорю ему ни слова, даже не могу разобрать то, что он говорит Келли. Все, что я делаю, — сосредотачиваюсь на том, чтобы не взорваться от гнева и печали.

Келли смотрит на меня, когда мне что-то говорят, но я ничего не понимаю. Мои глаза горят, голова пульсирует, и я понимаю, что в любой момент меня может вырвать.

В такие моменты в фильмах звучит грустная музыка и двое героев понимают, что их проблемы связаны с одним инцидентом. С одним мигмом, который безвозвратно и навсегда изменил их жизнь.

Наши с Келли проблемы находятся глубже, чем любой из нас хочет это признать. Дерьмо, которое мы даже не можем понять, что уж говорить о том, чтобы рассказать кому-то. И все это ведет к единственному дню. Дню, когда наша дочь умерла.

Я не хочу думать о той ночи, когда это случилось, и уж тем более посвящать в это вас, но для того, чтобы вы поняли всю боль и то, как между нами образовалась пустота, вам придется вернуться туда со мной. Приятного там мало, и мы определенно не ожидали такого исхода.

Я не хочу рассказывать вам о том, как нашу дочь отключили от аппаратов искусственной вентиляции легких. Я не хочу рассказывать о том, что врачи позволили нам обнять ее. Не хочу говорить вам, что она сделала последний вздох на моих руках. Я не хочу говорить, что еще час мы с Келли держали безжизненное тело нашей дочери в той же больнице, в которой она родилась, в тот самый день, когда она появилась на свет. Я не хочу ничего рассказывать о нашей милой маленькой девочке, которая улыбалась до того дня, когда ей исполнилось семь лет. Я не хочу рассказывать вам об этом, потому что эти моменты вызывают у меня злость. Это так несправедливо. Поэтому я не говорю. Но в такие моменты, когда реальность обрушивается на нас, я вынужден это делать.

Воспоминания накатывают, и я думаю, что задохнусь, если не выйду. Сглатываю. Моргаю. Прочищаю горло. Я делаю все, чтобы избавиться от вызывающих злость воспоминаний о той ночи.

Келли снова хватается за меня за руку и выводит из больницы. Мы вдвоем сидим в полной тишине, а затем Келли начинает рыдать, прикрыв лицо руками. Я смотрю на нее, сжимая губы, проглатывая ком от эмоций, мешающийся в горле.

Я хочу ее утешить. Как муж я обязан это сделать. Хочу протянуть руку и согреть теплом своей ладони, но не могу. Я не знаю, как избавиться от боли. Больше года я пытался это сделать. Не получилось.

Келли

Дурацкие стены

(Вы возводите их, и возводите, пока они не становятся непробиваемыми)

После смерти Мары у меня случилось четыре нервных срыва, из-за которых я была не в состоянии встать с постели. Просто физически не могла оторвать голову от подушки. Ноа был вынужден обо всем заботиться. Я даже не могла покормить Финли. Чувствовала себя так, словно у меня грипп, сопровождаемый ознобом и рвотой.

А сейчас, увидев педиатра своей дочери, я понимаю, что очередной срыв неизбежен, и в конце концов он случится, как только мы окажемся дома.

Я злюсь из-за того, что он появился там, напоминая о ночи, когда все развалилось на части. Почему это происходит? Почему, когда все вокруг так дерьмово, обязательно случается что-то еще и доводит вас до предела? Всю дорогу домой я плачу, но настоящая боль, от которой невозможно избавиться, появится лишь тогда, когда мне не придется притворяться, что все в порядке. Ноа пытается меня утешить, унять мою боль. Начнем с того, что он не любит, когда люди прикасаются к нему. Поэтому, обнимая меня, Ноа со стороны больше похож на Гитлера, пытающегося кого-то успокоить.

Сидя в его пикапе, я сильно сжимаю руль каждый раз, наплывает желание уехать подальше от больницы. Но все это лишь напоминает мне о той ночи, когда мы потеряли дочь. Тогда мы два часа сидели в нашей машине. Плакали и ломали голову над тем, как выбраться из этого состояния. Я очень отчетливо помню ту ночь. Туман, дождь, слезы, беспомощность, сковавшая грудь от того, что моя дочь умерла и я не могла ее вернуть. Я не могла забрать ее боль, свою собственную и, конечно, не могла забрать боль Ноа. Той ночью, пока мы вместе рыдали, он держал меня в своих объятиях, но сейчас... сейчас он ко мне не притронется. Ноа сидит рядом, смотрит на меня, и, клянусь, я ощущаю его пульс, то, как его темные, мрачные глаза переполняют чувства, а его дыхание такое же тяжелое, как и мое.

Когда поток слез утихает, я спрашиваю:

— Ты в порядке?

Повернувшись на сиденье, я смотрю в его глаза и обнимаю за шею, глядя на поврежденную руку. Мое сердце бьется так сильно, так быстро, что кажется, будто я не могу дышать, и тем не менее я спрашиваю у Ноа, все ли с ним в порядке.

Он хмурится и выглядит так, словно потерялся в мире боли. Не физической, а эмоциональной. Муж ничего не говорит. Не уверена, что может. Его пристальный взгляд источает напряженность — Ноа точно не в порядке. Спустя мгновение он отстраняется от меня и шепчет:

— Поехали домой. — Закрыв глаза, тяжело вздыхает. — Через два часа я должен быть на работе.

Его голос дрожит при каждом сказанном слове, будто он в любую секунду сломается.

Той ночью, когда умерла Мара, Ноа рыдал. Неудержимо. Я никогда не видела его таким. Из последних сил пытаюсь дышать, он упал на колени, моля Бога о том, чтобы он не забирал ее. С тех пор я не видела его слез. Даже на ее похоронах. Ноа обнимал меня во время моих

срывов так же неловко, как он может кого-то обнимать, но больше никогда не позволял себе скользнуть обратно во тьму той ночи. Его равнодушие берет верх, и он превращается в зомби.

Дорога домой проходит в полной тишине, если не считать моих всхлипов и тяжелых вздохов Ноа. Я боюсь что-нибудь сказать и уж тем более молчу о проблеме в его штанах. Судя по его джинсам, у него все еще стоит. В любую другую ночь это было бы смешно. Уверена, что через несколько лет мы вспомним это и посмеемся.

Мы подходим к дому опять же в тишине. На рассвете солнце, поднимающееся над городом, достаточно освещает улицу, и мы не спотыкаемся о велосипед Оливера, который он оставил около входа в дом. Ноа отпинывает его в сторону и открывает дверь.

Как только мы оказываемся в доме, я сразу начинаю искать признаки того, что все пошло дерьмово после того, как мы уехали. Я представляю себе, как дети бегают, словно сумасшедшие, а Боннер лежит связанный.

Но ничего подобного не происходит. Я вижу спящего на диване Боннера, на его груди лежит Фин. Эшлинн сидит в кресле, а Севи лежит рядом. Конечно же, он положил голову на ее сиськи, словно это подушки. На самом деле я немного ревную, потому что с тех пор, как перестала кормить его грудью, он не позволяет мне так его обнимать.

Заметив нас, Эшлинн улыбается и поглаживает Севи по спине, будто умеет успокаивать детей. Я все еще испытываю нарастающее беспокойство и желание разрыдаться, но на мгновение, поняв, что совершенно незнакомый человек позаботился о наших детях так, как будто они были его собственными, я чувствую себя лучше.

Но это не точно. Ноа проходит мимо меня, ничего не говоря Боннеру, и топает на второй этаж. Мгновение спустя я слышу, как хлопает дверь нашей спальни. Я опускаюсь на колени рядом с креслом.

— Спасибо, что присмотрели за ними, — шепчу я Эшлинн, стараясь не разбудить Севи или Фин.

Она мило улыбается. Ее идеальные белые зубы скрывает толстый слой ярко-розовой помады.

— Понадобилось всего несколько минут посидеть с этим маленьким парнем, и он сразу крепко уснул.

Хм-м-м. Может, он променял собачью будку на грудь Эшлинн? Нет, это выглядит еще более странно, правда? Скорее всего, так и есть.

Эшлинн кивает наверх.

— Похоже, вам двоим нужно поговорить.

Глаза жгут слезы, которые так и норовят пролиться, но я держусь. Я борюсь с ними. Оглянувшись через плечо, я беспокоюсь о том, что увижу, когда поднимусь по лестнице. Также не стоит забывать, что ванная комната до сих пор забрызгана кровью и на полу валяются осколки стекла. Похоже, именно мне придется позже убрать этот беспорядок.

— Иди. Расслабься, прими душ. Сделай все, что тебе нужно, — шепчет Эшлинн продолжая поглаживать Севи по спине. — Все хорошо.

Не могу поверить, что позволяю порнозвезде держать моего сына на руках. Даже думать не хочу о том, что она делала сегодня вечером, чтобы заработать деньги. Но все же я не противлюсь. И мне очень интересно: по какой такой странной причине?

— Он любит тебя, — говорит Эшлинн, и я думаю, что она имеет в виду моего сына, который нашел новые сиськи и не может этому нарадоваться.

— Так и должно быть. Он мой сын.

Эшлинн смеется:

— Нет, я имею в виду Ноа. Не знаю, почему в вашем браке настал такой период, и это не мое дело. Но у вас все еще есть любовь. А теперь иди. Я справлюсь.

Сомневаюсь в этом, но идея провести немного времени наедине звучит потрясающе. Через час проснутся Оливер и Хейзел, и мне нужно будет подготовить их к школе. Кивнув, я встаю и глубоко вздыхаю. И, как только делаю это, эмоции вновь одолевают. Они выстраиваются и укрепляются, как будто знают, что в тот момент, когда я буду в моей спальне за закрытой дверью, они смогут, наконец, высвободиться.

На цыпочках поднимаюсь вверх по лестнице, и чем дальше иду по коридору, тем тщательнее стараюсь подготовиться к тому, что скажет или сделает Ноа.

Телевизор включен, дверь открыта, Ноа стоит перед окном. Захожу в комнату и закрываю за собой дверь, но он ничего не говорит, как будто не замечает моего присутствия.

— Ты в порядке?

— Нет, — отвечает он, пожимая плечами.

Я отворачиваюсь, не прося у него объяснений, и вздыхаю. Не уверена, что хочу знать (хотя на самом деле я уже знаю), что это не так. Как только я собираюсь уйти, муж хватается за руку, притягивая к себе.

— Что мы делаем, Ноа? Мы избегаем того, что действительно происходит между нами. Так нельзя.

Муж молчит, глядя на меня и словно чего-то ожидая. Он приоткрывает рот, и мое сердце подпрыгивает. Вот оно. Сейчас он скажет что-нибудь, отчего нам либо станет лучше, либо мы разойдемся.

— Я не хочу говорить о ней.

Взгляд пронзительный, голос хриплый. Он наблюдает за моей реакцией, читая все в моих слишком блестящих от слез глазах. Ноа знает, что если продолжит избегать этой темы, то только сильнее оттолкнет меня. Но он все равно делает это.

Ноа присаживается на край кровати и тянет меня вниз, пока я не оказываюсь перед ним на коленях. Дрожащими руками он прикасается к моему лицу. Его глаза покраснели, я вижу в них сомнение. Что бы ни было между нами, все это превратилось в какую-то хрень.

Разочарованно вздохнув, желая встать и уйти, я прислоняюсь лбом к его колену и даю волю слезам.

— Посмотри на меня, — требует он сломленным от отчаяния голосом.

Не в силах сдержать рыдания, я качаю головой. Ноа встает, поднимает меня на ноги, а затем укладывает в центр нашей кровати и ложится сверху. Я так устала. Мои глаза покраснели и горят так, что я едва могу держать их открытыми. А потом муж целует меня. С силой прижимается к моим губам, как будто пытается показать, что только так он может меня поддержать. На эмоциональном уровне он больше не может ничего предложить, и я не знаю, будет ли этого достаточно.

— Я больше не хочу видеть, как ты плачешь, — шепчет он, уткнувшись мне в шею.

— Тогда поговори со мной.

— Не могу.

Оторвав губы от моей шеи, Ноа целует меня, не дожидаясь моего ответа. Он начинает тереться об меня бедрами, и я закатываю глаза. Секс помогает Ноа отвлечься от эмоций. Такой у него способ. Ему явно что-то нужно, но он не говорит, что именно. Его движения

резкие и быстрые. Ноа целует мои губы, шею, грудь, затем снова возвращается к губам, как будто это ответ.

— Ноа, — шепчу я, целуя его. Он ничего не говорит, но наши взгляды встречаются. — Что мы делаем?

Я наблюдаю за эмоциями, которые сменяют друг друга на его лице, за тем, как он моргает и как останавливается, за всем этим.

— Я люблю тебя, — бормочет Ноа в мои губы так тихо, что не уверена, правильно ли расслышала его.

Но потом я задумываюсь об этих трех словах. Достаточно ли этого? Они до сих пор что-нибудь значат?

Здоровой рукой Ноа тянет вверх мою рубашку, снимает ее и бюстгальтер. Все происходит так быстро, что это трудно понять и не отставать от него. Муж нависает надо мной, и когда я вижу его сверкающие от слез глаза, то снова начинаю плакать.

Я смотрю, как он закрывает глаза и поверхностно дышит. Ноа встает с кровати. Расстегнув ремень и молнию на своих джинсах, он стягивает их. Снова забравшись на кровать, он тянется к моим леггинсам и быстро их срывает.

Расположившись между моими ногами, он выпрямляется. Я чувствую его член и хочу подвигать бедрами. Ноа пару мгновений внимательно смотрит на меня, а потом входит в мою киску. Он нависает надо мной, его руки дрожат от напряжения. Не спеша покрывая мою шею поцелуями, он начинает двигаться, и я сразу выгибаюсь.

Прижавшись лбом к моему плечу, Ноа что-то шепчет, но я не могу разобрать ни слова. Желая видеть его лицо, я смотрю на него. Лучи восходящего солнца, проникающие в окно, скользят по его темным покрасневшим и наполненным беспокойством глазам. Когда его тело начинает дрожать, Ноа глубоко вдыхает и снова целует меня. Мы делим одно дыхание на двоих. Вскоре его тело опять сотрясает дрожь, и я понимаю, что он готов кончить. Я знаю, мы избегаем разговора, и это отстойно, но я делаю это ради него. Я возношу его к высотам блаженства, даже если после этого насовсем потеряю его на эмоциональном уровне.

Когда мы кончаем, Ноа скатывается с меня и закрывает лицо рукой. Я встаю с кровати и направляюсь в ванную.

Меня ослепляет свет ламп, а вид крови на плитке напоминает о случившемся. Я подхожу к раковине, умываюсь, а затем надеваю одну из футболок мужа и возвращаюсь в постель. Я стараюсь устроиться только на своей половине кровати, где мы провели незримые боевые линии.

Ноа тяжело дышит — не спит, но, возможно, просто не отошел от секса. В прошлом году я видела его таким каждый день: отстраненный, ни на что не реагирующий, если не считать мимолетных поцелуев и вымученных ответов. Я хочу забыться в его объятиях, услышать стук его сердца и уснуть под него. Но я этого не делаю. Жду, пока он сделает шаг навстречу.

Так быть не должно. Каждый день я боюсь услышать «Я больше тебя не люблю» или «Я хочу развестись», но не уверена, что именно Ноа первым произнесет эти слова.

Тишину нашей спальни заполняет ровное и спокойное дыхание мужа, а мое сердце снова разрывается. Я поворачиваюсь к нему спиной, свернувшись калачиком. Моя боль слишком невыносима, чтобы показывать ее. Но муж знает об этом. Он всегда так делает. Есть лишь вопрос: а разве ему не все равно?

Ноа

Двигаемся дальше

(Я бы с удовольствием подвигался в кое-чем. Теплом, влажном и тугом... Ну, вы понимаете)

Вы в курсе, что говорят о «Виагре»? Типа от нее четырехчасовая эрекция?

Фигня это все. Попробуйте походить со стояком десять часов, как я. Производители обязаны писать об этом на упаковке. А я должен был принять половину таблетки или вообще ничего не принимать. Еще у меня чертовски болит голова.

Я не могу уснуть. Вместо этого я лежу, уставившись в потолок, и слушаю, как плачет Келли. Я хочу ее утешить. Но по той же причине, по которой не упоминаю Мару в разговоре, я не могу поддержать жену. Хочу сказать ей, что все будет хорошо и мы справимся, но не уверен, что так и будет.

Хорошо уже не будет никогда.

Мы потеряли нашу дочь. Ничто не сможет унять эту боль. Ни время, ни перемены. Ничто. Даже гребаная «Виагра».

В конечном итоге Келли встает, чтобы покормить Фин. А я навожу порядок в ванной, чтобы она не порезалась о стекло.

Когда несколько часов спустя я собираюсь на работу, Боннера и Эшлинн уже нет в доме, а Келли стоит на кухне. Она готовит завтрак и ланч. Фин сидит в своем стульчике, с таким рвением набивая в рот кукурузные хлопья, будто ее никогда не кормили. Севи лакает молоко из миски подобно собаке, а Оливер сидит за столом с айпадом, отбиваясь от Хейзел, которая пытается отобрать у него гаджет.

Я смотрю на свою семью, думая о том, почему не смог открыться Келли в нашей спальне, не сказал все, что должен был, и почему понятия не имел, как это сделать. Не хочу смотреть правде в лицо. Я не желаю вести разговоры о прошлом. Просто та маленькая слабина, которую я позволил себе после смерти Мары, — это самое большее, что я могу выдержать в данный момент. Есть такие детали ее смерти, о которых я никогда не расскажу.

Знаю, именно поэтому мы с Келли отдаляемся друг от друга, и понять это нелегко, что уж говорить о том, чтобы с этим справиться. Особенно когда это касается детей. Я наблюдаю за ними. Их индивидуальность настолько очевидна и проявляется во всем, что они делают. Мое сердце замирает оттого, что один из них навсегда исчез. Эта пустота все время будет ощущаться в нашем доме.

— Папочка! — со вздохом произносит Хейзел, когда замечает меня и мою перебинтованную руку. — Что ты наделал?

Я быстро смотрю на Келли. Она даже не взглянула на меня, так как слишком занята приготовлением еды.

— Сломал руку, — отвечаю я ей и тянусь в холодильник за протеиновым коктейлем.

— Сломал? Как? — Оливер отвлекается от айпада, а Хейзел мгновенно вырывает его из рук брата.

— Работал по дому, — лгу я, проходя мимо Келли.

Наши плечи на миг соприкасаются. Моя кожа до боли горит оттого, что я хочу ее обнять и притянуть к своей груди. Но я не осмеливаюсь излишне контактировать, хотя бы потому, что до сих пор не прочь провести еще один раунд в постели, даже если мой стояк потихоньку идет на убыль. Вы можете топить свои чувства с помощью секса до тех пор, пока они не хлынут через край.

— Оливер сегодня переночует у Коннера, — напоминает мне Келли.

Я разглядываю пластиковую коробку в своей руке.

— Кто такой Коннер? — спрашиваю я, не в силах вспомнить, как он выглядит.

— Мальчик из его баскетбольной команды... — Жена думает, что это мне поможет. У меня ужасная память на имена. И на лица. — Тот, родителей которого ты просил меня проверить, потому что тебе показалось, что они слишком много улыбались.

Теперь вспомнил.

— Никто не улыбается так много, если все в порядке с головой. Скорее всего, они организовывают торговлю детьми. Знаешь, на днях я видел плакат в туалете «Старбакса», на котором было написано, что, если вы жертва киднепинга, позвоните по такому-то номеру. Откуда у этих людей телефон? Уверен, никто из тех, кого незаконно перевезли в Мексику, даже не подумал засунуть свой телефон в задницу, чтобы позже позвонить в полицию.

Как только я заканчиваю, мне становится любопытно: может быть, это от недосыпа и мне стоит вздремнуть? Келли смотрит на меня таким взглядом, как будто я сошел с ума. Ночь без сна и не до такого доведет. Даже Фин, пристроившаяся на руках у Келли, сейчас смотрит на меня, приподняв одну бровь. Но, повторюсь, эта девчушка меня ненавидит.

— Они милые люди. И не собираются вывозить Оливера в Мексику.

Как только жена это произносит, Оливер толкает Хейзел со стула, и она летит на пол.

— Хватит воровать мои вещи! — кричит он на нее.

— Да они вернут его обратно, потому что он засранец, — бормочу я жене, касаясь губами ее уха.

Она улыбается, дрожа от моего прикосновения, а затем вздыхает:

— Оливер, не делай сестре больно. Этот айпад и ее тоже. Ребята, вы должны делиться.

— Я первый его увидел, — огрызается Оливер, закатывая глаза.

Поднявшись с пола, Хейзел не плачет из-за того, что ее старший брат ведет себя как мудака. Я беру со столешницы фруктовый батончик и бросаю в голову Оливера. Он попадает прямо в ухо. Сын поворачивается ко мне, шокированный.

— Угомонись, Олли.

Он прищуривается и напрягает плечи, но ничего не говорит. Сын знает, что со мной такой номер не пройдет. Хейзел забирается на стул и показывает ему язык.

— Ты так груб со мной.

— Потому что ты мне не нравишься, — шепчет ей Оливер.

Ненавижу то, как он относится к ней, но что бы мы с Келли ни говорили ему, ничего не меняется. Он никогда не вел себя так с Марой. Уж не знаю, пытается он таким способом оправиться после ее смерти или просто переживает кризис десятилетнего возраста. Иногда дети такие засранцы.

Я слишком близко подхожу к Келли, и Фин, смотря на меня, делает глоток из своей бутылочки. Я понимаю, что произойдет, и делаю шаг назад, прежде чем она успеет в меня плюнуть.

— Даже не думай, — предупреждаю я, не желая менять футболку. Вы офигеете, узнав,

как трудно одеться, используя одну руку.

— На работе проблем из-за руки не будет?

Я смотрю на свою руку.

— Все хорошо, — бормочу я, а потом целую детей.

— Пока, — говорит на прощание Келли и быстро целует меня в щеку. Коротко и натянуто. Я снова разозлил ее.

Подхожу к столешнице — к той самой, на которой трахал ее этой ночью, — и понимаю, что не должен так уходить. Нет уж. Она заслуживает чего-то еще, даже если я не могу предложить ей многого. Поэтому, развернувшись, я наклоняюсь и шепчу ей:

— Я люблю тебя.

Потому что знаю: она хочет это услышать.

На губах Келли появляется улыбка, мягкая и нежная.

— Я люблю тебя.

Как только я забираюсь в машину, меня поражает боль от осознания того, что я постоянно так с ней поступаю. Просто ухожу. Прячу свои чувства и слова, которые не могу заставить себя произнести, и делаю то, что умею, — обеспечиваю нашу семью.

Я ненавижу ссоры. Не вижу в них смысла. Отец постоянно кричал на меня, чтобы донести свою мысль. Я никогда его не слушал. Когда ты слишком часто слышишь, как произносят «не те» слова, то входит в привычку больше оправдываться, чем общаться.

Я подпрыгиваю от стука в окно. Боннер. До сих пор хочу его убить. Опускаю стекло в машине.

— Проваливай. Я все еще зол на тебя.

Держа в руке чашку кофе, он бросает мне уведомление от ТСЖ.

— Это оставили в твоей двери утром. Предлагаю пойти и насрать на пороге дома леди из ТСЖ.

Я разрываю уведомление и бросаю его на пол пикапа.

— Спасибо, что присмотрели за детьми.

Улыбаясь, он подносит чашку к губам. Боннер щурит небесно-голубые глаза от солнца, выглядывающего из-за крыши нашего дома. Прикрыв глаза рукой, он наклоняет голову.

— Без проблем. Как рука?

Я завожу двигатель.

— Затрахала.

— Отстой. Зайди, когда вернешься домой.

— Снова дашь мне маленькую голубую таблетку счастья?

Уловили сарказм в моем голосе?

Боннер тоже. Он фыркает, закатывая глаза, и хлопает кулаком по крыше моего пикапа.

— Нет, у меня есть кое-что получше.

Я закатываю глаза. Даже слышать об этом не хочу.

* * *

Работа — отстой. Работать на своего брата тоже отстой, а быть одноруким механиком — это для меня охренеть какой удар. Сказать, отчего больнее всего? От современной работающей молодежи. Вы не поверите, сколько здесь детишек. Эдакие Боннеры Слэйды, которые занимают рабочие места, но на самом деле ни черта не делают. Я не настолько

хорошо знаю Боннера, чтобы понять, относится ли он к их числу, но его возраст не позволяет мне думать иначе. Очень надеюсь, что нормально воспитаю своих детей и они не превратятся в таких придурков. У этих пареньков всему есть оправдание: «У меня стресс, мне необходим перерыв», «Мне нужно курнуть, потому что у меня стресс», «Прошлой ночью моя собака блевала... Дайте мне выходной». И мое любимое: «Я купил новый мотоцикл. Мне нужна прибавка к зарплате». Так ты должен был подумать об этом перед тем, как его покупать!

На моей родине все вставали с рассветом и заканчивали работать с наступлением заката. *Каждый божий день*. Не думаю, что скот или какая-то часть ранчо ждали, пока я покурю вейп или проверю последние новости в Инстаграме. Черт возьми, живя в Техасе, большую часть времени я понятия не имел, где мой сотовый и что это за хрень такая — вейп.

Помните, я говорил, что вы еще познакомитесь с Ником? Момент настал. В магазин он приходит около десяти часов утра. Наверное, приятно иметь свой дилерский центр, в котором можно появиться, когда захочешь. Я каждый день говорю себе, что открою свой собственный магазин, а в такие дни, как этот, думаю: «Ага, я сделаю это сегодня. Уйду и открою свой бизнес, где мне не придется пахать на кого-то другого».

Только я этого не делаю, потому что отношусь к тем парням, которые ненавидят перемены. Я не испытываю страха или чего-то в этом роде. Просто мне нравится повседневная рутина.

Ник заходит в дверь и тут же смотрит на мою руку. Ее чертовски сложно не заметить из-за этого нелепого гипса.

— Эй, что случилось?

— Сломал, — бормочу я, пытаюсь сменить одной рукой полетевшую прокладку головки цилиндра на «Хонде». Это сложно, но возможно.

— Разве ты не должен в таком случае сидеть дома?

Я указываю на мастерскую.

— И оставить все на этих мелких хулиганов, которые у тебя работают?

Ник кивает. Он прекрасно понимает, о чем я говорю, но не делает ничего, чтобы это исправить. Мы постоянно спорим об этом. Каждый день. А затем за спиной Ника появляется высокая блондинка, которая улыбается мне.

— Хочу познакомить тебя кое с кем, — говорит он, указывая на женщину. — Это Ава Дункан. Наш новый начальник отдела продаж.

Я посматриваю на нее через плечо и улыбаюсь.

— Приятно познакомиться. Я бы пожал тебе руку, но ты понимаешь, — подшучиваю я, лишь бы не вести себя весь день как полнейший мудак, и мое настроение улучшается.

Ава лучезарно улыбается, и с ее губ срывается смех. Давненько я не видел, чтобы женщина мне так улыбалась. Она красива. Я бы даже сказал, очень красива. Ава стройная, с длинными прямыми светлыми волосами, которые с одной стороны заплетены в косичку. Они натуральные, а не те, которые вы обычно наблюдаете в Калифорнии.

Окей, давайте-ка притормозим. Прежде чем вы успеете сказать: «Ноа, какого хрена?», я не думаю (и никогда не думал) изменять Келли. Сейчас же выкиньте эти мысли из своей головы. Я просто признаю, что девушка по-настоящему улыбнулась. Не вынужденно и не движимая тем простым фактом, что должна улыбнуться ради приличия.

Но потом Ава наклоняется и касается моего плеча. Не знаю, в курсе ли вы, но мне не нравится, когда меня трогают. Кто бы это ни был.

— Парни, вы братья?

Я смотрю на Ника и снова на Аву. Мне не нравится, каким тоном она это спрашивает. Звучит так, будто она спрашивает про *таких* братьев. Ну, вы понимаете. Про тех, которые вместе трахают женщин.

Только я собираюсь съязвить, как Ник подмигивает и обнимает ее за хрупкое плечо, сжимая его.

— Он мой младший брат.

Да, это мне тоже не нравится.

Ава тут же уходит, а Ник задерживается, пялясь на ее задницу. Кстати, Ник женат. Уже шесть лет. После колледжа он женился на девушке, в которую влюбился еще в средней школе, а затем перевез ее в Калифорнию.

Я смотрю на него. Он это понимает.

— Поверь мне, она великолепна.

Знаете, я перестал доверять Нику еще в семилетнем возрасте после того, как он нассал в чашку, насыпал в нее лед с сахаром и сказал, что это лимонад.

Вздыхнув, я бросаю гаечный ключ в контейнер, стоящий рядом с ящиком для инструментов. По всему магазину разносится звон, и его просто невозможно игнорировать. Брат это замечает, его улыбка меркнет.

— Что ты делаешь, Ник?

Он незамедлительно обороняется:

— О чем ты?

— Ты прекрасно понимаешь, *о чем* я. — Я указываю на Аву, которая стоит в окружении курильщиков, пускающих слюни на нее и ее охренительно длинные ноги. — Ты женат.

Ник запускает руки в карманы.

— Не твое собачье дело, Ноа. — Он протискивается мимо меня, задев мое плечо.

Не мое собачье дело? Ник никогда не делился своими чувствами.

Хочу сказать ему намного больше, но не могу. Я отпускаю эту ситуацию, потому что после недосыпа у меня совершенно нет сил с ним спорить. Я смотрю на Аву, а затем на Ника, когда он выходит из магазина, и не могу поверить, что он поступает так с Сианной после стольких лет совместной жизни.

Один из парней подходит ко мне и прислоняется к ящику с инструментами, глядя на Ника с Авой.

— Как думаешь, он нанял ее из-за внешности?

Я смотрю на этого пацана:

— Черт возьми, я не знаю. Что ты делаешь? Разве ты не поменял масло на той «Хонде»?

Парнишка пожимает плечами.

— Я думал.

Он думал? Видите, что я имею в виду под современной молодежью? Она ужасна.

— Займись делом.

Я даже не знаю, как его зовут, но, судя по бейджу на рубашке, его имя начинается с буквы «М». Из-за сгиба не могу разобрать остальное. Смех со стороны выставочного зала привлекает мое внимание. Ава стоит рядом с Ником и улыбается ему, положив руку на его плечо, а он обнимает ее за талию.

Послушайте, я полностью согласен, что искра исчезает из отношений, и, черт возьми, мне тоже хочется испытывать те чувства, что появляются в первые месяцы после знакомства.

Но если вы, скажем, не порнозвезда, то в конце концов чувство новизны притупляется, и вы остаетесь с мыслями о том, почему бы не пойти налево. Это не имеет ничего общего с другим человеком. Все дело в тебе и твоём дерьме. По крайней мере, я так считаю, но кто, черт возьми, станет меня слушать. Это очевидно. И по тому как Ник отказывается смотреть мне в глаза до конца рабочего дня, я понимаю, что он не разделяет мою точку зрения.

Я думаю о Сианне и о том, как она себя чувствует из-за этого. Она, скорее всего, даже ничего не подозревает об этой женщине или о других таких же. А я знаю своего брата достаточно хорошо и понимаю: другие наверняка были. Он отвратительно относится к женщинам.

Естественно, это наталкивает меня на мысли о Келли и о том, как я продолжаю отдаляться от нее. Несмотря на то, что на физическом уровне не изменяю ей, эмоционально я не делаю ничего из того, в чем, как я думаю, она нуждается. Я все понимаю, но не предпринимаю никаких действий, чтобы остановить это. Особенно прошлой ночью. Я не был готов иметь дело с доктором Мары. Я-то решил, что если мы переедем как можно дальше от Остина, то воспоминания о потере постепенно исчезнут из памяти. Но со скорбью и, что важнее, со скорбью о потере ребенка это не работает.

Я могу убеждать себя, что дам Келли то, что ей нужно, но в реальности этого не происходит. В кино — конечно, но реальная жизнь — такая сложная хрень.

Келли

*Когда нуждаешься в подруге
(Скорбь не для слабаков)*

Не хочу двигаться. Хочу погрязнуть в своих страданиях и реветь горючими слезами, пока не окажусь в шоколадной коме. Как бы заманчиво это ни звучало, раньше я уже проделывала подобное и в результате набрала пять лишних килограммов, которые, клянусь, отложились на моей попе. И еще появились прыщи.

В то утро я встала с постели, потому что у меня есть дети, которые нуждаются во мне, и я поняла, что не могу просто взять и поддаться скорби, оставшись в кровати. Конечно, мне этого хочется, и я так чертовски устала. Надеюсь, что Фин и Севи позже поспят, потому что мне это просто необходимо.

Стоя в автомобильной очереди в «Старбакс», чтобы купить столь необходимый мне кофе, я открываю свою тетрадь. Мне необходимо кое-что сообщить дневнику, чтобы снять камень с души.

*

Дневник, насчет прошлой ночи. Охренеть какая была ночка. Настанет ли время, когда мы наконец-то все выскажем, а не будем мучаться? Я так не думаю, но боюсь, что, скорее всего, Ноа уже близок к этой точке. Прошлой ночью он сказал, что больше не хочет видеть, как я плачу, но, дневник, он также не хочет со мной разговаривать. По крайней мере, не о Маре, и я знаю: все наши проблемы растут оттуда. Я думаю о его словах о нежелании видеть меня плачущей. Даже после того, как я подбросила Оливера и Хейзел в школу, эти слова нависают надо мной подобно грозовой туче. В течение дня я со счета сбилась, сколько раз хотела позвонить Ноа и попросить за все прощение, но опять же, ничего не сделала. Понятия не имею, о чем я сожалею. Думаю, Ноа тоже этого не поймет. Вчера вечером мы столкнулись с педиатром Мары, которого не видели со дня ее похорон. Я не была готова к этой встрече, как и Ноа. Он полностью закрылся, увидев его. А потом у нас был секс. Такое чувство, что так он пытался спрятать свои эмоции. Я плакала. О каких отношениях можно говорить, если я плачу во время секса? Уж точно ничего хорошего в этом нет. Я чувствую себя такой одинокой, а он все глубже и глубже погружает меня в это состояние каждым своим действием, и это разбивает мне сердце. Почему он просто не может побыть рядом со мной и не притворяться все время таким бессердечным козлом?

*

Позади меня кто-то сигналил, отвлекая от размышлений. Затем я получаю сообщение от Кейт.

Кейт: Я слежу за тобой в «Найти друзей». Ты в «Старбакс», а мне нужен кофе. Выручай сестру!

Она отслеживает мое местонахождение в приложении «Найти друзей»? Жуть какая!

Я: Что тебе надо?

Кейт: Секс!

Я: ...

Кейт: Здорово. Мокко. С двойной порцией взбитых сливок.

Поверить не могу, что она следит за мной. Сумасшедшая женщина. Я беру наш кофе и бегу в балетную студию Хейзел, чтобы забрать ее сумку, которую мы забыли там прошлым вечером. Леди за стойкой регистрации вручает мне листок с перечнем необходимых вещей.

Подумать только, пятилеткам для занятий балетом нужен список. Ну да ладно. Мара занималась гимнастикой, когда ей было шесть, так что я отлично помню все, что им требовалось. Безумие какое-то.

Когда я подъезжаю к дому, Кейт сидит на нашем крыльце со своей собакой.

— Почему так долго? — спрашивает она, как только я выхожу из машины.

Я передаю ей кофе.

— Пришлось забежать в балетную студию, чтобы забрать сумку Хейзел.

Кейт берет свой кофе из моей руки и уже собирается сделать глоток, но в этот момент Майли натягивает поводок, и подруга проливает на себя большую часть напитка. Кстати, она одета в белую рубашку и теперь выглядит... Ну, вы понимаете.

Нахмурившись, Кейт смотрит на пятно.

— Проклятье! Почему я всегда ношу белое? Давно пора усвоить этот урок.

— Очевидно, ты его не усвоила, — смеюсь я, распахивая дверь машины, чтобы вытащить Фин и Севи с заднего сиденья. Они спят. К сожалению, не похоже, что сегодня днем они снова лягут спать.

Кейт открывает наши ворота и позволяет Майли бегать по заднему двору, пока я пытаюсь занести в дом двоих детей, кофе и сумку. Но как только Севи слышит лай собаки, то практически выскальзывает из моих рук. Вместо того, чтобы помочь мне, Кейт берет листок, который мне дали в балетной студии, и начинает читать его вслух:

— Все балерины должны приходиться с тугими пучками на голове, в мягких розовых лосинах и розовых балетных туфельках. Естественные, загорелые, с коричневыми глазами. — Кейт хмурится. — У Хейзел ведь голубые? Значит, ее выгонят за голубые глазки?

— Думаю, они имеют в виду тени для век.

— Оу, — хихикает Кейт и продолжает читать: — Розовые губы. Красные румяна. Черная тушь. Запасные заколки. Лак для волос. Сеточка для прически в тон цвету волос... — Подруга замолкает, широко раскрыв глаза. — Она балерина или мелкая китайская проститутка?

— Кейт! — возмущенно вздыхаю я, пытаюсь сдержать смех.

Следуя за мной, она переводит взгляд от бумаги на меня, а затем шепчет высоким голосом:

— Мы будем любить тебя вечно.

Как только мы оказываемся в доме, Севи выскакивает через заднюю дверь, чтобы поиграть с собакой, а я кладу Фин на диван.

Кейт осматривает дом, замечая бардак и посуду, которая до сих пор лежит в раковине, а затем улыбается мне.

— Ну, как прошла вчерашняя ночь?

Вздыхая, я киваю в сторону кухни и жду, когда она пойдет за мной, чтобы не разбудить Фин. Поверьте, она спокойно спит при посторонних звуках, но я не хочу говорить о своих проблемах рядом с ней. Если Финли услышит все это, то ее первым словом будет что-то типа «член», «Виагра» или еще хуже... «порно».

— Все пошло не так, как я планировала, — говорю я Кейт, сидя за кухонным островком с кофе в руках. — Ноа порезал руку, нам пришлось ехать в отделение скорой помощи. — Я машинально останавливаю взгляд на столешнице, к которой он толкнул меня и трахнул. Признаюсь, это было горячо и напомнило первый год брака, когда ничего, кроме секса и совместной жизни, не имело значения. — Ага. Полнейшее безумие. Во всяком случае, ночь мы закончили в поликлинике. А Боннер присматривал за детьми. Это была катастрофа.

— Могу сказать только одно, — смеется Кейт, глядя на задний двор, где Севи копирует каждую собачью повадку, — вы оставили своих детей с Боннером. Они все еще живы?

Мою грудь тут же пронзает боль. Да, я хочу рассказать, но не могу. Никому из здешних я не говорила о Маре. Я просто не готова кого-то посвящать в эту часть нашей жизни.

— Да. Он хорошо с ними справился, если не считать того, что Оливер теперь желает переехать к нему, а Севи нашел двух лучших друзей. Он в буквальном смысле спал на сиськах Эшлинн, словно они для него и созданы.

— Я бы тоже полежала на ее сиськах. Ты их видела?

— На самом деле да. Я посмотрела один из ее фильмов.

Кейт от удивления широко раскрывает глаза.

— Ты смотрела? Какой именно? Я видела тот, где она впустила одного парня в задницу, а другого — в вагину. После этого я не перестаю про себя думать: *ого, как ее растянули.*

Я смеюсь, качая головой.

— Название фильма не помню, но точно не этот. Потом вошел Ноа, застучал меня, я запаниковала, швырнула айпад в стену, и он разбился.

— Твою мать! — Подруга хлопает ладонями по столешнице. — Расскажи мне. *Все. В. Деталях.*

— Боннер дал ему «Виагру»... — Я замолкаю, чтобы посмотреть на реакцию Кейт. Никогда не знаешь, чего от нее ожидать.

— *Что-о-о?* — Ухмыляясь, она поднимает бровь.

Я рассказываю ей все события, которые привели нас в душ, потом на кухню, а затем к встрече с педиатром Мары. Я говорю ей все это, потому что мне нужно высказаться. Мне необходимо снять камень с души и сказать то, что не узнал утром мой дневник, поэтому... Не знаю почему, но я доверяюсь Кейт.

— Кто такая Мара? — робко спрашивает она, как будто все это время знала ответ.

— Наша дочь, которая умерла в прошлом году.

Я даже не могу сказать, что случилось и почему, просто говорю, что она умерла.

Все по-разному воспринимают известие о потере своего ребенка. Вы видите эмоции на лицах этих людей. *Каждую эмоцию.* Сначала шок. Затем любопытство, почему это случилось. И, наконец, проявление сочувствия, когда люди, представив себя на вашем месте, чувствуют то небольшое опустошение, которое вы, должно быть, испытали. Они печалются за вас.

Я не хочу сочувствия. Не хочу слышать «*Мне так жаль*» или «*Если я могу чем-то помочь...*». Я желаю, чтобы моя дочь вернулась, черт побери. Это все, чего я хочу.

Кейт тянется к моей руке и крепко меня обнимает.

— Я знаю, что у меня не такие большие сиськи, как у Эшлинн, но тебе придется их представить.

И я позволяю подруге обнять меня, потому что мой муж не хочет или не может этого сделать. Она не спрашивает, как умерла наша дочь, не интересуется деталями. Я не хочу рассказывать о ее смерти и ценю это.

Около двадцати минут я плачу на несуществующих сиськах Кейт, затем она отстраняется и смахивает свои собственные слезы.

— Я рева-корова. Если кто-то плачет, я тоже реву.

Смеясь, я достаю бумажное полотенце и вытираю сопли.

— Все нормально. Почти все плачут или едва сдерживают слезы, когда им сообщают, что чей-то ребенок умер.

Кейт вздыхает, но ничего не говорит, а потом хлопает по моему плечу.

— Кстати, ты помогаешь мне с днем рождения моих детей в эти выходные.

Я качаю головой. Она так ловко сменила тему и заставила меня смеяться, а не плакать. Именно это мне и нужно было. Больше, чем я осознавала.

— Ненавижу вечеринки по случаю дня рождения, — признаюсь я, зная, что Кейт не собирается осуждать меня за то, какая я мать. — Мама Ноа всегда планирует вечеринки для детей.

— Я тоже, подруга. Вот поэтому ты должна мне помочь не прикончить Джейсона. Как по мне, он слишком воодушевлен. Так взволнован тем, что мальчикам исполняется одиннадцать и они устраивают пиратскую вечеринку.

Часть меня хочет сказать Кейт, что она тоже должна быть взволнована, потому что Маре никогда не исполнится одиннадцать. Я никогда не смогу спланировать для нее эту вечеринку. Даже несмотря на то, что ненавижу их планировать, я бы все отдала за то, чтобы сделать это.

А потом я снова плачу.

Кейт встает из-за стойки и рыщет в моем шкафу, где находит бутылку «Бейлис», а затем подливает порцию в мой кофе.

— Кейт, я не могу пить. Через пару часов мне нужно забрать детей.

Она затыкает мой рот одним движением руки.

— Тут немного. Я же не вылила тебе целую бутылку. И никто не осудит тебя, если ты это сделаешь.

— Да еще как осудят. Те самые мамыши из родительского комитета, которые на днях ругали меня за нарушение парковки у школы, первыми и осудят.

Кейт смеется:

— Ты права, они сделают это. А я — нет.

Она абсолютно права. Она этого не сделает. Кейт — именно та, кто мне нужен в данный момент. Подруга, которая не собирается осуждать или попытается проявить сочувствие. Она просто слушает.

Ноа

Дружелюбный сосед

(И почему я вообще позволяю ему втягивать меня во всякое дерьмо?)

— Хочу тебе кое-что показать.

Мне не нравятся эти слова. Особенно когда они звучат из уст Боннера. Я молчу. Просто иду за ним в гараж, чувствуя, что не должен этого делать, но, черт возьми, мне интересно, что он хочет показать.

А затем, ухмыляясь, он достает айпад и кладет его на стол. Я присаживаюсь рядом с Боннером, и он нажимает на кнопку воспроизведения.

Со стоном я провожу рукой по волосам:

— Блядь, ты серьезно?

Он кивает. Дебил. Поверить в это не могу.

Черт бы побрал этого пацана. Заметили, что на экране? В том случае, если вы до сих пор не поняли, что там за шум, то это порно. Что еще более важно, порно с участием Боннера и его жены. Кажется, ему ни капли не стыдно. Сплошная самоуверенность.

— Ты реально ждешь, что я запишу секс на видео? — Я очень стараюсь не смотреть на экран, но мне приходится приложить немало усилий. — Я женат. Женатые люди не станут делать подобное дерьмо, если они не знаменитости. А мы ими не являемся.

В течение следующего часа Боннер показывает мне порно, а я стараюсь не реагировать. Ну, это же секс. Причем горячий секс. Я просто пытаюсь не спалиться. Когда сосед начинает рассказывать о ролевых играх, я отталкиваю его от себя.

— Это не так уж сложно. — А потом он смеется, кивая на мою ширинку. — Хотя, может быть, и да.

— Хватит! — Я отталкиваю его.

— Я буду Келли, а ты будь собой. — С этими словами Боннер скрещивает ноги, перекидывает через плечо воображаемые волосы и смотрит на меня, хлопая ресницами. — Спроси, как у меня дела.

Вдохнув, я покачиваюсь на стуле, не готовый к такому повороту. К тому же, порно до сих пор воспроизводится на планшете, и сейчас сиськи его жены подпрыгивают на экране. Все это так странно, что я действительно начинаю потеть.

— Не могу. — Я внимательно смотрю на него. — Ты пытаешься ко мне подкатить?

Он ржет. Но я все равно не доверяю ему.

— Я чертовски серьезен. Ребят, сделайте так, и это вернет азарт. Иногда нужно попробовать что-то новенькое, чтобы вернуть искру в отношения.

— Черт возьми, значит, запись нашего секса должна вернуть искру?

— Да, все верно. Я знаю, что так и будет. — Боннер кивает и наклоняет айпад в мою сторону.

Он включает другое видео, и я благодарен ему за то, что теперь там кто-то другой. Ненавижу осознавать, что Боннер отлично укомплектован ниже пояса. Просто это супер неловко. Хотя уверен, что Стив был бы рад узнать, как выглядят петушки его приятелей, но

это то, чего я не хочу себе представлять.

— Как, черт возьми, ты оказался втянут в порноиндустрию?

Боннер фыркает.

— Очевидно, из-за моего великолепного члена. — Я ничего не говорю. Ни одного чертова слова, даже глазом не повел. — Да я же просто прикалываюсь над тобой, чувак. У меня был друг-режиссер, и с его подачи все началось. Мой брат — рок-звезда. Он нас и познакомил.

— Серьезно? Твой брат — рок-звезда?

— Слышал о «Рэвд»?

Я киваю, вспомнив их песню «Черное сердце», которая звучала в рекламном ролике.

— Да.

— Солист группы — мой старший брат.

Твою ж мать!

— Вау, это круто.

— А другой мой брат — квотербек в «Сихокс», профессионального клуб города Сиэтла.

Я с недоверием смотрю на него.

— Иисусе. Ты серьезно?

— Ага. Очуметь, да?

Они как семейка Мэннингов, у которых из поколения в поколение рождались звезды американского футбола. Или братья Хемсворт.

— Это точно.

Боннер взмахивает рукой:

— Вернемся к этой херне. Итак, я Келли, а ты — это ты. Как ты предложишь мне заняться сексом?

Мое лицо немеет.

— Не знаю. Давай потрахаемся?

— Не будь таким грубияном, — мурлычет сосед женским голосом, поглаживая мое плечо.

Я резко вскидываю голову и отстраняюсь от него.

— Нет. Мы не будем этим заниматься.

— Да, будем. — Боннер хватается за плечи, вцепившись в рубашку. — Не веди себя как киска. У тебя получится. Давай же. — Он замолкает и показывает на айпад. — Сначала соблазни ее, а затем переходи к этому.

Я пялюсь на экран, несмотря на попытки не делать этого. Боннер протягивает мне рюмку какого-то алкоголя. Я понимаю, что это может быть средством для очистки труб, но, учитывая ситуацию, выпиваю эту дрянь так, словно она является последним напитком на земле.

Мое горло горит, но я не умираю, к тому же алкоголь помогает унять головную боль, которая до сих пор меня беспокоит. Выпив еще пару рюмок, я реально начинаю прислушиваться к словам Боннера. Раньше я не думал о том, чтобы снять секс на видео. Может, сначала эта идея и казалась мне дерьмовой, но признайте: концепция весьма интересна. Боннер хорошо доносит мысль, не так ли?

Где-то между тем, как Боннер надевает парик, и тем, как я говорю ему, что он сойдет за женщину, в гараж заваливается Джейсон. Он улыбается.

— Вау. Я не помешал?

Залпом выпиваю еще одну рюмку. Я стораю от стыда. Или от алкоголя.

— Порно.

— Я хочу посмотреть. — Джейсон вытягивает шею, пытаясь заглянуть в айпад.

— Не-а. — Боннер притягивает планшет к груди.

— Не жадничай. — Парни начинают сражаться за планшет, а я выпиваю еще одну рюмку. — Почему ты так себя ведешь? Где справедливость?

— Нет. — Боннер бьет его в живот. Не сильно, но достаточно, чтобы у Джейсона перехватило дыхание.

Затем, пока Боннер и Джейсон катаются по полу, в гараж заходит Стив.

— Эй, парни. Что происходит?

Джейсон смотрит на него, затем на его шорты.

— Чувак, это что, шорты Чарли? Твои орешки вывалились.

— Это мои шорты для бега, — оправдывается Стив, отступая от Джейсона.

— Бегаешь в кроксах? — не унимается Джейсон. — Ты в курсе, что через эти дыры убегает твое достоинство.

— Да пофиг, чувак. Привет, Ноа. — Стив бьет меня по плечу рукой. — Завтра вечером будет собрание ТСЖ. Тебе, наверное, стоит туда пойти.

— Зачем? — с вызовом спрашиваю я, догадываясь, что это, вероятно, касается моего газона.

Его лицо бледнеет. Скорее всего, из-за того, что стоит мне немного выпить, как я становлюсь слегка пассивно-агрессивным и энергичным. Стив тяжело сглатывает.

— Твой дом используют в качестве примера. Тебе решать. — Он снова отступает на шаг в сторону двери. — Увидимся, парни.

Стив сбегает по подъездной дорожке и движется дальше по улице.

Джейсон закладывает руки за голову. Он до сих пор лежит на спине на полу.

— Я до сих пор думаю, что однажды он признается нам, что находится в другой лиге.

Боннер пинает Джейсона в живот.

— Как будто ты ни разу не смотрел гей-порно.

Джейсон резко садится.

— Это абсолютно не похоже на секс двух баб.

— С чего бы? — спрашивает Боннер, отряхивая рубашку и улыбаясь мне.

— Я с удовольствием посмотрю на двух женщин, но не хочу видеть, как один мужик заглывает член другого мужика. Это просто... — он машет рукой, его лицо моментально бледнеет, — ...не мое. Не имею ничего против того, чтобы это делали другие, но только не я.

Я поднимаюсь со стула.

— Я пойду. Наслаждайтесь разговорами о гей-порно.

Удивительно, но Боннер позволяет мне уйти, потому что теперь он увлечен беседой с Джейсоном, рьяно убеждая его расширить свой кругозор и поменять взгляды. Клянусь, мне нужно двигать отсюда. Куда, черт возьми, я переехал?

Подойдя к своей дорожке, я смотрю на свет, льющийся из нашей спальни, и думаю о Келли, которая там находится. Записать секс на видео. Что плохого может случиться?

Врежьте мне по гребаному члену, потому что, ясен пень, многое может пойти не так. Но я все равно собираюсь ей это предложить.

Келли

Давай запишем секс-видео

(Сказали подвыпившие мы. О чем только думали?)

У вас было такое: когда вам выписывали рецепт на лекарство, то предупреждали о том, что его нельзя смешивать с алкоголем? На самом деле врачи должны предупреждать о том же касательно секса. Конечно, иногда алкоголь помогает набраться храбрости. В других случаях это приводит к катастрофе. Как сейчас, например. Вернемся немного назад. Видите ли, эта парочка, сидящая посреди кровати и занятая поиском порно на сломанном айпаде, выпила слишком много сангрии, бутылка из-под которой теперь опустошенная валяется на полу. Это говорит об их неспособности принимать правильные решения. Во всем этом я виню Боннера и Эшлинн.

Внесу немного ясности. Мы должны были понимать, что нельзя совмещать бутылку сангрии с мобильным телефоном, но это нас не остановило. Как бы то ни было, три часа назад, после того как я рассталась с Кейт, домой вернулся Ноа. Мы отправили Оливера на ночевку к его другу. Догадайтесь, кто присматривает за нашими детьми?

Боннер и Эшлинн. Видимо, они их любят. Однако сначала я направилась домой к этой паре и убедилась, что вокруг не валяются «посторонние предметы». Признайтесь, вам ведь интересно, есть ли у них красная комната для ролевых игр, не так ли? Я могу четко представить Боннера в подобном месте. Но я отвлеклась.

Ноа убедил меня, что Боннер и Эшлинн должны присмотреть за нашими детьми, потому что он кое-что задумал. И я согласилась. Не знаю почему. Прошлая ночь была полной катастрофой. Вероятно, мы должны отдохнуть от всего этого, правда?

Как бы то ни было, мы оказались на нашей кровати (предварительно на всякий случай заперев дверь на ключ), а Ноа зажал в здоровой руке смартфон.

— Ты уверен, что мы должны делать это? — спрашиваю я, чувствуя, как дрожат мои руки. Кстати, мы уже голые.

Ноа издает нервный смешок.

— Нет, не уверен. Но звучит весело. Однако я не хочу видеть себя с некоторых ракурсов. Думаю, на кое-какие вещи лучше не смотреть. Например, на свою задницу.

— Мою ты видел. — Я хмурюсь.

— Да, и она симпатичная. Но у меня нет желания разглядывать свою. — Муж указывает на экран, его взгляд слегка остекленевший и смущенный. — Как и эту.

Я совершаю ошибку, посмотрев на экран, потому что там воспроизводится гей-порно.

— О нет. Нет! Найди что-нибудь другое.

Ноа находит, и, когда на экране появляются две девушки, я замечаю его стоящий колом член.

— Ты снова принял «Виагру»?

Ноа смеется и смотрит мне в глаза.

— Нет, черт возьми! У меня до сих пор от нее болит голова.

Я откидываюсь на матрас и прикрываю лицо руками.

— Все это так странно. Может быть, мы не должны этого делать.

Переместившись на край кровати, Ноа кладет свой телефон на комод и нажимает кнопку записи.

— Мы уже делаем это. Нам необязательно смотреть, но мы это сделаем.

Вернувшись на кровать, муж касается пальцами моего подбородка и поворачивают мое лицо к себе. Он наклоняется, и наши носы соприкасаются.

— Я люблю тебя, — шепчет он мне.

Я едва шевелю губами, ожидая, что за этими словами последует поцелуй.

— Я тоже тебя люблю.

Вместо того, чтобы поцеловать, он перемещает меня в центр кровати. Ноа выглядит неуверенным. Именно сейчас, собираясь меня здесь отыметь, он не знает, что со мной делать. Не могу сказать, что виню его. Думаю, у нас боязнь сцены.

— Что нам делать?

— Все банально. Просто трахнемся.

Упираясь локтями в матрас, он наклоняется. Ноа слегка касается губами моих, а затем прижимается ртом к моему. Медленная дегустация, от которой, клянусь, у меня подкашиваются колени. Ноа целует меня до тех пор, пока я не теряю способность дышать и не перестаю понимать, где кончаются мои губы и начинаются его. Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз он так целовал меня, но не могу.

И тогда я думаю: «Ладно, он не разговаривает со мной, но, возможно, этот поцелуй — его способ сообщить: «Эй, детка, я с тобой»». Не знаю. Возможно, такие слова употребляет только кантри-певец Сэм Хант, но дайте девушке помечтать.

Ноа снова целует меня, на этот раз жадно, стремительно, с желанием, и я стону в его рот, требуя большего. Когда мы разрываем поцелуй, я обнимаю его, дрожа от прохладного воздуха в комнате.

Ноа отстраняется, я скольжу губами по его подбородку, шее, плечу, не желая потерять эту связь между нами. А затем мой муж шепчет то, из-за чего я думаю, что за эти дни он пересмотрел слишком много порно.

— Твоя киска мокрая для меня.

Я хочу сказать что-нибудь в том же духе, типа «да» или «может быть», если бы мы побольше занимались сексом. Но я молчу. Вместо этого рычу в ответ, продолжаю целовать его с закрытыми глазами и впиваюсь ногтями в его спину. Я выгибаюсь и упираюсь в него грудью, одновременно бросая взгляд в сторону его телефона, который стоит на комод.

Здоровой рукой Ноа ловит мой подбородок, вынуждая меня посмотреть в его темные глаза.

— Не смотри туда. Смотри на меня. Я — тот, кто не может насытиться тобой.

Я знаю, о чем вы думаете, девочки. Мол, муж любит тебя, и почему ты жалуешься на то, что он тебя игнорирует? Ноа может выражать свои эмоции таким образом, и может сказать все, что я хочу сейчас услышать, но когда я действительно нуждаюсь в моем муже, когда боюсь, что не смогу справиться даже с повседневными делами из-за огромного горя, засевшего глубоко внутри, вот тогда он и отдаляется. Я не слышу ни «Я люблю тебя», ни «Я не могу тобой насытиться». Все, что я получаю, — равнодушный взгляд и отстраненные фразы.

— Ноа... Я...

— Ты что? — спрашивает он, двигая внутри меня пальцами. — Готова к тому, что я

трахну твою сладкую киску?

Я одариваю его серьезным взглядом.

— Какого черта Боннер с тобой сделал?

Закрыв глаза, Ноа издает тихое шипение, медленно вытаскивает из меня пальцы и скользит ими по моему животу, а затем запускает их в рот.

— Это сделал не он. А ты.

Ноа может, когда захочет. И сейчас он выглядит таким изголодавшимся, таким диким, грубым и необузданным. Я не могу вспомнить, когда в последний раз видела его таким.

Ноа располагается между моих ног. Мы пропускаем прелюдию и трахаемся, потому что мне никогда не нравились все эти штучки. Я люблю сразу браться за дело. Муж снова целует меня (и я уверена, что это отвлекающий маневр, поскольку он тщательно следит за тем, чтобы его задница не попала в поле зрения камеры), а затем медленно входит в меня.

Хотела бы я сказать, что все проходит гладко. В принципе так и есть. Например, Ноа медленно и ритмично двигает бедрами, пока я полностью не растягиваюсь вокруг его члена. Но когда он говорит: «Я жестко трахну тебя. Хочу, чтобы ты запомнила, кому принадлежит эта киска», я понимаю, что это будет совсем не то, чем мы занимались в последнее время.

Реально, что, нахрен, случилось с моим мужем? Прощлой ночью врачи его чем-то накачали? Или Боннер? Когда его член движется во мне, я смеюсь в ухо Ноа.

И чувствую улыбку мужа возле моей шеи.

— Ты не сможешь долго сохранять веселье, — кричит он и, затаив дыхание, жестко входит в меня.

Он абсолютно прав. Его движения быстрые и глубокие, такие дикие и непохожие на все, что я испытывала на протяжении последних двух лет. Как будто он не может насытиться мной. В течение пяти минут я смотрю на комод. Ощущение, будто за нами наблюдают, но потом, наконец, я расслабляюсь и начинаю наслаждаться процессом. Нет, не так. Я чертовски люблю это. Каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждый укус полны эмоций и желания. Не уверена, но думаю, что, возможно, это переломный момент в наших отношениях. Может быть, нам просто нужно трахаться так, словно мы — порнозвезды.

Думаю, стоит озвучить вам основные моменты. Например, Ноа лижет мою задницу. Это странно и безумно приятно одновременно. Вам смешно, да? Или вы поеживаетесь? Не волнуйтесь, я приняла душ, если вас это так волнует.

Еще один знаменательный момент — поза, которую называют «Полный Нельсон». Мы пробуем десятки поз во время нашего двухчасового марафона. Но мы бы ничего не знали о них, если бы не Боннер. Я должна поблагодарить его, потому что это восхитительно!

Секс — это здорово. Нет, это небывалый случай в сравнении с тем, что мы делали раньше.

Потные, мы лежим в кровати и, кажется, боимся пошевелиться. Безумие. Ощущение как после интенсивной тренировки. Полностью вымотаны.

Я поднимаю голову.

— Мы должны удалить видео, — произношу я охрипшим голосом, как будто сорвала голос. Ха! Ведь так и было.

— Ни единого чертова шанса, — смеется Ноа, качая головой. — Я сохраню его.

Я резко сажусь, потом понимаю, что мы не поставили запись на паузу, и прикрываю грудь руками.

— Ты должен удалить его.

— Я не стану этого делать. — Ноа раздражается смехом, а затем смотрит на мою грудь. — Какого хрена ты прикрываешь сиськи?

— Не знаю. — Теперь и я смеюсь, пытаюсь при этом встать с кровати, чтобы выключить видео и удалить его.

Далеко уйти мне не удастся, так как Ноа налетает на меня и прижимает своим твердым телом к ковру.

— Не смей.

Я смотрю в его темные глаза, наполненные дикой любовью.

— Почему нет?

Он убирает пряди волос с моего виска, всматриваясь в мои глаза. И нежно шепчет:

— Потому что ты охренительно красива, и я хочу сохранить видео.

Он отвлекается на мою внешность, и я понимаю: это мой единственный шанс заполучить видео. Разве я не упоминала, что Ноа боится щекотки? Стоит мне прикоснуться к его боку, как он начинает корчиться, а я в это время пытаюсь завладеть телефоном.

Смех и глухие звуки наполняют нашу комнату, пока мы боремся на полу.

— Осторожно, твоя задница засветилась на видео, — говорю я, когда он прижимает меня к полу.

Муж быстро переворачивается, но в процессе бьет меня загипсованной рукой прямо в глаз. Я замираю от шока. По-моему, я вижу звезды, а затем слышу его извинение. Тяжело дыша, Ноа помогает мне сесть. В его обезумевших глазах я вижу мольбу.

— Твою мать! — Он легонько прикасается к пятну под моим левым глазом. — Ты в порядке?

Я вздыхаю и пытаюсь успокоиться.

— В порядке.

Очень нежно Ноа целует меня.

— Я так виноват, — осторожно и искренне произносит он. — Я не хотел.

Я обнимаю его за плечи, улыбаясь.

— Все нормально. Я понимаю, ты не специально это сделал. — Киваю на телефон в его руке. — Теперь удали видео.

— Сделаю.

Пресловутые последние слова в книге Ноа.

Когда мы лежим в постели той ночью, комнату освещает лунный свет, и ровное дыхание Ноа согревает мою шею. Не могу вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так комфортно рядом с ним. Не могу вспомнить, когда мы в последний раз так смеялись... Я засыпаю в его объятиях, прижимая к лицу пакет со льдом, и улыбаюсь.

Ноа

*Я должен поработать над этим
(Нет, реально. Я должен поднапрячься)*

Вам знакомо состояние, когда мышцы ощущаются словно желе после хорошей тренировки? У меня после секса никогда такого не было, но жизнь преподносит сюрпризы. На следующий день каждое движение отзывается болью в теле, меня словно избили мешком, наполненным камнями. Я проснулся разбитым. Разве за прошедший год я не занимался физической активностью?

Скорее всего, я не хочу знать ответ на этот вопрос. Что ж, вот он я, сижу субботним утром на кухне, спокойно наслаждаюсь кофе и размышляю о том, что если бы закончил ремонт ванной комнаты, то прямо сейчас мог бы погрузиться в горячую воду с английской солью.

Ха. У нас четверо детей. В нашем доме никогда не бывает тихо до трех часов ночи (и я ничуть не преувеличиваю). Кто-то всегда орет, плачет или смеется. Иногда все это происходит одновременно.

— Мам! — кричит с кухни Хейзел, кружась по полу в костюме балерины. Она останавливается рядом с французскими дверями и смотрит на задний двор. — Этот странный мальчишка снова стоит в нашем дворе.

Видите. Я же говорил. Ни минуты тишины. Вообще.

Я наливаю вторую чашку кофе и выглядываю из-за нее, чтобы понять, о ком она говорит. Хейзел права. Там стоит этот чудак. Тот, который заглядывает в наши окна. На прошлой неделе он спрашивал, можно ли ему войти. Я задумываюсь: а есть ли у него дом?

— Он не странный, — говорит Келли, входя на кухню. Она несет на руках Фин, на которой нет ничего, кроме подгузника. — Он просто... Не знаю. Любопытный.

Оливер пытается засунуть в рот половину вафли и одновременно что-то сказать. Его слова звучат примерно так: «Мшанер».

Думаю, он имеет в виду, что тот парень странный. Или он говорит на другом языке. Проглотив пищу, сын смотрит на меня.

— Можно мне жить с Боннером?

— Нет, — не глядя на него отвечаю я.

Мне даже ненужно поднимать на Оливера взгляд, чтобы понять, что он смотрит на меня.

— Почему нет?

— Потому что он сам еще ребенок.

— Мамочка! — вздыхает Хейзел, глядя на Келли. — Что случилось с твоим глазом?

Правильно. Кстати об этом. Помните, как я ударил жену в глаз во время секса? Теперь это действительно похоже на то, будто я ее ударил специально, но уверяю вас в своей невиновности: это произошло случайно. Также, прежде чем вы решите записать секс на видео, хочу отметить: смотреть порно и снимать его — это совершенно разные вещи. Предупреждая вас сейчас, я заслужу дикие овации от профессионалов в этой области. В

порно женщине нравится все, что делает с ней мужчина. Эти парни буквально плюют женщине в лицо, и тем это чертовски нравится. В реальной жизни — нет. Я не плевал в Келли, потому что она бы оторвала мне яйца. Я лишь дал ей легкую пощечину, и она посмотрела на меня так, будто я потерял рассудок. И я потерял его. Потому что слушал Боннера.

— Папочка? — спрашивает Хейзел, собирая конфеты в ладошку, чтобы съесть их одну за другой.

Приподняв бровь, я смотрю на нее.

— Да?

— У тебя есть дудочка?

Откуда мне знать, о чем она говорит?

— Что?

Она указывает на мои причиндалы.

— *Дудочка*. Как у Оливера и Севи.

Смутившись, я смотрю на Келли, которая от смеха поперхнулась собственной слюной.

— Мама, твой глаз, — не унимается Хейзел. — Что случилось?

По крайней мере, дочка отстала от моей дудочки.

— Сегодня утром я налетела на столик, — врет Келли, и меня не особо волнует, как быстро она придумала эту ложь. Может, она репетировала? Кто знает?

Ухмыляясь, я смотрю на жену. Подмигиваю. Она улыбается. Это максимальный контакт, который мы можем позволить себе рядом с детьми. Они слишком проницательны. Все, кроме Севи. Ему абсолютно похер на то, что происходит вокруг.

Вытащив телефон из кармана, я откидываюсь на спинку стула и прокручиваю свои видео. Знаю, я пообещал Келли, что удалю, но в действительности не собираюсь этого делать. Ну нахрен. Вы видели, что творилось прошлой ночью. Я не собираюсь его удалять. Оно — совершенство. Мне нужно это видео в качестве доказательства и напоминания о том, что мы не потеряли связь.

В момент утреннего хаоса, когда вокруг бегают дети, а в окна заглядывает какой-то чудик, мы смотрим друг на друга, и я понимаю, почему появилось это видео. Заметили, как покраснели щеки моей жены? Нет, не только из-за появившегося синяка. Я это сделал. Я заставил ее покраснеть. Вы думаете, что наш брак висит на волоске, а я назову ваши слова чушью собачьей, потому что эта смущенная, улыбающаяся девушка любит меня.

А затем Севи начинает неистово верещать, потому что Келли сняла его ошейник. Из-за этого он падает на пол, стучит ногами и орет.

— Отдай! Отдай! — кричит он, а затем лает.

Снова.

И снова.

Опять.

И опять.

Сейчас я готов признать, что лучше завести в доме животное, чем иметь ребенка, который лает как собака. Собаку можно выгнать на улицу и забыть об этом. Ребенка я могу оставить на улице ровно до тех пор, пока соседи не вызовут копов. Шучу. Вроде как.

У Келли больше терпения, чем у меня. Она опускается перед сыном на корточки и, поглаживая ему спинку, говорит:

— Сев, ты не можешь надеть ошейник на баскетбольный матч Оливера.

Для Севи ее слова абсолютно ничего не значат. Ему не важно, в каком виде он появится на публике. Ему три года, и он считает себя собакой. Плача крокодильими слезами, он продолжает лаять на Келли. Она смотрит на меня со слезами на глазах, не зная, что делать дальше.

Думаю, пора включить «злого папочку». Севи продолжает лаять, поэтому я грубо поднимаю его с пола и шлепаю свернутой в трубочку газетой.

Снова шучу. Я не бью сына, а поднимаю его с пола и несу в другую комнату, пока Келли готовит остальных детей к веселенькому спортивному мероприятию.

* * *

Нам понадобилось два часа на то, чтобы собрать детей и покинуть дом, так что теперь Оливер находится на грани нервного срыва из-за опоздания на свою первую игру. Он кивает на припаркованный поблизости внедорожник.

— Родители Коннора приехали вовремя. Почему ты не можешь?

— Наверное, потому, что у Коннора нет троих братьев и сестер, — бормочу я, пока глушу двигатель, уставившись на приветственный баннер, растянутый сбоку на здании школы. Мне не нравилась школа, когда я в ней учился, что уж говорить о том, чтобы вернуться сюда ради спортивных занятий своих детей. Я даже по телевизору баскетбол не люблю смотреть.

Келли смотрит на меня так, словно я рехнулся. И я понимаю почему. Потому что я сказал трое братьев и сестер. Не *четверо*. Возможно, вы пропустили это мимо ушей, но она — нет и теперь посылает мне убийственный взгляд. Это говорит о том, в каком настроении будет моя жена следующие пару часов. Не верите? Подождите.

Оказавшись в спортзале, Оливер убегает, потому что он нас ненавидит, или просто потому, что у него скоро начнется игра. Забегая вперед, я бы поставил на то, что он ненавидит нас. Не могу сказать, что виню его за это. Мы отстойные родители.

Как только мы рассаживаемся поудобнее, Севи плачет из-за гребаного ошейника, Хейзел практически лезет на стену, а Фин смотрит на меня так, словно предпочла бы иметь кого угодно в роли своего отца, кроме меня. К сожалению, с Финли у меня никогда не было особой связи. Знаете, той, про которую некоторые родители говорят, что у них есть безусловная связь со своими детьми? Не думаю, что у меня и Фин есть что-то подобное. Она просто ненавидит меня. Большую часть времени дочь даже не позволяет мне держать ее на руках. Может, это связано с тем, что Фин родилась ровно через три дня после смерти Мары.

Тяжеловато, да?

Мы были не в том состоянии, когда родился еще один ребенок, но иногда жизнь не так проста. Что-то происходит, и вы вынуждены встретиться с этим лицом к лицу. Келли все время плакала, а я был мужем-стоящим-в-сторонке, полностью отключившим все эмоции. Я не знал, как справиться со смертью нашей дочери, и сильно сомневался в том, что смогу принять в этот мир еще одного ребенка. Может быть, поэтому Фин ненавидит меня.

Келли, сидящая рядом со мной, выглядит напряженной. По ее лицу видно, что она вот-вот расплачется из-за того, что Севи снова лает, а Хейзел не может усидеть на месте. Я перетаскиваю Хейзел на свои колени, но это не мешает ей скакать на моих ногах, как по кочкам.

— Перестань, — рычу я, когда она продолжает подпрыгивать. — Я заставлю тебя

сидеть в машине, если ты не утомнишься.

— Я не хочу здесь сидеть, — хнычет Хейзел, ерзая из стороны в сторону. — Мы можем уйти?

— Нет! Следи за своим братом, — срываюсь я.

Каждый раз, когда я повышаю на нее голос, она плачет. Как и сейчас. Слезы ручьем и нытьем из-за того, что папочка такой злой.

Потрясающе.

Келли вздыхает, словно ее терпение на исходе.

— Просто отдай ее мне.

Хейзел сразу же вскакивает и ударяет по моему подбородку макушкой. Вот теперь я зол. Кажется, у меня сломан зуб. Помимо этого, она обращается с моей раненой рукой так, словно это какая-то барабанная установка. Хоть мне и наложили гипс, но я не потерял чувствительность.

Когда Келли кормит Фин, потому что дочь просто не может дождаться дозакправки, на нее пялится какая-то мамочка, которую Фин случайно пинает ногой. Притормозите, дело не в том, что ее пнули. Она смотрит на мою жену, потому что она кормит ребенка грудью, а затем тихо добавляет, прикрывая ладонью глаза своему сыну-подростку:

— Для этого есть ванная комната.

Мне не нравится тот факт, что ее сын рассматривает сиськи моей жены, но я также против осуждения матерей, кормящих грудью в общественных местах.

Я смотрю на эту мать, затем на ее ребенка. Видимо, я так хорошо усовершенствовал свой взгляд, что они встают и уходят.

Кстати, на случай, если вам понадобится еще одно доказательство того, что мы не должны были сегодня появляться на публике, — все женщины (и я действительно имею в виду *всех женщин*) смотрят на меня так, будто я монстр. У вас есть хоть одно смутное предположение почему? Точно не из-за кормления грудью.

У Келли чертов фингал под глазом, а моя рука в гипсе. Понимаете, к чему все ведет? Скажу больше и, не раздумывая, подкину вам идею: все они думают, будто я ударил свою жену. Моя теория подтверждается, когда пожилая леди останавливается перед нами и, окинув меня злобным взглядом, говорит Келли:

— Ты должна его бросить.

— А ты должна не совать свой чертов нос не в свое дело.

Да, я так и сказал.

Келли пихает меня кулаком.

— Ноа!

Следом Хейзел заявляет:

— Да, не лезь не в свое дело, *леди С*.

Я понятия не имею, что значит «леди С». Может быть, сука?

А потом Фин плюет в нее грудным молоком.

Не стоит говорить, что от гнева у меня зашкаливает давление, лицо покраснелось, и мы все хотим уйти, а сейчас идет только вторая четверть игры. Именно в этот момент рядом со мной садится Боннер. Да, наш сосед Боннер.

Я издаю стон.

— Что ты здесь делаешь?

Наблюдая, как уходит дама с пятном от грудного молока Келли на своей рубашке,

Боннер улыбается, а затем делает глоток воды из бутылки. Уверен, это не вода.

— Оливер попросил меня прийти, — говорит он, подмигивая Келли, когда она улыбается ему. Затем он наклоняется ко мне. — Что случилось с лицом твоей жены?

— Ты, — резко шепчу я. Надеюсь, он услышит раздражение, которое присутствует в моем голосе. Но это же Боннер. Не уверен, что он что-нибудь заметил. — Ты и твои дурацкие идеи.

Он равнодушно смотрит на меня.

— Правда?

Конечно, нужно ему все объяснить. Поэтому я вкратце пересказываю случившееся. То, как мы перемещались, я потерял равновесие и заехал жене по лицу. Естественно, Боннер ржет.

— Иисусе. — Затем он кивает на мой телефон, как бы призывая к действию. — Дай-ка посмотреть.

Я смотрю на него.

— С ума сошел? — Эту фразу я произношу почти каждый день с тех пор, как мы встретились. — Ты, черт возьми, серьезно? Я не покажу тебе видео.

Келли слышит меня, или, по крайней мере, мне так только кажется, потому что взгляд, которым она на меня смотрит, явно недружелюбный. Или это из-за того, что я сказал какой-то бабе не лезть не в свое дело. Что ж, сейчас мне все равно, просто я устал от того, как она толкает меня в бок.

Боннер хмурится.

— Ты же видел меня и мою жену.

— Потому что ты заставил меня! — Я осознаю, что сказал это слишком громко. Дерьмо. Наклонившись к соседу, я шепчу: — Твою мать, ты заставил меня смотреть эти видео, и нет, я не жалуясь, — добавляю я, потому что они были весьма неплохими. Я узнал о кое-каких штуках. — Но я точно не позволю тебе смотреть на мою жену.

— Что за бред, — улыбаясь, Боннер закручивает крышку на бутылке с водой.

— К тому же... — взмахиваю я рукой, — я удалил его.

— Гонишь.

Он прав, я так и не сделал этого. Но я не позволю ему посмотреть наше видео.

Игра Оливера занимает около часа. Хотите — верьте, хотите — нет, но мой коротыш реально набирает несколько очков. И каждый раз он смотрит на трибуны, чтобы оценить мою реакцию. Или, может быть, реакцию Боннера, не знаю. Все равно его команда проигрывает, что, естественно, приводит к тому, что сын выходит к нам не в настроении.

— Хорошая работа, — хвалю я его за набранные очки и за усилия, которые он вложил в игру.

— Боннер смотрел?

Когда меня успел заменить этот молокосос?

И да, я еще больше разозлил Оливера, сказав, что он не может поехать домой с Боннером.

На данный момент я для него самый плохой человек в мире. Возможно, как и большая часть семьи. Доказательством этого является то, что Оливер бесится, когда Хейзел поет в машине. И я бешусь вместе с ним. Сегодня я уже больше не в силах слушать «Wrecking Ball» Майли Сайрус, но при этом не ору на Хейзел так, как это делает сын.

— Хватит петь! — кричит он, бросая свой баскетбольный мяч в лицо сестры. Мяч

попадает прямо в голову, и она плачет горячими слезами.

Я смотрю на Оливера в зеркало заднего вида, и он сразу понимает, что у него проблемы.

— Извини, — бормочет он, опустив голову.

Я борюсь с желанием развернуться и надавать ему по заднице, однако не делаю этого, потому что твердо убежден: когда зол, ни в коем случае не поднимай руку на своих детей.

Я паркуюсь на подъездной дорожке. Включаю передачу и смотрю на Келли.

— Почему бы тебе не пойти с детьми в дом? А мы с Оливером немного прокатимся.

Я снова смотрю в зеркало заднего вида. По щекам сына текут слезы. Мне хочется плюнуть на все и отпустить его, но меня останавливают мысли о его поведении.

Келли забирает детей в дом, а я выезжаю на дорогу.

— Я же сказал, что мне жаль, — говорит Оливер, продолжая тихо плакать.

— Я знаю, но иногда извинений недостаточно.

Не уверен, что это именно те слова, которые должен ему сказать, потому что, мысленно повторив их, я задаюсь вопросом, как сын их воспримет.

Я еду на пляж, решив, что прогулка по пирсу успокоит Оливера и он сможет со мной поговорить. Либо так, либо он просто столкнет меня с причала и убежит.

В течение получаса я нем как рыба. Это позволяет сыну невзначай заговорить о баскетболе и о том, что он хочет вернуться в Техас.

— Почему ты хочешь вернуться?

Оливер пожимает плечами и бросает камень в воду. Его темные волосы развеваются на теплом ветру.

— Не знаю. Мне там больше нравится.

Понятия не имею, как завести разговор о ситуации с его сестрой, поэтому просто бормочу:

— Поэтому ты так жесток с Хейзел? Потому что злишься из-за переезда?

— Пап, — опустив плечи, он вздыхает, как умирающий Чубакка, — обязательно об этом говорить?

Прикрыв глаза от слепящего солнца, я смотрю на него так, словно он только что заехал мне по башке камнем.

— Серьезно, чувак? Ты бросил мяч в ее чертову голову!

Закатив глаза, Оливер резко выбрасывает камень и смотрит на океан.

— Я же извинился.

Я присаживаюсь рядом с ним и спокойно говорю:

— Я знаю, но тебе следует быть более заботливым. Она ведь младше тебя. — Я тщательно подбираю слова, потому что Оливер очень чувствительный мальчик. В его душе до сих пор много подавленных гнева и печали из-за того, что случилось с Марой. — Вот что я тебе скажу, приятель. В этот раз я не стану тебя наказывать, если ты пообещаешь, что будешь больше заботиться о Хейзел. Не бей своих сестер. — Я улыбаюсь, толкнув его плечом. — И щенка тоже.

— Почему за брата и сестер так стыдно? Вчера Севи пытался помочиться на ногу Коннера.

Я фыркаю:

— Даже не знаю. Представь, каково его родителям. — Мы оба посмеиваемся, но затем я смотрю на сына. Взгляд его темных глаз сосредоточен на песке и камнях. — Просто он запутался. Думаю, что мы все так делаем, когда жизнь меняется, да?

Оливер пытается держать себя в руках, но на его глазах вновь наворачиваются слезы.

— Я скучаю по ней.

Я обнимаю его за плечи.

— Мы все скучаем, приятель.

Никто не знает, как смерть ребенка отразится на семье, пока это не случается и вам не приходится искать способы справиться с этим. Но мне действительно становится не по себе, когда Оливер спрашивает:

— Вы с мамой разводитесь?

Я в шоке от того, что сын знает слово «развод». Опять же, думаю, причина в том, что теперь все вокруг видит в разводе выход из ситуации, поэтому дети в курсе значения этого слова.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

Сын пожимает плечами и поднимает очередной камень.

— Вы часто ругаетесь.

Я думаю о его словах, потому что, нравится нам это или нет, дети слышат и видят все, что происходит в нашем браке. Даже если бы мы предпочли, чтобы они этого не замечали. Мы стараемся держать детей подальше от наших проблем, не позволяем им увидеть это, но, к сожалению, они оказываются во всем замешаны. Дети видели, как Келли не могла встать с постели, а моя мама заботилась о новорожденной Фин. Они видели, как я напился вечером после похорон Мары. Тогда я отключился в поле за нашим домом и на утро проснулся потому, что корова облизывала мое лицо. Оливер видел больше плохого, чем остальные наши дети, и, к сожалению, он понимает, к чему все приведет, если мы это не исправим. Думаю, даже Севи в свои три года на каком-то уровне — эмоциональном или подсознательном — понимает, что в нашей жизни чего-то не хватает и что из-за этого все подавлены. Твою мать, да он ведет себя как гребанный пес!

Я не хочу, чтобы хоть кто-то из наших детей нес на себе бремя ответственности за происходящее, и чтобы они чувствовали, будто мы не рядом с ними. Возьмем в качестве примера Оливера, которого я на днях забыл дома. Если вам интересно, как выглядит депрессия у ребенка, посмотрите на него, когда родитель не появляется на месте, хоть и обещал.

— Я делаю все возможное, чтобы этого не случилось, — заверяю я сына, не зная при этом, вру или говорю правду. Разве я делаю все, что в моих силах?

Оливер глубоко вздыхает. Его плечи поникли.

— Хорошо.

Келли

Стена проблем

(Нам запрещено появляться на людях)

После баскетбола Ноа увозит Оливера на пару часов, а затем мы отправляемся к Кейт на вечеринку в честь дня рождения ее близнецов. Мне нравится, что Ноа взял только Оливера. До смерти Мары эти двое много времени проводили вместе: рыбачили и просто вели себя как типичные мальчишки. Когда Мара скончалась, их традиция рыбачить воскресным утром еще немного продержалась, но уже никогда не была прежней. Думаю, Оливер почувствовал гнев отца и впоследствии впитал в себя эти эмоции.

Уложив спать Фин и Севи, я вместе с Хейзел готовлю угощения для сегодняшней вечеринки в честь Джаггера и Августа. Если вы когда-нибудь готовили с ребенком выпечку, то понимаете, какая это катастрофа. Я трачу больше времени на уборку, вместо того чтобы показать ей, как покроять «Орео», не создавая при этом впечатления, будто на нашей кухне взорвалась бомба.

Закончив готовить угощения, я со всем нашим потомством и с ворчащим позади Ноа иду по улице к резиденции семьи Форд. Понятия не имею, что произошло между мужем и Оливером, но Ноа выглядел очень расстроенным, когда я сказала, что нам пора выходить.

— Ты можешь не вести себя так, будто это самая ужасная штука в мире? — оборачиваюсь я через плечо, глядя на Ноа, который даже не думает отвечать на мое заявление. Он несет Хейзел на плечах и полностью игнорирует меня.

Потрясающе.

Мне не нравится брать детей на вечеринки по случаю дня рождения из-за одного простого факта: я люблю своих детей. В большинстве случаев. И я не в восторге от чужих. Знаю, это так ужасно звучит с моей стороны. Но то, что я ненавижу устраивать и посещать вечеринки по случаю дня рождения, не означает, что я совсем не люблю чужих детей. Мне просто не нравится, когда двадцать малышей собираются вместе и употребляют сахар.

Кто в курсе? Это такое безумие. Не знаю, как насчет ваших детей, но мои превращаются в монстров, когда в их организм попадает сахар. И есть еще одна вещь, которая меня раздражает на подобных вечеринках... Зачем тратить на них столько денег? Честно, какой ребенок вспомнит эти вечеринки, когда повзрослеет? Черт возьми, я не помню ни одной из своих. О, ну конечно. Все потому, что у меня никогда не было вечеринки по случаю дня рождения. Для моей мамы понятие «вечеринка на день рождения» заключается в пятиминутном посещении игровой площадки в «Макдоналдс», а отец понятия не имел, как воспитывать меня и сестру, не говоря уже о том, чтобы организовать какой-то праздник. Но держу пари, что Оливер не помнит, когда мы всей семьей собрались на его первый день рождения. Были поездки на пони и невероятно дорогой ковбойский торт, который заказала мама Ноа. Также причиной моего недовольства, возможно, является вечеринка по случаю дня рождения маленькой семилетней девочки, которая никогда не состоится.

Как видите, детские дни рождения для меня не самое яркое событие, но когда вы попадаете на вечеринку семьи Форд, это чертовски увлекательно. Если вы посчитали Кейт

забавной, то вы еще толком ничего не видели.

Кейт и ее бывший муж до сих пор живут вместе. Они год как разведены (по какой причине, я пока не выяснила), но решили совместно воспитывать детей в одном доме. Думаю, это отличный вариант и много говорит о них как о родителях.

Дом у Кейт и Джейсона простой. У них нет вкуса для оформления роскошного дизайна, но здесь уютно и комфортно. Обычный дом в современном деревенском стиле, где перемешано все что можно. Он совсем не похож на дом Чарли, где боишься притронуться к какой-либо вещи, чтобы не оставить отпечатков пальцев или, того хуже, что-то разбить.

Вам, наверное, интересно, как поживает Ноа, который был невероятно рад прийти сюда, да?

Ну, он еще здесь. После игры Оливера мы очень мало говорили друг с другом. Мы отошли от хорошей ночи (неловкой, но хорошей) и к настоящему времени едва обмолвились парой фраз. Не знаю, когда все изменилось и виновата ли я в этом. Я нахожусь в таком состоянии, когда даже не хочу спрашивать, что с ним сегодня не так. А если он скажет, что проблема во мне? Справлюсь ли я с этим?

Муж выглядит обиженным. Он кажется раздраженным и даже не думает со мной разговаривать. Я могла бы воспользоваться случаем и завести непринужденную беседу, но тоже молчу. Мне интересно, сколько он пробудет на вечеринке, прежде чем соберется уйти. Однако Ноа, скорее всего, сделает вид, что между нами ничего плохого не случилось, лишь бы ни с кем не объясняться. На публике у нас все замечательно, дома же все по-другому.

Кейт и я коротаем время на кухне, украшая кексы свечами, когда входит Джейсон. Обняв за плечи своей сильной ручищей, он притягивает меня к твердой груди.

— Привет, боксер. — Он толкает меня бедром, а затем смотрит на Кейт и подмигивает. — Может, *нам* снять секс-видео.

Кейт фыркает, закатывая глаза.

— Может, тогда мы до сих пор должны быть женаты.

— *Сомнительная радость*, — парирует Джейсон, хватая виноградину из корзины с фруктами и закидывая ее в рот. И тут же ею давится. — Назовем его «*Обезумевшие разведенки*».

— Ты debil, — смеется Кейт, отказываясь помогать Джейсону с приступом удушья, вызванного виноградиной. Протянув руку, я неловко похлопываю его по спине.

Мне так и хочется спросить Кейт, почему они развелись, но не уверена, что стоит это делать. Уместен ли такой вопрос? Это все равно, что спросить у кого-то о размере его заработной платы или о том, сколько стоит его дом?

Ноа выходит из-за угла с пивом в руке, Хейзел же обвилась вокруг его ноги. Голову Ноа украшает парик принцессы из мультфильма «Храбрая сердцем». Вероятно, Хейзел к этому причастна. Заметив, что Оливер наблюдает за нами со двора, я улыбаюсь мужу.

— Тебе очень идет. — Я поправляю его тиару и съехавший на бок парик. — Рыжий цвет подчеркивает твой мрачный взгляд.

Интересно, понимает ли он, что я имею в виду? Судя по тому, как он прищуривается и хмурится, я делаю вывод: Ноа все понял. Он сглатывает и, пытаясь сохранить спокойствие в голосе, шепчет:

— Твоя улыбка не касается глаз.

Кроме меня никто этого не слышит, и смысл сказанных мужем слов ранит сильнее, чем я того хочу. Они подобны удару под дых. Прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в

виду, Ноа наклоняется ко мне для сладкого поцелуя. Рыжие пряди парика спадают на его лицо. Он уверенно произносит:

— *Ты прекрасна.*

Как только наши губы соединяются в быстром, скорее, инсценированном поцелуе, вот тогда я понимаю, что он съел всех мармеладных червячков, которых я поставила в вазочках. Естественно, ни одного не осталось.

— Ноа, черт побери! Они были приготовлены для детей.

— Извини. — Он слегка смещается, отодвигаясь от меня, и отвлекается на детей, пробегающих между нашими ногами. Когда он тянется за пивом, оставленным на столешнице, бутылка заваливается на бок, но он ловит ее, и наши руки соприкасаются. — Я был голоден.

— Можешь взять фрукты.

Помня о том, что Ноа терпеть не может виноград, Кейт пихает тарелку ему прямо в лицо.

— Знаю, ты очень любишь виноград.

Ноа делает вид, что его вырвало, и смеется над ней.

— Никогда не встречала человека, который ненавидит виноград, — улыбаясь, говорит она.

Улыбка сходит с лица Ноа.

— *Я встречал.*

Прежде чем реальность сказанного повисает между нами, Джейсон оттаскивает Ноа в сторону, пока он не успел опрокинуть тарелку.

Кейт замечает напряжение и наклоняется ближе ко мне, когда Ноа становится вне зоны слышимости.

— Я что-то не то сказала? Он разозлился?

Я пожимаю плечами, не желая объяснять подруге, что Мара тоже ненавидела виноград. Как только он оказывался у нее во рту, она тут же им давилась.

— Просто сегодня вечером он не в настроении.

Кейт закатывает глаза.

— Джейсон не в настроении последние десять лет. Однажды я вмазала ему по яйцам, пока он спал. На следующий день, когда он пожаловался, что его парни болят, я ничего не сказала. И при этом не чувствовала ни капли вины.

С трудом сдерживая смех, я спрашиваю:

— Зачем ты ударила его по яйцам?

— Я не помню. — Кейт всплескивает руками. — И понятия не имею, зачем поделилась этим, но я подумала, что тебе станет легче.

— Стало, спасибо.

— Ставлю пятьдесят баксов на то, что он застрянет в ноге Боннера, — уходя, говорит Джейсон, указывая на нашего соседа, который во дворе сражается на мечах с Оливером.

— Не-а. В этот раз я точно не стану с тобой спорить, — смеется Ноа и взмахивает рукой, в которой держит пиво. — Но ставлю пятьдесят баксов на то, что до наступления ночи он застрянет в кое-ком еще.

— Ты в деле.

Из того, что я знаю о Джейсоне, могу сказать одно: он делает ставки на все. Вчера он поставил мне три доллара на то, что Фин плюнет в него к концу дня. Неважно, на что он

спорит, ему просто нравится делать ставки и побеждать. Кстати, вчерашний спор он выиграл. Фин плюнула в него за то, что он взял ее соску. Джейсон слишком много соревнуется, как и его дети. Джаггер и Август — очаровательные близнецы, но очень часто спорят друг с другом. Между Оливером и Севи такой борьбы нет. Но, с другой стороны, Севи не интересуется ничем, кроме того, как быть собакой.

— Ноа отвратительно выглядит в этом парике. На самом деле рыжий ему не идет. — На барный стул рядом с нами садится Гретхен, в одной руке держа пиво, в другой — бокал вина (ее заготовка на вечер). — Зачем он его носит?

— Скорее всего, в этом как-то замешана Хейзел.

— Он хороший отец. — Кейт берет тарелку овощей и ставит ее на стол. Крошечными ручками она хватает морковку и не притрагивается к зелени.

Я поворачиваюсь к Кейт.

— Джейсон тоже.

Она подмигивает мне.

— Так и есть. Дерьмовый муж, потрясающий отец. Но ты же знаешь, я бы предпочла, чтобы так все и осталось.

Взяв кухонное полотенце, пропитанное тем, что источает запах отбеливателя, Кейт протирает стол, на котором только что нарезала овощи. Она слегка чокнутая. Может, поэтому они с Джейсоном развелись? Мне так интересно, почему они расстались. Их проблемы были серьезнее, чем у нас с Ноа?

— Как вам живется вместе? — осмеливаюсь я спросить, потягивая вино.

— Лучше, чем когда мы были женаты. Раньше мы постоянно ругались, а теперь живем как соседи по комнате, которые вместе воспитывают детей. — Кейт оглядывается через плечо на своего отца, вошедшего в кухню и скрежещущего по деревянному полу своими ходулями. — Если честно, многие браки заканчиваются так, когда появляются дети. Не все, конечно, но большинство.

Она попала в точку. К сожалению. Иногда я действительно чувствую себя скорее соседкой Ноа, чем женой.

Отец Кейт останавливается, когда замечает, что к нему подходит Оливер, а затем кивает на Джаггера.

— Кто твой друг?

Он спросил это у Оливера.

Кейт издает стон.

— Иисусе, папа. Это Джаггер. Твой внук.

Мальчики смеются и выбегают из дома, а отец моей подруги удаляется в свою комнату, как будто ничего не случилось. Я бы назвала ситуацию странной, но это неприемлемо, когда дело касается отца Кейт. Пару лет назад он попал в автомобильную аварию и несколько месяцев пролежал в коме. Когда он очнулся, то смог вспомнить только Кейт. Не свою жену или их сына. Только Кейт.

— Вот почему я пью так много вина, — бормочет Кейт.

Начало вечеринки проходит хорошо. Дети смеются, родители общаются, а я и Кейт пьем вино.

— Пожалуйста, скажи мне, что эти стрелы, которые ты дала детям, пластмассовые! — восклицает Кейт, когда осознает, что за организацию вечеринки отвечала Гретхен.

Все мы, включая Чарли, которая появилась минуту назад, смотрим на парней,

расположившихся на заднем дворе. Я, например, надеюсь, что они, черт возьми, пластмассовые, потому что на этой неделе больше не собираюсь ездить в отделение скорой помощи.

— Они настоящие, — заявляет Гретхен. — Джейсон решил, что не очень круто, если на вечеринке по случаю дня рождения мальчиков будут пластмассовые стрелы.

Боннеру понадобилось ровно десять минут и тридцать шесть секунд, чтобы одна из этих стрел застряла в его бедре.

— Я знал, что тыпустишь кровь, Джаггер, но думал, это произойдет в небольшой уличной потасовке, — говорит Джейсон, протягивая Боннеру полотенце.

— Эй, мой мальчик может постоять за себя, — защищается Кейт. — Кстати... — она тянется к пластиковой вилке, лежащей на тарелке именинника, — давай-ка дадим маленькому гангстеру ложку.

— Если и есть в мире человек, способный заколоть кого-то ложкой, то это только Джаггер Форд, — резюмирую я. На прошлой неделе я видела, как он смастерил рогатку из соломинки и куриной кости.

Гретхен и Чарли смотрят на мое лицо, заметив синяк у меня под глазом. И тут я понимаю, что не рассказала им о случившемся и о том, как мы решили, что было бы неплохо снять секс на видео. Кстати, мне никогда не нравилась эта идея. Я грешу на вино. Когда мы остаемся одни на кухне, я наконец-то рассказываю эту историю.

— Ноа случайно ударил меня по лицу, когда мы снимали секс-видео.

Я подумала, что лучше сказать подругам правду, но, возможно, это не тот случай, потому что растерянные и веселые взгляды, которые я вижу на их лицах после своего признания, вызывают у меня все больше сомнений в правильности принятого решения.

Гретхен спрашивает:

— Что вообще подвигло тебя записать секс-видео?

— Боннер, — честно отвечаю я, разочарованная нашим соседом. Почему мы не живем рядом со Стивом и Чарли? Тогда мы бы, наверное, просто бегали голышом и не стали бы снимать никаких видео.

Чарли хихикает.

— Ты не шутишь? Вы реально сняли настоящее видео?

Я киваю, чувствуя, как пылают щеки.

Кейт все это время следит за допросом и так внимательно смотрит на меня, как будто пытается поджечь взглядом, а затем усмехается.

— Я хочу его посмотреть.

— Ноа удалил видео. — И быстро добавляю: — Сразу же.

— Как же. Все они так говорят, — хихикает Чарли, потягивая вино. Кейт вселила ей уверенность, что все пьют на детских вечеринках по случаю дня рождения. Это в порядке вещей. — Спорим, что он его сохранил. Ставлю сто баксов.

Кейт закатывает глаза.

— Ты слишком много времени проводишь рядом с Джейсоном.

Наступает время ужина, и Кейт наполняет мой бокал вином. Она абсолютно права. Не осуждайте, но мне нужно много, очень много вина.

Прикончив почти целую бутылку — кстати, у Кейт есть собственная бутылка, — она разрабатывает план, как выкрасть телефон Ноа, который находится в заднем кармане его джинсов. А все потому, что она упрямо хочет посмотреть, как мы трахаемся. Подруга даже

рисует мне картинку, где показывает, в чем заключается моя роль в этом плане. Не думаю, что правильно истолковала его и не понимаю: я должна схватить или убить мужа? Я смотрю на красный кружок вокруг его головы.

— Что означает красный круг? Я что, должна его зарезать?

Кейт хмурится и смотрит на рисунок. Фыркая, она вытирает с бумаги красное пятнышко.

— Прости. У меня слюнки потекли.

О, слава богу. Это было вино.

— Он ни за что не даст тебе свой телефон, — говорю я ей, сдерживая смех.

Так приятно смеяться с друзьями. Прошло слишком много времени, с тех пор как я чувствовала себя частью чего-то, а не горевала в одиночестве.

С решительным выражением лица, опустив руки на стол, Кейт смотрит на Ноа, который стоит на заднем дворе с Джейсоном.

— Вот поэтому я и собираюсь украсть его. Одна рука у него в гипсе. Думаю, что смогу стащить телефон.

Чарли наливает себе еще один бокал.

— Я должна на это посмотреть.

Кейт начинает флиртовать с Ноа, но терпит неудачу, потому что мой муж подлавливает ее в тот момент, когда она пытается достать телефон из заднего кармана, схватив его за задницу.

Переложив телефон в передний карман, Ноа, прищурившись, смотрит на Кейт. Он улыбается и подмигивает ей, посмеиваясь:

— Я знаю, что ты пытаешься сделать.

Одну руку Кейт кладет на свою талию, другую протягивает к нему ладонью вверх и замирает.

— Тогда не заставляй меня напрягаться и дай мне телефон, чтобы я посмотрела видео.

— Зачем тебе смотреть его? — с вызовом спрашивает он.

Джейсон тут же говорит:

— Если она увидит его, то и я тоже.

— *Я первый!* — орет Боннер, поднимая руку с пивом и практически выливая его на лицо Фин. Он ей понравился. Бедный Ноа. С ним она не хочет иметь ничего общего, но с легкостью осталась с совершенно незнакомым человеком.

Ноа смотрит на Кейт, затем на Боннера и хмурится.

— Никто не увидит это видео. Я его удалил. — С этими словами он засовывает телефон за пояс джинсов, прямо в нижнее белье. Вид у него при этом победоносный.

Кейт фыркает.

— Я не побоюсь выловить рыбку, чувак. Я суну руку прямо туда.

Джейсон подмигивает Ноа.

— Она не шутит.

Чарли наклоняется к моему плечу.

— Она серьезно.

Я так сильно смеюсь, что с трудном удерживаюсь на стуле.

— Я знаю, что она на это способна.

Дети посчитали смешным то, как Кейт попыталась схватить Ноа за руку и как была близка к тому, чтобы запустить руку в его штаны, но у нее ничего не получилось. Тогда она

решает привлечь меня.

— Келли, возьми телефон своего мужа. Сейчас же!

— Я не стану этого делать, — говорю я ей, когда дети убегают стрелять из водяных пистолетов с Эшлинн и хромым Боннером.

Гретхен указывает на белую футболку Эшлинн и улыбается Джейсону, который все еще стоит рядом с Ноа. Вероятно, он делает это, потому что тоже хочет посмотреть видео.

— Как думаете, она специально надела белую футболку?

Джейсон смеется и подносит пиво к губам.

— О да. И можешь поверить: я заплатил своим парням за то, чтобы они обстреляли ее в районе сисэшпин.

— Нет такого слова «сисэшпин», — говорит ему Гретхен.

— Теперь есть.

Пока дети отвлечены, Кейт осознает, что у нее есть шанс заполучить телефон.

— Келли, помоги подруге. Сейчас даже не в видео дело. Речь идет о том, чтобы доказать твоему мужу, что я могу получить этот чертов телефон. — Она замолкает, вспомнив про свой план. — Ладно, видео это тоже касается, но забери у него гребаный телефон. Он жадничает.

— Зачем мне его телефон? Я не хочу, чтобы кто-нибудь это увидел. Я там ужасно выгляжу. Из того, что мне удалось мельком посмотреть, могу сказать: меня не впечатлило то, как выглядит моя задница, и я точно не хочу, чтобы наши соседи видели мое интимное местечко.

— О, *пожалуйста*, — стонет Джейсон. — Судя по твоей заднице, держу пари, на видео она потрясающая.

Ноа резко бьет Джейсона кулаком в живот.

— Что ты сказал?

— Ничего. — Джейсон кашляет, согнувшись от боли. — Я ничего не говорил.

— Да, конечно.

Кейт с решительным видом встает рядом со мной.

— Он отвлекся. Возьми телефон.

Думаю, в том, что я и Кейт стали командой, виновато выпитое вино. Мы повалили моего мужа на пол и начали его щекотать. Он так боится щекотки, что даже смешно. Стоит только прикоснуться к его бокам, как он начинает извиваться, пытаясь от вас сбежать.

— Я знала, что у тебя есть слабое место, — хихикает Кейт, прижимая руки Ноа над головой к полу и фиксируя их коленями.

Но это не помогает, потому что Ноа легко отрывает крошечное тело Кейт от пола и сбрасывает ее с себя. Но меня, оседлавшую его бедра, оставляет на месте. Мы закрываем глаза, и муж ждет моих дальнейших действий.

— *Атакуй!* — кричит Кейт. — *Доставай!*

Рукой я медленно провожу по ширинке джинсов Ноа. Он качает головой.

— Вставай.

Я не запускаю руку в его джинсы, чтобы достать телефон. Я ощущаю другое. Заметили, как дышит мой муж? Его дыхание тяжелое, и это не только из-за борьбы на полу со своей женой и ее подругой. Это из-за того, что моя чертова рука лежит на его штанах. По сути, я обхватываю ладонью его член и яйца и добиваюсь лишь того, что Ноа начинает смеяться, многозначительно приподняв брови.

— *Нашла, что искала?*

Мне требуется немало усилий, чтобы не наброситься на него перед всеми. Поэтому я чересчур сильно смеюсь. И слышу, как позади меня Джейсон спрашивает Чарли:

— Нормально, что у меня от этого встал?

Она толкает его.

— Ты отвратителен.

Хорошо, вот она я — сижу на муже, и знаете, в чем главный прикол? Его телефона нет в штанах. Не-а. Там только полуэрегированный член, который жаждет внимания. Подмигнув, Ноа улыбается еще шире.

— Может, если ты используешь свой рот, то найдешь его.

Тяжело дыша, я оглядываюсь и вижу, что телефон лежит на полу. Должно быть, он выпал из джинсов, пока мы боролись. Джейсон хватается за телефон и убегает с криком: «Есть!»

Ноа отталкивает меня, но, заметив, как я резко приземляюсь на задницу, останавливается.

— Извини, — шепчет он, быстро целует меня, а затем уходит вслед за Джейсоном.

Бедняга Джейсон успевает добраться только до забора, когда Ноа заваливает его на землю, чтобы вернуть свой телефон.

— Тот факт, что он никому не позволяет посмотреть это видео, наталкивает меня на мысль, что оно превосходно, — говорит Кейт, хватаясь за бок и наливая себе бокал вина. Затем она помогает мне подняться с пола и протягивает бутылку.

— Пошли, порнозвезда. Время кексов. Я позволю тебе лизнуть свечи.

Я хохочу. От нее отбоя нет.

* * *

Большую часть вечера я не свожу взгляд с Ноа. В свете мерцающих огней гирлянд, развешанных между деревьями, он напоминает мне парня, в которого я влюбилась задолго до того, как призналась ему в своих чувствах. Но также я понимаю, что в моем муже не осталось и следа от того парня. Утрата, опустошение, жизнь... Все это лишило его того, кого я знала, и теперь Ноа — лишь оболочка человека, которым он был раньше.

Интересно, что изменилось с того момента, как мы попытались забрать его телефон? Я очень часто замечала, как он смотрит на меня, но ни разу не получила того контакта, которого так отчаянно хочу. Я смотрю на него, когда он стоит рядом с Джейсоном, и вижу пустоту в его взгляде, как будто он с чем-то пытается совладать. И я знаю, с чем именно. Я вижу, как он смотрит на наших детей и на каждую маленькую блондинку примерно того же возраста, что и Мара.

Он разговаривает с Джейсоном на приличном от меня расстоянии, и с каждым словом я замечаю, каким напряженным становится Ноа. Когда я смотрю на них, взгляд Ноа останавливается на маленькой девочке, ровеснице Мары. Я понимаю, что не могу забрать у мужа эту боль так же, как и он не может забрать ее у меня. Как бы мне этого ни хотелось, он не может.

Он не способен на это.

Я столько раз хотела подойти к нему на вечеринке, как раньше обнять его за талию и утонуть в тепле его тела. Оттолкнет ли он меня? Возможно, нет. Но будет ли он наслаждаться подобным контактом? Моя интуиция подсказывает, что будет. В конце

концов, прошлой ночью казалось, что все хорошо. Но что происходит с нами сейчас?

В общем, вечеринка оказалась неплохой. Дети прекрасно провели время. В ту ночь, когда мы вернулись домой, впервые прозвучали слова, которые ранее не были сказаны. Не знаю почему, но со временем споры между нами становятся все жарче, слова воспаляют нас обоих.

Дети крепко спят в кроватях, а мы чистим зубы, готовясь ко сну. Не касаясь друг друга, мы смотрим на раковину. Прошлой ночью в этой же раковине застряла моя задница, когда был второй раунд секса.

Мне кажется, что Ноа разрывают противоречия. Я могу судить об этом по тому, как он безучастно смотрит на свое отражение в зеркале, и по его неуверенным движениям. Он в растерянности и потерялся в том, чего я не знаю, потому что он никогда не озвучивает свои мысли.

Нервно вздохнув, я продвигаюсь вперед, чтобы разрушить этот порочный круг.

— Я сделала что-то не так, поэтому ты разозлился?

Ноа сразу становится напряженным. Во взгляде долгу секунды мелькает сомнение.

— Нет.

— Ну, что-то определенно не так, и ты избегаешь разговора об этом, потому что проще убежать, чем поговорить.

Его тело каменеет, становится неподвижным. Челюсть напряжена. Ему не нравится, когда его вовлекают в нежеланный разговор.

— Что такое?

Нахмурившись, он спрашивает:

— Ты рассказала Кейт о Маре?

Вопрос застаёт меня врасплох. Мое молчание вынуждает мужа поднять взгляд и посмотреть на мое отражение в зеркале.

— Да.

— Почему?

— Потому что я не думала, что смерть нашей дочери является тайной, и хотела с кем-то поговорить.

Ноа размыкает губы, и на мгновение мне кажется, что он скажет что-то такое, что позволит мне почувствовать себя лучше и убедит в том, что ничего не потеряно и этой пустоты между нами на самом деле не существует.

Вместо этого он ставит зубную щетку в стакан и выходит из ванной, с мягким щелчком закрыв за собой дверь. Лучше бы он ей хлопнул! Я хочу, чтобы он так поступил, потому что, если он это сделает, значит, в нем еще осталось немного огня.

Я иду за ним в спальню. Он стоит, расстегивая пуговицы на джинсах. Та же сцена, что и пару ночей назад. Те же слова, те же непонятные мысли.

— Почему так важно то, что я ей рассказала?

Ноа лишь пожимает плечами.

— Зачем ты это делаешь? Говоришь что-то, а потом ведешь себя так, будто я должна читать твои мысли. Что тебя беспокоит?

Он смотрит на меня отстраненно, полностью погруженный в себя.

— Ничего.

Да, конечно.

— Так значит, я выдумала эту пустоту между нами?

Мы стоим по обе стороны от кровати, и даже так ощущается пустота. Он стоит с одной стороны, а я — с другой.

— Я выдумала, что ты никогда не присутствуешь здесь, а если и присутствуешь, то ты спокоен как удав? И что при упоминании Мары ты впадаешь в ступор и превращаешься в ледяную версию моего мужа?

— Я не хочу об этом говорить, — решительно заявляет Ноа, но я качаю головой. Равнодушным взглядом он смотрит в мои глаза.

— Можешь отрицать эту пустоту между нами, сколько хочешь. У тебя все на лице написано. Ты знаешь, что Ноа все еще глубоко внутри, но не делаешь ничего, чтобы спасти его.

Уголки его губ изгибаются, но не от удовольствия. Не забавы ради.

— Ты бы не ошибалась настолько сильно, если бы постаралась. Ты всегда ищешь скрытый смысл. Это ерунда.

Так на него похоже. Хотя он неправ. Это не ерунда. Это имеет значение.

Ноа напряжен, и, когда я снова поднимаю взгляд, выражение его лица становится решительным. Ноа открывает рот, как будто собирается что-то сказать. Но он этого не делает.

— Это не пустяк, Ноа. Ты не здесь.

Он вскидывает руки.

— Черт возьми, я все еще стою здесь, Келли. Я никуда не уходил.

— Может быть, физически. — Я прижимаю руку к груди в области сердца. — Но здесь... ты покинул меня.

Я замолкаю. Оттолкнуть его еще больше — это последнее, чего я хочу, но я не могу больше сдерживаться. Он сглатывает. Моргает. Тяжело дышит. Ноа выглядит таким уязвимым и потерянным. Редкий проблеск его боли.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Нет, знаю.

Муж разрывает зрительный контакт и смотрит на кровать. Я наблюдаю, как он стискивает зубы.

— Ответь мне.

Он снова смотрит на меня, но слова застревают в горле. Неожиданно Ноа обходит кровать и обхватывает руками мое лицо. Его губы касаются моих, легко и едва заметно.

— Такой ответ тебя устроит?

Дрожащими руками я накрываю его ладони.

— Нет. Ты всегда используешь этот ответ. Ты избегаешь меня.

Ноа открывает рот, а затем с невозмутимым видом отступает. На этот раз, когда он продолжает молчать, ухожу я. На диван.

Мне больно так поступать. Я хочу прижаться к его груди, удерживать его сердце. Хочу попросить его спасти все: меня, нас — и спросить у него, когда что-то пошло не так. Помню, как мой терапевт говорил мне, что самые большие трудности в браке случаются, когда теряешь ребенка. Сначала я не поверила ей. Я разозлилась, когда она так сказала. Но теперь я увидела все собственными глазами. Теперь у меня трудности.

Пока я лежу на диване, уставившись в потолок и наблюдая за тем, как сквозь жалюзи просачивается слабый свет уличных фонарей, то вспоминаю, как мы оказались здесь и когда впервые начались проблемы.

Как только на улице усиливается дождь, Ноа выходит из спальни. В темноте мы встречаемся взглядами. Муж хочет что-то сказать, но, как обычно, не делает этого. Он запускает руку в свои волосы, тянет за них, а затем вздыхает, возвращаясь в спальню. Дверь за ним закрывается.

Поэтому я беру дневник и выпускаю пар. Дневник — единственный, кто сейчас меня действительно поймет. Пишу — вот чем я занимаюсь, когда не могу поговорить с Ноа.

*

Дневник, что происходит? Почему упоминать о Маре плохо? В последнее время мы только это и делаем. Утомленные замечаниями и огромным количеством невысказанных слов. Мы спорим, но чаще всего просто игнорируем друг друга. Мы никогда не сидели и не болтали ни о чем. Даже когда умерла Мара. Как тебе такое? Мы не разговаривали, и я понимаю, что это больно, но верю, что мы справимся. Мы всегда просто избегали друг друга, закрывались, и это привело к такому результату. Я чувствую, что мы больше не пара, принимающая решения вместе, а два человека, живущие своими жизнями, которых связывают общие дети. Каждую ночь я реву, уткнувшись в подушку, пропитанную слезами. И каждый раз я боюсь повторения этого. Когда это прекратится? Когда мы сможем поговорить? Или так будет всегда? Раньше мы были единым организмом, дневник. Единые сердце и душа вместе боролись. Теперь мы изо всех сил пытаемся найти свой путь, затерянный в клубах беспросветного дыма.

Келли

Мама-медведица

(Ревность — зеленоглазый монстр, но не стоит недооценивать маму-медведицу с обвисшими сиськами)

Прошлой ночью я так сильно хотела вернуться в нашу спальню и свернуться калачиком рядом с Ноа. Но не сделала этого. Я хотела извиниться, сама не понимаю за что, и попросить его все исправить. Но я этого не сделала, потому что каждый день повторяю себе, что все изменится, но это не так. Нам мешают недосказанность и гордость.

Отстойный понедельник. Ноа вернулся на работу, и меня затягивает утренняя рутина, ведь дети встают с постели, готовятся к школе, а я пытаюсь не дать им поубивать друг друга, пока моя сестра пишет о своей свадьбе. Я не в восторге от возвращения в Остин, не говоря уже о том, чтобы находиться рядом со своей семьей. Когда Ноа и я покинули Остин, часть меня больше никогда не хотела туда возвращаться. Вообще никогда. Но там похоронена Мара, так что я знала, что не смогу навсегда покинуть это место.

— Отдай! — слышу я рык Оливера с заднего сиденья.

Не понимаю, что в последнее время происходит с сыном, но сегодня утром он реально был очень груб с Хейзел. Я отобрала у него видеоигры, игрушки — в общем, все, за исключением разрешения спать в своей кровати, но он по-прежнему дерьмово себя ведет. С Марой он никогда не был таким, хотя их разница в возрасте составляет тринадцать месяцев. Они были практически близнецами.

Мы едем в машине. Севи плачет из-за того, что его посадили в кресло, Фин пинает сиденье, а Оливер бьет Хейзел по руке.

— Прекрати воровать мои вещи! — орет Оливер прямо сестре в лицо, когда она берет меч от костюма пирата, который он надел на Хэллоуин. — Ненавижу тебя!

Иногда маленькие мальчики ведут себя как настоящие засранцы.

— Оливер Натан Беккет! — срываюсь я, заезжая на парковку, и натыкаюсь на бордюр. В машине срабатывает сигнал, предупреждающий о низком давлении в шинах. Потрясающе. — Перестань бить ее. И попроси прощения.

— Нет! — кричит он мне в ответ, а затем хлопает дверью.

Я бы догнала его и надрала задницу, если бы мы не находились посреди парковки. Выбери битву, которую проиграешь, верно? Ха. Я надеру его задницу сегодня вечером.

— Он постоянно придирается, — плачет Хейзел, уставившись на своего старшего брата, бегущего от машины в школу. — Почему он ненавидит меня?

Я хватаю ее за руку и целую.

— Знаю, детка. Просто на него столько всего навалилось. — Я понимаю, что это связано с Марой. Прошел год с ее смерти, и с тех пор сын изменился. Его вспышки гнева происходят все чаще. — Как насчет того, чтобы поговорить с ним?

Знаю, о чем вы сейчас думаете, или, по крайней мере, о чем подумала я, когда поведение Оливера начало меняться. Его нужно показать психологам. Ну, мы старались, но, как и его отец, Оливер отказывался говорить с ними. Каждую неделю на протяжении шести

месяцев он просто сидел, выдавая им односложные ответы. Закончилось все тем, что мне пришлось прекратить его визиты к психологу, потому что сын бросил нам вызов только за то, что мы заставили его ходить к нему. Сейчас мы пробуем подход «исцеляйся, как тебе удобно». Очевидно, он тоже не работает. Я в растерянности и не знаю, что дальше делать с Оливером.

Хейзел вытирает слезы и смотрит на красную отметину на своей руке, куда брат ударил ее пару минут назад.

— Передай Оливеру, что Мара сказала ему быть хорошим.

Клянусь всеми святыми, мое сердце ушло в пятки.

— Что?

Хейзел смотрит на меня своими прекрасными голубыми глазками.

— Она приходит ко мне во сне. Мара говорит, что Оливер скучает по ней и что он грустит. — Хейзел переводит взгляд на покраснение от удара, затем на школу. — *Я тоже по ней скучаю.*

Мое сердце обжигает боль при упоминании о дочери. Мара так ласково обращалась со своими братьями и сестрами. Не поймите меня неправильно, она была с огоньком и могла выбесить любого за считанные секунды, но вместе с тем она также сильно любила. Она боролась, защищая других, и умела задеть за живое. Так же, как и Оливер. И я знаю, что Оливер скучает. С помощью гнева он справляется с грустью. Ноа впадает в ступор, я плачу, а Оливер злится. Не знаю, как с этим справляются Хейзел, Севи и Фин, потому что они такие маленькие, что не поймешь.

Я крепче сжимаю ручку Хейзел.

— Мама поговорит с ним сегодня вечером, хорошо?

Убрав с лица пряди парика в стиле «Храбрая сердцем», она кивает и вытирает слезы. Поцеловав меня на прощание, Хейзел тоже выходит из машины и направляется в свой класс. Ее безумный парик во все стороны развеивается на ветру.

Оставшись в машине с Севи и Фин, я смотрю на них в зеркало заднего вида. Севи следит за снующими по парковке детьми и лает на всех, кто проходит мимо. Скорее всего, он пытается понять, почему они ходят, а не передвигаются на четвереньках. А Фин... Держа бутылочку в одной руке и поводок Севи в другой, она смотрит на брата так, словно хочет придушить его за лай. Между прочим, на Хэллоуин я нарядила ее в костюм курицы, который, полагаю, не произвел на нее никакого впечатления. Фин смотрит на Севи, затем на меня и отводит взгляд в сторону. И я практически слышу ее мысли: *«Именно по этой причине мне придется полжизни ходить к психологу».*

Машина продолжает издавать звуковые сигналы о низком давлении в шинах. Отлично. Пора навестить Ноа.

* * *

Мы с детьми нечасто навещаемся к мужу на работу, но я подумала: «А почему бы и нет?» Сегодня Хэллоуин, у машины спустило шину, а дети смогут повидаться с отцом. Беспроигрышный вариант, верно?

Посмотрим. Понятия не имею, как отреагирует Ноа, когда увидит, что я притащила с собой Севи и Фин.

Подумав, что кофе его задобрит, по дороге я заезжаю в «Старбакс», а затем

направляюсь в автосалон.

— Привет, Келли, — замечает меня Ник, как только я захожу в магазин. В одной руке я держу пятнадцатикилограммового щенка, в другой — девятикилограммовую птицу. Неудивительно, что мои руки потрясающе выглядят.

Чем ближе я подхожу к Нику, тем отчетливее вижу фингал под его глазом. Он черный, как будто Ник подрался, или его ударил Ноа. Меня этим не удивишь. Братья Беккет всегда быстро наносят удар. А то и два.

Севи, в своем хэллоуинском костюме собаки, замечает вдали от нас Ноа, который с головой забрался под машину, и тут же бежит к отцу. Он дважды спотыкается о хвост костюма, а затем падает на цементный пол и начинает плакать. Но не Ноа поднимает его с пола, а высокая блондинка, которую я никогда здесь раньше не видела. И она прикасается к моему ребенку. Мне сразу же хочется побежать туда и вырвать сына из ее рук.

Но Фин дергает меня за волосы, вжавшись в мое бедро и отказываясь смотреть на кого бы то ни было. Она использует меня в качестве щита от любого внимания, направленного в ее сторону. Она стеснительная. Или злая. Мы пока еще не поняли.

Ник протягивает руку и пытается пощекотать Фин за бок. Она извивается и смотрит на него, отталкивая его руки.

— Ноа никогда не нравилось быть младшим, — дразнит Ник. Он замечает кофе. — Ты принесла один для меня?

Я передаю ему стаканчик.

— Ага. Решила вас сегодня угостить, парни.

— Как мило с твоей стороны. — Он делает глоток, затем замечает на Фин костюм птицы и дотрагивается до перепонки на ее ножках, из-за которых она отказывается ходить. — Разве она не очаровательна?

— Верно. — Я перемещаю Фин с одной стороны на другую, испугавшись, что она плюнет в Ника. Естественно, не в первый раз. — Ребят, а когда вы собираетесь завести детей? — поддразниваю его я.

Ник никогда не хотел детей, вероятно, потому, что Ноа был мудаковатым младшим братом, но я знаю, что его жена Сианна мечтает о ребенке.

— О, ну, мы пытаемся с помощью ВМИ. Сиа очень хочет забеременеть, но пока не выходит. *(Примеч.: Внутриматочная инсеминация (ВМИ) — медицинская технология, представляющая собой введение в цервикальный канал или матку женщины спермы мужчины, полученной заблаговременно вне полового акта).*

— Уверена, что со временем все получится. — Я улыбаюсь, покачивая Фин, когда она начинает нервничать из-за того, что люди проходят мимо и касаются ее костюма. — Что случилось с твоим глазом?

— Пытался разнять драку, — невесело смеется Ник, проведя рукой по челюсти. — Очевидно, они не собирались ее прекращать.

— Я вижу.

Оглядываясь вокруг, я ищу Ноа, но теперь нигде его не вижу, а эта гребаная женщина все еще держит на руках моего ребенка, как будто собирается убежать с ним. Севи не отрываясь пялится на ее сиськи.

— Кто?

— Что кто? — спрашивает Ник, тоже глядя на блондинку, но быстро отводит взгляд, прислонившись к стене.

— Кто подрался?

— О. Уф. Твой парень и Райкер, один из техников.

Райкер — техник из магазина, который почему-то постоянно воюет с Ноа и борется с его авторитетом среди других работников. Я не так уж много знаю о нем и встречалась с ним всего один раз. Учитывая то, как Ноа отзывается о Райкере, уверена, что он готов сделать гораздо больше, чем просто поколотить его. По правде говоря, Ноа позвали, потому что в магазине был кавардак и Ник нуждался в том, чтобы привести все в порядок и снова сделать это место прибыльным. Ник всегда был бизнесменом, но управлять дилерским центром и работать в автомастерской — это совсем разные вещи. Из-за этого парни приняли Ноа не слишком дружелюбно.

— Почему?

— Натворил какую-то хрень. Я не знаю. — Ник выпрямляется, вытирая лоб о сгиб руки. — Спроси у него.

— Кел?

Обернувшись, я вижу, как Ноа поднимается сбоку от пикапа, а Севи, хихикая с хвостом от костюма во рту, выворачивается из его рук. Он предпочитает все носить вверх тормашками. И ведет себя как собака.

— Что ты здесь делаешь? — Ноа встает рядом с грузовиком и ставит Севи на ноги.

Я не могу не заметить женщину, стоящую позади него и внимательно наблюдающую за каждым его движением. Не глядя на нее, Ноа улыбается мне и берет кофе из моей руки.

— Милая, это мне?

На моих губах расцветает улыбка от его нежности. По крайней мере, он рад меня видеть. Не стоит перевозбуждаться. Именно так Ноа и разруливает дерьмовые ситуации. Игнорируй это. Игнорируй. И еще раз игнорируй.

— Да. — Загипсованной рукой он обнимает меня за плечи, притягивая к себе. — Подумала, что тебе понравится.

— Понравилось. — Наклонив голову, он тихо шепчет мне на ухо: — Там стоит грузовик, очень похожий на тот, что был у меня в колледже. Не хочешь испытать его в качестве кровати?

Он шутит, но мне приятно, что он это делает. После нашей отстраненности и ссоры, это же хорошо, правда? Не уверена, что так и есть, потому что это привычные действия Ноа. Он в буквальном смысле готов на все, лишь бы не говорить о наших проблемах. Раньше я думала, что он поступает так, потому что его ничто не заботит. Теперь я поняла, что в этом его сущность. Я улыбаюсь ему.

— Много лет прошло с тех пор, как мы это делали.

— В таком случае позволь, я покажу тебе свой измерительный щуп и проверю твое масло. — Он прикалывается и, смеясь, ведет меня назад через ряд машин, где эта женщина теперь разговаривает с Ником и откровенно заигрывает с ним.

Ноа смеется, когда Фин отталкивает его от меня. Он приподнимает ее подбородок и спрашивает:

— Почему ты меня так ненавидишь?

Она хмурится, глядя на отца, и бьет его по щеке своей крошечной ручкой, но ничего не говорит.

— Ноа. — Эта женщина снова держит Севи на руках, прижимая его к себе. — Можно я оставлю себе этого парня?

Когда мы подходим к ней, Ноа улыбается.

— Не-а. Он нам вроде как нравится. — Муж убирает руку с моих плеч.

— *Кто она такая?* — шепотом спрашиваю я. Мне ненавистна моя реакция на то, что он убрал руку и что от этого у меня перехватило дыхание. Я не должна, но реагирую.

— Это Ава, — говорит мне Ноа, кивая ей. Она улыбается. Я натянуто улыбаюсь в ответ, переводя взгляд с нее на сына. Заметив, что я не в восторге от того, как она истязает нашего ребенка, Ноа забирает у нее Севи. — Ник нанял ее. Она работает в отделе продаж.

Судя по внешнему виду грудастой блондинки, думаю, в скором времени она станет руководителем этого самого отдела.

Ава вежливо протягивает мне руку.

— А ты, должно быть, Келли?

По крайней мере, она знает мое имя. Это ведь хорошо, правда?

Ава обходит пикап и выходит за дверь, а Ноа поворачивается ко мне. Я замечаю покраснение на его щеке, а также на костяшках пальцев руки и спрашиваю, почему он подрался с Райкером.

— Он наговорил Аве всякого дерьма, как только она утром пришла на работу. Меня разозлило, что он не может держать рот на замке даже в течение одного дня.

— Так ты ударил его?

— Нет. *Он* ударил меня. Я защищался.

Я киваю, но меня беспокоит, что он защищает эту женщину, с которой (якобы) только познакомился.

— Мне стоит беспокоиться из-за нее?

В тот момент, когда эти слова срываются с губ, у мужа такое выражение лица, словно... Даже не знаю... Оно чем-то похоже на лицо мужчины, которому только что пырнули в яйца ножом для колки льда. Клянусь, его глаза мечут молнии. Он делает шаг ко мне, сокращая расстояние между нами, несмотря на то, что я все еще держу Фин на руках. Ноа фыркает и произносит удивленно-раздраженным тоном:

— То, что я встал на ее защиту, вовсе не значит, что мне не насрать на нее.

Я смотрю на своего до великолепия несовершенного мужа.

— Хорошо.

На данный момент могу сказать, что не стоит копать глубже, ведь его расстроил тот факт, что я задала подобный вопрос. Ноа так пристально смотрит на меня, что его взгляд практически обжигает мою кожу.

— Да. Хорошо.

Из-за того, как резко он это произносит, я понимаю, что действительно разозлила его. Он недоволен тем, что я спросила об этом, и я чувствую себя глупо из-за того, что вообще сказала что-то подобное. Есть у моего мужа такая способность — без особых усилий заставить вас чувствовать стыд за то, что вы задали неправильный вопрос.

Незаметно вздохнув, я рукой прикрываю лицо от солнца, проникающего сквозь стеклянные двери, но не двигаюсь. Я смотрю на наших детей. Севи на руках у Ноа, Фин — у меня. Дети переглядываются, а затем Севи обхватывает щеки Ноа своими ладошками.

— Папочка?

— Что, приятель?

Сын облизывает щеку Ноа, и напряжение между нами тут же исчезает. Мы смеемся, когда он опускает Севи на пол, а потом улыбаемся друг другу. Два человека воссоединились

с помощью их маленького странного ребенка.

Почувствовав облегчение, Ноа вздыхает, слегка улыбаясь:

— Послушай, я ничего такого не подразумевал. Я просто не понимаю, почему у тебя появились какие-то сомнения. Я никогда не давал тебе повода не доверять мне.

Он прав. Он может избегать проблем, но никогда не проявлял интереса к другой женщине.

— Я знаю. Наверное, меня просто застали врасплох. — Сглатываю я ком в горле. Затем киваю на свой внедорожник на стоянке. — Похоже, у машины спустило шину. Можешь починить?

Ноа кивает и следует за мной на улицу.

— Ты наехала на гвоздь или как?

— Нет, на бордюр. Я отвлеклась на Оливера. В последнее время он стал очень груб с Хейзел.

Опустив голову, муж кивает и проводит рукой по волосам.

— Знаю. — Теперь Ноа прикрывает рукой глаза от солнца. — В последнее время он ведет себя как засранец.

Прямо как ты. Но я этого не говорю. Я же не дура.

— Сегодня утром он сильно ударил ее по руке. Настолько сильно, что остался след.

Ноа меняется в лице.

— Вот мелкий говнюк!

— Согласна. — Я хочу больше рассказать ему. Например, о том, что Хейзел упоминала о Маре, которая навещает ее во сне. Но мне кажется, что это еще сильнее разозлит мужа. — Может, поговорим с ним об этом сегодня вечером перед вечеринкой?

Опустившись на колени и осмотрев шину, он поднимает на меня взгляд.

— Какой вечеринкой?

— Сегодня вроде как вечеринка в честь Хэллоуина?

Поднявшись на ноги, он стонет и проводит рукой по челюсти, явно раздраженный тем, что я строила планы без него.

— И мы на нее идем?

— Да. Мы идем. Я уже нашла себе костюм.

А вот теперь Ноа приободрился. Он кокетливо поигрывает бровями.

— Какой костюм ты наденешь?

Мои губы расплываются в улыбке.

— Тебе придется пойти на вечеринку, чтобы выяснить это.

Шагнув вперед, он проводит большим пальцем по моей щеке, убирая развевающиеся на легком ветру волосы.

— Ты сейчас пытаешься меня подкупить?

— Получается?

Ухмыляясь, он отступает назад. Сглотнув, Ноа делает глубокий вдох.

— Ага. — Он кивает на магазин позади него. — Я поменяю вашу шину, *мэм*.

— Мэм? — Я едва сдерживаю смех, крепко держа Севи за руку.

Несмотря на то, что мы женаты уже более десяти лет, мои щеки все еще краснеют, когда он начинает заигрывать со мной.

— Но позже я жду оплаты. В вашем костюмчике.

— Как ты собираешься менять шину одной рукой?

Ноа посмеивается. В его глазах пляшут озорные огоньки, которых я не видела со времен нашего секс-видео.

— Если ты хорош, то справишься и одной рукой.

Ноа меняет шину, и я затаскиваю детей в машину. Когда я собираюсь покинуть автосалон, он прижимает меня к дверце машины, отчего я хмурюсь. Одной рукой муж опирается на дверь, другую кладет на мое бедро.

— Ты же знаешь, что тебе не о чем беспокоиться со мной, так ведь?

Понятно, что Ноа не имеет в виду эмоциональный подтекст, потому по этой части его сердце заперто на засов. Однако я понимаю, о чем он говорит, и знаю, что у него никогда не было намерения обманывать или мстить.

— Знаю. Просто я не ожидала этого. Я имею в виду... Посмотри на нее.

— И не подумая. — Его голос звучит так, словно у меня никогда не должно быть к нему вопросов по этому поводу.

Гребаные комплексы. И, к сожалению, они у меня есть. Мне не нравится это, но я борюсь с ними всю свою жизнь. Может быть, какое-то отношение к этому имеет то, что я никогда не буду достаточно хороша для своей матери. Как бы там ни было, у меня есть комплексы, и Ноа это прекрасно знает. Я поднимаю руку и провожу пальчиками по его имени, вышитому на рабочей форме.

— У нее идеальные сиськи.

Он наклоняет голову и смотрит в мои глаза:

— Как и у *тебя*.

Я фыркаю:

— Я выкормила грудью пятерых детей. Слово «идеальные» не совсем подходит для их описания. На днях Хейзел назвала их висюльками.

Ноа сдерживает смех, прищурившись.

— Они выкормили моих детей. Одно только это делает их лучшими сиськами в мире.

— Ладно, сумасшедший. Мне пора ехать.

— Подожди.

Я выгибаю бровь.

— Что?

Он быстро целует меня и делает шаг назад.

— Убедись, что декольте костюма откроет шикарный вид на твои *висюльки*.

Хохоча, я открываю дверцу машины. Усмехаясь, Ноа отступает, а затем подмигивает. Его смех окутывает мое тело. В этот момент я решаю, что надену самый откровенный костюм, какой только смогу найти, и посмотрю, что из этого получится.

Келли

Первое слово ребенка...

(Перед вами родители года)

— В чем конкретно заключается формат местной вечеринки?

Кейт думает над моим вопросом, пока наносит еще один слой теней поверх и без того тяжелого макияжа, портя тем самым накладные ресницы.

— Суть вечеринки в том, чтобы собрать вместе всех соседей.

— Это так здорово! — говорит Эшлинн. — Я люблю Хэллоуин. Это мой любимый праздник.

— Правда? — фыркает Гретхен, разворачивая для перекуса третий по счету батончик за вечер. — С чего вдруг?

— Потому что я могу принарядиться.

Гретхен медленно жует, раздумывая над ответом, а затем улыбается. Она и Эшлинн до сих пор не могут подружиться. Думаю, это как-то связано с тем, что Гретхен поймала своего сына за просмотром одной из порнух с участием Эшлинн. После этого была такая суматоха.

— Да, потому что в любой другой день на работу ты одеваешься *попроще*.

Эшлинн закатывает глаза и взлохмачивает волосы Гретхен.

— Не надо винить меня за то, что твой сын проявил любопытство. — Затем она поворачивается к Кейт и Чарли. — У тебя на каждый Хэллоуин ребята собираются? Это такая фишка?

— Ага, — кивает Кейт, а затем тыкает себе пальцем в глаз, пытаясь расправить ресницы. — Проклятье! Как ты это делаешь?

Эшлинн улыбается.

— О, милая. Проще простого.

Она помогает Кейт поправить накладные ресницы, чтобы завершить образ зомби-невесты. На Кейт нет свадебного платья. По сути, ее наряд состоит из нижнего белья.

— Как думаешь, что скажет Джейсон? — спрашиваю я, передавая Кейт ресницы для другого глаза.

— Наверняка какую-нибудь глупость.

Чарли усмехается:

— Ходят слухи, что вы двое... — она замолкает и смотрит на Финли, сидящую на полу и играющую с тубиками помады. Фин не обращает на нас внимания, но никогда не знаешь, чего от нее ожидать. Она еще не произнесла свое первое слово, и я определенно не хочу, чтобы это было «трахаться» или что-то столь же комичное. Чарли замечает выражение моего лица и подбирает нужное слово. — Снова перепихиваетесь?

Все взгляды устремляются на Кейт. Она смотрит на нас и закатывает глаза.

— Мы живем в одном доме. Конечно, мы *шпилимся*, — говорит Кейт, как будто не сообщила нам ничего нового. — Я не могу спокойно привести домой парня. Джейсон сразу начинает сходить с ума и перечисляет все причины, почему он недостаточно хорош для меня. И он еще ни разу не приводил домой девушку. Так что мы... шпилимся.

Так и знала, что они все еще занимаются сексом, хоть и разведены.

В конце концов девочки уходят, и в ванной остаемся только я и Кейт. Мои дети бегают туда-сюда.

— Это странно?

— Что? — Кейт смотрит на меня и хлопает ресницами. — То, что я одета как проститутка?

— Нет, я имею в виду... ты и Джейсон?

— Нисколько. Он такой ревнивый. Это одна из причин, по которой мы развелись. В браке он слишком много переживал, и теперь после развода он нравится мне намного больше. Это сняло лишнее напряжение. — А потом она смотрит на меня, словно читает мои мысли, и качает головой. — *Не думай*, что ты и Ноа тоже должны.

Я фыркаю.

— Что ты имеешь в виду?

— Подобный договор работает со мной и с Джейсоном, но ты и Ноа — другие. Вы пережили боль, изменившую вашу жизнь. У нас ничего такого не было. Мы просто не могли разобраться с нашим дерьмом. Но вы, ребята... Ноа чертовски обожает тебя, девочка. Я вижу это по взгляду, которым он смотрит на тебя. Он сделает все ради тебя.

Я снова фыркаю. Слезы подступают к глазам и угрожают пролиться, когда я смотрю на себя в огромное зеркало в полный рост. *Он сделает что угодно, но не впустит меня в свою душу.*

— Очень жаль, что он не собирается говорить со мной об этом. Он просто избегает наших проблем, как будто их и нет вовсе.

— Он скорбит, дорогая. По-своему.

— Я знаю, что скорбит, но он отталкивает меня. Спустя несколько дней после смерти Мары Ноа превратился в зомби. Ничего не говорил, не прикасался ко мне, едва ел и спал. А потом родилась Финли, и все стало только хуже.

Поправляя подвязку, Кейт слушает все, что я говорю, а затем замирает и смотрит на меня.

— Я знаю, это сложно, но, пожалуйста, поверьте мне, когда я говорю, что в вашем браке есть то, что *стоит сохранить*. — Кейт шлепает меня по заднице, и звук хлопка со звоном разлетается по ванной. — И твой наряд это подтверждает.

Я бы предпочла не смотреть на себя, но впервые внимательно рассматриваю свой костюм на Хэллоуин. Мне не все равно, что я смотрюсь в то же самое зеркало, которое Ноа разбил меньше недели назад, но я отбрасываю эти мысли, не желая вспоминать, почему он так сделал.

— Не стоит матерям так одеваться, — смущенно говорю я.

— Ни хрена подобного, — слышу я гортанное ворчание позади себя и в шоке поворачиваюсь, замечая в дверном проеме улыбающегося Ноа. — Матери должны всегда так одеваться.

Кейт и я смеемся и поворачиваемся к нему. Он не смотрит на Кейт или на что-либо еще в комнате. Нет, взгляд моего мужа прикован ко мне и моему кожаному комбинезону, который любезно предоставила Эшлинн. Видимо, она не так давно снялась в фильме на тематику Хэллоуина, так как снабдила всех нас костюмами непослушных девочек. Но прежде она заверила нас, что ничего не происходило в одежде или на одежде. Я могу ошибаться, но, судя по выражению лица Ноа, он не разочарован.

Мы смотрим друг на друга, и мои щеки покрываются румянцем от того, что мне кажется, будто я стою перед ним голой. Давайте начистоту: мой костюм оставляет мало места для воображения.

Кейт прочищает горло:

— Я буду внизу с детьми, — удовлетворенно произносит она. Когда подруга подходит к двери, в проеме которой стоит Ноа, то что-то шепчет моему мужу на ухо. Он улыбается, но не отводит от меня взгляда.

Когда она выходит за дверь, Ноа стискивает зубы. Я не понимаю... Он расстроен? Он не хочет, чтобы я носила этот костюм?

Мой взгляд скользит по его рукам, покрытым татуировками, под которыми четко прослеживаются вены и мышцы. Ноа пожирает меня взглядом, рассматривая костюм, плотно облегающий мои грудь, живот и бедра. На его губах медленно расплзается ухмылка. Он подмигивает мне и скрещивает руки на груди.

— Женщина-кошка?

Я киваю и поднимаю кнут, зажатый в руке.

— С реквизитом.

— Мило, — говорит он, потирая большим пальцем нижнюю губу.

Я шагаю к нему, сохраняя между нами расстояние в несколько дюймов. Стоя перед ним, я провожу кнутом по внутренней стороне его бедра. Не разрывая зрительный контакт, я замечаю, каким затрудненным становится его дыхание, как поднимается его грудь и как он прищуривается. Муж тяжело сглатывает и делает глубокий вдох, когда я опускаю кнут и прикусываю нижнюю губу.

Ноа хватается меня быстрее, чем я того ожидаю, и толкает к раковине, разбрасывая средства для макияжа по столешнице. Я не жду, когда он что-нибудь скажет, и лгну к его губам. Руками он касается моего лица, а наши губы сливаются в поцелуе. Его дыхание становится прерывистым и бесконтрольным. Пальцами Ноа скользит в мои волосы и дергает за них, чтобы я предоставила ему доступ к шее. Посасывая мою ключицу, он стонет и прижимает меня к столешнице. Его эрекция упирается в меня, и, прежде чем я осознаю, он прикусывает мою кожу.

— Насколько сложно снять этот костюм?

— Нелегко, — говорю я ему, понимая, что мое собственное дыхание прерывистое и неконтролируемое.

Ноа пытается стянуть костюм и терпит неудачу.

— Иисусе, он что, приклеен?

Я смеюсь, пытаюсь снять его с себя. Мы никак не успеем сделать это, еще и дверь не заперта.

Как нарочно, Севи заползает в комнату, указывает вниз и лает.

Ноа смеется.

— Что такое, парень? Джонни упал в колодец?

Севи смотрит на него так, будто он сошел с ума, хотя сейчас оба могут с этим поспорить. Конечно же, Севи ничего не отвечает Ноа и уползает, продолжая лаять. Затем мы слышим, как кто-то стучит в дверь. Ноа закатывает глаза.

— Я раздену тебя до конца этого вечера.

Я улыбаюсь и похлопываю его по плечу.

— Если будешь хорошо себя вести, то я даже готова тебе помочь.

Я отстраняюсь от него, намереваясь посмотреть, кто стучал в дверь, но Ноа прижимает меня к своей груди.

— Разве я спрашивал тебя?

Проведя ладонями по его груди, я сжимаю пальцами хлопчатобумажную ткань рубашки и смотрю на него, сдерживая улыбку. Ноа такой горячий, когда ведет себя так грубо, по-собственнически.

— Нет.

— Это приказ. Я вытащу тебя из этого костюма, и ты позволишь мне сосать свои висюльки, которые я так сильно люблю.

Я хохочу. Угадайте, кто стоит у наших ног и, указывая на меня, произносит: «Мои сиськи!», а потом хмурится и жестом дает понять, что плюнула бы в Ноа молоком?

Ясно как чертов день, что это наша дочь, которая только что произнесла свои первые слова. *Мои сиськи*. Отнюдь не вежливые словечки. Как будто она весь год над этим размышляла и выбирала подходящий момент, чтобы заявить права на свою территорию.

Перед вами родители года.

Мы с Ноа смотрим друг на друга, потом — на Финли и смеемся. Конечно, можно списать все на то, что дочь просто проголодалась, но я в этом не уверена. А может, и нет?

Ноа

*Дом с привидениями и соседи
(Я вполне мог бы обойтись и без этого)*

Сиськи.

Первое слово моей дочери — сиськи. Если бы это сказали Оливер или Севи, я бы гордился. Меня беспокоит тот факт, что эти слова произнесла Фин. Увидев, как я обхватил ладонями грудь ее мамочки, она выдала: «Мои сиськи!»

Часть меня хотела подхватить ее на руки и отпраздновать этот момент. В конце концов, она сказала свои первые слова. Это вам не шутки. Но другая (и очень большая) часть меня хочет сказать ей: «Вообще-то, изначально это были мои сиськи».

Вместо этого я смеюсь. Видимо, я недостаточно повзрослел, если, услышав слово «сиськи» из уст столь маленького человечка, начал смеяться. Не говорите об этом Келли, но я учил Оливера плохим словам только потому, что считал это забавным. Теперь я понимаю, почему это была заведомо плохая идея.

Пока Келли кормит Фин, я спускаюсь по лестнице в плаще Дракулы. Келли сказала, чтобы сегодня вечером я надел костюм. Ненавижу наряжаться на Хэллоуин. Даже ребенком, я никогда не видел в этом смысла. К тому же я не могу перестать думать о Келли, облаченной в тот чертов костюм Женщины-кошки. Если это вообще можно назвать костюмом. *Иисусе*. Как, черт возьми, пережить эту вечеринку, если она одета в такое?

Помните стук, который мы слышали? Я намереваюсь узнать, что это было, когда спускаюсь по лестнице и иду в сторону кухни. Вот тогда стук становится все громче и громче, пока... я не нахожу причину.

Поправочка. Имея пятерых детей, я уже ничему не удивляюсь. Ладно, лишь иногда. Но даже картина, открывшаяся передо мной, не так удивляет, потому что... Вы ведь знали, что Хейзел когда-нибудь отомстит Оливеру, не так ли?

Я вижу, как Хейзел стоит, прислонившись к двери подвала, и жует конфеты. Она ест их по одной, а вокруг валяются уже пять оберток. А потом я слышу, как снова раздается стук, и по ту сторону двери Оливер орет во всю мощь своих легких:

— Выпусти меня, тупица!

— Нет! — кричит в ответ Хейзел.

Я сдерживаю улыбку. Мне нужно сохранять невозмутимое лицо, но я понимаю, насколько подло себя вел Оливер по отношению к ней в последнее время.

— Хейзел, что ты делаешь?

Она смотрит на меня.

— Не твоего ума дело.

— Не моего?

Оливер продолжает кричать и, услышав мой голос, орет еще громче:

— Папа! Открой дверь. Она заперла меня здесь.

Я жду. Сын начинает плакать.

— Он в порядке, — заверяет меня Хейзел. — В полнейшем. — А потом она

подсовывает конфету под дверь. — Успокойся.

— Я не шучу. — Он бьет по двери. — Выпусти меня!

Прислонившись к стене, я скрещиваю руки на груди.

— Не похоже, что он в порядке.

— Он-то в порядке. А вот Севи — нет, — Хейзел кивает в угол кухни. — Он застрял.

Я перевожу взгляд, куда указывает дочь, — на кухонный уголок, где мы завтракаем. Наш щеночек застрял в вентиляционном отверстии печи. Не волнуйтесь, он в порядке. В полнейшем, как сказала бы Хейзел. Просто мягкие уши костюма прилипли к его груди, и я уверен, что мы никогда не сможем их оторвать. Севи спокойно жует хвост своего костюма, не заботясь ни о чем в этом мире.

— Все готовы к выходу? — спрашивает Келли, спускаясь с Фин на руках. Крошечная ручка дочери покоится на *моих сиськах*. Клянусь, если бы Фин могла послать меня куда подальше, она бы так и сделала.

Похотливым взглядом я осматриваю жену, одетую в костюм Женщины-кошки. С головы до ног. Признаю, наряд намного откровеннее того, что я хотел бы видеть на своей жене, но, черт возьми, он похож на ожившую фантазию. Разве это не заводит?

— Я готова, мама, — говорит Хейзел, сунув в рот еще одну конфету, но отказываясь отойти от двери. — Давайте повеселимся.

— О Боже! — Келли поворачивает за угол и замечает сына. — Севи, как ты здесь оказался?

Он смотрит на нее так, словно не беспокоится о своем положении. Малыш смеется. Опустив Фин на пол, Келли спешит вытащить Севи из вентиляционного отверстия, но он разворачивается и заползает обратно.

Хейзел и я смеемся, Фин смотрит на всех (на самом деле только на меня), а затем Келли слышит стук в дверь. Она переводит взгляд с Хейзел на меня, затем снова смотрит на нее.

— Где Оливер?

Хейзел пожимает плечами, закидывая в рот мармеладку:

— Не видела его.

— Мама! Я здесь! — кричит Оливер, стуча руками в дверь. — Помогите мне.

Хейзел усмехается, как будто в этой ситуации нет ничего плохого.

— Мама, ты прекрасно выглядишь.

Келли улыбается и отрывает Хейзел от пола.

— Спасибо, дорогая, но, пожалуйста, выпусти его оттуда.

— Ни за что, — протестует дочь, топая ножкой, а рыжие пряди парика, как у героини из мультика «Храбрая сердцем», падают на ее лицо. Должен признать, огненные волосы придают Хейзел еще более устрашающий вид. Помните, я просил вас никогда не доверять этой малышке? Я имел в виду именно это. Очевидно же, что она запрет вас в подвале, когда у нее лопнет терпение.

А потом она говорит:

— Он ударил меня мечом, — и показывает нам ссадину на своей ноге.

Черт побери этого мелкого засранца! перевожу взгляд с Хейзел на Келли. Я никогда не шлепал наших детей. Ни разу. Но теперь я готов надрать задницу Оливеру за его поведение. Он обещал мне, что оставит сестру в покое.

Я подхожу к двери, при этом мой плащ развеивается от движения. Открываю дверь и вижу, что Оливер плачет. Даже не взглянув на меня, он смотрит на Хейзел.

— Тупица!

— Прекрати, Оливер. Хватит.

Он со злостью смотрит на меня.

— Она специально заперла меня там. Она знает, что я ненавижу подвал.

Я смотрю прямо на него.

— Ты ударил ее?

Он пожимает плечами.

— Она опять украла мой меч.

— И что? Почему ты не можешь позволить ей просто посмотреть?

— Потому что он мой, — утверждает сын так, словно готовится к драке.

Я забираю у него меч и кладу его на столешницу.

— Ну что ж, а это мой дом, и если ты не собираешься делиться, то можешь спать в подвале.

Сын выпячивает грудь, нахмурившись.

— Это жестокое обращение с детьми.

— Нет, жестокое обращение — это если бы я ударил тебя мечом, как ты сделал это со своей сестрой.

Оливер ничего мне не говорит, лишь тяжело вздыхает, отчего его плечи резко поднимаются и опускаются. Он знает, что ему нечем крыть.

Я указываю на Хейзел.

— Извинись перед ней. Искренне.

— Извини, — ворчит он, глядя Хейзел в глаза.

— Нет, ты не серьезен, — говорит она, подловив на дерьмовом извинении, и уходит. —

Но я прощаю тебя! — кричит Хейзел через плечо.

Я отвожу сына в сторонку.

— Прикоснешься к ней еще раз, и твоя задница будет такого же цвета, как эта рубашка.

Кстати, на нем красная рубашка, и до сына наконец-то доходит, о чем я говорю. Надеюсь.

Келли снова вытаскивает Севи из вентиляционного отверстия, а дети уходят в гостиную и выбегают через парадную дверь, где я замечаю Кейт и Джейсона, стоящих рядом со своими мальчиками.

— Спасибо за это. — Келли подходит ко мне и улыбается. Ее взгляд скользит по моему плащу, а затем она смотрит на зубы, зажатые в моей руке. — Ты сегодня будешь ходить с клыками?

Я подмигиваю.

— Может быть. — Я притягиваю жену к своей груди и, наклонив голову, прижимаю рот к ее шее. — Ты позволишь мне укусить тебя?

Комнату заполняет низкий протяжный свист.

— Черт возьми, Кел...

Просто чтобы вы знали: не я произнес эти слова. Нет, этот комментарий принадлежит Боннеру, и я хочу ударить мелкого ублюдка за то, что он сказал это, потому что я чертовски хорошо понимаю, почему он присвистывает.

Я издаю стон.

— Нам следует переехать. Мне не нравятся наши соседи.

Келли закатывает глаза и отталкивает меня от себя.

— Эй, Бо. Эшлинн там?

Бо? Они сейчас обращаются друг к другу по прозвищам? Я наблюдаю за этими двумя. Мне не нравится боль, образовавшаяся в груди, когда я вижу, как Боннер обнимает мою жену. Мне также не нравится то, что это делает он. Я не ревнивец. Верите мне?

Не думаю. Когда сегодня утром Келли приревновала к Аве, меня это разозлило, потому что я предан ей сильнее, чем гребаный пес. И я знаю, что Келли не поступила бы так по отношению ко мне, но мой разум всегда возвращается к тому факту, что она изменяла своему парню со мной. Понимаю, это нелепо, но в глубине души я всегда думаю об этом.

Когда Келли направляется к Эшлинн, я чувствую необходимость предупредить Боннера:
— Руки прочь от Женщины-кошки, Джокер.

Да, на Хэллоуин он нарядился в костюм Джокера. Не удивлены? А как думаете, в кого перевоплотилась его жена? Угадали. Харли Квинн.

Боннер ухмыляется, пока мы наблюдаем, как уходит моя жена.

— О, расслабься, Драк. Я не отобью у тебя жену. Но, черт возьми, чувак, она потрясно выглядит.

Я стону, но, опять же, должен уточнить: он прав. Келли определенно потрясно выглядит в этом костюме, и я ничего не хочу больше, чем снять его с нее.

Боннер бьет меня в грудь.

— Есть идея. Пошли.

Я издаю очередной стон, на этот раз весьма драматичный.

— Я не хочу. Твои идеи всегда плохо для меня заканчиваются.

— Не сегодня.

— Ага.

Я идиот, потому что выхожу следом за ним на улицу, где все остальные уже собираются на моей подъездной дорожке. Я никогда не бывал на местной вечеринке и не помню, когда в последний раз ходил на вечеринку по случаю Хэллоуина. За полчаса улица, на которой мы живем, превратилась в гигантский дом с привидениями. Вокруг играет музыка, горят огни и стелется туман. Назовите что угодно, и оно здесь будет.

Я нахожу ребят у входа в дом с привидениями с тарелками пирожных. К этому я вернусь через минуту. Они болтают, и если у вас есть двенадцатилетние мальчишки, то вы, вероятно, захотите послушать их разговор.

— Можно я выстрелю из этого пугача? — спрашивает Август своего брата.

Вы же помните сыновей Джейсона и Кейт, верно?

Они стоят на улице, повернувшись спиной к своему отцу. Джаггер смотрит на пистолет, затем на своего брата.

— Только если ты сначала позволишь мне выстрелить тебе в ухо.

Я хочу сказать: «Не надо, чувак. Не делай этого». Но... я молчу. Это похоже на тот момент из мультика «В поисках Немо», когда Краш говорит Марлину: «Давайте посмотрим, что сделает Прыск».

Так вот, Прыск зарабатывает выстрел в ухо и визжит, как Хейзел. Не волнуйтесь, он в порядке. В полнейшем. Хотя да, у него наверняка пробита барабанная перепонка.

Джейсон отнимает у мальчишек пистолет.

— Завязывайте с этим дерьмом и найдите свою маму. — Затем он поворачивается ко мне и Боннеру. — Мне потребовалась целая вечность, чтобы свалить от сына Гретхен. — Джейсон серьезно смотрит на нас, но если вы подойдете поближе (как это делаю я, потому

что на улице темно, и я ни хрена не могу разглядеть), то заметите в его взгляде насмешку. — Не говорите ей, но ее сын под кайфом. Но если честно, Джейден находится под кайфом 90 процентов времени.

Боннер улыбается.

— Теперь нам нужно найти леди из ТСЖ. Уверен, она тусуется с остальными придурками у винного бара.

— Здесь есть винный бар? — тут же оживился Стив.

Джейсон машет рукой у него перед лицом, едва не уронив тарелку с пирожными.

— Да, но они полностью одеты. Не твоя тусовка. — Затем он указывает на его наряд. — Очевидно же.

Я смотрю на Стива и жалею, что не поступил так же. Полагаю, он подражает Тому Крузу из фильма «Рискованный бизнес», но его рубашка слегка коротковата.

— Думаешь, она съест одну?

— От тебя? — спрашиваю я. Боннер кивает. — Ни единого чертова шанса. Пусть Стив сделает это. Думаю, она его любит.

— Меня все любят, — отмечает он, забирая тарелку у Боннера.

— У меня есть план. — Боннер отнимает у него тарелку.

Джейсон смотрит на меня и натягивает на лицо маску Бэтмена.

— Плохой план.

Я смотрю на Джейсона.

— А у него когда-нибудь был хороший?

Мы все смеемся над тем, как Боннер изображает из себя обиженного.

— У меня их полно.

— Да? Назови хоть один.

— Если я правильно помню, ты жаловался на то, что не мог перепихнуться. И тебе перепало.

Я закатываю глаза.

— Да, сломанная рука и эрекция на весь день. А у моей жены фингал под глазом.

— Все это сделал ты, приятель, а не я.

Боннер уходит, но Джейсон останавливается, улыбаясь Келли, которая приближается к нам.

— Сегодня вечером держи свои руки подальше от Женщины-кошки.

Джейсон усмехается.

— Знаешь, у Бэтмена и Женщины-кошки был тайный роман.

— Если я узнаю, что ты прикоснулся к ней, то единственный роман, который тебе перепадет, будет с моей ногой.

Келли слышит мое предупреждение и толкает меня.

— О, перестань. — Она улыбается Джейсону. — Он лает, но не кусает.

Я почти уверен, что это было подкалывание Дракулы, и до наступления ночи собираюсь показать ей, насколько сильным может быть мой укус.

Джейсон уходит, возможно, чтобы проверить, как обстоят дела у Боннера. Мы с Келли остаемся наедине в конце подъездной дорожки.

— Где дети?

Келли указывает на улицу.

— Элла присматривает за ними.

— Кто такая Элла?

— Дочь Чарли и Стива.

До этого момента я понятия не имел, что у них есть дети.

— Оу.

— Хейзел научилась тверкать, — произносит Келли в ожидании моей реакции.

Я вставляю в рот клыки.

— Разве я в курсе, что это такое?

По крайней мере, я понимаю, что сказал, но вы когда-нибудь пытались что-то произнести со вставной челюстью? Это удивительно сложно.

Келли улыбается и показывает мне видео нашей пятилетней дочери, трясущей задницей так, будто она снялась в клипе у какого-нибудь рэпера.

— Что за херня? — Я вырываю зубы изо рта. — Кто ее этому научил?

— Она утверждает, что видела это на Ютуб.

— Забери у них айпады. Навсегда.

В темноте, при скудном освещении, стоя возле дома с привидениями, я борюсь с желанием притянуть к себе Женщину-кошку и на этом самом месте показать ей Дракулу во плоти. Мой взгляд скользит по ее ногам, каждый изгиб которых очерчен латексной кожей. Это пытка — не иметь возможности прикоснуться к ней, когда вокруг нас снуют дети.

— Как долго это будет продолжаться?

Келли поправляет волосы и смотрит на дом с привидениями. Она ненавидит их с детства. Я виноват в этом.

— Что именно?

— Эта дерьмовая вечеринка.

Очевидно, я ляпнул что-то не то, потому что жена смотрит на меня так, словно я разозлил ее.

— Здесь весело, Ноа. Это лучше, чем мыть посуду или убираться в доме.

Не знаю, как вы, но я достаточно умен, чтобы понять: Келли намекает на меня и на однообразную жизнь, которую мы иногда ведем. Вплоть до того момента, когда две недели назад я позволил Боннеру подкидывать мне идеи. Я тяжело вздыхаю:

— Когда мы сможем потрахаться?

Келли закатывает глаза.

— Это все, о чем ты думаешь?

Да!

— Нет.

— Лжец.

Я снова разглядываю ее. Ну, знаете, молча киваю на костюм.

— Если бы ты не хотела, чтобы я думал о том, как тебя трахнуть, то не надела бы это.

На мгновение Келли замолкает и просто смотрит в мои глаза в надежде что-то увидеть. Вероятно, эмоции, которых она ждет от меня, но я их не показываю. А потом она выходит из транса, быстро моргает и отступает.

— Пойду проверю, как там дети.

Я ничего не говорю. Просто позволяю ей уйти.

* * *

— Леди из ТСЖ отжигает.

Джейсон прав. Она *отжигала*. Два пирожных назад, но после четвертого все закончилось. Теперь она сидит рядом с какой-то цыпочкой, потягивая вино из бокала, и, вероятно, болтает о том, как сильно ненавидит мою задницу за то, что я не кошу газон. Ага. Я до сих пор этого не сделал. Сейчас это уже дело принципа и никак иначе. Я хочу посмотреть, как далеко она пойдет. И поверьте мне, я позволю этой убудочной траве вырасти до фута в высоту, прежде чем соберусь ее скосить.

Стив выгибает бровь, улыбаясь.

— Что значит отжигает? В смысле она под кайфом?

Боннер толкает Стива в грудь.

— Пожалуйста, постарайся следить за базаром, Стив. — А потом он наклоняется. — Так, а теперь самое интересное. Мы насрем на ее лужайку.

— Не думаю, что хочу это делать, — добавляет Стив. — Звучит невесело.

Боннер фыркает и открывает еще одно пиво.

— Я шучу. Мы не станем этого делать. Но у меня есть план.

— Звучит невесело, — теперь это произношу я, но только для того, чтобы привлечь внимание Боннера. — Ну ладно. И в чем, черт возьми, заключается этот твой *блестящий* план?

Боннер усмехается, и становится ясно, что в семье он был проблемным ребенком, потому что в руке у него зажат паяльник.

— Мы выжжем член на ее лужайке.

— Чей член?

Ага. Это спрашивает Стив. Как будто вас это удивляет.

— Мой, — ворчит Боннер, обхватывая рукой свой член, и идет по улице с паяльником.

Джейсон кивает, закатывая глаза.

— Похоже, мы должны пойти с ним.

Итак, мы следуем за Боннером. И это он, а не я, с помощью паяльника выжигает огромный член на лужайке во дворе леди из ТСЖ. У меня такое чувство, что все это не закончится ничем хорошим, но после двух съеденных пирожных мне тоже на все плевать. Меня волнует только то, как найти мою жену.

Уже час я не могу ее нигде отыскать. Вместо этого я хожу от двери к двери с Хейзел и Фин, которая позволила мне взять себя на руки (можете в это поверить?). Полагаю, подобное случилось третий раз за ее недолгую жизнь.

— Ты все еще ненавидишь меня? — спрашиваю я дочь, мысленно задаваясь вопросом: а можно ли мне вообще держать ребенка на руках? Возможно, нет. Прежде чем вы позвоните в службу защиты детей, спешу заверить: она в полном порядке. И я тоже. Просто пирожные помогли мне расслабиться.

Нахмурившись, Фин смотрит на меня, поднимает маленькую ручку вместе с желтыми перьями костюма и хлопает меня по губам. Думаю, таким способом она просит меня заткнуться. Так я и делаю.

— Папа! — Хейзел сияет, показывая мне пакет SourPatchKids. — Смотри, твои любимые. Мара тоже их любила, правда?

У меня в горле тут же образуется ком. Хейзел права. Мара любила эти мармеладки. Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Боюсь, если я это сделаю, то голос прозвучит неуверенно, а потом дочь спросит, расстроен ли я, и это вызовет новые вопросы.

Обернувшись, я спускаюсь по дорожке от дома, в котором мы были, то и дело уклоняясь от детей, встречающихся нам на тротуаре. Когда я добираюсь до конца дорожки, то оглядываюсь через плечо на Хейзел, которая с любопытством наблюдает за мной. Она вздыхает, огненные пряди парика падают на ее лицо.

— Прости, папочка. Я не хотела тебя расстраивать.

Я опускаюсь на колени и ставлю Фин на ноги. Видимо, она достаточно долго терпела, что я держал ее, и начинает извиваться, пока я не выпускаю ее из рук. Дотянувшись до Хейзел, я обнимаю ее.

— Ты меня не расстроила, милая. Я просто скучаю по ней, вот и все.

Это чувство — нечто большее, и дочь это знает. Хейзел выскальзывает из моих объятий и ласково дотрагивается ручками до моего лица.

— Она говорит, что теперь здорова и больше не грустит.

Хотя мои глаза горят, и я думаю, что из них вот-вот прольются слезы, этого не происходит. Меня переполняет лишь гнев оттого, что моя дочь умерла, а я ничего не мог с этим поделать. Я понимаю, что ей теперь лучше и больше не больно, но это никогда не избавит меня от сомнений. Глубоко вздохнув, я встаю и тяну Хейзел за руку.

— Давай найдем мамочку.

* * *

Примерно через двадцать минут Хейзел с Фин бросают меня ради Эллы. До сегодняшнего вечера я никогда не встречал Эллу и рад сообщить, что она больше похожа на свою мать, чем на отца. Я не имею в виду, что со Стивом что-то не так, но вы же понимаете... Он... малость не в себе.

Элла держит Севи на руках и смеется.

— Он такой милый, — говорит она. — И считает себя собакой.

— Да, сейчас это кажется милым, но уже начинает надоедать, — бормочу я, оставляя с ней детей.

При других обстоятельствах я бы не доверил детей незнакомому человеку, но, очевидно, сейчас Элла стала няней для всей ребятни, в то время как взрослые бродят по дому с привидениями. Не я устанавливаю правила. Я просто вынужден им следовать.

В одиночестве я отправляюсь на поиски Келли. В последний раз, когда я ее видел, она была с Кейт и Эшлинн. Помните, я говорил, что иногда бываю немного ревнивым? Может быть, я этого и не говорил, но такое случается. Как сейчас. Просто чуть-чуть подождите.

Я нахожу Келли в компании Джейдена, сына Гретхен, и его шайки. Все они пускают слюни на Эшлинн, но проблема возникает из-за одного мальчишки, внимание которого полностью сосредоточено на Женщине-кошке. Он обнимает мою жену и что-то шепчет ей на ухо.

Ага, ничего хорошего.

Судя по покрасневшим щекам и блестящим глазам, которые я вижу через прорези маски, моя жена пьяна. Опираясь на ближайшую стену дома, я некоторое время наблюдаю за ними. Нет ничего плохого в легком флирте, верно? Келли не помешало бы привлечь внимание молодого парня, чтобы он убедился, насколько она горячая.

В теории все звучит хорошо. В моей реальности... это вовсе не так. Мне это не нравится, и чем дальше мелкий говнюк касается моей жены, тем сильнее я испытываю

собственническое желание оторвать от нее его руки.

Спустя несколько мгновений Келли прищуривается и замечает меня. В тени я едва заметен, но она видит меня. Жена улыбается, но не отходит от мальчишки.

Я скрещиваю руки на груди и улыбаюсь в ответ. А затем киваю на дом с привидениями. Келли их ненавидит, но думаю, сейчас она достаточно пьяна, чтобы войти со мной внутрь.

Улыбнувшись парню, обнимающему ее, она отходит от него. Он недоволен и тянется к ее руке.

— Куда это ты собралась? — осмелившись, спрашивает он.

Джейден делает шаг вперед, что-то говорит мальчишке и кивает на меня. Нахмурившись, он переводит взгляд в мою сторону и отпускает руку Келли, поднимая ладони вверх в извиняющемся жесте.

Правильно, мелкий придурок. Она занята.

Келли подходит ко мне с улыбкой на губах и смеется, когда обнимает меня за шею. В мгновение ока ее язык касается моего рта, молча спрашивая разрешения. На вкус Келли как конфета и вино. Какое-то время мы просто целуемся.

Пока я не замечаю мрачный взгляд парня, устремленный на меня. Он хочет того, что есть у меня, и мысль об этом почему-то побуждает меня к действию. Намотав волосы жены на кулак, я притягиваю ее к себе, словно дикарь. Если бы не мой гипс, я бы обхватил ее упругую попку, затянутую в этот кожаный комбинезон. Просто из гребаного принципа.

Ее тело реагирует на мою грубость. Келли извивается и тает от моих прикосновений. Я целую ее до тех пор, пока не замечаю, как распухли ее губы, а дыхание стало затрудненным. Я засасываю ее язык в свой рот, а затем мы соприкасаемся лбами.

— Готова испугаться? — спрашиваю я, едва способный оторваться от нее.

Посмотрев за плечо Келли, я вижу Боннера с Эшлинн, держащихся за руки и направляющихся к нам. Прочистив горло, я отступаю от Келли и мысленно благодарю наступившую темноту, потому что сейчас выгляжу так, словно опять принял «Виагру».

Боннер ухмыляется, когда проходит мимо нас за дверь. Джейсон с Кейт следуют за ними вместе с Чарли и Стивом. Келли и я заходим в дом последними, и она так крепко сжимает мою руку, что можно подумать, будто она падает с обрыва, а я тот, кто ее спасает.

— Почему ты так боишься? Все здесь — сплошная бугафория.

— Потому что я ненавижу, когда меня кто-то пугает. — Келли прячет голову на моем плече. — Я же говорила, что не хочу сюда идти.

Я смеюсь и обнимаю ее за плечи.

— Какая жалость.

Мы бродим по дому с привидениями, где повсюду разбрызгана фальшивая кровь и полно мумий, которые неожиданно выскакивают, чтобы напугать нас. Мужчина в костюме Фредди Крюгера, увязавшийся за Кейт, в итоге получил от нее удар по горлу. Бешеный кролик схватил Келли сзади, и от ее крика едва не лопнули мои барабанные перепонки. Затем она пнула бедного засранца прямо по яйцам. Я почти уверен, что слышал, как они лопнули.

— Иисусе, как же я ненавижу все это! — кричит жена, топая ногой и хватаясь руками за сердце.

Смеясь, я обнимаю ее сзади и намеренно тихо шепчу:

— Я прикрою тебя.

Дрожа всем телом, Келли прижимается ко мне. Мы останавливаемся, и она

разворачивается в моих руках.

— Сделай так, чтобы я перестала бояться.

Я снова смеюсь.

— *Что?*

Ее широко распахнутые глаза сосредоточены на моих. Она оглядывается вокруг, а затем шепчет и смотрит на меня, ожидая реакции:

— Трахни меня. Прямо здесь.

Она это серьезно? Что-то я сомневаюсь. Или да? Я жду, когда она скажет: «Да шучу я» и засмеется, но этого не происходит. Все, что я вижу, — ее пылающий взгляд, пока она ждет моего ответа.

Мне требуется минута, чтобы что-то сказать, но мой член пришел в боевую готовность, как только Келли прижалась ко мне пять минут назад. Поэтому я сгибаю ноги в коленях, потираясь членом о ее центр. Она стонет, откинув голову на стену, цепляясь за мои плечи.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь, где нас могут увидеть?

— В доме всего шесть человек, и они заняты. Мы одни.

Я осматриваюсь. По сути, мы одни. Если не считать Бешеного кролика, которого моя жена пнула по яйцам. Но я уверен, что в данный момент он предпочел бы умереть.

Подтолкнув Келли к стене, я затаскиваю ее во что-то похожее на шкаф и прижимаюсь к ней. Затем окидываю взглядом ее костюм.

— И как я должен снять это с тебя?

Тяжело дыша, она хватается за ремешок на шее и тянет молнию вниз, пока та не опускается до ее промежности. Она слегка извивается и оказывается передо мной обнаженной. Я делаю все возможное, чтобы прикрыть ее от посторонних глаз, но, к счастью, в этом шкафу достаточно темно и нас никто не увидит.

Келли поворачивается ко мне спиной, и я запускаю пальцы в ее киску, такую влажную и теплую. Жена откидывает голову на мое плечо, а мои губы скользят по ее шее. Ранее она спрашивала о зубах и угадайте, кто сейчас со вставными клыками?

Ага. Все продумано. Я сильно кусаю ее кожу. Кажется, я чувствую вкус крови, но Келли не отходит от меня.

— Что ты говорила о том, что я лаю, но не кусаю?

— Трахни меня, — умоляет она и, как только пластиковые клыки снова вонзаются в ее кожу, извивается у моего члена и трется о него своей задницей.

Я борюсь с желанием. Мне хочется подразнить ее чуть подольше. Я рычу, уткнувшись в ее шею.

— Тебе понравилось, как тот парень смотрел на тебя?

— Не понравилось, — отвечает она, задыхаясь, извиваясь напротив меня. — Ноа, пожалуйста.

Я провожу двумя пальцами по ее клитору, а затем нажимаю большим пальцем на чувствительный бугорок.

— Что, пожалуйста?

Келли трепещет:

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Прямо здесь, когда за этими стенами находятся люди. Покажи мне, как сильно ты все еще хочешь меня.

Мне не нравятся эти слова. Они что-то больно задевают глубоко в груди. Она думает, что я отдалился, что избегаю выставлять свои эмоции напоказ, потому что больше не хочу

ее? Естественно, все, что мы пережили за последние несколько недель, доказывает, что это совсем не так. Я хватаю ее за подбородок загипсованной рукой и заставляю посмотреть на меня.

— Желать тебя не проблема. Я всегда тебя хочу.

Ее глаза, скрытые под маской, находят мои.

— Докажи.

Так я и делаю. Я трахаю жену у стены и, кончив, прижимаю руку к ее шее, рыча на ушко:

— Теперь ты мне веришь?

Келли вздыхает. Ее сиськи покрыты блестящими капельками, которые я вижу даже в темноте. Все еще обнимая меня, она произносит:

— Я люблю тебя.

Келли так и не ответила на мой вопрос.

Ноа

Братская любовь

(Он старше, но не значит, что мудрее)

— Что ты сделал с леди из ТСЖ?

Спокойно наслаждаясь кофе перед уходом на работу, я смотрю на свою жену, держащую в руке розовый лист бумаги. Могу только предположить, что это — очередная жалоба на то, что я не стрижу газон. Или, может быть, это как-то связано с выжженным на лужайке членом, к созданию которого я не имею отношения, хотя и был соучастником.

— Ничего я с ней не делал. А что?

Келли бросает листок бумаги на стол.

— А то, что нас оштрафовали на пятьсот долларов, потому что мы не покосили траву на лужайке.

Отказываясь смотреть на наш участок, я ворчу что-то похожее на «исчезни», но на самом деле произношу это не так громко, чтобы Келли не смогла услышать мои слова. Я не дурак, просто наслаждаюсь своим чертовым кофе.

Келли вздыхает, и этот вздох звучит драматичнее, чем за все последнее время. Как будто она настолько расстроена, что готова вырвать мне волосы.

— Почему бы тебе просто не покосить газон? Или это сделаю я.

— Не смей, — предупреждаю я, наконец посмотрев ей в глаза. — Теперь это дело принципа. Они не имеют права указывать, когда мы должны стричь лужайку.

— Нет, они могут это делать, Ноа. — Келли переходит от стола в кухню, чтобы закончить приготовление завтрака. — Ведь неспроста организация называется товариществом собственников, и мы согласились на их условия, когда покупали этот дом.

Я ставлю чашку с кофе на стол.

— Ну, это просто тупо. Трава не такая уж и высокая.

Келли указывает на наш двор.

— Минимум восемь дюймов.

— *Она говорила тоже самое.*

Естественно, я получаю от Келли подзатыльник.

— Заткнись.

Уловили нотки юмора в ее голосе? Я — да. Келли не ненавидит меня, так что вполне вероятно, что сегодня мне что-нибудь перепадет.

Оливер, которого я не заметил, присаживается рядом со мной и спрашивает:

— Что это значит?

Посмотрев на него, я понимаю, что у меня, вероятно, проблемы. Если вы посмотрите на Келли, которая сейчас жарит на кухне блины, то заметите, что у нее такое выражение лица, которое буквально кричит: «Выбирайся из этого дерьма, чувак».

Я притворяюсь типа «я тебя не слышал», чтобы выиграть время, и, подумав, добавляю:

— А?

— То, что она сказала... Что это значит?

— Это значит ровным счетом то, что она сказала, — вру я.

Оливер хмурится, когда наливает слишком много молока в миску с хлопьями.

— Я не понимаю.

— Забудь. — Я двигаюсь ближе к нему. — Ты хорошо ведешь себя с сестрой?

Он пожимает плечами и опускает ложку в хлопья.

— Если «хорошо» означает не говорить с ней и не бить ее, тогда да.

Я закатываю глаза.

— Так вот, приятель, Джейсон рассказывал мне о рыболовецком судне, на которое он каждый год берет с собой мальчишек. Хочешь поехать со мной?

Взгляд Оливера загорается.

— В самом деле? Как раньше, только я и ты?

— Ну, Джейсон и близнецы тоже там будут, — отвечаю я, когда Хейзел садится напротив своего брата, а рядом с ней появляется полная тарелка с блинами, которые она, скорее всего, не доест.

Оливер смотрит на Хейзел, но ничего ей не говорит.

— Но ее-то там не будет, да?

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не нахмуриться. Меня беспокоит то, что он так сильно ненавидит Хейзел, и я не могу понять почему. Еще год назад ничего подобного не было. Конечно, у Хейзел, как и у всех детей, есть неприятные черты характера, но все, чего она когда-либо хотела, — это быть похожей на Оливера. Она обожала Мару, но Оливер — ее старший брат. Поэтому она боготворила его, даже если он вел себя с ней как придурок в девяноста восьми процентах случаев. Он должен защищать младших, однако после смерти Мары совсем отдалился от своих братьев и сестер.

Теоретически я думаю, что понимаю, почему так. Что-то похожее произошло, когда мой черный лабрадор Эдди родила щенков. В тот год их было пятеро. Четыре девочки и один мальчик. Мальчик был самым младшим из помета и почти сразу умер. После его смерти Эдди не обращала никакого внимания на своих щенков. Чтобы спасти бедняг, мне пришлось кормить их из бутылочки, и я помню, как тогда не мог поверить, что она просто взяла и отвернулась от своих щенков, пока те умирали.

Теперь, когда сам потерял ребенка, я немного лучше осознаю случившееся и думаю, что отчасти, возможно, именно это и делает Оливер. Он отстраняется из-за того, что испытывает сильную боль. Ему было восемь, когда умерла Мара. Уверен, он помнит все подробности того, как провел с ней то утро. Все произошло так быстро, что, думаю, он по-своему скорбит из-за этого, просто он настолько похож на меня, что из него клещами ничего не вытянешь. Может быть, выходные наедине с ним пойдут на пользу.

— Вот дерьмо! — вскрикивает Келли, отпрыгнув от сковороды и обхватив свою руку.

— Мама сказала «дерьмо»! — хихикает Хейзел, поглаживая кота, сидящего рядом с ней.

— Фу-у, дерьмо, — хихикает Севи, расположившись на полу в ногах у Келли. — Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Тут же взглядом я ищу Фин, гадая, будет ли «дерьмо» следующим словом, которое она произнесет. Нет. Ей плевать на все. На ее тарелке лежит блинчик, и она запихивает его в рот.

Я смотрю на Келли, чтобы убедиться, что с ней все хорошо.

— Ты в порядке, дорогая?

Жена подставляет запястье под струю холодной воды.

— Да, просто обожглась.

После завтрака я собираюсь на работу. К счастью, сегодня пятница. Пока я не успел выйти за дверь, Келли, шлепая по холлу босыми ногами, останавливает меня.

— Так ты серьезно?

— По поводу? Что не буду косить газон? Абсолютно. Нахрен эту леди из ТСЖ.

Жена хмурится, покусывая пальцы.

— Нет, я не о том. Но мы поговорим об этом позже. Я имею ввиду рыбалку с Оливером.

Я беру ключи со столика рядом с дверью.

— Да, я серьезно.

— Не обещай ему того, чего не выполнишь.

— Не буду.

Знаю, вас передернуло. Надеюсь, сыну не придется снова вызывать «Убер». На лице Келли читается облегчение, она расслабленно опускает плечи.

— Спасибо.

Я наклоняюсь, прижимая ее к своей груди.

— Скажешь мне спасибо сегодня вечером. Как насчет того, чтобы вместе поужинать?

Ее взгляд загорается.

— Правда? Как? Только мы? Без детей?

Я подмигиваю и целую изгиб ее шеи.

— Давай оставим их, — шепчу я и нежно облизываю ее кожу.

По телу жены пробегает дрожь. Келли отстраняется, но в ее усталых глазах горит огонек надежды.

— Посмотрим, смогу ли я найти няню.

Еще до того, как Мара заболела, каждый вечер пятницы мои родители присматривали за детьми, чтобы я и Келли могли где-нибудь отдохнуть. Обычно выход в свет для нас означал секс в машине по дороге в ресторан, а затем еще один по дороге домой, потому что после рождения Севи дома секса просто не было. Первый год своей жизни сын спал в нашей постели. Знаю, я относился к тем родителям, которые утверждают, что никогда не позволят ребенку спать в своей постели. Но когда ваш ребенок плачет так, словно его убивают, вы очень быстро меняете свое мнение ради нескольких часов сна.

Извините, я на мгновение отвлекся. Мое мнение таково... я хочу пойти на свидание с женой, а детям туда вход запрещен.

* * *

Кажется, я вам уже говорил, но я начинаю ненавидеть свою работу. Мало того, что работать на своего брата — это тихий ужас, так я еще и скучаю по работе на ранчо и в ремонтной мастерской моего дяди. Слышали поговорку о том, что у соседней трава всегда зеленее? Эта работа определенно стала занозой в моей заднице. Я даже не могу назвать ни одной причины, почему согласился на нее (кроме той, что устал отовсюду слышать «Сочувствую твоей потере»).

Каждый раз, когда я это слышал, мне хотелось перерезать человеку глотку. Но хуже этих слов было осознание того, что моя дочь умерла, и я не мог этого изменить. Поэтому я перевез всю свою семью в этот балаган.

Когда сегодня утром я приезжаю на работу, Сианна стоит возле автосалона рядом с

большими стеклянными дверьми, держа сумку. Как только она замечает меня, ее взгляд проясняется. Я знаю Сианну, наверное, с десятилетнего возраста. Она для меня как сестра, и от того, что я знаю о романе моего брата с другой женщиной, у меня мурашки по коже при виде его жены.

— Ноа, — выдыхает она мое имя, как бы благодаря за то, что кого-то здесь увидела. — Можешь передать сумку Нику? Он оставил ее дома. Сегодня утром он должен был отвезти ее в клинику.

— Да, конечно. — Обняв женщину, я тянусь к сумке.

Ее темно-карие глаза вылезают из орбит, когда она видит, как я небрежно забираю у нее сумку. Сианна с придыханием произносит:

— Поосторожнее с этим. Там мои будущие дети.

— *Твои дети?*

— Понимаю, это сумасшествие, но мы решили попробовать ВМИ.

Не знаю, как вы, но сперма моего брата — последнее, что я хочу держать в руках. Он переходит все границы, о которых я даже не подозревал и которые никогда не хотел пересекать сам. Я хочу выкинуть сумку и закричать: «Только не это!»

— Уверен, что Ник на работе. Ты точно не хочешь сама отдать ему сумку? Честно говоря, доверить мне заботу о детях не лучшая идея.

И я не хочу это делать.

— Ой, да ладно, — смеется Сианна, ее темные волосы развеваются на ветру. — Ты замечательный отец.

Я ничего не говорю.

— Просто отдай ему сумку. Он знает, что там находится. Бедный парень настолько сосредоточился на обучении нового менеджера по продажам, что на прошлой неделе почти не бывал дома. Не хочу его беспокоить. Он говорил, что придет пораньше, чтобы поработать.

К моему горлу подступает тошнота, потому что я хочу впустить Сианну в здание, чтобы она своими глазами увидела, что там происходит. А еще лучше, чтобы Ава увидела, что Ник женат, и чтобы они сейчас же прекратили все, чем бы там ни занимались. Но я этого не делаю. Я стою и смотрю на нее как последний идиот.

— Ладно, мне нужно идти. — Сианна указывает на свою машину, из окна которой собака, сидящая на переднем сиденье, высовывает голову. — Я опаздываю на встречу с нашим дизайнером, но передай Келли привет и скажи, что мы должны поскорее встретиться.

Я снова киваю. Обняв Сианну еще раз, я говорю, что рад был ее повидать, а потом ищу ключи от магазина, держа в сумке то, что, надеюсь, не является спермой моего брата. Сианна уезжает, а я захожу в магазин, перебарывая тошнотворное чувство, которое пробегает по моим венам.

Это из-за того, что Райкер — бестолковый мелкий говнюк, а после случая с огнетушителем все стало хуже. Он — мой главный механик, так что теперь я чаще всего остаюсь с малолетками, которые проводят практически все время, уткнувшись в телефоны.

О, точно! Вы же не в курсе про инцидент с огнетушителем. Рассказываю о событиях последних дней.

Все началось примерно неделю назад, когда Райкер в течение дня бросал нас на сорок пять минут. Это означает, что он сидел в туалете и паялся в телефон, а мы были завалены гарсонами. Если вы не знакомы с термином «гарсон», то так мы называем людей, которые

оставляют машину на обслуживание и сидят в зале ожидания, пока мы не закончим работу.

В общем, когда Райкер просидел на толчке почти час, мне это надоело, я открыл дверь кабинки и опустошил на него содержимое огнетушителя. Когда он вышел из туалета, то был белым с ног до головы и ржал. А потом на протяжении трех часов его выворачивало наизнанку. Видимо, у него была аллергия на какой-то компонент.

По сути, этот инцидент стал началом войны между нами и закончился тем, что вчера он ударил меня. Естественно, я ответил. И теперь за нами присматривает отдел кадров.

А знаете, за кем им следует присматривать?

За моим гребаным братом. Потому что первое, что я вижу, когда прихожу на работу, — то, как Ава и Ник трахаются в его кабинете. А я просто искал ключ от магазина, ведь он (по какой-то причине) заперт на замок. Это свидетельствует о том, что Райкер сегодня не явился на работу, потому что он всегда открывает магазин по утрам. Но вернемся к более важному и весьма неловкому моменту, в котором я увяз. Я вижу, как мой брат трахает кого-то, кто точно не является его женой. Вас ведь это не удивляет?

Думаю, нет. Интересно, Ник удивился бы, если бы узнал, что я держу в руках его гипотетических детей, пока сукин сын мутит воду на стороне?

Что меня поражает, так это их реакция: Ава делает вид, будто ее платье само по себе задралось до талии, а Ник — словно его штаны случайно упали на пол.

— Все не так, как ты думаешь, — говорит Ава.

Совершенно верно, она так и сказала.

А мой брат вообще молчит, но выражение его лица буквально кричит: «*Ты ничего не видел!*». Натягивая штаны, он смотрит на меня:

— Тебя что, стучать не учили?

Меня охватывает гнев. И даже не знаю почему, ведь сложившаяся ситуация ко мне не имеет никакого отношения. Это один из тех моментов, когда вас начинает трясти от злости, и вы не можете элементарно сформулировать мысль, не говоря уже о том, чтобы успокоить свое тело. Это не моя жизнь, и мне все равно, кого трахает мой брат. Но я так реагирую, потому что мне всегда нравилась Сианна. А еще меня бесит, что мой брат оказался тем говнюком, который изменяет жене.

Я смотрю на Аву, которая с пылающим лицом поправляет платье и, полагаю, ищет свои трусики. Они лежат на столе Ника рядом с оберткой от презерватива, но я не собираюсь говорить ей об этом.

— Ты ведь знаешь, что он женат, правда? — Я взбешен. И буквально выплевываю ей эти слова в лицо. А затем поднимаю сумку. — Я только что разговаривал с его женой. Думаю, ты забыл, что вы двое пытаетесь зачать ребенка.

Ава вздрагивает, затем переводит взгляд на Ника.

— Я... Уф...

— Не говори мне, что ты не знала. Можно подумать, кольцо на его пальце ни о чем не говорит.

Ник бьет кулаком по столу, устремляя на меня яростный взгляд.

— Ноа, убирайся отсюда!

Поставив сумку, я стою в дверях, скрестив руки.

— Ты собираешься рассказать Сианне?

Не знаю, почему меня это так беспокоит, но если пораскинуть мозгами, то думаю, это связано с тем фактом, что мы с женой прошли через преисподнюю. Пусть и вышли оттуда,

но мы до сих пор работаем над отношениями. И мой вопрос вовсе не вопрос. Это скорее утверждение. Это ультиматум, потому что Сианна заслуживает того, чтобы знать об измене мужа.

Ава поправляет платье и, проходя мимо меня, дрожащим голосом произносит:

— *Извини.*

Я наклоняю голову набок с неодобрительной ухмылкой на губах.

— Ты облажался.

Я вижу это по лицу брата. Ему не нравится, что из всех людей в мире именно я поймал его. Может быть, потому что я младший брат, а может, потому, что он знает: если кто-то и будет привлекать его к ответственности за подобные действия, так это я.

— Не твоего ума дело, — наконец говорит он вызывающим тоном.

— Моего, потому что ты не запер свою чертову дверь. Ты собираешься рассказать Сианне?

Не желая встречаться с моим осуждающим взглядом, он смотрит на обертку от презерватива, на трусики, которые лежат рядом с ней, а затем на фотографию жены, что стоит в рамке на его столе.

— Нет. Я не собираюсь разбивать ей сердце, и тебе лучше помалкивать. Это касается меня и ее.

Признайтесь, вы ведь тоже хотите ему вмазать, не так ли? Моя голова пульсирует, на языке чувствую привкус желчи.

— Ты имеешь в виду себя, ее и эту сумку со спермой изменщика?

— Ноа. — Ник качает головой, сцепив руки на подбородке, будто обдумывает свои следующие слова. И они только больше меня бесят. — Ты даже не представляешь, каково это — не иметь возможности дать жене то, чего она хочет.

Ха. Черт возьми. Ха. Да, я-то понятия не имею, каково это — хотеть вернуть жизнь своей дочери. Или избавить ее от боли, наблюдая за тем, как она умирает на твоих руках. Но знаете, что меня добивает? Убеждение брата, что если он не может дать жене ребенка, то стоит ей изменять. Мне знакомо чувство поражения. После смерти Мары меня каждую ночь преследуют воспоминания о том, как она сделала свой последний вздох, и о том, какое полнейшее опустошение образовалось между Келли и мной. То опустошение, познав которое, мы поняли, что с этого момента никогда не будем прежними.

Мое дыхание учащается, и я словно заново переживаю ту ночь, хотя эти двое и смерть моей дочери не имеют ничего общего друг с другом. Но опять же, они-то здесь.

— Поверить не могу. — Голос дрожит, а моя реальность, в которой переплетены обе ситуации, почти незрима. — Ты — кусок дерьма.

— Да ты понятия не имеешь, каково это! — рывкает он, убеждая меня поверить его дерьмовым оправданиям.

— Знаешь, что-то в людях ломается, когда они теряют ребенка. Может быть, это происходит, когда ты теряешь кого-то из близких, но потеря ребенка — вот что задевает за живое больше всего. Имущество, деньги, идеальная жизнь — все это бессмысленно. Все это перестает существовать, как только ты теряешь часть своей души. Именно тогда, когда это становится твоей реальностью, ты оставляешь в прошлом все это человеческое дерьмо. Внезапно ты обнаруживаешь, что все меньше готов прощать их оправдания, и все чаще заостряешь внимание на том факте, что они впустую тратят драгоценное время. Правда, мне следовало бы напоминать себе об этом. Но изменять жене только потому, что ты

испытываешь страх из-за того, что не можешь дать ей то, чего она хочет, — так себе оправдание для сокрытия того факта, что ты неполноценен. — Именно в этот момент я теряю контроль и выплескиваю на него все свое дерьмо. — Ты такой эгоистичный мудака! Ты понятия не имеешь, что это такое.

Стиснув зубы, Ник встает и подходит ко мне. Мы стоим лицом к лицу. Затем он толкает меня.

— И ты тоже. Ваш брак идеален, а ты дал жене все, чего она хотела. Я не могу дать Си то, чего она желает больше всего на свете.

Идеален? Разве такое бывает? Я не могу привести пример ни одного человека с идеальными отношениями.

— Идеален? — фыркаю я. — Черт возьми, ты считаешь это идеальным? Мы потеряли дочь. Нашу семилетнюю дочь! По-моему, это уничтожает всю идеальность. — Я делаю шаг к брату, глядя ему в глаза. Его взгляд пылает огнем, мой — ледяной. — Не говори мне о своих соображениях, пока тебе не придется смотреть в глаза своей жены, когда ты будешь держать безжизненное тело дочери и надеяться, что вы, ребята, сможете пережить хотя бы следующую минуту, не говоря уже о том, чтобы сохранить брак. Вот это трудно! Вот такое дерьмо тебя разрушает. Но разве я трахаю все вокруг, изменяя Кел, а?

— Ну и? Только потому, что потерял дочь, ты внезапно стал брачным экспертом?

И тут я теряю самообладание. Схватив Ника за рубашку, я прижимаю его к стене.

— Гребаный сукин сын! Ты ни черта не услышал из того, что я сказал. Не надо рассказывать мне о своих, типа, причинах, по которым ты изменяешь жене!

Он тяжело дышит и бьет меня по руке.

— Я в последний раз предупреждаю тебя, Ноа. Занимайся своим долбаным делом.

— Ты расскажешь ей? — прижимаю я его, требуя ответа.

Он стискивает зубы, но молчит. Я толкаю брата. Он спотыкается, но удерживается на ногах, схватившись за стол.

— Я увольняюсь.

Ник смотрит на меня так, будто я несерьезен. Недоверие сменяет гнев на его лице.

— Черт, ты собираешься бросить работу из-за *этого*?

Я напрягаюсь, каждая частичка меня на мгновение застывает на месте.

— Ты чертовски прав, увольняюсь. Ищи себе нового бригадира.

Развернувшись, я открываю дверь и выхожу. Я почти готов позвонить Сианне и все ей рассказать, но опять же, это не мое дело. Я напоминаю себе, что у меня есть собственное дерьмо, с которым необходимо разобраться.

Я направляюсь не домой. Вместо этого звоню Джейсону, потому что у него есть друг, владелец агентства недвижимости. В обед мы встречаемся в баре.

— Ты действительно бросил работу? И что скажет Келли?

Яжимаю плечами, уставившись на бокал пива и конденсат, который скапливается вокруг него. Правда в том, что я понятия не имею, как на это отреагирует Келли.

— Уверен, что она не обрадуется этому. Ведь я не спрашивал ее мнения, когда согласился на эту работу и перевез сюда всю семью.

— Почему ты уволился?

Я думаю, что ответить. Джейсон не знает Сианну и моего брата.

— Зашел в офис в тот момент, когда мой брат трахал менеджера по продажам.

Он в замешательстве смотрит на меня, как будто действительно о чем-то задумался.

Уголки его губ приподнимаются от ухмылки, когда он спрашивает:

— Менеджер по продажам — женщина, да?

Почесывая щеку, я смеюсь.

— Да, женщина. Тем не менее брат *женат*.

На лице Джейсона мелькает странное выражение, но оно быстро исчезает, прежде чем друг успевает сменить позу. Вздохнув, он шепчет:

— Хреново. — Мимо бара проходит высокая блондинка. Джейсон оглядывается через плечо, пялясь на нее, а затем поворачивается ко мне лицом. — Он всегда был таким?

Я делаю глоток пива и ставлю его на стойку.

— Что значит этот взгляд?

— Что? — Он небрежно кивает головой женщине, которая теперь сидит с группой девушек. Судя по их одежде, они пришли перекусить во время обеденного перерыва. — Просто проверяю, что сейчас есть на «рынке».

Джейсон просматривает свой телефон.

— Нет, я имею в виду твой взгляд, когда я сказал, что брат изменяет своей жене.

— Ничего такого.

Часть меня задается вопросом: не измена ли стала причиной его разрыва с Кейт? Но это не мое дело, и, честно говоря, я не хочу участвовать в этой драме.

— Наверное, мне стоило лучше подумать, прежде чем бросить работу, но что-то внутри меня сломалось.

Джейсон кивает и кладет телефон.

— Я знаю парня, который сдает в аренду магазин примерно в миле отсюда. Если хочешь, можем пойти и посмотреть.

— Ага, ладно.

У меня не так много клиентов, но я уверен, что смогу что-нибудь придумать. Также я не знаю, что скажу Келли по возвращении домой, но если я буду пьян, может быть, это упростит ситуацию.

Джейсон несколько минут зависает в телефоне, а затем смотрит на меня. К тому моменту я уже допиваю третье пиво и чувствую, что принял правильное решение. Уверен, когда протрезвею, я буду чувствовать себя иначе.

— Полагаю, мы сегодня идем на ужин.

Уставившись на него, я едва не выплевываю пиво.

— А?

Он поворачивает ко мне свой телефон, и на экране я вижу сообщение от Кейт.

«Ужин в 7. Родители веселятся».

Сглатываю.

— Сегодня вечером я собирался пригласить Келли на свидание.

Джейсон прячет телефон в карман.

— Похоже, планы изменились. — Затем он смеется. — Ты же типа на работе.

— Не смешно.

— А мне кажется, что смешно.

Я улыбаюсь.

— Ладно, немного.

Я не проверял свой мобильный в течение часа, но когда делаю это, то жалею, что не посмотрел раньше. Вижу сообщение от Келли, и ей интересно, где я, черт возьми.

«Чувак, ты уволился и не сказал мне?»

Я поворачиваю свой телефон к лицу Джейсона.

— Быстро новости распространяются.

Наклонившись, он чуть не падает со стула, а затем, облокотившись о стол, ржет. Он читает сообщение, изогнув бровь.

— Твой брат сообщил ей?

— Наверное.

— Может, тебе стоит рассказать его жене, какой он кусок дерьма?

Ладно, может быть, не измена является причиной их развода, потому что зачем тогда Джейсону называть моего брата куском дерьма? Очевидно, из-за пива я анализирую всякую хрень, на которую мне обычно плевать. Меня должно волновать, как я объясню Келли свое увольнение.

Пожелайте мне удачи.

* * *

Помните, я просил пожелать мне удачи? Она мне точно понадобится. Судя по тому, как жена смотрит на меня, моя участь предрешена. Ее взгляд напоминает тот момент, когда Келли сказала мне, что беременна Марой. А это произошло, когда Оливеру исполнилось всего восемь недель. Если вы произведете несложный математический подсчет, то поймете: да, мы трахались, несмотря на шестинедельный запрет. Лично я считаю все эти временные рамки чисто гипотетическими. Вагина Келли намного лучше справляется с трудностями, чем у большинства других женщин. Ясно? (Подмигиваю).

Но вернемся к настоящему моменту. Глядя на выражение лица моей жены, можно подумать, что она снова беременна. Но такое невозможно, потому что мне сделали вазэктомию сразу после рождения Фин. Значит, она не беременна. Копну поглубже и предположу, что ее взгляд означает *«чувак бросил работу и ничего мне не сказал»*. Да, определенно тот самый взгляд.

Положив руку на бедро, Келли ждет. В это время дети бегают вокруг, а Элла сидит в зале с Фин. Я ничего не говорю. Жду, когда жена закричит на меня, и знаю, что это скоро произойдет. Я — единственный источник дохода в семье и сегодня уволился, не сказав ей ни слова.

— Прежде чем ты взбесишься, хочу сказать, что у меня есть кое-что на примете, — говорю я ей, чтобы тронулся лед.

— Что?

— У меня есть кое-что на примете, — повторяю я, но потом до меня доходит, о чем она спрашивала. Может, не стоило выпивать пятое пиво? Я подхожу к ней и обнимаю за талию. — Джейсон знает парня, который сдает магазин. Я собираюсь открыть свой бизнес.

— Ладно, — кивает Келли, но я вижу, что на ее лице появляется скованность. Жена вроде, как и хочет верить, что все будет хорошо, но в глубине души знает, что мы не имеем ни малейшего понятия, как все сложится. — Что произошло?

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что дети не бегают рядом. Их нет.

— Сегодня утром я застукал Ника и Аву. Я сказал, что если он не расскажет Сианне, то уволюсь. Так я и сделал.

— Так ты уволился, потому что у твоего брата *противоречия с моралью*?

Глубоко вздохнув, я думаю о том, почему бросил работу.

— Думаю, дело не только в этом.

Келли кивает, но ничего не говорит. Не могу сказать, разочарована ли она тем, что я сначала не обсудил это с ней. Уверен, жена расстроена, но что с того? *Лучше просить прощения, чем разрешения?* Всегда ненавидел это выражение.

— Значит, мы ужинаем с Кейт и Джейсоном?

Келли снова кивает и отстраняется от меня, потянувшись за пиццей на столешнице.

— Да. — Сделав паузу, она разворачивает упаковку пиццы и кладет ее на противень. — В центре города есть ресторан, который Чарли хочет посетить вместе со всеми.

Прислонившись к стойке рядом с женой, я скрещиваю руки на груди.

— Что значит «со всеми»?

Келли тянется в мою сторону и нажимает кнопку на плите.

— Мы, они и Чарли.

— А что насчет Стива?

Келли поворачивается ко мне спиной, и да, я пялюсь на ее задницу. Жена надела джинсы. Она изменила привычным леггинсам Lululemon, которые была *просто обязана купить*. И хотя я не говорю, что они плохо на ней смотрятся, я все еще не в восторге от их ценника.

— На этой неделе он работает в Тампе, — говорит она, наливая воду в детские чашки и вскрывая пачку одноразовых бумажных тарелок.

Я забираю у жены тарелки и расставляю их на островке, где, как я предполагаю, она будет кормить детей.

— Оу. И никаких Боннера и Эшлинн?

Келли не смотрит на меня, когда отвечает:

— Думаю, Боннер приедет, но Эшлинн сегодня работает.

Я борюсь с улыбкой. По какой-то причине я не могу думать о работе Эшлинн как о работе. Разве нельзя просто сказать, что сегодня вечером она трахается? Кстати, о трахе. Помнится, у нас были планы на вечер.

— Но я думал, что мы собираемся заняться сексом в машине.

Поставив пиццу в духовку, Келли смотрит в мои глаза и подмигивает, положив руку на бедро.

— Может быть, у нас получится. У Кейт есть минивэн.

— Я-я... — замолкаю. И только собираюсь сказать ей, что я в игре, как замечаю, что взгляд жены направлен мимо меня, на задний двор, где играют Хейзел и Оливер.

— Почему она так ходит?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что Хейзел поднимается по ступенькам заднего крыльца, раскинув руки в стороны так, словно несет стеклянный шар. Оливер, держащий в руках детское пневматическое ружье, идет рядом с ней со слегка виноватым видом.

Моя первая мысль: он выстрелил в нее. И я молюсь, чтобы это было неправдой. Я не вижу на дочери крови. Но, опять же, ружье не способно повредить кожу. Я выбегаю посмотреть, что случилось.

— Хейзел, почему ты так странно идешь?

Она нервно смотрит на меня.

— Я могу взорваться.

— Что? — спрашивает Келли, подбегая к ней. — Почему?

— Я проглотила пульки, — шепчет она, осторожно шагая к нам.

Выпучив глаза от неверия, я сразу же смотрю на бледного как призрак Оливера.

— Это вышло случайно. — Бросив ружье на землю, он поднимает руки. Его щеки покраснели, а на лбу блестят капельки пота. — Клянусь.

Я опускаюсь на колени рядом с Хейзел и беру ее лицо в свои ладони.

— Почему ты их проглотила? Почему положила их в рот?

По ее покрасневшим щекам текут слезы. Дочь икает.

— Мы забирались на дерево, чтобы пострелять в койотов, — объясняет она, снова икая. — Оливер сказал, чтобы я положила их в рот, пока мы не поднимемся наверх, а потом я бы их выплюнула. — Хейзел широко раскрывает глаза. — Но я не выплюнула.

Я смотрю на сына. Не уверен, но мне кажется, что я прожигаю взглядом этого мелкого говнюка. Он пообещал, что будет хорошо себя вести.

— Зачем ты это сделал? — грозно спрашиваю я.

Быстро моргая, он сглатывает.

— Я ударил ее по спине, думал, что она их выплюнет. Но она проглотила все патроны! — объясняет Оливер, переминаясь с одной ноги на другую, словно ему нужно срочно в туалет. Или он понимает, что у него проблемы. — Это не специально. Я не думал, что она их проглотит. Клянусь! Пожалуйста, не наказывай меня, — умоляет он. — Я очень хочу поехать на рыбалку.

Хейзел обхватывает ладошками мое лицо.

— Неужели я сейчас умру и отправлюсь к Маре?

— Нет! — уверяю я дочь, прижимая ее тельце к своей груди. — Все хорошо.

Я знаю, что все нормально, потому что и сам глотал в детстве патроны. Иногда старшие братья бывают засранцами, а я в шесть лет был достаточно наивен, когда поверил, что, проглотив пульки, смогу пердеть огнем. Тогда это казалось мне довольно крутой суперспособностью.

— Папа, — задыхаясь, произносит Хейзел, затем вырывается из моих объятий и кладет ладошку в области моего сердца. — Твое сердечко так громко бьется.

Я ничего не отвечаю. Просто снова обнимаю ее и на мгновение забываю, что в моих руках находится Хейзел, потому что она ощущается так же, как Мара. Оливер смотрит на нас, наморщив лоб, но потом вздыхает и заходит в дом.

Келли следует за ним, а я остаюсь на крыльце, удерживая в объятиях свою дочь. Когда я отстраняюсь (потому что мне необходимо это сделать, пока я не начал плакать), Хейзел смотрит на меня, и я понимаю, что передо мной не Мара. Внешне Хейзел полностью отличается от нее, но ее сердце, как и у покойной сестры, полно любви к своему брату. Настолько сильной, что она держала во рту патроны, потому что он ее попросил.

Я прикасаюсь к ее щеке.

— Не засовывай пульки в рот, милая. Это вредно для здоровья.

Она медленно моргает. Опустив руки на мою рубашку, дочь водит пальчиками по шву воротника.

— Значит, я не умру?

— Нет. Не в ближайшее время.

— Почему тогда умерла Мара? Почему она не умерла попозже?

Я сглатываю ком, застрявший в горле. Глаза застилают слезы.

— Потому что Мара болела, — задыхаясь и тяжело дыша, произношу я. — Пришло ее время покинуть нас.

Ненавижу это объяснять. Даже когда Мара умерла, не мы с Келли рассказали об этом детям. Пришел социальный работник и все им объяснил. Тогда Хейзел было четыре года. Не уверен, что она хоть что-то поняла. Теперь же она полна любопытства и недоумения по поводу случившегося.

Хейзел вздыхает.

— Ладно. — А потом быстро забегает в дом. Я слышу, как она кричит Элле, которая достает пиццу из духовки: — Как думаешь, если я съем пиццу, у меня в животе взорвется патрон?

Элла удивленно вздыхает.

— Глупышка, зачем ты их проглотила?

— Это был несчастный случай.

Возвращаюсь в дом и поднимаюсь на второй этаж. Я нахожу Келли в комнате Оливера, где (хотите — верьте, хотите — нет) он плачет, уткнувшись лицом в подушку. Келли поглаживает его руку, разговаривая с ним нежным голосом.

— Мы не злимся, приятель. Просто нужно быть очень осторожным со своими сестрами.

— Я не хотел на нее падать. Я не специально.

Закрыв глаза, я прижимаюсь лбом к дверному косяку. Он плачет не из-за Хейзел и патронов. Сын говорит о Маре, и я хочу, чтобы этот гребаный день закончился. Мне хочется запереться в комнате с бутылкой виски и выпить до дна эту чертову шгуку.

— Мы знаем, Оливер, — уверяет его Келли. — В этом нет твоей вины.

— Но это так! — кричит он, отрывая подушку от лица и садясь. — Это моя вина, потому что я упал на нее, а потом она заболела раком и умерла!

Однако все было не так. Да, Оливер упал на сестру, и по этой причине мы, наконец, отвели ее к врачу. Но Мара начала хромать еще за несколько месяцев до этого случая. Я подумал, что нога у нее болит из-за быстрого роста, и махнул на все рукой. В глубине души Келли знала, что это нечто большее, и постоянно говорила мне, что мы должны принять меры. Прошли месяцы, драгоценные месяцы. И если бы я не был настолько упрямым, утверждая, что детям нужно закаляться, а не бегать к врачу по любому поводу, возможно, сегодня она была бы жива. Но Мара умерла, и если кто-то в этом и виноват, то, скорее всего, я.

— Она заболела не из-за тебя, Оливер, — уверяет Келли сына, пытаясь удержать его, но он продолжает отталкивать от себя ее руки. — У нее был рак еще до того, как мы узнали диагноз. Ты упал на нее, и это помогло обнаружить его. Мы должны благодарить тебя, потому что у нас было с ней больше времени.

— Нет, ничего подобного. — Он плачет, закрыв лицо ладонями, высвобождая гнев и печаль. — Она умерла.

Ни один десятилетний ребенок не должен чувствовать себя виноватым, считая, что именно его действия стали причиной смерти сестры. Ни одни родители не должны брать на себя всю эту боль и делать вид, что все в порядке, когда в глубине души чувствуют, что в тот день они подвели своих детей.

Я хочу, чтобы эта боль исчезла. Хочу перебороть эти эмоции, с которыми никто из нас не может справиться и не может их понять. Вся эта чертова скорбь, эти бесполезные эмоции, которые, как говорят все вокруг, накатывают словно волны... Ну, сегодня они сбили меня с ног, как цунами, и их нужно остановить. Сейчас же.

Мой гнев нарастает, разжигая пламя вины. Я больше не могу это игнорировать. Груз вины тянет меня ко дну. Зайдя в нашу спальню, я хватаюсь за сердце, ловлю ртом воздух и чувствую себя загнанным в ловушку. В воспоминаниях всплывает образ безжизненной Мары на моих руках.

Я не знаю, сколько времени проходит, когда Келли появляется передо мной. Она берет мое лицо в свои руки.

— Поговори со мной, — умоляет она.

Я не могу. Не хочу этого.

— Ты закрываешься от меня. Это не жизнь, Ноа. Это выживание. Лучше я утону в твоей жестокости, чем задохнусь от твоего молчания.

Я лучше умру, чем почувствую эту боль.

Келли

Конец

(Ночь, которая нас уничтожила)

*

Дневник, я думаю... Нет, я боюсь, что смерть Мары полностью уничтожит нас. Это невыносимо. Мое терпение на грани из-за молчания Ноа. Оно плещется через край, и я знаю, что в какой-то момент сломаюсь, что эта стена, которая выстраивается между нами, станет нерушимой. На него уже тяжело смотреть. Боль Ноа так заметна, что даже если он и пытается ее скрыть, я вижу, насколько она свежа и остра. И я ничего не могу с этим поделать. Я знаю, что в какой-то момент между нами произойдет разговор, и уверена, ничего прекрасного в нем не будет.

Я так просила его рассказать о том, что случилось с Оливером и Хейзел, но он закрылся от меня и отказался разговаривать. Эта ситуация так напоминает ту ночь, когда умерла Мара. Все началось со слов: «Мы оттягиваем момент, Кел. Мы больше не можем так с ней поступать». Это был последний раз, когда Ноа говорил со мной о Маре.

Разве сейчас с нами происходит не то же самое? Ты помнишь ту ночь, дневник? Я писала о ней. Все здесь, на этих страницах. В мельчайших подробностях.

*

Обычно я не перечитываю то, что написала. Но сегодня я перелистываю страницы назад. Возвращаюсь к той, которую никогда не осмеливалась прочитать снова. Не знаю, почему делаю это. Может быть, чтобы вспомнить мою драгоценную белокурую малышку, у которой слишком рано отняли жизнь.

Мне требуется некоторое время, чтобы найти необходимую запись, но потом я, словно по велению рока, вновь перечитываю события той ночи. Глубоко вздохнув, я провожу пальцами по потрепанным страницам, исписанным чернилами. А затем читаю то, что написала в тот день. В день ее смерти, двадцать восьмого августа.

*

Дневник, мы на краю. Знаю, ты не ожидал такого, верно? Конечно же, нет. А теперь нет ни трубок, ни датчиков. Нет никакого смысла. Это конец. Ноа спит рядом с ней после трех бессонных дней, и совсем скоро (хотя мы не знаем когда) Мара уйдет в неизвестность. Мне хочется верить, что она больше не будет испытывать боль. Мы планировали устроить вечеринку по случаю ее седьмого дня рождения, но вместо этого мы здесь, в тускло освещенной больничной палате в Остине, держим ее за руки и молимся об успокоении. Так много всего произошло за эти три дня, после того как закончился ее последний курс химиотерапии.

В пятницу, когда мы пришли на обследование, все было нормально. Мара сказала, что у нее болит спина, поэтому мы привезли ее в больницу. Через четыре часа нам перезвонили и назначили встречу. Мы приехали. Мне вручили коробку салфеток и сообщили новости.

Болезнь незаметно распространилась и охватила ее крошечное волевое тело. Я не хотела в это верить, но знала, что это правда, потому что у Мары начала опухать правая сторона тела. С тех пор как полгода назад нам сообщили, что у нее рак, мы выполняли все, что было предусмотрено в плане ее лечения, в том числе операцию по удалению опухоли в бедренной кости. Но чаще всего, когда остеосаркома разрастается, она дает метастазы в легкие. В случае с Марой она распространилась так быстро, что мы никак не могли остановить ее развитие. И теперь опухоль в ее груди настолько большая, что давит на сердце, легкие и дыхательные пути.

— Мне так жаль. Мы могли бы попытаться и дальше с этим бороться, но шансы, что Мара переживет следующие пару дней, очень малы.

Призрачная надежда на то, что, может быть, свершится чудо, превратилась в прах. Все кончено. Больше не будет никакого лечения и инъекций. Никаких пересадок стволовых клеток. Больше никакой рвоты, кровотечений из носа, выпадающих волос и серьезных операций, во время которых ее тело полосовали, чтобы спасти. Рак победил. Что бы мы ни делали с этого момента, все кончено. Рак отнимет у нее жизнь.

Вивиан, специалист по детской жизни, обращается ко мне (Примеч. Специалист по детской жизни в Северной Америке — это специалист, традиционно работающий в больницах, фокусируется на психосоциальном развитии детей и поощряет эффективные стратегии выживания для детей и их семей в условиях стресса. Они признают индивидуальность пациентов и используют ряд подходящих для развития мероприятий, включая игры, подготовку к медицинской процедуре, образование, самовыражение и поддержку семьи, чтобы помочь справиться с госпитализацией, болезнью или смертью):

— У Бога есть на нее более грандиозный план.

Ноа смотрит на нее.

— На хер это, — говорит он, выходя из палаты. Мне больно от того, как он хлопает дверью.

Я смотрю на Мару. Ее глаза закрыты, дыхание учащенное. Я согласна. На хер это. Мне не нужно утешение. Черт возьми, я хочу, чтобы моя дочь жила! Я хочу, чтобы она каталась на велосипеде, играла и стала такой, какой пожелает, потому что она этого достойна. Она не заслуживает этой ужасной болезни, разрывающей нас на части и высасывающей из нее всю жизнь. Сейчас от Мары остались кожа да кости, она лишилась волос и едва может поднять голову. Ее потрясающие голубые глаза поблекли. Даже когда она их открывает, это ничего не меняет. Я вижу. Она умирает.

И ненавижу. Очень сильно. Ненависть бушует во мне с такой силой, что я хочу разрушить все вокруг. Хочу бить кулаками по окну за пределами ее комнаты просто для того, чтобы почувствовать хоть какую-то боль, кроме той, которая эмоционально добивает меня. Я настолько сильно хочу почувствовать физическую боль, что меня трясет.

Вивиан касается моего плеча.

— Я знаю, что вам тяжело. Но вы должны сохранять спокойствие.

Все вокруг обеспокоены тем, что я испытываю слишком большой стресс, ведь это вредно для моего еще не рожденного ребенка. Но как я могу думать об этом, когда мой первенец умирает у меня на глазах? Разве это честно? Нет. И никогда не будет! Хмурясь, я смотрю на нее.

— Вы теряли ребенка, Вивиан? Вы вообще знаете, на что это похоже, или вы здесь только потому, что сотрудники больницы попросили вас приехать? Я не хочу быть вашей

работой. Я просто хочу обнять свою дочь и сказать ей, что все будет хорошо, даже если это не так.

Я чувствую себя идиоткой, когда она произносит:

— У моего двухлетнего сына нейробластома. — Я молчу. Смотрю на Мару, держа ее за руку. Вивиан гладит мое плечо. — Поговорите с ней. Сделайте так, чтобы Мара чувствовала себя комфортно и поняла, что она не одна.

Как я могу это сделать, когда во мне кипит гнев?

Сердце обливается кровью. Я прерывисто вздыхаю и продолжаю идти, понимая, что мне стоит не просто взглянуть на нее, а сделать что-то большее.

Сегодня воскресенье. На улице жара. Кондиционеры в больнице едва справляются с нагрузкой, но этого все равно недостаточно. Пытаясь охладить Мару, сотрудники принесли вентиляторы. Она так сильно потеет. Ее дыхание изменилось. Оно затрудненное, резкое, как будто дочь в любой момент задохнется. Завтра ее седьмой день рождения, и я боюсь, что она не переживет сегодняшнюю ночь. На Мару надели кислородную маску, и она больше не реагирует на нас.

Последние слова дочь произнесла, когда мы сказали ей, что болезнь распространилась на грудь.

«Дурацкий рак».

Я плачу.

Ноа смотрит на стену, будто хочет прожечь в ней дыру.

Мара права. Дурацкая болезнь, и никогда ребенок не должен проходить через такое. Родители не должны познать такую боль, но мы сидим рядом с Марой и молимся об утешении. Вивиан разговаривает с Оливером и Хейзел, хотя я не уверена, что они понимают, о чем она толкует.

Оливер спрашивает:

— Когда она умрет?

Ноа, который все это время молча сидит рядом со мной, резко нагибается вперед. Его душат рыдания.

Я ненавижу этот вопрос, потому что не хочу думать о смерти моей девочки, когда в любой момент могу родить ее сестру. Вивиан говорит детям, что у каждого ребенка есть пазл, который он должен собрать, а мы все — кусочки головоломки Мары. И, как только Мара соберет все кусочки своего пазла, она уйдет.

Я не могу вынести эту боль. На сердце так тяжело, так грустно, что... Даже не знаю.

Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Остановите это! Дайте дочери больше времени. Дайте нам больше времени с ней. Пожалуйста, Господи, я умоляю тебя. Не забирай ее.

*

Закрыв глаза, я представляю ее милое личико до того, как она заболела раком: длинные светлые кудри, самые яркие голубые глаза и то, как она гонится за Оливером по нашему двору позади дома. Именно такой я ее вижу, когда она быстро бежит по высокой траве навстречу солнцу, которому и принадлежит моя маленькая девочка, — всегда в ярком свете, соответствующем ее прекрасной душе.

Слезы заливают мое лицо так сильно, что я не могу нормально дышать, но продолжаю читать. Это пытка, но я не могу остановиться, ведь почему-то это дает мне возможность почувствовать себя ближе к моей драгоценной девочке. Как будто я снова в том дне и могу

представить каждый вдох Ноа, поверхностного, затрудненного дыхания Мары и боли, растущей внутри нас, потому что мы знаем, что все кончено.

*

Дневник, сейчас три часа ночи. День ее рождения. Ноа держит Мару на руках, прижав к ее лицу прохладную салфетку. Рубашка мужа пропитана ее потом и его слезами. Думаю, это может случиться в любой момент. Врачи приходили проверить ее показатели и сказали, что это произойдет в любое время. В любую секунду ее сердце остановится. Дочке поставили капельницу с морфием, чтобы облегчить боль. Несколько минут назад она открыла глаза и посмотрела на Ноа. Она ничего не сказала, но попыталась снять маску. Я знала, что маска помогает ей дышать, но дочь с ней боролась. Ноа ее снял. Он заполз на кровать, стянул с нее все одеяла и теперь держит ее в своих объятиях так же, как в тот день, когда она родилась. Голова дочери покоится на его груди, а крошечное исхудавшее тело — свидетельство того, какой урон ей нанесла эта ужасная болезнь. Мара вся в поту, ее сердце так бешено бьется, как будто она бежит марафон.

Но в объятиях папы она освобождается от боли и крепко держится за него. Грудь Ноа сотрясается от рыданий, когда он поднимает руку и гладит ее по головке, а затем прижимается губами к ее лбу.

— Все в порядке, малышка. Папочка рядом.

Меня охватывает волна воспоминаний. Вот Ноа обнимает ее после родов, радуясь появлению дочери. Вот он учит ее ходить, катает на тракторе по ранчо и целует поцарапанные коленки. И сейчас это.

Мое последнее воспоминание о нашей прекрасной маленькой девочке будет связано с ее смертью. Она проигрывает борьбу с этой ужасной болезнью.

Ноа вытирает слезы с глаз. Сейчас он так сильно рыдает, что его тело сотрясается, и он едва может удерживать дочь. Я присаживаюсь рядом с ним. Ноа одной рукой обнимает меня, другой прижимает к своей груди Мару.

Наступает тишина. Мара дышит все реже и реже. Я молюсь. Молюсь о чуде или о том, чтобы Господь забрал ее. Мне больше невыносима мысль о ее страданиях. Я не помню, чтобы хоть раз случилось так, как я задумала.

А я полагала, что у нас будет больше времени.

Я смотрю на Ноа. Наши глаза заливают слезы, мы не можем сформулировать мысли и тем более что-то сказать друг другу. Сегодня мы должны были праздновать день рождения Мары. Вместо этого мы обнимаем ее, признав поражение в этой битве.

Я прижимаюсь губами к ее виску.

— Ты можешь идти, малышка.

Не знаю, почему я говорю это. Может быть, из-за страха того, что дочь держится из-за нас.

А затем я слышу ее последний вздох. Вздох, после которого наступает невыносимая тишина. Ее маленькое сердечко остановилось. Я смотрю на Ноа, но он не обращает на меня внимания. Его тело замерло.

Она ушла.

Мара собрала свой пазл, но в моем собственном пазле теперь всегда будет отсутствовать кусочек.

Еще час мы обнимаем ее. После оглашения времени смерти. После купания. После всего.

этого, и единственное, что может быть хуже, чем смотреть на свою мертвую дочь, — это видеть выражение полнейшей агонии на лице своего мужа и желать, чтобы он утешил тебя, обнял и сказал, что все будет хорошо. Даже зная, что он физически не способен на это.

Я чувствую себя одинокой и запертой в своем гневе и печали. На самом деле я не уверена, какая из этих эмоций выражена сильнее. Я касаюсь ее рук, лица, целую ее и, хотя прекрасно знаю, что она ушла, говорю ей в последний раз: «Я люблю тебя».

Ноа ничего не произносит. Он смотрит в пол, дрожа всем телом. Он тянет меня за руку.

— Я не могу здесь находиться, — говорит он сломленным, потерянным голосом.

А затем мы выходим за двери без нашей дочери. В тот самый день, когда привели ее в этот мир семь лет назад. Как уйти от своего ребенка? Откуда взять силы, зная, что после этого вы никогда не увидите его? Когда мы выходим с сумкой, в которую упакованы одежда и одеяла Мары, то молча сидим в машине, наблюдая, как солнце встает над парковкой. Жара, как и боль, удушающая и не приносит никакого облегчения. Меня беспокоит, что дочь лежит в больнице. Ей слишком жарко? Или слишком холодно?

Я беру Ноа за руку, лежащую на руле. Мой крик — единственный звук, раздающийся в этой тишине, не считая тяжелого дыхания мужа.

— Может, нам забрать детей? — спрашиваю я, потому что мне необходимо обнять их.

Понятия не имею, как мы им расскажем о Маре, но потребность быть рядом с ними превышает всего. Может, если я увижу их, мне будет не так больно. Я думаю о Маре, лежащей в морге, и эта мысль не дает мне покоя. Представляю ее маленькое одинокое тельце на холодном столе...

Я плачу в ладони, не в силах больше сдерживаться. Ноа, не говоря ни слова, заводит грузовик и выезжает с больничной парковки.

Я молюсь, чтобы все это оказалось кошмаром, от которого я проснусь и пойму, что последних шести месяцев на самом деле просто не было. Я молюсь, чтобы Ноа полностью не закрылся от меня. Молюсь, чтобы мы справились, потому что на данный момент не уверена, что смогу пережить следующую минуту, не говоря уже о том, что смогу жить без нее. Я боюсь входить в наш дом, осознавая, что она больше никогда не будет здесь жить. Не будет бегать вокруг, доставая Оливера, нежно ворковать с Хейзел и относиться к Севи как к своей собственной кукле. Я не услышу ее болтовню и не увижу ярко-голубые глаза, когда она прячется от нас, как только приходит время купаться.

Как мы сможем вынести это?

Я не хочу. Я хочу свою дочь, черт возьми!

Хочу, чтобы она была здорова!

Я хочу умереть.

Я хочу, чтобы эта боль прошла.

*

Боль. Она все еще не отпускает. Спустя несколько недель после смерти Мары, когда я сидела с новорожденным ребенком на руках в кабинете своего психолога, она сказала, что время залечит раны. Думаю, она солгала, потому что зияющая дыра в моей груди никуда не делась. Она до сих пор здесь: открыта и кровоточит оттого, что моя жизнь не соответствует

той, которую я представляла, когда выходила замуж за Ноа. И, что бы я ни делала, рана не заживает.

Я закрываю дневник, прижимая его к груди, и рыдаю от ярких воспоминаний. Ноа лежит рядом со мной в нашей постели, спиной ко мне. Не знаю, спит ли он, слышит ли мои рыдания, но, как и в ту ночь, когда Мара оставила нас, он игнорирует меня, а я теряюсь в его удушающем молчании. Я вспоминаю момент после того, как Мара сделала последний вздох, — то, как Ноа смотрел на стену, как сейчас. Мы были настолько поглощены гневом и обидой из-за того, что она ушла, что на автомате проживали дни после ее смерти, не разговаривая друг с другом. И даже сейчас это невозможно.

Мои глаза горят от сухого воздуха в комнате, поэтому я выключаю потолочный вентилятор. Ложусь, глядя на его лопасти. Я смотрю, как они медленно кружатся, с каждым оборотом двигаясь все медленнее, пока полностью не останавливаются и не наступает тишина.

Я оказалась права.

Пусть в тот день дочь и собрала свой пазл, в нашем же навсегда исчез последний кусочек.

Келли

Моя мама

(Властная, лицемерная, пассивно-агрессивная дамочка)

С того момента, как Ноа ушел с работы, дни летели незаметно. Мы не пошли на ужин после инцидента с проглоченными патронами. Ноа отправился спать, сказав, что не в настроении. Прошла неделя, и мы почти не видимся с тех пор, как Джейсон устроил его в тот магазин и предоставил ему рабочее место. Теперь Ноа вкальвывает по четырнадцать часов в день, и его заваливают новыми клиентами.

Это напоминает мне месяцы после смерти Мары. Ноа делал все возможное, чтобы не находиться дома, и категорически отказывался заходить в ее комнату. Пока он абстрагировался от воспоминаний, я обычно спала в постели Мары с новорожденной Финли, потому что хотела, чтобы она ощущала близость сестры, которую никогда не увидит.

— Где папа? — спрашивает Хейзел, почавкивая своим смузи, когда мы садимся в машину.

Взглянув на сидящую рядом со мной Кейт, я смотрю в зеркало заднего вида.

— На работе, милая. Он вернется домой попозже.

— Но я так и не дождалась его вчера вечером. Он ведь не пропустит мою пьесу?

— Не знаю, — бормочу я, понимая, что Хейзел меня не услышит, а Кейт — да.

Кейт шепчет:

— Он придет?

— Лучше ему сделать это, иначе я лично вытащу его задницу из магазина, — говорю я, выезжая с парковки супермаркета.

Вчера, когда Ноа вернулся домой, мы все уже спали в своих постелях. Я проснулась около трех часов ночи от плача Фин и обнаружила, что муж отнес ее вниз. Дочь спала у него на груди, а Ноа, сидя рядом с увлажнителем воздуха, закрыв глаза, убаюкивал ее. Пару дней назад она простудилась и с тех пор почти не спала. Мое сердце сжалось от увиденного. Это напомнило мне те времена, когда Мара проходила курс химиотерапии. Ее часами мучала рвота, и все это время мы с Ноа были рядом.

Финли никогда не позволяет Ноа брать ее на руки, поэтому я прокралась обратно наверх и позволила им провести время вместе, с облегчением понимая, что они, наконец, в каком-то смысле помирились. Либо так, либо Фин настолько устала, что не может отличить меня от Ноа.

Я бы хотела, чтобы он чаще бывал дома, чтобы у нас было больше таких моментов, но боюсь, что новая работа станет для него очередным отвлечением. Способом уйти от воспоминаний о том, через что мы прошли.

И с тех пор, как мы побывали в доме с привидениями, у нас не было секса. Что за хрень? Я не понимаю. Мы вернулись к исходной точке из-за этих гребаных патронов в животе Хейзел. С радостью сообщаю: она их выкакала и хотела сохранить, но потом все-таки смыла в унитаз.

Плюс ко всему моя сестра собралась замуж. Через две недели мы должны приехать в

Техас на ее свадьбу. Могу только представить, что это возвращение сделает со мной и Ноа.

Сегодня вечер субботы. Как назло, Ноа тайком сбежал на работу, а ведь мы пригласили на ужин наших друзей, которые придут сразу после школьного спектакля Хейзел. Может быть, мы даже напоим Ноа до такой степени, что он расслабится.

— Во сколько спектакль? — спрашивает Кейт, сосредоточенно печатая сообщение Джейсону.

— В четыре.

— Кто это? — спрашивает она, глядя на мое крыльцо, как только мы заезжаем на подъездную дорожку.

К моему удивлению, когда я возвращаюсь из продуктового магазина, на пороге моего дома сидит мама.

Ох, черт возьми.

— Это бабушка Нина! — кричат Хейзел и Оливер, выскакивая из машины, едва она останавливается.

Севи все равно, а Фин... Ну, вы в курсе. Она любит только меня. Потому что я ее кормлю.

Прежде чем познакомитесь с моей матерью, вы должны знать, что у нее на лбу написано «Вредина». Я люблю свою маму. Люблю. Но не могу сказать, что она мне нравится. Меня не устраивает, когда она без предупреждения заявляется ко мне домой.

Пока дети льнут к ее ногам, я смотрю в ее холодные глаза — зеркальное отражение моих собственных. Может, внешне я и похожа на нее (хотя надеюсь, что нет), но молюсь, что не унаследовала ее характер и что не стану так относиться к своим детям, когда они вырастут.

— Что ты здесь делаешь?

Заправляя волосы за ухо, она вручает детям подарки. Мама делает так каждый раз, когда видит их: покупает им подарки, чтобы восполнить тот факт, что они год не видели бабушку. Да, целый год, если учесть то обстоятельство, что еще месяц назад мы жили с ней в одном городе. В последний раз я видела свою мать после похорон Мары. Я сидела, держа на руках новорожденную дочь, и оплакивала ту, которую потеряла, а у моей мамы хватило наглости сказать: «Тебе нужно думать о своих детях. Прекрати реветь».

Мимо меня в дом проскакивает Кейт со своими мальчишками, забирая из моих рук пакеты с продуктами.

— Я уберу все в холодильник.

Мама наблюдает за Кейт, не обращая внимания на мой вопросительный взгляд.

— Мне нужен повод, чтобы увидеть дочь и внуков?

Я вздыхаю.

— Думаю, нет, но... послушай, ты не видела ее с тех пор, как она родилась.

Мама смотрит на Фин, когда я ставлю ее на ноги, чтобы она побежала за Севи, пока он ползет на четвереньках к своей миске с водой, стоящей на полу. Мама заходит за мной в дом.

— Как ты? Держишься? — Затем она указывает на Севи. — Он что, пьет воду с пола?

— Да, он считает себя собакой.

Мне часто задают этот вопрос, и я его ненавижу. И это не про Севи, который думает, будто он собака. А про то, когда люди, знающие, что мы потеряли ребенка, спрашивают: «Как ты, держишься?». Что это вообще значит? Не думаю, что держусь. Скорее, выживаю, если бы они только могли слышать мысли в моей голове и видеть дыру в груди.

Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Я в порядке, мам. Правда. Почему ты приехала?

— Я хотела увидеть своих внуков. — Скептическим взглядом она осматривает меня с головы до ног. — Ты выглядишь слишком худой. — Мать делает паузу, указывая на Севи. — Это странно. Он не должен делать подобного в его возрасте.

В его возрасте? Ему недавно исполнилось три года. Большинство знакомых мне трехлетних детей закатывают истерики, а их настроение меняется каждую минуту. Тот факт, что он вполне нормальный человек, весьма неплох.

— Ну, я ем. А что плохого в том, что он ведет себя как собака? Ему три года. Все трехлетки странные.

Кейт выводит детей поиграть во двор. Ее мальчики по очереди раскачивают Хейзел на качелях. Я улыбаюсь. Она смотрит на Джаггера, как на героя. Дочь очень сильно в него влюблена, но не говорите об этом Ноа. Он взбесится.

Моя мама вздыхает, ее взгляд блуждает по дому и беспорядку в нем. На диване лежит гора белья, в раковине скопилась посуда, а полы я не мыла несколько недель. Просто зачастую у меня были дела поважнее.

— Кел, это место — катастрофа. Чем ты занимаешься?

Пожалуйста, скажите мне, что она вам уже не нравится. Ведь вы на моей стороне?

— Я пытаюсь воспитывать детей и быть мамой. — Заглянув в пакет с продуктами, я достаю приправу для стейка. — Иногда возникают трудности.

— И женой, — добавляет она, как будто я ненароком забыла об этом. — Нормально, что не все в порядке. Вы потеряли ребенка. Все хорошо.

Я кидаю приправу для стейка на стойку и жалею, что не могу швырнуть стакан в дверь.

— Черт, да я в курсе, что не быть в порядке — это нормально, — рычу я, а стук сердца отдает в уши. Дело в том, что я не в порядке, и мне не нужно напоминать об этом. Не сегодня. — А теперь извини, но мне нужно подготовить Хейзел к ее спектаклю.

— Ну, тогда я зайду попозже.

— Потрясающие. Ноа будет очень счастлив.

В случае если вы не поняли, это сарказм. Моя мать — единственный человек, с которым Ноа не ладит.

* * *

Вы когда-нибудь присутствовали на школьном спектакле? Ну, знаете, на таком, где вы сидите со всеми родителями, которые пребывают в восторге от того, насколько талантлив их ребенок, потому что он играет главную роль в школьном театре?

Уверена, вы уже догадались, что я не из тех родителей. На самом деле я чертовски нервничаю и потею, как безумная. Почему моя мать появилась именно тогда, когда у нас все не клеится? Это приводит к еще большей неразберихе.

Когда Ноа узнал, что моя мать в городе и остановилась в нашем доме, то сразу выпил три бутылки пива. Залпом. Прямо перед спектаклем Хейзел.

Излишне говорить о том, что он бухой в говно, и сегодня мне это не на руку, потому что я пытаюсь не наорать на Севи, Фин и Оливера, которые тоже «рады», так как их притащили сюда и не дали доиграть в баскетбол с Джаггером и Августом.

Ноа наклоняется к моему плечу, развалившись в кресле и положив руку на мою спину.

— Почему Хейзел щупает себя? Как будто она под экстази.

Хмурясь, я смотрю на него.

— Откуда тебе знать про экстази?

— Колледж, — скучающе произносит он и пожимает плечами.

— Понятно, — бормочу я и, прищурившись, смотрю на мужа. — Ей нравится трогать блестяшки.

— Ну да, — говорит он, посмеиваясь и качая головой. Он смотрит на сцену и на других детей, которые делают похожие движения. Никто из них не стоит на месте. — Она трет свои сиськи, Кел.

Я шлепаю Ноа.

— Можешь уgomониться? Поддержи ее.

— Да все. — Затем указывает пальцем в конец прохода, где Севи ползает по полу в ногах у людей. — О, смотри, детка. Севи снял рубашку и облизывает директора.

— Боже мой, — со вздохом произношу я. — Забери его.

— В прошлый раз он меня укусил.

Я смотрю на мужа. Стиснув зубы, Ноа сглатывает, отчего его кадык дергается.

— Черт, ну хорошо.

Он встает, поднимает Севи с пола, все время ворча о том, что ему пора выйти из собачьей фазы. Как будто это так просто.

Перевожу взгляд на Хейзел, стоящую на сцене, и обращаю внимание на то, как она счастлива быть в центре внимания этим вечером. Тяжело, имея пятерых детей, показывать каждому, что они особенные. Мое сердце бешено бьется в груди. Я хотела сказать... четверых детей. Мои глаза горят от нахлынувших слез, когда я вспоминаю, как смотрела на Мару в том же возрасте, еще до того, как мы узнали о раке, который тихо распространялся по ее телу. Когда-то она была просто бунтаркой-блондинкой с горячим сердцем, в которой было столько жизни, что при взгляде на нее на вашем лице мгновенно появлялась улыбка. Из всех детей Хейзел и Севи больше всего похожи на нее своими ярко-голубыми глазами, но Хейзел унаследовала еще и причудливый характер своей сестры. Например, сейчас на сцене полно детей, но, уверяю вас, большинство людей смотрит на представление Хейзел, как быть индейкой на День Благодарения. Она чертовски крута в своей роли.

В конце концов, мы все смеемся над ней до такой степени, что у меня и Кейт текут слезы. Это так смешно. И посмотрите-ка, Ноа тоже смеется и снимает ее игру на телефон.

Это так ужасно — находиться в одном городе с моей матерью. Словно к вам прибыл неблагодарный гость, который постоянно осуждает вас и не умолкая болтает о том, насколько прекрасна моя младшая сестра Келси. Я люблю Келси. Она классная. Но не идеальная.

Опасаясь реакции Ноа на мою маму, которая останется наедине с нами, я пригласила друзей на ужин.

— Значит, она не позвонила перед тем, как приехала? — спрашивает Кейт, глядя на мою маму, которая находится на заднем дворе вместе с Оливером и Хейзел.

— Нет. — Открыв холодильник, я достаю стейки и кладу их на столешницу. — Мне все равно, потому что она всегда этого хотела — чтобы я чувствовала себя плохо из-за того, что

вышла замуж за Ноа. По ее мнению, я могла бы выбрать кого-то получше. Бла-бла-бла.

— Вот сука, — соглашается Кейт, наливая себе еще бокал вина. — Может, стоит познакомить ее с моим отцом? Вчера мне пришлось забирать его из полицейского участка, потому что он плюнул в сотрудника «Вулмарт» за то, что тот не пускал его в магазин с мусорным пакетом.

Я едва сдерживаю смех.

— Правда?

— Ага.

Ноа заходит на кухню, улыбается нам, затем открывает холодильник и достает пиво.

— О чем болтаете, девочки?

— О моей маме и отце Кейт.

Муж кривится, смотрит на Кейт, а затем выходит из кухни.

И ничего. Даже не взглянул в мою сторону. Он просто развернулся и вышел.

Закатив глаза, я смотрю на Кейт.

— Как видишь, он большой поклонник моей матери.

Кейт подталкивает бутылку вина в мою сторону.

— Выпей, девочка. Просто выпей. Вино любую ситуацию делает лучше.

Кейт любит навязывать мне выпивку, и хорошо, что я уже покормила Фин перед сном, потому что сегодня вечером мне понадобится алкоголь.

Перед ужином я поднимаюсь наверх, чтобы сменить рубашку, потому что запачкала ее соусом для барбекю. Я обнаруживаю Ноа в нашей спальне; он тоже переодевается.

— Что делаешь?

Когда я задаю этот вопрос, он оборачивается и удивленно смотрит на меня.

Закрыв за собой дверь, я прохожу в комнату. Муж не отвечает. Он просто поворачивается к двери туалета и натягивает на голову темно-синий свитер.

— Фин плюнула в меня.

— Слушай. — Я замечаю напряженное выражение его лица, когда начинаю говорить, и делаю к нему пару шагов. Он знает, что я собираюсь сказать, даже готовится к этому. — Мне жаль, что она здесь.

Ноа не ждет, когда я что-нибудь скажу. А я могу.

— Забавно. Мне плевать на это. Насрать, что она здесь. Меня волнует лишь то, поймешь ли ты, *почему* она приехала, пока не стало слишком поздно.

— Ноа. — Я вздыхаю, но потом думаю о том, что он сказал. Дни после смерти Марь моя мать превратила в невыносимые и только глубже вбила клин между нами. — Я понимаю, но, пожалуйста, не усложняй все еще больше.

Я проглатываю слезы, надеясь, что мой страх отступит вместе с ними, потому что знаю: он прав. Он всегда прав. Я понимаю, почему приехала моя мать.

Ноа смотрит на меня. Его щеки пылают.

— Определись, кто все усложняет.

Он хмурится. Черты его лица становятся грубыми, и во взгляде читается боль. Ноа вспомнил, как мать все усложнила для меня. И как она обвинила меня в том, что я позволила умереть своей дочери, как будто я могла контролировать развитие болезни. Это обвинение только усугубило ситуацию, потому что я до сих пор испытываю чувство вины, не понимая, правильно ли тогда поступила. Если мы слишком долго ждали, чтобы привести ее в больницу, то значит, мы несем ответственность за распространение рака. Чувство вины и

время, которые я нес на плечах, никогда не исчезнут.

— Ты. — Мой голос дрожит. — Тебя сложно понять. Все между нами сложно. Иногда я даже не знаю, кто мы друг для друга.

Думаю, не это я хотела сказать или, по крайней мере, не собиралась произносить это вслух. Можно обвинить в этом бокал вина, правда?

Ноа меняется в лице, прищурившись.

— Ты же ничего не хочешь мне рассказать, не так ли?

— Черт возьми, да что это вообще значит, Ноа?

Он с трудом сглатывает, делает шаг в мою сторону, и мне хочется выйти из комнаты, бросить ему в лицо свой дневник и показать, какие чувства описываю в нем, потому что не могу о них сказать. Я могу острить, даже делать мужу ехидные замечания, но когда дело доходит до истинных откровений, я боюсь его реакции и отталкиваю его еще дальше. Так что я больше ничего не говорю.

Наклонившись, Ноа сглатывает, а его дыхание касается моего лица.

— Я ни слова ей не скажу. Но если она скажет что-нибудь тебе или нашим детям о Маре, я не собираюсь молчать как в прошлый раз.

Честно говоря, думаю, мама не одобряет Ноа потому, что он мне подходит. Просто она не хочет, чтобы я была счастливее ее. Она из тех женщин, чьим девизом могли бы быть слова «Мне нужны товарищи по несчастью».

Ноа наблюдает за мной, затем поворачивается к двери, собираясь выйти из комнаты. Но останавливается в дверном проеме.

— Хорошо выглядишь. — Он вдыхает, и я напрягаюсь в ожидании того, что сегодня может довести меня до предела. Муж смотрит на мои ноги, затем его взгляд возвращается к моим глазам. — Сегодня вечером ты красotka.

Некоторое время я нахожусь в прострации. Слышу, как Кейт зовет меня, но не знаю, что и думать о словах Ноа. Сменив рубашку и вытерев с лица слезы, которые начали капать, я возвращаюсь на кухню и вижу, что Чарли принялась готовить, а Эшлинн и Боннер уже пришли.

Двигаясь вокруг меня и зная, где находится все необходимое, Чарли берет шпинат, листья салата, помидоры, огурцы и цветную капусту из пакетов, чтобы почистить их и нарезать для салата.

Эшлинн заходит в кухню, держа в одной руке десерт, в другой — Севи. Все, что ему нужно сделать, — посмотреть на нее своими невинными голубыми глазками, и она будет носить его на себе, словно кенгуру, лишь бы его голова покоилась на ее груди.

— Похоже, он меня использует, — делает она вывод, когда Севи наклоняется, чтобы схватить печенье со столешницы. Она дает ему печенье, а затем, прижимая ребенка к себе, целует в щечки, которые просто созданы для того, чтобы их целовать. — О, как я хочу такого же.

Севи хихикает в ее руках, раскрошив печенье на свитер Эшлинн кремового цвета.

— Эй, может, сегодня вечером притормозишь с выпивкой, — говорит Джейсон Кейт, когда входит в кухню. — Еще слишком рано.

— Пошел в жопу, мудила, — говорит Кейт, отталкивая его.

— Вот поэтому мы и развелись, — бормочет Джейсон, закатывая глаза.

Проходя через кухню, я стараюсь найти себе занятие и не думать о маме и о словах Ноа.

— Это не повод общаться как задница. — Я слышу, как Чарли рассказывает Гретхен о

ее сыне. — Он плохо влияет на мою дочь. Я подловила их в кладовке.

— Задница тоже может восприниматься как оскорбление, — говорит Гретхен, протягивая Кейт еще одну бутылку вина и накидывая пальто на спинку стула, который стоит возле кухонного островка, а затем морщит нос. — Подожди-ка, на какой стороне островка ты шилилась с Ноа?

Я смотрю на Кейт.

— Ты хоть что-нибудь можешь сохранить в тайне?

Подруга отвечает, не глядя мне в глаза:

— Нет.

— Ты не так меня поняла, — говорит Чарли, размахивая рукой перед лицом Гретхен. Они приехали вместе, и я предполагаю, что Стив тусуется со своими обнаженными друзьями. — Что, если он ее обрюхатит? Ему восемнадцать. Ей шестнадцать.

Гретхен стонет.

— Он использует защиту. На днях я купила ему целую коробку презервативов.

Чарли прищуривается.

— *Прекрасно!*

Кейт толкает меня локтем.

— Что с тобой сегодня? — Кейт, потянувшись за оливками, которые лежат на подносе рядом с ней, берет горсть и сует в рот слишком много. — Ты нервная.

Я вздыхаю, чувствуя, что мне нужно выговориться. И, черт возьми, эти девочки меня выслушают.

— Извини. Моя мама здесь, а Ноа ее ненавидит. — Я перевожу взгляд на гостиную, где Фин ведет Севи на поводке. Меня передергивает при мысли о том, что скажет моя мама, когда увидит это. — Следовательно, Ноа в бешенстве. Сначала он уволился с работы, теперь этот магазин, плюс всевозможный стресс из-за попыток закончить ремонт. И еще моя мама думает, что у меня странные дети.

— Все дети странные, — подбадривает меня Кейт, но Чарли и Гретхен кивают в знак согласия. — Просто у каждого свои причуды, которые и делают их странными.

Она абсолютно права, но мне от этого не легче.

Разложив стейки на гриле, я пытаюсь поднять Севи с пола и отцепить от него поводок, прежде чем кто-то заметит, что он так себя ведет. Ноа абсолютно не помогает. Он сидит в гостиной с парнями и смотрит футбол.

Он заметил, чем занимаются дети, так почему же сидит и ничего не делает? Из-за этого я хочу врезать ему по гребаному горлу.

— Почему после крекеров так пересыхает во рту? — спрашивает он, съедая пригоршню крекеров «Золотая рыбка», которые ему протягивает Фин (своеобразная трубка мира за то, что она вернула ему телефон, который прятала последние два часа).

— Ты вообще здесь? — В этот момент Севи снова бросается на пол, а я как раз пытаюсь снять ошейник, опасаясь, что он задохнется.

Ноа стряхивает крошки с груди и живота.

— Похоже на то.

— Тогда перестань есть крекеры и помоги мне с ним.

Опять же, почему мужчины так себя ведут? Почему он не может помочь, не дожидаясь моей просьбы?

— Не понимаю, почему ты заставляешь его снять ошейник, — говорит Хейзел, входя в

комнату, покрасневшая и вспотевшая после игры на улице. — Ему это нравится.

Если не брать во внимание ошейник, то Севи не хотел и штаны надевать. А в те дни, когда я уговариваю его надеть туфли и штаны, он этого не делает, или, скажем так, отказывается носить рубашку и ходить, не ползая. Он, безусловно, мой самый трудный ребенок.

И Ноа никогда не помогает мне с ним.

Смеясь, он произносит:

— Все в порядке. Оставь его в покое. Мне вроде как нравится, когда рядом бегают собаки.

Если он сегодня мне не поможет, то ночь проведет в собачьей конуре вместе с Севи.

Когда мы собираемся ужинать, приходит моя мама. В тот момент, когда она оказывается в одной комнате с Ноа, вы легко можете заметить изменения в его поведении: плечи напрягаются, улыбка меркнет, он замолкает на полуслове.

Лишь из чувства вежливости я улыбаюсь матери и представляю ее нашим друзьям. Она им ничего не говорит. Никаких «Привет, очень приятно познакомиться» или просто «Привет». Она произносит только одну фразу:

— У тебя есть водка?

Боннер с любопытством смотрит на мою мать и бросает на Ноа взгляд, который словно говорит: «Кто эта сука?» Ноа пожимает плечами.

Мама присаживается рядом с Эшлинн. Естественно, проявляя дружелюбие, она протягивает моей матери руку.

— Привет, я Эшлинн. Приятно познакомиться.

— Я Нина, а ты выглядишь как девушка с весьма свободными нравами, — говорит мама, глядя на грудь Эшлинн.

Многие из нас удивленно ахают. Моя мать — южанка, которая часто ведет себя стервозно, а такие девушки, как Эшлинн, точно не похожи на жителей нашей местности. Если такое и случается, то подобные девчонки обычно живут в городах и работают в стриптиз-клубах.

— Естественно, она не свободна, — быстро добавляет Боннер.

Джейсон смеется и толкает Боннера. А Боннер усмехается и, поведя бровью, смотрит на Ноа, на что тот снова пожимает плечами и делает еще один глоток пива.

Я слежу за каждым его движением, пытаюсь угадать, в каком он настроении и что может произойти дальше. Всякий раз, когда моя мать оказывается рядом с ним, он похож на бомбу замедленного действия, и я не знаю наверняка, вызовет ли проводок, которого мы коснемся следующим, взрывную реакцию. Муж сидит рядом со мной, слегка касаясь рукой моего колена. Это подтверждение? Типа «Эй, я здесь ради тебя» или «Я делаю это только для того, чтобы сохранить видимость наших идеальных отношений»?

Ни на одно из своих предположений я не знаю ответа. Знаю только то, что у меня болит голова и что я в любую минуту могу разреветься. Эшлинн спокойно принимает замечание мамы, улыбается, обнажая свои идеальные белые зубы, и говорит:

— Спасибо. Думаю, так и есть.

Мы собираемся за столом и приступаем к ужину. Если не считать смеющихся детей, большинство из нас молчит.

— Значит, вы все соседи? — спрашивает мама.

И затем Гретхен несколько минут болтает с моей матерью. Может, у них есть что-то общее. Мне очень нравится Гретхен, но согласитесь, временами она слегка нервнует. Вот почему я посадила ее рядом с мамой.

Я сижу, опустив голову, осмелившись поднять ее только тогда, когда Севи, который до этого сидел у меня на коленях, ставит свою тарелку на пол и начинает есть кусочки стейка с пола.

— Севи, встань, — шепчет ему Ноа. — Ешь за столом.

Севи смотрит на него и рычит.

— Маленькие мальчики должны ужинать за столом, — говорит мама, потому что такие вещи для нее неприемлемы. Она всегда была женщиной южных кровей и приверженцем строгих традиций. — Ему нельзя позволять так себя вести, даже если он изо всех сил пытается прийти в норму.

Мне не нравится, как она говорит про «норму», и вы можете себе представить, как это воспринимает Ноа. Я даже не хочу смотреть в его сторону, чтобы увидеть, как он отреагирует на это замечание.

— Мама, все в порядке, — почти шепотом произношу я. Думаю, если я заговорю громче, то все услышат мой надломленный голос и поймут, что я на грани слез.

Кейт отвечает:

— Он никому не навредит, если поест с пола.

Я улыбаюсь ей и подмигиваю в знак благодарности, но мама не отступает.

— Это же ненормально, Келли. Это странно. Маверик и его жена завели своим детям собаку. Может, и тебе стоит так сделать.

Я на миг замираю, потому что мама не зря упомянула имя этого человека. Я никогда не рассказывала вам о нем, потому что это не имеет значения. Я встречалась с ним, когда познакомилась с Ноа. Моя мама любила Маверика, или, скажем так, она любила его семью. Наши мамы были лучшими подругами. И да, я изменила Маверика с Ноа. Планировала ли я изменять ему? Нет. Я не хотела, но сделала это, и с ним все закончилось не очень хорошо, потому что после той ночи с Ноа я забеременела Оливером. Я была влюблена в Ноа с пяти лет, когда переехала в дом по соседству. Но самое главное в этой истории — Маверик и Ноа никогда не ладили. Так что, упомянув его имя, мать словно бросила в Ноа копьё.

Как только звучит имя Маверика, Ноа роняет вилку. От этого звука я подпрыгиваю, но быстро нахожусь с ответом:

— Меня не волнует, что сделали Маверик и его жена. Мы так воспитываем Севи. Мы позволяем ему вести себя как собака, потому что, как сказала Кейт, он ни себе, ни другим не причиняет вреда.

Моя мать делает вид, будто я ничего не сказала, и продолжает болтать, не обращая внимания на стиснувшего зубы Ноа и на тишину вокруг. Я буквально чувствую, как сидящего рядом со мной мужа трясет от злости.

— Хорошо. Ну а если он удавится от этого ошейника? Что тогда?

Я точно знаю, что она имеет в виду, и Ноа тоже. Она намекает, что Севи мог задохнуться и умереть, и тогда мы бы потеряли двоих детей.

— Мама, перестань, — шепчу я, умоляя ее отступить.

— Маверик хороший парень. Тебе стоит как-нибудь ему позвонить, Келли. Уверена, он хотел бы получить от тебя весточку.

Она серьезно это сказала? Что, черт возьми, значит «позвонить ему»? Я замужем. Он

женат и, похоже, правильно воспитывает своих детей.

— Нет, — рявкает Ноа спокойным, но решительным голосом. — Ей не стоит ему звонить.

— Я думаю, что Севи очень милый, когда ведет себя как щенок, — отвечает Кейт, и Севи облизывает ее руки, пока она держит его початок кукурузы. Судя по всему, щенок не может перед ней устроить. — Мальчишки так себя ведут. Мой Август притворился зомби. Даже использовал тени для век, чтобы придать лицу мрачный вид. Это было на прошлой неделе, так что они никогда не перестанут это делать.

Моя мать даже не смотрит в ее сторону, но я слегка улыбаюсь Кейт в благодарность за то, что она вмешалась и помогла почувствовать себя лучше.

Вы, вероятно, думаете: «Эта женщина вообще настоящая?»

К сожалению, да.

Я не могу припомнить, когда она вела себя по-другому, и прекрасно понимаю, почему мой отец развелся с ней, когда я была маленькой.

Как только мама тянется за вином и наливает себе бокал, я уже точно знаю, чем закончится этот вечер, и поэтому злюсь. Я вне себя от злости.

Оливер встает из-за стола и берет телефон Ноа с полки. Сын передает его моей матери.

— Вот, посмотри то видео, которое мы сняли на баскетбольном матче. — Оливер смотрит на Ноа. — Я забросил в корзину трехочковый, пап.

Ноа улыбается, но затем они с Боннером обмениваются испуганными взглядами. Я не совсем уверена, но догадываюсь, почему они напуганы.

Все происходит быстрее, чем того хотел бы Ноа. Моя мама, сидя за столом, находит в телефоне наше секс-видео. Ну, помните, то, где мы несколько часов занимались сексом и все закончилось синяком под моим глазом? То, которое он обещал удалить?

Ноа этого не сделал.

Я смотрю на мужа. Выражение его лица остается спокойным, но я вижу испуг. Я смотрю на свою мать, и она, черт возьми, нажимает кнопку «Воспроизвести», шепотом спрашивая у Оливера:

— Это оно?

В тот момент, когда Ноа слышит мое хихиканье и свой смех на видео, он бросается вперед, опрокидывает вино, тарелки и едва не переворачивает стол, лишь бы добраться до своего телефона. А затем швыряет его через всю комнату. Телефон разбивается о стену.

— Это точно не мой баскетбольный матч, — говорит Оливер, глядя сначала на меня, а затем на Ноа. — Это ты и мама?

Следующие пять минут мы пытаемся объяснить детям, что только что произошло. Возможно, это самый плохой опыт в моей жизни. Кейт и Джейсон пытаются восстановить телефон Ноа. Думаю, они это делают только потому, что очень хотят посмотреть видео.

Качая головой, с пылающими щеками моя мать тянется к бутылке вина и наливает себе еще один бокал.

— Не могу поверить, что только что увидела *это*.

Я смотрю на бутылку вина.

— Ты же ничего не видела. Самое интересное начинается где-то в середине.

Ноа усмехается, но его смешок звучит неестественно. Он едва сдерживается, чтобы не засмеяться, но, когда наши взгляды встречаются, он видит, что я очень зла на него. И на случай, если до него не дошло, я хмурюсь, чтобы он точно это понял.

Засранец пожимает плечами и подмигивает мне. Тупой, но очаровательный придурок.

Есть еще один факт, на который я должна обратить ваше внимание. Моя мать становится агрессивной, когда выпьет. Всегда так было, и я знаю: если она выпила, то уже не остановится. На похоронах Мары она так сильно напилась, что упала рядом с могилой. И не от горя или отчаяния из-за того, что умерла ее первая внучка, а из-за того, что была настолько пьяна, что даже не могла стоять на ногах.

Мама смотрит на меня, наверняка припоминая все мои ошибки и гадая, совершаю ли я их снова. Она ищет повод, чтобы выставить меня жертвой. Только не в этот раз.

— Какое безответственное воспитание! Вы позволяете вашим детям находить нечто подобное, — шепчет она мне.

Я осмеливаюсь взглянуть на Ноа. Проведя рукой по волосам, он разочарованно вздыхает и смотрит на мою маму.

— Он ничего не видел, — говорит Ноа.

Это так ужасно. Не могу поверить, что он не удалил видео. На самом деле могу, но видел ли что-нибудь Оливер? Это станет тем случаем, когда в будущем он вспомнит этот момент и поймет, когда его жизнь пошла не так?

Наши друзья изо всех сил стараются не вмешиваться в спор и мирно беседуют на другом конце стола. Кейт и Джейсон смотрят на нас, Ноа недоверчиво смотрит на мою мать, а затем на детей. Они играют с едой и не обращают на нас никакого внимания. Сомневаюсь, что они вообще понимают, что происходит, и уже забыли реакцию Ноа на видео.

— Мама, хватит, — умоляю я, и слезы затуманивают мой взгляд. — Давай просто сменим тему.

— Я всего лишь сказала, что думаю, поскольку после Мары...

Она не успевает закончить предложение, так как Ноа ее прерывает:

— Больше не упоминай ее имени. Ты утратила возможность говорить о ней в моем присутствии.

Кейт смотрит на Эшлинн, а затем Чарли и Гретхен, почувствовав накал страстей, уводят детей на кухню.

— Мама приготовила вам печенье, — тихо говорит она им, стараясь сосредоточить их внимание на сладостях.

— Она была *моей* внучкой. Я могу говорить о ней, когда захочу.

Ноа напрягается всем телом.

— Это мой чертов дом, и нет, ты не можешь упоминать о ней рядом со мной.

— Ты просто смешон, — осмеливается сказать мама.

— Убирайся. — Ноа бьет кулаком по столу, отчего дребезжат стаканы. — Убирайся, пока я тебя не вышвырнул. — Моя мать не двигается с места. — Я говорю серьезно. Убирайся!

Муж встает и указывает на дверь, что только усугубляет ситуацию.

Что за гребаный кошмар?

Клянусь, миссия мамы по жизни — вмешиваться в мою.

Кашлянув, она отодвигает стул, выглядя при этом обиженной.

— Ну, если ты так хочешь...

Потянувшись за бокалом вина, она допивает его и встает из-за стола. Не говоря ни слова, мать выходит за дверь. Тут же в комнату врывается Оливер. Он смотрит на Ноа.

— Куда она пошла?

— Кого это волнует, — бормочет Ноа, и Оливер тоже выходит из себя.

— Почему ты заставляешь ее уйти? Почему ты заставил нас переехать в этот дурацкий город? Мы больше никогда ее не увидим! — Со слезами он бежит в свою комнату.

Моя мама великолепная бабушка, когда видится с детьми, но это не исключает того, как она обращается со мной и Ноа. Правильно ли мы поступили, заставив ее уйти, в итоге причинив боль нашим детям?

Слезы душат меня, но я не позволяю им пролиться. Я стараюсь сохранять спокойствие, опасаясь приближения очередного срыва, после которого я не смогу встать с постели и делать что-либо. Знаю, что в любую минуту могу столкнуться с ним лицом к лицу, и надолго уйду в отключку.

Ноа целует мои волосы, и из глаз текут слезы. Я знаю, что он смотрит на меня, чувствую его дыхание на своем лице. Успокаивая, он вытирает мои слезы костяшками пальцев.

— Прости, — говорит он, встречаясь со мной взглядом.

Я хочу накричать на него, но ничего не говорю. Настала моя очередь замкнуться в себе. Ноа уходит, а я остаюсь одна в комнате и пытаюсь собраться с мыслями. Я смотрю, как машина моей мамы выезжает на подъездную дорожку, и сияние ярко-красных задних габаритов отражается в оконном стекле. В глубине души я знаю, что пройдут месяцы, если не больше, прежде чем я снова увижу ее. Она всегда так поступает. Исчезает из нашей жизни, а затем возвращается, думая, что все будет хорошо. Но это ошибка. Отношения так не наладить. Насколько я знаю, для этого необходимо личное присутствие каждого.

Спустя несколько мгновений я иду на кухню, присоединяясь к остальным. Дети снова играют на заднем дворе, а Ноа смеется.

Как только вхожу, я слышу, как Кейт говорит ему:

— Я должна посмотреть его, чтобы понять, как сохранить свой следующий брак. — Ноа молча смотрит на нее, поэтому подруга продолжает: — К тому же, мне любопытно.

Ноа ничего не отвечает, только смотрит на нее. Не думаю, что он знает, что на это ответить. Кейт закатывает глаза.

— Да пофиг.

Ноа ловит мой взгляд, когда разговаривает с Боннером, прислонившись к стойке и скрестив руки на груди. Мгновение мы смотрим друг на друга. Я хочу знать, о чем он думает. А может, и не хочу.

— Как прошла ночь? — спрашивает Кейт у Гретхен.

У нее было свидание с парнем, о котором она еще не рассказывала.

Угадайте, кто их познакомил? Эшлинн.

— Ужасно, — стонет Гретхен.

— Почему? — с любопытством спрашивает Чарли.

— Мои ноги были за ушами. — Она потирает бедра и выглядит при этом напуганной. — Сегодня они просто отваливаются.

Я впервые улыбаюсь за сегодняшний вечер.

— А это плохо?

— Да. Я же не порнозвезда. Извини, Эшлинн.

Эшлинн относится к этому добродушно, учитывая, что она профессионал и все такое.

— Он хочет попробовать кучу всего, и это странно. И еще я очень зла, что послушала тебя, Эшлинн.

Наблюдая за этой сценой, за тем, как бурлит закипающий ужин, за расслабленными

друзьями, я понимаю, что моя жизнь была бы другой, если бы мы остались в Техасе. У нас не было бы всего этого. Там у меня не было таких подруг, как эти девчонки.

Я благодарна за то, что у меня есть здесь и сейчас, несмотря на зияющие дыры в груди, которые появились после потери Мары.

Я смотрю на Эшлинн и Боннера, которые стоят на кухне и не могут держать подальше руки друг от друга, когда он целует ее в висок. Знаю, так поступают все молодожены, но, глядя на эту парочку, я думаю иначе. Они любят друг друга каждой частичкой своего сердца, и эта любовь исходит от них, заряжая всех вокруг. Как ни странно, я благодарна Боннеру и Эшлинн за то, что они напомнили нам, что такое любовь и насколько прекрасной она может быть.

Ноа

*Когда рушатся стены
(Я воздвигаю их еще выше)*

Что ж, ужин прошел ужасно, верно? Но знаете, что еще хуже? Ссора с женой в три часа ночи из-за того, что ты не удалил видео, как обещал.

Я пожимаю плечами. Лай Севи, доносящийся из-за двери, раздражает еще больше.

— Знаю, я сказал, что удалю его, но не сделал этого.

Келли смотрит на меня, ее щеки пылают, глаза умоляют меня открыться ей.

— Почему же?

— Потому что оно горячее. Вот почему, — сухо отвечаю я. Это только одна из причин, по которой я его не удалил.

Жена смотрит на меня. В ее глазах вспыхивает гнев, и я знаю: она ненавидит тот факт, что я не даю ей желаемого. Ей нужен ответ. Веская причина, почему я не удалил видео.

— Ты всегда думаешь, что все не так уж страшно. Думаешь, что все обойдется, да? Иногда так не получается, Ноа. — Она сжимает губы и отворачивается в сторону. — Иногда происходит наоборот, и становится только хуже.

Я вспыхиваю, не желая говорить об этом.

— Я не хочу вести с тобой этот гребаный разговор, Келли. — У меня такое чувство, будто я задыхаюсь, пойманный в ловушку. Грудь сдавливает, челюсти сжимаются от закипающего внутри меня гнева, потому что я знаю, почему она поднимает эту тему. — Но мы всегда к этому возвращаемся, верно?

Сидя на краю кровати, Келли смотрит на меня. По ее щекам текут слезы.

— Я говорила тебе, что переживаю по поводу нее.

В поражении я всплескиваю руками, осознавая, что все, что она говорит мне, — крик о помощи, но все равно избегаю данной темы, потому что не хочу об этом говорить.

— Я же не знал, что у Мары рак. — Я произношу это дрожащим, резким голосом. — Я ничего не могу с этим сделать. Она умерла, и мне, черт возьми, жаль. Мне чертовски жаль. Я бы оказался на ее месте, будь у меня такая возможность. С удовольствием! — Я срываюсь на крик, теряя самообладание. — И тогда тебе не придется ненавидеть человека, за которого ты вышла замуж!

Мой голос наполнен такой яростью, что даже я сожалею о своих словах, но все равно произношу их.

Келли поднимается, ее глаза блестят, а на прекрасном лице отражается столько эмоций.

— Ноа...

Я пытаюсь отделаться от чувства собственного предательства, которое так отчаянно сдерживаю, но получается это у меня довольно-таки хреново.

— Нет, с меня хватит. Мне надоело слушать, как ты обвиняешь меня в этом. Если ты хочешь от меня уйти, так и быть. — Я беру подушку с нашей кровати. — Мы что-нибудь придумаем.

Рыдания жены наполняют комнату.

— Куда ты собрался?

— Пойду выгуляю чертову собаку.

Закрыв дверь в спальню, я поднимаю Севи с пола и несу его в детскую.

— Гулять? — спрашивает он, показывая на лестницу и протягивая мне поводок.

Знаю, ситуация начинает выходить из-под контроля. Я качаю головой и иду по коридору в его комнату.

— Нет, песику пора спать.

Должно быть, сын устал, потому что не сопротивляется и ложится в кровать. Через пять минут он уже спит.

Мне же не уснуть, поэтому я спускаюсь вниз, завариваю себе кофе и выхожу на улицу. Некоторое время я стою там и наблюдаю, как небо меняет цвет с черного на голубой, а затем иду к концу подъездной дорожки и смотрю в высь; облачно, звезд не видно.

Я быстро поворачиваюсь, когда замечаю рядом с собой тень. Это Боннер. Единственный человек в нашем районе, который почти не спит.

— Леди из ТСЖ звонила?

Я отпиваю кофе.

— Ага. Она нас задолбала.

Боннер смотрит на лужайку и улыбается:

— Впечатляет.

Я борюсь с желанием сообщить о том, что она сказала то же самое, но мне не до веселья. Не сегодня.

Стоя рядом со мной, он сует руки в карманы шорт.

— Мать Кел тот еще фрукт.

Я киваю. Вздох срывается с моих губ, когда меня посещает мысль о том, чтобы разбить чашку с кофе о тротуар. Интересно, достаточно ли будет звука разбившейся керамики, чтобы обуздать гнев внутри меня? Не уверен, что что-то способно заглушить эту ярость. Она так долго копилась, что найдет способ выйти наружу.

— Я не в настроении болтать, Бо, — говорю я ему, надеясь, что он оставит меня в покое.

Боннер кивает в знак признательности, но не затыкается.

— Половина моей семьи умерла.

Я перевожу взгляд с чашки на него.

— Что?

— Родители умерли, когда я был мелким. Сестра, когда мне было шестнадцать, брат — несколько месяцев назад... Я притягиваю смерть. А около года назад у Эшлинн случился выкидыш. Она потеряла ребенка на четвертом месяце беременности.

Я даже не знаю, что сказать, поэтому решаю промолчать. Часть меня зацепилась за тот факт, что его жена-порнозвезда забеременела. Это был его ребенок? Я просто смотрю на Боннера и удивляюсь. Из всех городов и районов мы переехали именно сюда, поселившись по соседству с этим пацаном.

Легкий ветерок обдувает лицо, вырывая меня из мыслей. Прочистив горло, я тяжело вздыхаю:

— Мне... жаль.

Боннер пожимает плечами.

— Такова жизнь, чувак. Смерть — это часть жизни, но смерть твоего ребенка даже не

сравнится с моими потерями. Это просто невообразимо.

Он прав. Так и есть. Я никогда не имел дела со смертью. Мои родители живы, бабушки и дедушки тоже... С Марой мы впервые столкнулись с подобным. Такое случается, когда умирает именно ваш ребенок. Не могу представить, что может быть хуже этого.

Я снова смотрю на небо.

— Думаю, больше всего меня беспокоит, что я ее потерял, потому что я ее отец, понимаешь? — Мой подбородок трясется, я не в силах сдержать нахлынувшие эмоции. — Я должен был защищать ее, но не смог. Я не мог противостоять раку.

Я опускаю голову, смотря на тротуар.

Боннер обдумывает мои слова, или, по крайней мере, мне кажется, что он это делает. Боннер склонил голову набок, возможно, находясь в замешательстве. Когда находишься с этим пацаном, нельзя сказать наверняка.

— Как-то я трахнул цыпочку, которая была медиумом.

— Что?

— Медиум. Она типа видела мертвых и разговаривала с ними, я точно не знаю. Это определенно были самые страшные четыре месяца в моей жизни, потому что мне казалось, будто все эти призраки болтали с нами, пока мы трахались.

Я уставился на него. Бьюсь об заклад, что и вы тоже. О чем он, черт возьми, говорит?

Почувствовав мое замешательство, он, улыбаясь, отмахивается.

— Во всяком случае однажды она сказала мне кое-что, и это меня поразило.

— Думаю, я не хочу знать, чем закончилась эта история.

Боннер смеется, а затем его улыбка сходит с губ, и лицо принимает серьезное выражение, что для него неестественно.

— Она сказала, что смерть не событие. Это путь к выживанию для живых. А когда умирает ребенок, значит, ему предначертана короткая жизнь. И он должен прожить свои дни, пытаясь достичь определенных целей, чтобы потом направиться к чему-то возвышенному.

— Откуда она это знает?

— Она потеряла своего четырехлетнего сына в аварии. Судя по всему, она до сих пор видит его каждый день.

Я снова пялюсь на Боннера. Почему вообще мы начали говорить об этом?

— Что ж, это делает комментарий про секс еще более жутким.

— Это ты мне говоришь, чувак? Я мог бы рассказать тебе какое-нибудь дерьмо, которое напугает тебя, но не стану.

— Ух. Ага, не надо, пожалуйста.

В наступившей тишине Боннер хлопает рукой по моему плечу.

— Ты хороший человек, Ноа.

Я фыркаю, не зная, верить ему или нет. Если я хороший человек, то почему не смог спасти свою дочь от смерти? И почему не могу спасти мой брак от развода?

Когда Боннер уходит, я думаю о том, что он сказал. Достичь целей и направиться к чему-то возвышенному. Как мы с Келли можем двигаться дальше, если не хотим? Пофиг, что у Бога есть план. К черту всех, кто говорит, что все происходит не просто так и что время залечит раны.

Это не так.

Мы разгребаем последствия, обломки. По-прежнему удовлетворяем свои потребности,

но внутри наши раны истекают кровью.

Я иду к лестнице и захожу обратно в дом, жалея, что не поспал этой ночью. Поднимаясь по лестнице, я смотрю на закрытую дверь спальни. Я не вхожу. Вместо этого сижу в коридоре, обхватив голову руками. Почему мне так сложно открыться жене? Я не знаю ответа. Я верю в брак. Верю в его ценность, в его значимость. Я обещал Келли вечность, и я отдам ее ей, только разве она этого хочет?

— Папочка?

Я поднимаю взгляд и вижу, что передо мной стоит Хейзел в пижаме со свинкой и плюшевым мишкой, зажатый в руке, который раньше принадлежал Маре. Тот, которого Мара отдала ей за пять дней до своей смерти. Это была любимая игрушка Мары, и я помню, как мы с Келли недоумевали, почему она отдала его. Она понимала, что умрет? Поэтому отдала его ей?

Я смотрю на Хейзел.

— Что ты здесь делаешь в такую рань?

Она пожимает плечами.

— Не могу уснуть. Моя комната подглядывает.

— А?

Хейзел прижимает пальцы к губам и указывает на потолок.

— На меня смотрят глаза.

О чем она говорит, черт возьми?

Дочь заставляет меня идти за ней в комнату и указывает на деревянный потолок, а затем на сучки в досках.

— Глаза.

Я смотрю на потолок, немного испугавшись.

— Это всего лишь сучки на дереве, дорогуша. Не глаза.

Я понимаю, почему она думает, что они наблюдают за ней, и мне сейчас же хочется закрасить их. Я замечаю какое-то движение на ее кровати и хмурюсь.

— Хейзел, это не твой кот. Ты должна вернуть его Боннеру и Эшлинн.

Она пожимает своими хрупкими плечиками.

— Я не виновата, что меня он любит больше. — А потом дочь хватает меня за руку, и мой взгляд останавливается на плюшевом мишке. — Папочка?

— М-м?

— Я прошу прощения за то, что у твоего сердца болит животик.

Откуда я должен знать, что это значит?

— Что?

Дочь отрывает взгляд от медведя.

— У твоего сердца болит животик с тех пор, как Мара попала на небеса. Я чувствую себя несчастной. — Она протягивает мне плюшевого мишку. — Мара хочет, чтобы он был у тебя.

Лучи утреннего солнца проникают в ее комнату. Я встаю на колени, смотрю на дочь, не зная, чего она этим хочет добиться, но не могу сдержать дрожь в голосе, когда говорю ей:

— О, ну, теперь он твой. Мара отдала его тебе, милая.

Хейзел толкает медведя мне в грудь.

— Я рядом.

Ноа

Правила дорожного движения

(Путешествие на машине с тремя детьми и, типа, собакой = АД)

С тех пор как Хейзел сказала про «глаза» на потолке, я заметил, что смотрю на них гораздо чаще. От этого мне становится жутко. Но есть еще кое-что в той ночи, что не дает мне покоя.

Я рядом.

Эти слова крутятся в голове днями напролет. Я не могу спать. Почти не ем. Это последние слова, которые я сказал Маре перед смертью. *Папочка рядом.*

Но легче от этого не становится. Наоборот, только хуже. Хейзел не могла этого знать. Так было ли это случайным совпадением?

— Если в ближайшее время мы не тронемся с места, то до четверга ни за что не доберемся, — говорю я Келли, когда мельком вижу, как она носится по дому, словно на нас надвигается шторм.

Хотя если подумать, то так оно и есть. Называется он «Путешествие на авто», и ни одна семья с детьми никогда к нему не готовится заранее. Если вы другого мнения, значит, вы слишком наивны. Путешествие с детьми утомляет, а те, кто говорит, что это не так, либо суперлюди, либо лжецы. Все потому, что в поездке ваши дети неожиданно начинают вести себя хуже прежнего. Я в этом уверен.

Сегодня мы отправляемся в Остин и должны быть там к четвергу, когда начнется свадебное торжество. Я изо всех сил пытался избежать этой поездки под предлогом, что не могу оставить магазин, и даже использовал фразу «Я ненавижу твою мать, поэтому отказываюсь ехать».

У меня ничего не вышло. «Если поеду я, поедешь и ты», — вот что я услышал в ответ. И еще жена говорила что-то о том, что если поедет одна, то не возьмет с собой четверых детей.

На это я ответил: «Троих детей и собаку», за что, вероятно, и получил заслуженную пощечину. Не вините парня за попытку.

Рядом со мной сидит Севи и слизывает глазурь с кекса. Но это не самое странное. Странно то, что на верхушке кекса находится что-то похожее на свечу. Я дам вам минутку, чтобы поразмыслить над вариантами.

Если вы гадали насчет свечи или конфеты, то были близки.

Это свеча. Удивлены?

И странно, что я — нет?

И пока вы не начали думать, что это огромная проблема, вспомните, что Севи три года. Очевидно же, он недостаточно взрослый, чтобы понять, что это, но он выдергивает свечу из кекса, смотрит на нее, а затем — себе между ног. Могу сказать, что он проявляет какое-то любопытство, но вскоре возвращается к облизыванию глазури.

Глядя на него, я спрашиваю:

— Где ты это взял?

Он смотрит на меня своими ярко-голубыми глазами, светлые локоны падают на лицо.

Он лает, указывая на дом Боннера.

Естественно.

Келли выходит из-за угла и широко улыбается.

— Это заняло не так уж много времени.

Прищурившись, я ставлю пустую чашку из-под кофе в раковину.

— Чему улыбаешься?

Я даже смотрю на свой кофе, убеждаясь, что в нем ничего не плавает. В прошлый раз Келли так же ухмылялась, когда в нем плавала игрушка «Литл Пони». Спасибо Хейзел.

— Я застала Хейзел, когда она забралась на стойку в ванной и трясла попкой перед зеркалом.

Мне это ни о чем не говорит. Я даже не знаю, что на это ответить. А вы?

Севи, сидящий рядом, делает, наверное, самую отвратительную вещь, которую только можно придумать: он берет свечу в виде члена, окунает ее в глазурь, а затем облизывает. Я вырываю свечу из его крошечных липких рук.

— Прекрати.

Келли держит в руках сумки и подушки и смотрит на Севи.

— Где он взял этот кекс?

Я бросаю свечу в ее сторону. Келли замирает, смотрит на нее, затем опускается на колени, чтобы поднять ее с пола.

— Боже мой. Это же...

— Судя по всему, — говорю я, прерывая ее, — это от наших прекрасных соседей. Я серьезно считаю, что нам нужно переехать. Они подают ужасный пример нашим детям.

Келли хмурится.

— Зачем они дали ему кекс со свечой в виде члена? — В этот момент Оливер заходит на кухню. — Свеча, конечно, странная, но я очень рада, что сегодня у Эшлинн день рождения. Наши соседи прекрасны.

Ну, это решает проблему, но почему она дала нашим детям кексы с членами?

Возможно, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос, потому что я не совсем уверен, что мы переживем поездку в Остин. И начинается все с того, что Келли спрашивает:

— Ты заправил машину?

— Нет. — Я смотрю на нее, готовый выехать с подъездной дорожки. — Ты едешь на ней каждый день. Я думал, это сделаешь ты.

Келли вздыхает, сидя на пассажирском сидении.

— Но ты сегодня утром ездил в магазин за кофе. Ты видел, что бензин на нуле?

Я пожимаю плечами.

— Нет. — Я сдаю задним ходом. — Похоже, первый пункт поездки — заправка.

Жена ухмыляется.

— Тогда купи кофе.

— Я только что принес кофейные зерна. Разве ты их еще не сварила?

— Да, но дорога дальняя. Мне нужно больше кофеина.

— Почему? — Мой взгляд скользит к ней. — Ты собираешься вести машину?

— Ни за что. Ты же знаешь, я сразу заблужусь.

— Это же легко. Просто нужно ехать по I-10.

Жена смотрит на меня. Однажды Келли умудрилась заблудиться в нашем районе. Это буквально одна петля. Почему-то у моей жены настолько большие проблемы с навигацией,

что она свернула из этой петли в другой район и не смогла понять, почему в нем нет нашего дома.

— Я хочу кофе! — кричит Хейзел с третьего ряда, сидя рядом с Севи.

Мы не могли позволить ей сесть рядом с Оливером, потому что они до сих пор не в ладах, хоть его отношение к ней и становится лучше. Не следует упускать из виду, что они задушат друг друга при первой же возможности.

Могу пересказать вам в нескольких предложениях, как проходят следующие четыре часа. Они наполнены криками, плачем, лаем, и кому-то обязательно нужно в туалет, но никто ни разу не захотел отлить в одно время. То им слишком жарко, то слишком холодно, то «он трогает меня», то «она прикасается ко мне», то «он меня ударил», то «я ненавижу этот фильм», и финальное — «меня тошнит».

Что и случилось. Дважды.

Один раз вырвало Хейзел, потому что она выпила из бутылки, в которую пописал Оливер, а второй — Севи, потому что его тошнило за компанию. А затем под конец первого дня поездки, как раз в то же время, когда я хочу отрезать себе член за то, что обрюхатил Келли таким количеством детей, у Фин начинается понос, из-за которого мы останавливаем машину и проветриваем ее в течение двух часов, едва успев выехать за пределы Национального парка Месса-Верде.

Пока Келли меняет Фин подгузник и чистит ее сидение, я ничего не делаю. Просто сижу у дороги с Оливером и Севи, которые, кстати, рассматривают койота. Не волнуйтесь, все здорово. Полный порядок. Я слежу за детьми. Позвольте предупредить, что вокруг голая пустыня, и нет ни черта интересного, чем можно развлечь четверых детей. Даже мне скучно, и я бы отдал свое левое яичко ради тишины и покоя.

— Ар-р! — стонет Оливер. — Скукотища, еще и вай-фая нет.

Я выхватываю айпад из его рук.

— Тебе не нужен вай-фай на протяжении всего дня.

— Да, нужен. Быть десятилетним скучно. Ты слишком стар, чтобы играть в игры, и слишком мелкий, чтобы кого-то убивать.

Я смотрю на него, одновременно приглядывая за Севи и гребаным койотом, который сидит на камне.

— Надеюсь, ты шутишь.

— Возможно. — Он наклоняет в мою сторону уже вторую по счету газировку Маунтин Дью. — А может, и нет. Бьюсь об заклад, здесь похоронены тела.

Я едва сдерживаю смех.

— Думаю, ты прав.

Примерно через минуту он смотрит на меня серьезным взглядом.

— Сколько длится век?

Не осуждайте, но мне действительно требуется время для ответа.

— Сто лет.

— Сколько длятся десять лет?

— Десять лет, — уверенно говорю я. По крайней мере, это я знаю.

— Значит, я живу десять лет?

— Ага.

— Круто.

— Из-за тебя я чувствую себя старым, приятель.

— Ой, смотрите, щенок! — радостно кричит Хейзел, на ее плече висит сумка с подгузниками для Фин. Она бежит от машины к нам, где я и Оливер сидим на скале.

Я ловлю ее прежде, чем она успевает добежать до койота, и усаживаю себе на колени.

— Это не щенок.

— А выглядит, как он.

Оливер фыркает и бросает в него камень.

— Это койот, тупица.

Койот не двигается, даже когда Севи начинает на него рычать. Дети смотрят вниз, на свою маму.

— Спасибо за помощь, — ворчит Келли, откидывая прилипшие к лицу волосы и удерживая на руках теперь уже чистую и полуобнаженную Фин. Я улыбаюсь Фин, которая тут же дергает меня за волосы.

— Ты бы предпочла, чтобы я позволил этой шутке съесть наших детей?

— Твою мать! — Именно в этот момент она понимает, кто сидит примерно в двадцати футах от нас. Слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности, но какого хрена я в этом понимаю? — Это койот? Что он делает здесь днем? Я думала, они выходят только ночью?

Отстранив руку Фин от своих волос, я беру ее на руки и сажаю на другую ногу, рядом с Хейзел.

— Похоже, что нет. — Я пытаюсь прижать девочек к себе, но Фин отталкивает меня. — От тебя воняет, — говорю я ей шутя, и она извивается, чтобы отстраниться. Ее звонкий смех вынуждает койота отступить.

Дети начинают ее щекотать, чтобы она продолжила хохотать, потому что Фин очень редко так смеется. Улыбаясь, я смотрю на Келли. Она тоже улыбается, а закат солнца отражается в ее глазах. Моя жена чертовски красива при этом свете. Давно не видел у нее такой улыбки. Два года, если быть точным. До того момента, как Мара заболела раком, и с тех пор — ни разу.

Маленькое дикое дитя, которое отказывается говорить и пахнет дерьмом, заставляет нас всех смеяться.

* * *

После полуночи, когда дети уже спят, я ищу в пустыне отель, где мы сможем отдохнуть. Я счастлив, что они заснули, потому что, если бы услышал еще хотя бы раз песню «Детеныш акулы», то просто сбросился бы на машине со скалы, как только нашел ее.

Келли смотрит на бесплодную землю, залитую лунным светом. В ее глазах стоят слезы.

— Думаю, мы должны сводить детей на могилу Мары.

Мое сердце бешено колотится в груди, отчего хватка на руле становится сильнее. Я прислоняюсь к двери.

— Можешь отвести их.

Она смотрит на меня.

— Что?

— Я сказал, что можешь сводить их туда, — отвечаю я. Горло сдавливает от нахлынувших слез, которым я не позволю пролиться.

Свет от фонарей, стоящих вдоль шоссе, освещает ее лицо. Я чувствую, как жена прожигает меня взглядом, а затем с укором спрашивает:

— Так ты не поедешь?

— Ее там нет, Кэл. Это просто ее тело. Я не вижу в этом смысла.

— По крайней мере, хоть что-то. Детям нужно во что-то поверить и увидеть могилу.

— Детям или тебе?

— Не имеет значения, Ноа.

— Так ты сейчас еще и злишься?

— Да. Потому что ты делаешь все возможное, чтобы ее забыть.

Это правда. Но я никогда не хочу в этом признаваться. Мне так проще.

— Да.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что мне больно. Так чертовски больно, что я даже не могу слышать ее имя.

Поэтому мне не нужно это гребаное напоминание.

Келли выражает полнейшее разочарование вперемишку с ужасом.

— Я не позволю, чтобы наши дети выросли, не зная о ней. Я отказываюсь ее забывать.

Я тоже не хочу ее забывать. Не хочу, но боль и вина... Я не хочу их испытывать.

Со стоном я провожу рукой по волосам, другой удерживая руль. Во рту пересохло, губы сжаты. Келли больно. Я смотрю в ее измученные голубые глаза, полные слез. Мне надоела эта пустота между нами. Я в ужасе от того, в кого мы превратились с этими фальшивыми улыбками и молчанием.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал?

При этих словах меня окутывают воспоминания. Келли сказала мне то же самое, когда врачи сообщили нам, что рак Мары распространился так быстро и обширно, что она не выживет.

— Я не могу этого сделать, — кричала она, уткнувшись в мое плечо. — Я не могу принять такое решение.

Тогда я сказал ей:

— Мы не можем продолжать лечение.

Мы не могли. Я бы не заставил Мару пережить более тяжелые муки, чем те, через которые она уже прошла. Ее детство закончилось. За последние несколько месяцев ее ярко-голубые глаза стали безжизненными, а тело вынесло много страданий.

Я замираю, тело каменеет от напряжения. Внизу живота я чувствую комок нервов. Мне нужен воздух. Я открываю окно. Но это не помогает. Сглотнув ком в горле, я повторяю:

— Скажи, чего ты хочешь от меня?

Келли вздыхает, по ее щекам текут слезы. Я пристально смотрю на нее.

— Я не должна говорить тебе, что делать.

Я внимательно наблюдаю за ней оценивающим взглядом. Обычно я стараюсь не показывать свои эмоции, но здесь, в машине, в замкнутом пространстве, горечь и предательство очевидны.

— Теперь ты меня ненавидишь?

— Я уже ничего не знаю. — Келли не кричит, но от этого высказывания мое сердце бьется сильнее. — А ты этого хочешь?

Грудь сдавливает. Я не огрызаюсь, но мой ответ звучит решительно:

— Нет.

Я не хотел возвращаться в Остин. По многим причинам. Никогда в жизни. Но здесь мы похоронили Мару, и я знал, что, в конце концов, мы вернемся обратно. Просто не думал, что

это произойдет в тот момент, когда наш брак будет висеть на волоске.

Я смотрю на Келли. Она плачет. Я знаю, что сейчас должен протянуть руку и утешить ее, однако не могу этого сделать.

Келли

*Он даже не понял, как его выбросили. В буквальном смысле.
(Бедный дневник. Он такого не ожидал)*

Дневник, я так зла. Нет, я безумно зла. Существует ли для описания этого состояния подходящее слово? Ноа не хочет посещать могилу Мары. Почему? Почему бы ему не сходить туда? Я не знаю и не могу понять его логику. Честно говоря, дневник, когда я начала писать тебе, то думала, что ты сможешь меня исцелить. Я думала, ты сможешь залечить мои раны. Я подумала, может быть, благодаря воспоминаниям я смогу снова найти себя и понять, когда мы потеряли связь. Я знала, что это произошло, когда умерла Мара, просто подумала, что со временем мы снова сможем обрести друг друга. Я решила, что постепенно Ноа откроется мне, и наши отношения придут в норму. Но как мы можем это сделать, если он постоянно отталкивает меня и не может открыться? Я боюсь, что наши отношения снова на грани, потому что каждый раз, когда он закрывается от меня, мое сердце чуть-чуть остывает. В конце концов, не уверена, хватит ли сил, чтобы пережить это.

На ночь мы остановились в Тусоне. В единственном отеле, в котором есть свободные места. В номере только две кровати, поэтому на каждую улеглись по три человека. Оливер, Севи и Хейзел спят на одной кровати, Ноа, Фин и я — на другой.

С Ноа мы почти не разговариваем. Он смотрит на стену. Я смотрю в окно. Слышно только сопение Севи и отдаленный гул светильника где-то за пределами номера.

Так проходит вся ночь, и я не знаю, нужно ли что-то сказать. Часть меня не желает разговаривать, потому что, если муж хочет забыть нашу дочь, может быть, я должна ему позволить сделать это.

День проходит так же, как вчера. Дети сводят Ноа с ума, а я пытаюсь приручить маленьких монстров. При этом мне кажется, что муж смотрит на меня так, будто эта поездка была худшей идеей на свете.

Мы въезжаем в Остин около трех часов дня, и, как я и ожидала, первой же просьбой Хейзел было:

— Давайте навестим Мару.

Я смотрю на Ноа, зная, что он не откажет ей, потому что мы буквально в пяти минутах езды от кладбища, которое находится по пути к дому его родителей.

Ноа тут же напрягается и поворачивает налево, направляясь к дороге, ведущей на кладбище. Судя по его лицу, ему не нравится эта затея. После смерти Мары он всего один раз был на ее могиле. В годовщину. Пока мы отмечали ее день рождения с кексами в виде единорогов и розово-серебристыми воздушными шарами, Ноа держался в сторонке и ничего ей не сказал. Я боялась, что сегодня будет то же самое.

Глубоко вдохнув, Ноа паркуется. Выйдя вместе с детьми из машины, я оглядываюсь на

него, держа Фин на руках.

— Ты идешь?

Он качает головой.

— Давай ты пойдешь одна.

Я захлопываю дверь и ухожу, не оглядываясь. Пошел он на хрен. Если он не может просто прийти и взглянуть на могилу дочери, я отказываюсь делать это с ним.

Шагая рядом со мной, Оливер оглядывается через плечо.

— Папа не идет?

Я обнимаю его за плечи, Хейзел и Севи бегут впереди нас.

— Думаю, ему просто нужно немного побыть в тишине.

Оливер замедляет шаг, когда мы приближаемся к дубу, рядом с которым похоронена Мара. Я ненавижу чувство, с каждым шагом зарождающееся в моей груди, и осознание того, что больше не увижу ее лица, даже не почувствую ее присутствие, потому что в некотором смысле Ноа прав. Здесь только ее тело. Мне хочется, чтобы было что-то большее, но лишь потому, что я хочу вернуть своего ребенка. Я не хочу навещать ее здесь. Я хочу держать ее на руках. Но мне приходится навещать ее, если в этом есть смысл. Да, здесь просто ее кости, разлагающееся тело ребенка, который не должен был умереть раньше меня. Тело, которое мне не удалось защитить.

Как ее мать я чувствую, что обязана быть здесь. И сколько бы раз вы ни говорили скорбящим родителям, что они не виноваты в смерти своего ребенка, они вам не поверят.

Могилы Мары усеяны полевыми цветами, которые цветут здесь каждую весну и увядают к лету. Сейчас осень, поэтому ярких цветов нет, но видно, что за могилкой ухаживали. В вазах, расположенных по обе стороны от надгробия, стоят букеты свежесрезанных цветов, а рядом сидит стеклянный единорог.

— Дедушка Фишер сделал эту красоту! — верещит Хейзел, улыбаясь и рассматривая цветы.

Мой отец всегда следил за могилой Мары. Думаю, он находит умиротворение в том, что все еще может что-то сделать для нее или для нас. Ее имя на надгробии привлекает мое внимание. Оно усеяно блестками.

Мара Рэй Беккет.

Грудь сдавливает от боли. Боль настолько сильна, что после посещения могилы дочери мне всегда требуется несколько дней, чтобы избавиться от нее. Слезы жгут глаза, но я моргаю и смотрю, как дети прикрепляют к надгробию рисунки, которые они нарисовали.

Надолго мы не задерживаемся, потому что детям не терпится попасть к бабушке и дедушке. Родители Ноа живут на озере Трэвис.

У меня перехватывает дыхание, когда мы уходим. Я чувствую, что должна ей что-нибудь сказать, но не знаю, что именно. Я шепчу себе под нос: «*Я скучаю по тебе*», зная, что где-то там дочь слышит меня.

Сидя в машине, дети посвящают Ноа в каждую деталь о живых цветах и о том, как блестки на надгробии сияют под лучами солнца. Он молчит, крепко вцепившись в руль двумя руками.

Мы не разговариваем все пятнадцать минут езды до дома его родителей. Хейзел в сотый раз поет песенку про детеныша акулы, и к тому моменту, когда мы проезжаем вниз по длинной грунтовой дороге, Ноа выглядит так, будто его сейчас вырвет. Он побледнел и тяжело дышит.

Я опять же без его помощи вытаскиваю детей из машины. Он смотрит на меня поверх крыши автомобиля, и я вижу, как муж хмурится. Ноа хочет что-то сказать, но не говорит. Может быть, он не может. Хотя даже если бы и мог, он не сделал бы этого. Ноа просто разворачивается и уходит по тропинке к озеру, никому не сказав ни слова.

Его мама стоит на крыльце в окружении детей. Даже Фин теперь не хочет иметь со мной ничего общего, как только замечает отца Ноа.

Мама Ноа смотрит на тропинку, по которой ушел ее сын, и замечает мое выражение лица.

— Ты в порядке, дорогуша?

Использование этого обращения ощущается камнем на сердце. Ноа всегда называл Мару своей дорогушей. Я киваю.

— Поездка была долгой. Пойду проверю, как там Ноа.

Грейс отводит детей в дом.

— Бабушка испекла печенье.

Она сияет от счастья, загоняя всех внутрь. Мгновение я смотрю на них. Севи встает на четвереньки и заползает на кухню. Как поистине заботливая мать, которой она всегда и была, Грейс гладит его по голове, когда он лает.

— Кто у нас хороший песик? — воркует Грейс, кладя ему в рот печенье.

Глубоко вздохнув, я иду за Ноа с дневником в руке и едва сдерживая слезы. Я нахожу его у кромки воды. Он стоит ко мне спиной.

— В чем, черт возьми, твоя проблема?

Не оборачиваясь, он произносит:

— Я не хочу здесь находиться.

Я стискиваю зубы, злясь из-за этой ситуации, нашей дочери и всего прочего.

— Тебе не стоило приезжать. Я могла бы приехать одна.

— Господи, Келли! — кричит он, поворачиваясь ко мне лицом. А потом смотрит на меня, и от выражения его лица мне хочется вернуть свои слова обратно и никогда их больше не произносить. — Я не это имел в виду. Я просто ненавижу то, как мне больно здесь находиться.

Он замолкает, кладет руки на бедра и смотрит в небо.

— Как только мы пересекли границу штата Техас, это чувство поселилось в душе, и теперь, когда мы находимся в том месте, где вырастили ее, стало только хуже.

— Тогда поговори со мной, — умоляю я, желая протянуть руку и обнять его. Я вижу, что ему больно, но он не позволяет мне помочь ему. Он не хочет помогать мне. — Вместе мы сможем через это пройти.

На мгновение его взгляд дрогнул.

— Я пытался. — И, хотя я думаю, что он не хочет, чтобы это было заметно, его голос звучит сломлено.

— Нет, не пытался. Ты избегал разговора.

— Я не знаю, как это исправить, — бормочет Ноа. — Понимаю, что ты не счастлива, но все, что я делаю и говорю, выглядит неправильным.

Отчасти он прав.

— Если ты хотел быть рядом со мной и исправить ситуацию, почему тогда не мог просто выйти из машины? Почему?

Выражение его лица меняется. Черт возьми, меняется вся его манера поведения. Этот

взгляд, слова, которые он ранее произнес. Я жду, когда он признается, что пошутил, что не хочет забывать нашу дочь. Но это лишь мое воображение. Честно говоря, этот разговор назревал уже очень давно. Я просто не думала, что он произойдет в тот же день, когда мы вернемся в дом у озера, в котором поженились одиннадцать лет назад. Я обдумывала это: каждое слово, которое бы я сказала ему, выражение своего лица, тон голоса — все это. Но то, что я вижу прямо сейчас, выглядит совсем иначе. И дневник мне больше не поможет. Здесь часть меня, мои мысли, которыми я никогда ни с кем не делилась. Даже со своим терапевтом.

Сейчас за меня говорят шрамы на сердце.

— Значит, она так мало значила для тебя, что ты даже не желаешь пойти с нами на ее могилу?

Удар ниже пояса. И как только эти слова срываются с моих губ, я сожалею о них. Я стою, смотрю на него и жду ответа. У меня подкашиваются ноги, в то же время тело будто немеет. Дома, в последний день, я сказала себе, что отпущу это, потому что это всего лишь Ноа и его избегание ситуации, но чем ближе мы подъезжали к Остину, тем сильнее становилась потребность посетить ее могилу. Когда это случилось и Ноа даже не потрудился выйти из машины, я не могла понять, почему он не хотел стать частью этого. Потом на меня обрушились все остальные эмоции, и я потеряла его.

Я жду, когда Ноа что-нибудь скажет. *Что угодно.* Но меня окружает тишина, неловкость в мгновение ока сменяется разочарованием. Муж бросает на меня быстрый взгляд. Выражение его лица говорит мне то, что я хочу услышать. Он хочет, но не признает этого.

— Скажи что-нибудь, — требую я дрожащим голосом.

Ноа разрушает меня своим взглядом.

— Тебе не понравится то, что я хочу сказать, — говорит он, глядя на озеро, избегая зрительного контакта. Взволнованный, полностью осознавая происходящее, он снимает с головы старую, поношенную бейсболку и проводит пальцами по копне темно-каштановых волос, прежде чем снова надеть ее.

— Что ж... — Я переступаю с ноги на ногу, сжимая в потной ладони дневник. Мою жизнь, мои слезы и страхи. Перевожу на него взгляд. Дневник хранит все воспоминания о детстве и о ребенке, которого мы не смогли спасти. Ноа смотрит на мои ноги, желая, чтобы я пошевелилась, чтобы отошла от него подальше. Но я не могу.

Он скрещивает руки на груди, еще больше напрягаясь всем телом.

Я чувствую, как внезапно нарастает паника, руки и сердце ходят ходуном, и я больше не могу сдерживать себя и свои эмоции.

Я задолбалась.

Мне надоело, что он избегает этого, и, конечно, с меня хватит сожалений. Когда я открыла этот кожаный блокнот и начала вести в нем записи на следующий день после того, как Маре поставили диагноз «рак», то никогда не планировала, что их кто-нибудь прочитает. Они ужасают. В них правда, и самое главное — в них я, Ноа и все, что когда-то пошло не так.

Внутри дневника — любовь, страницы ночей, которые я не могу забыть, воспоминания о красивой озорной девочке, ушедшей от нас слишком рано, и о человеке, который оставил меня, чтобы справиться с этой потерей в одиночку. Каждое пребывание в больнице, каждая ссора, каждое сомнение — все здесь.

К сожалению, гнев берет надо мной верх. В поисках момента, обмана, который, я знаю, он скрывал от меня, я вытираю слезы с пылающих щек и распрямляю плечи.

— Может быть, это будет иметь для тебя значение, — говорю я, бросая ему дневник. — Прочти, а потом скажи мне, что хочешь забыть ее. Потому что если ты это сделаешь, то можешь забыть про нас.

Я особо ничего не ожидаю, учитывая его поведение в последнее время. Дневник падает к ногам Ноа. Он смотрит в одну точку, когда я прохожу мимо него. Я не оборачиваюсь, просто не могу. Я только что вручила ему свое сердце, словно у него его еще нет. Теперь нечего скрывать.

Боже мой! Что я наделала? Верни дневник! Давай, беги и заведи его!

Я хочу развернуться и забрать дневник. Это явно один из тех моментов, когда я спрашиваю свой мозг: «Какого хрена?» К сожалению, я не получаю ответа. Не решаюсь вернуться и не оборачиваюсь. Я не могу. Потому что если бы я говорила с ним, то, вероятно, сказала бы больше и потом бы пожалела об этом даже больше, чем о том, что так небрежно бросила дневник в грязь.

Прости, дневник. Ты этого не заслужил.

Ноа

Ради девочки

(И всегда было только ради нее)

Я читаю его.

Вы думали, не стану? А я это делаю. Я читаю каждую душераздирающую страницу. Я знал, что Келли вела дневник. Видел, как она делала записи поздно ночью, но ни разу не подумал о том, чтобы его прочесть. Наверное, потому что знал, что там будет. *Мара. Я. Наша жизнь.* Я не хотел это читать.

До этого момента.

Пока меня не вынудили.

И у меня нет других мыслей, кроме как: «Я облажался». Я разбил ей сердце таким огромным количеством способов, которые даже не мог себе представить. Но я это сделал. Могу поспорить, что мой мир тоже разрушился, но не так, как ее. Да, я пережил нечто совершенно иное, чем Келли. Она пережила это иначе. В течение нескольких месяцев после того, как мы узнали о болезни Мары, после краха, последовавшего за ее смертью, после переезда и того, как я отдалился от жены, Келли приходилось собирать нас всех воедино. Меня, детей и саму себя.

Если бы я не прочел ее слова, то никогда бы не узнал ничего из этого.

По правде говоря, я не был уверен, что хочу знать что-либо из прочитанного.

— Что это за хрень? — спрашивает Джастис, показывая на записную книжку в кожаном переплете, которую я держу в руке, пока мы сидим на багажнике его машины.

Тяжело дыша, я откидываюсь на локти. Я смотрю в его сторону; за последние несколько лет мы делали это нечасто по разным причинам.

— Дневник Келли.

— Дерьмо, мужик. — Он хмурится. Его глаза налиты кровью от ликера «Southern Comfort», который он пьет из фляги. — Жестко.

Он понятия не имеет, о чем говорит, но, опять же, в некотором смысле он кое-что знает о потере. Другого рода, но все же.

— Ты расскажешь Келси, что чувствуешь? — спрашиваю я. Из всех моих кузенов я ближе всех общаюсь с Джастисом. Поверьте, их у меня до хрена, так что, если вам интересно, скажу так: наши отношения больше похожи на братские. Наверное, потому что мы очень похожи.

Джастис стонет, потирая руками лицо.

— Что расскажу?

— Наверное, что-то ужасное.

— Например, я изменял тебе, чтобы ты от меня отстала?

— Вероятно, с этого и следует начать.

Это не вся правда, но его история с сестрой Келли началась, когда мы были детьми. Потом что-то его спугнуло. Думаю, именно идея остепениться напугала его до смерти. Поэтому вместо того, чтобы расстаться с Келси, он сказал, что изменил ей, чтобы она

порвала с ним. Я не утверждаю, что я гребаный гений, когда дело касается женщин и отношений, но мне кажется, что его план с самого начала был дерьмовым. Откуда, черт возьми, мне знать? Моя жена общается с дневником как с человеком, и я ей это позволяю.

Джастис наклоняет голову и прижимает руки к вискам.

— Хрень какая-то.

Взяв его фляжку, я делаю глоток и посмеиваюсь, стиснув зубы:

— Можно и так сказать.

Он с такой силой сжимает край багажника, что белеют костяшки пальцев.

— Почему из всех людей она вышла замуж за него?

— Почему мой ребенок умер? — Я пожимаю плечами, поднимая фляжку, но тут же роняю ее, потому что никогда не мог напиться и сохранить при этом нормальную координацию. — Иногда мир просто рушится к чертям собачьим.

— Так и есть, чувак. Все так, черт возьми, — бормочет он, морщась от глотка обжигающего горло алкоголя.

— И они пока не женаты. Ты все еще можешь что-то сказать, — указываю я, чувствуя, что хотя бы кому-то помогаю, даже если не могу помочь сам себе.

— Ты видел ее отца? Это не совсем та свадьба, которую я хочу разорвать.

— А, ну да, я знаком с ее отцом. Я ведь женат на его дочери, тупица. Они сестры.

Я хочу встать, но в итоге падаю с багажника прямо на задницу. Джастис смеется.

— Точно.

Я пьян, если вы не заметили. В говно. Даже не могу пройти по прямой. Я пытался, когда шериф остановил мою машину. К счастью для меня, шерифом оказался мой отец. Он любезно забрал мои ключи и попросил идти домой. Так я и попал к Джастису. Как любой порядочный кузен, увидев, как я иду по дороге, он подвез меня к бару. Потом сюда, когда из бара нас выгнали, потому что Джастис воткнул дротик кому-то в голову. Несчастный случай. Он промахнулся. Вот что случается с теми, кто стоит слишком близко к цели.

Я даже не пытаюсь встать. Вместо этого лежу на траве и смотрю на небо, расписанное голубыми и белыми полосками, которые сообщают о том, что ночь перешла в утро. Я думаю о Маре и о том, как все это началось. Может, поэтому мы здесь, на кладбище, смотрим издали на дуб, под которым она похоронена. Я не должен был пить на ее могиле, но, честно говоря, это был единственный способ заставить себя приехать сюда, и я знал, что мне это необходимо.

Я думаю о словах Келли.

Ненавижу. Очень сильно. Ненависть бушует во мне с такой силой, что я хочу разрушить все вокруг. Хочу бить кулаками по окну просто для того, чтобы почувствовать боль. Не эмоциональную, а ту, которая разрывает меня изнутри. Я настолько сильно хочу почувствовать физическую боль, что меня трясет.

Хотя в те моменты мы не разговаривали, наша боль была похожей. Я помню потухший взгляд, боль в ее глазах и опустошение в моих оттого, что я абсолютно ничего не мог сделать, чтобы что-то изменить. Мара умирала на моих руках.

Я бы хотел, чтобы ее последний вздох был и моим последним. Я хотел умереть вместе с ней, чтобы ей не пришлось оставаться одной.

Несмотря на всю боль, все страдания, через которые мы прошли, спустя три дня после

появления Фин я отключился. Я сделал это, потому что легче было поступить так, чем сказать жене, что я чувствую, будто не могу быть отцом для наших детей. Когда я не думал о Маре, мне не было больно. Так что я попытался отбросить чувство сожаления и просто жить дальше.

Но все же я подвел Келли. Я потерял ее во многих отношениях.

Я чувствую себя такой одинокой, а он отталкивает меня все дальше и дальше каждым своим действием, и это разбивает мне сердце. Почему он не может просто быть рядом со мной и не быть таким хладнокровным?

Слезы катятся по моим щекам, перед глазами все плывет. Слова жены бьют все сильнее и сильнее. Я сделал это с ней. Я заставил ее усомниться в моей любви и преданности ей.

Боюсь, мы снова на грани, потому что каждый раз, когда он закрывается от меня, мое сердце чуть-чуть остывает. В конце концов, не уверена, хватит ли сил, чтобы пережить это.

Я ненавижу себя за то, что сотворил с ней такое. Думаю, я даже не смогу ее винить, если между нами все будет кончено. Я навлек это, отстранившись от нее.

Джастис пинает меня ногой по колену. Он указывает на могилу Мары.

— Пойду возложу цветы на ее могилу.

Опираясь на локти, я смотрю на его руки. Он успел стащить цветы с чужой могилы, потому что мы точно ничего с собой не приносили.

— Где ты их взял?

Он жестом указывает позади себя.

— Вон там. С могилы Квинтена. Я знал этого старого ублюдка. Он не сильно расстроится. Уверен, он поделится своими гребаными цветами с ребенком. — Поднимая руку с букетом цветов, он вытирает пот со лба. — А теперь вынь этот жалкий хрен изо рта и иди туда. Ради девочки.

Я смеюсь над тем, как он говорит о девочке. Это всегда было ради нее. Я не хотел идти на могилу Мары. Я не делал этого, потому что столкнулся с реальностью. Здесь у меня не получится убежать от нее. Я не могу сбежать от этого. Я вынужден представить, что под этим надгробием лежит семилетняя девочка, которую я поклялся защищать. И не смог. И это больше всего меня беспокоит, пусть даже сейчас от нее остались только кости.

Знаете, когда меня накрывает это чувство? Не тогда, когда я вижу ее надгробие. И даже не тогда, когда я вижу ее имя, выгравированное блестками. И не от воспоминания о том, как распорядитель похорон спросил: «Как пишется Мара?», а потом наблюдал, как он внимательно выводит ее имя на том месте, где оно скоро будет выгравировано на камне.

Это происходит, когда я вижу рисунки, сделанные детьми и приклеенные к ее надгробию. Сердечко с ее именем от Оливера. Радуга и единорог, который подозрительно похож на рыбу со стояком, от Хейзел и набросок от Севи в виде своего имени и сердца. Они почтили память своей сестры крохотными воспоминаниями, которые у них остались. И вот он я, первый мужчина, который держал ее на руках и который до сих пор не смог шагу ступить на кладбище. Я помню все ее «впервые». Она сделала свой первый вдох в моем присутствии и последний выдох в моих объятиях.

Джастис кладет цветы на ее могилу, становится на колени, что-то шепчет и целует ее надгробие. Смахнув слезы тыльной стороной ладони, он встает, сунув руки в карманы джинсов. Его плечи напряжены. Он прочищает горло, прежде чем говорит:

— Я оставлю тебя ненадолго.

Понятия не имею, что ей сказать. Когда мы узнали, что она не выживет, я часами смотрел на нее, пытаюсь придумать, что сказать, чтобы исправить ситуацию, но не мог подобрать подходящих слов.

И вот я снова стою здесь и пытаюсь найти слова. Я смотрю на надгробие, рисунки цветы и совершенно не понимаю, что ей сказать. Тем не менее, будучи пьяным, я начинаю говорить.

— Я знаю, что не должен видеть тебя такой, но в ту ночь, когда твоя мама сказала мне, что беременна тобой, я был в таком же состоянии. — Падая на колени, я сажусь рядом с ее надгробием и смотрю на нависающие надо мной ветви дуба. Я вижу, что небо вдалеке приобрело пурпурно-розовый оттенок — любимые цвета Мары. — Я помню, как злился из-за того, что она так быстро забеременела, потому что мне казалось, что мы только свыклись с рождением Оливера. Как, черт возьми, я собирался заботиться еще об одном ребенке и работать на ранчо? Я мало что помню о ее беременности, но в день твоего рождения на улице было сорок градусов. Твою бедную маму это не обрадовало. В течение двух часов ты была послушной малышкой, но затем дала нам понять, что ты принцесса, и начала многое требовать.

Я улыбаюсь при этом воспоминании. Горячие слезы катятся по моему лицу, когда я представляю Келли, пытающуюся покормить Мару грудью, и ее отказ от кормления.

— Я все еще чувствую, как ты обвиваешь крошечной ручонкой мой палец, когда я впервые взял тебя на руки.

Она была идеальна во всех отношениях. Сильная, здоровая. Так как же это случилось? Как моя драгоценная девочка с горячим сердцем заболела раком? Почему это случилось с ней? Почему мы не могли совершить то чудо, которое бы спасло ее?

Я вспоминаю слова Боннера. *Когда умирает ребенок, значит, ему суждена короткая жизнь. И он должен прожить свои дни, пытаясь достичь определенных целей, чтобы потом направиться к чему-то возвышенному.*

Я устремляю затуманенный слезами взгляд к горизонту.

— Какое оно, твое возвышенное, дорогуша?

Я никогда не чувствовал, что Мара все еще со мной. Моя мама говорит, что чувствует Мару, когда возится в саду, где она проводила с ней много времени. Келли однажды сказала мне, что, когда она слушает радио и поет Гарт Брукс, она чувствует, что Мара с ней. Она любила его музыку. И Хейзел... Очевидно, она ей снится.

Мне? Ничего подобного. Я никогда не видел ее во сне, не чувствовал ее рядом. Ничего.

До сегодняшнего дня.

Год спустя, когда я сижу у ее могилы в пурпурно-розовых оттенках неба на восходе солнца.

Клянусь, в этот момент она стоит рядом со мной. Я никогда в своей жизни не чувствовал такого сильного присутствия, ее запаха, ее прикосновения, каждого воспоминания, которые словно окутывают меня. Это не плохие воспоминания о ее смерти, а хорошие, связанные с тем, как она смеется и играет с Оливером, бегая босиком по грязи. Ее голубые глаза, светлые кудри до талии. Все хорошее о ней и о том, что она привнесла в нашу

жизнь. А потом я вижу Фин и себя, обнимающего ее вскоре после рождения. Я помню тот день, когда мы совсем отчаялись от горя и нам вручили этого ребенка, а я проигнорировал его. Она подарила нам Фин.

Сглатывая слезы, я задыхаюсь от воспоминаний. Я даже моргаю, пытаюсь понять, галлюцинации у меня или нет. Что-то точно происходит, ведь я слышу ее смех, чувствую ее прикосновение и знаю, что она сейчас со мной. Может быть, это потому, что я пьян, а может, я действительно слетел с катушек, но клянусь своей жизнью: она просочилась в мой мозг. И, возможно, именно алкоголь помогает мне, наконец, расслабиться и вспомнить ее.

Поднимается ветерок. Покачивающиеся ветви дерева выводят меня из транса, в котором я нахожусь, и когда я смотрю вверх, то вокруг меня кружат и падают листья. Я смотрю на ее надгробие и улыбаюсь.

— Я рядом, — шепчу я.

Келли

Последствия

(Спрос на невесту)

Я встаю с постели с восходом солнца. Меня будит плач Фин и вибрация телефона. Я просматриваю сообщения, пока кормлю Фин, чтобы узнать, звонил ли Ноа и где его носит. Я не могу отследить его местонахождение по телефону, так что либо сдох аккумулятор, либо муж его просто выключил. Вчера вечером он не вернулся домой. Ноа пропустил ужин с родителями и репетицию свадьбы.

Кейт словно чувствует, что мне скучно.

Кейт: Сучка, ты не сказала, что уезжаешь из города!

Я: Я говорила. Ты не слушала.

Кейт: Хороший аргумент.

Я: Соскучилась по мне?

Кейт: Ужасно.

Я: Я бросила в Ноа свой дневник.

Кейт: И?

Я: Он взял его и ушел. Я не видела его со вчерашнего вечера.

Кейт: Что? В самом деле? Куда он подевался?

Я: Понятия не имею.

Кейт: И что теперь?

Я: Не знаю. Моя сестра сегодня выходит замуж. А я на грани развода.

Кейт: Добро пожаловать в клуб разведенков. Это отстой.

Я: Мне жаль, милая. Ты в порядке?

Кейт: Да, но помнишь, я рассказывала про прекрасную договоренность с Джей?

Я: Да...

Кейт: Он перепугался, когда нашел упаковку презервативов в моем ящике с перчатками.

Я: Почему это его напугало?

Кейт: Потому что он думает, что я занимаюсь сексом с кем-то еще.

Я: Но ты в разводе, так что...

Кейт: Правда? Я так ему и сказала. Но он этого не понимает.

Я: Ты занимаешься сексом с кем-то еще?

Кейт: Нет! Этот мудака отпугивает каждого, кто хоть немного может меня заинтересовать. Полная лажа. Я могу прибить его, так что тебе действительно стоит вернуться домой!

Я: Мы вернемся через два дня.

Кейт: Слава яйцам и удачи. Возвращайся. Эй, получилось в рифму.

Я: ЛОЛ! Пока!

Положив телефон, я смотрю на Фин, вцепившуюся в мою грудь. Она ведет себя так, словно на что-то отвлеклась: крутит головой во все стороны, болтая ногами.

— Мне больно, знаешь ли. — Я прикасаюсь к ее щечке. — Ты еще не наелась?

Естественно, она ничего не говорит, вместо этого отстраняется от груди и садится. Выхватив телефон из моих рук, она смотрит на фото, установленное на экране блокировки: я и Ноа обнимаем Мару незадолго до того, как узнали о ее болезни. Фото сделано на барбекю, которое мы каждый год устраивали на четвертое июля здесь, в доме его родителей. Я тоже смотрю на фото, на ее ярко-голубые глазки, кудри. Все в ней было драгоценно, как и мои воспоминания.

Фин улыбается фотографии и тычет в нее пальчиком. Я прижимаю ее к груди.

— Это твоя сестра. Мара.

Улыбаясь, она кивает, а затем сползает с моих колен, заинтересовавшись коллекцией кактусов возле окна, собранной мамой Ноа. После того, как Фин рассмотрела каждый из них, я иду с ней вниз и обнаруживаю, что мама Ноа уже готовит завтрак. Остальные дети все еще спят, но я чувствую, что это ненадолго. Стоит им почувствовать запах блинов — и они проснутся.

— Ты рано встала, — говорит она, приветствуя меня чашечкой кофе.

Через силу улыбнувшись, я опускаю Фин на пол и направляюсь к кухонному островку, где стоит кофе.

— Не могла заснуть.

Грейс поворачивает голову в мою сторону и улыбается Фин, которая подходит к ней. Она тут же поднимает ее на руки. Клянусь, Фин никогда не ходит пешком. Ее всегда кто-то носит.

— Ноа вернулся? — спрашивает Грейс, отводя локоны Фин от лица и целуя ее в висок, когда та кладет голову ей на плечо.

Я улыбаюсь. Удерживая на руках моего ребенка, она продолжает размешивать тесто для блинов. Грейс словно Марта Стюарт, рожденная в семье Беккет. Она может приготовить все, что угодно, справиться с любой задачей, и я очень сомневаюсь, что она и Рен хотя бы раз ссорились. Если такое и происходило, держу пари, он говорил: «Да, мэм», поджав хвост.

Я беру чашку теплого кофе в ладони.

— Нет.

Фин замечает кошку Люси и извивается в руках Грейс, желая спуститься на пол. Грейс ставит ее на ноги и продолжает размешивать тесто для блинчиков. Закончив, она добавляет в миску немного корицы.

— Он вернется, когда будет готов.

Я упираюсь локтями в столешницу и вздыхаю:

— Не знаю. С тех пор как Мара заболела, я начала вести дневник, записывая свои мысли.

— Это отличный способ исцеления, — добавляет мама Ноа. Она всегда такая понимающая.

— Да... Ну, я бросила ему дневник, когда мы поругались прошлым вечером.

Грейс смотрит на меня глазами, которые так похожи на глаза ее сына. Ее лицо не выражает осуждения, она просто слушает. Это то, чего никогда не делает моя мать.

— Что он сказал?

Пожимая плечами, я делаю глоток кофе и ставлю чашку на стол.

— Ничего. Я развернулась и ушла, а он так и не вернулся домой. Позже я вернулась обратно, перед тем как укладывать детей спать, но его там не было.

— Он вернется, дорогая. Я знаю своего сына. Он всегда так поступает — убегает, чтобы не сказать лишнего, а затем возвращается.

— Я знаю, что он так делает, но как это поможет нашему браку? Все пошло кувырком с тех пор, как мы переехали, и теперь, когда он уволился с работы в автосалоне, то кажется еще более нервным. Я знаю, что он пытается оправиться после смерти Мары. Все мы пытаемся. Но забывать о ней — это не решение проблемы.

— Нет, не решение, но он всегда был таким. Он использует ситуацию с братом как способ самозащиты. Пытается подавить свой гнев.

Я приподнимаю бровь, опасаясь, что могу взболтнуть лишнего.

— Вы знаете об этом?

Она кивает.

— Да, Ник рассказал мне. А Ноа... Судя по его гневу, это не имело ничего общего с Ником и его изменой, но в большей степени гнев гложет его изнутри.

— Ник приедет на свадьбу? — С момента их спора я ничего не слышала о Нике, и Ноа тоже ничего не говорил.

— Нет. Он сказал, что не сможет. Но мы все понимаем, что он лжет, потому что на самом деле хотел сказать: «Я не хочу смотреть в глаза своей семье после того, как изменял жене», — вздыхает Грейс. — Он меня так разочаровал. Сианна такая милая девушка. Она не заслуживает всего этого.

— Мне жаль Сианну.

Грейс глубоко вздыхает:

— Мне тоже, дорогая. Но это ничто по сравнению с тем, через что прошли ты и Ноа. Я вовсе не хочу сбрасывать со счетов чувства Сианны, но вы оба имеете право на свои чувства.

Я не хочу снова вдаваться в ситуацию с Ником, но она абсолютно права. Ноа использует это как еще один повод для высвобождения гнева, хотя на самом деле проблема заключается в том, что мы не справились со смертью нашей дочери.

— Не думаю, что это правильно, — забывать произошедшее только потому, что мне больно. Нам нужно разобраться с этим вместе.

Грейс отодвигает миску и берет мои руки в свои ладони.

— И ты разберешься. — Она сжимает мои пальцы, и я смотрю на нее. — Вы разберетесь с этим, когда будете готовы. Никто не говорит о том, что вам нужно заняться этим прямо сейчас или через пять лет. Придет время, и вы смиритесь с ее потерей. Ты не можешь заставить его это сделать. Однажды осознание настигнет его, и он поймет, что ему нужно с этим разобраться.

Я плачу. В последнее время я постоянно плачу, но, когда вижу слезы Грейс, мне становится интересно, как она со всем этим справляется. Мара была ее первой внучкой. Они провели много времени вместе в ее саду за эти короткие семь лет.

— Как вы живете со всем этим?

— У меня есть сад, говорит она, улыбаясь сквозь слезы. — Там я чувствую ее присутствие.

Мы замолкаем, когда Оливер и Хейзел спускаются вниз с Севи.

— Бинчики! — кричит Севи, потирая живот. — Ула! Бинчики!

По крайней мере, он на нас не лает.

Мы все смеемся. Все, кроме Фин, которой пофиг на всех, кроме кошки. Интересно, у нее тоже будет стадия, когда она начнет притворяться кошкой? Не уверена, но нельзя сказать наверняка.

— О чем ты думала? — спрашиваю я сама себя, наливая еще один бокал вина.

Почему я пью? Ноа так и не вернулся. До свадьбы осталось три часа. К тому же Фин, которая не отходит от матери Ноа со вчерашнего приезда, решила, что она закончила с грудным вскармливанием. Ага. Даже моя грудь ей больше не нужна. Меня заменили, и я выпила целую бутылку вина. Кейт бы мной гордилась.

— Ты не знаешь, где Ноа и Джастис? — спрашивает моя сестра, будущая невеста, заходя на кухню.

На ней надеты белые блестящие шорты с надписью «Жена» на заднице. Келси младше меня на три года, и, хотя мы не ладили, когда росли вместе, она была рядом со мной во время болезни Мары и часто присматривала за детьми, когда я возила дочку по врачам и пыталась поддерживать ее здоровье, насколько это было возможно.

В некотором смысле, думаю, это нас и сблизило. Болезнь Мары объединила наши семьи, не считая моей мамы. А ее смерть разорвала все на части. Это все равно что взять колоду карт в руки, а потом бросить ее на пол. Некоторые приземляются лицом вверх, а другие — вниз. Моя логика может быть не совсем вам понятна, учитывая, что я пью вино как воду, но я определенно одна из тех карт, которые оказались перевернутыми, а на Келси это не отразилось. Она продолжала жить и делала все возможное, чтобы заботиться о нас. На протяжении двух месяцев после смерти Мары ее будущий муж Джонас готовил нам обеды, а мама Ноа буквально не покидала наш дом. О нас заботились, но мы покинули город, потому что Ноа хотел уехать из Техаса.

— Я их не видела. — Пожимаю плечами и наливаю себе еще бокальчик.

Я смотрю, как солнце светит в большие кухонные окна в доме родителей Ноа, и в голове возникает мысль: может, добавить в вино немного апельсинового сока, чтобы не так быстро захмелеть. Ну, знаете, как делают с шампанским. Мне придется рассказать об этом Кейт, когда вернусь домой. Бьюсь об заклад, ей понравится вино с апельсиновым соком.

— Он ушел после нашей ссоры прошлым вечером.

В тот момент, когда я вчера вечером швырнула в него дневник, он постоял у воды, а потом ушел. Естественно, я побежала обратно к озеру, чтобы посмотреть, не остался ли бедный дневник тонуть в одиночестве, но мне не повезло. Он забрал его. Или сжег. Я не уверена.

— Отец Ноа их ищет. Судя по всему, он забрал у Ноа ключи от машины, а потом их выгнали из бара. — Келси тянется за бутылкой вина, которая стоит на столе, но я откидываю ее руку. — Соберись. Через пару часов я выхожу замуж. Будь хорошей сестричкой.

Я не упускаю тот факт, что Ноа выпил. И сразу понимаю, в каком количестве. Кажется, после смерти Мары он пил не просыхая целый месяц, и я не переставала плакать. Неудивительно, что у Оливера проблемы с гневом, Хейзел думает, что видит мертвых, Севи ведет себя как собака, а Фин до сих пор не разговаривает и плюет в людей. Мы ужасные родители. Поверьте, я не горжусь нашим поведением, но мы просто пытались существовать,

не говоря уже о том, чтобы выжить.

— Я была дерьмовой сестрой, да? — спрашиваю я, находясь слишком близко от ее лица. — Скажи мне правду.

— Не хуже меня, — смеется она, отталкивая мое заплаканное лицо, от которого разит вином, прочь. — Я постоянно рассказывала маме и папе, когда ты убегала из дома. А теперь соберись, тряпка. Сегодня великий день.

А потом она забирает у меня вино. Наверное, это к лучшему, она права. Я с тоской смотрю на бутылку в ее руке, будто прощаюсь со старым другом, к которому никогда больше не вернусь.

У меня получается принять душ и кое-как подготовиться к великому событию. К тому времени я все еще не получила от Ноа вестей и не совсем уверена, придет ли он вообще на свадьбу.

Келси улыбается мне и постукивает своими идеально ухоженными ногтями по экрану моего телефона, когда я делаю прическу.

— В общем, мама сказала мне, что Ноа и ты сняли секс-видео...

Я тупо смотрю на нее, когда она спрашивает:

— Можно посмотреть?

— Что? Мама тоже здесь?

— Нет, она сказала, что не может присутствовать еще на одной свадьбе Беккетов. — Келси закатывает глаза. — Ты ее знаешь.

Она права, я знаю. Но потом на губах сестры появляется зловещая улыбка, как в тот раз, когда она солгала, что нашла мое свидетельство о рождении и что родители, по сути, меня удочерили. Я их родная дочь. Но иногда жалею, что не была приемной. По крайней мере, тогда бы у меня могла быть заботливая мама.

— Считай это свадебным подарком. Я хочу увидеть это видео. Он же Беккет.

— Что, черт возьми, это значит?

Я слышу ее хихиканье и фырканье. Сестра произносит с горящим взглядом:

— Есть причина, по которой я выхожу замуж за одного из них.

— Боже мой, ты ужасна. — До сих пор я не задумывалась об этом, но с сегодняшнего дня у нас с сестрой снова будет одна и та же фамилия. — Зачем тебе это?

— Затем. Ноа всегда был таким загадочным спортсменом, которого все с детства любили, включая тебя, и как твоя младшая сестра я думала, что он был самым крутым парнем на свете. — Ее ярко-голубые глаза блестят от любопытства. — Я правда хочу посмотреть это видео.

— Ужас. — Я отталкиваю ее, потому что знаю, к чему все это ведет. — Ни за что.

Быстро протянув руку, она пытается отобрать у меня телефон, в процессе схватившись со мной.

— Не жадничай. Дай посмотреть!

— Нет. — Я вырываю у нее телефон и держу его над головой. Жаль, что Келси выше меня, и мне это не помогает. — У меня нет видео. Оно у Ноа.

Сестра прищуривается.

— Чушь собачья.

Смеясь и борясь, мы падаем на пол кухни, потом, тяжело дыша, откидываемся на спину.

— Поверить не могу, что ты хочешь посмотреть это видео. Все было так неловко и неуклюже.

Келси едва сдерживает смех.

— Тогда почему ты это сделала?

— Не знаю. Он подумал, что будет весело, а я не стала возражать после того, как мы распили бутылку «Сангрии», и следующе, что я помню, — поза шестьдесят девять.

Сестра смеется.

— Знаешь... — она замолкает, раздумывая над чем-то. — В ту ночь я была в сарае...

Ее голос затихает, а я лежу в недоумении. Но мне неинтересно, о чем идет речь, потому что я точно знаю, что она имеет в виду. Та ночь часто всплывает в разговоре между нами, потому что именно в ту ночь я потеряла девственность с Ноа. Я всегда говорила, что это будет он, и знала, что так будет. Мне было шестнадцать. Поэтому, когда он заставил меня пойти с ним на свидание и отвел в сарай своих родителей, я позволила ему это.

— Что ты там делала? — кричу я. — Это сарай его родителей.

Сестра морщит нос.

— Я пришла, чтобы вернуть седло, которое одолжила.

Я краснею от смущения. Тогда Ноа фактически прижал меня к стене.

— Ты что-нибудь видела?

— Только его голую задницу. И могу добавить: она очень хороша. Но было довольно темно. Думаю, я больше слышала, чем видела. — Она хихикает, а затем садится. Протянув руку, Келси помогает мне подняться с пола.

Я засовываю телефон в задний карман джинсов.

— Почему ты говоришь мне об этом сейчас?

Сестра пожимает плечами и пытается привести волосы в порядок.

— Думаю, это мой маленький секрет.

— Ты такая странная.

— Я знаю. — Келси улыбается, сжимая мои плечи. — Теперь извини, но мне пора готовиться. — Как только она оказывается у двери, то улыбается и спрашивает: — У тебя точно нет видео?

Я закатываю глаза.

— Да.

Келси уходит наверх со своими подружками, а я захожу в семейную комнату. Выглядываю в окно с видом на поле в поисках своих детей. Они гуляют с Грейс и ее сестрой, тетей Линдой, которая к тому же является матерью жениха. Крохотный городок. Может, ей и кажется странным проводить здесь свадьбу, но дом родителей Ноа на озере Трэвис — место, где проводилось много свадеб, в том числе и наша. Естественно, моя сестра хотела, чтобы ее свадьба тоже состоялась здесь, и родители Ноа любезно согласились.

Я внимательно разглядываю маленьких человечков, которых создала вместе с Ноа, вспоминая о нашей свадьбе, моем животе на пятом месяце беременности и его улыбке от уха до уха при словах «Обменяйтесь кольцами». Севи ползает на четвереньках, обмотанный гирляндой. Спасибо Хейзел. Знаете, это хотя бы ненадолго успокоит мелкого негодника.

— Тяжелый денек? — спрашивает кто-то позади меня.

Я оглядываюсь через плечо и поворачиваюсь, плотнее закутываясь в халат. Из всех людей в мире это оказался гребаный Маверик. Мои щеки пылают, а сердце бешено колотится в груди, когда он присаживается на диван, стоящие возле меня, и смотрит, ожидая ответа.

— Можно и так сказать.

Он совсем не знает, какой сегодня долгий выдался день. Мое сердце продолжает колотиться в груди, глаза горят от того, что я долго не моргала.

— А свадьба еще даже не началась. — Он смеется, а затем обращает внимание на мой внешний вид. — Ты что, выпила?

— Моя младшая сестра выходит замуж. — Пользуясь случаем, я рассматриваю его. Он выглядит не как школьный бейсболист, которому я отдала часть своего сердца. — Так что да, я выпила.

Вздыхнув, я сажусь рядом с ним, наконец понимая, что вчера имел в виду Ноа, когда упомянул, что возвращение сюда сделало все только хуже. Так и есть.

— Это место, этот город. Воспоминания, понимаешь.

— Что случилось?

Я смотрю на Маверика. Знаете, тем взглядом, которым вы смотрите на человека, когда он спрашивает вас о чем-то, но в глубине души и так знает ответ.

Маверик вздыхает и морщится.

— Извини, я просто подумал... я не знаю, зачем спросил. Просто мне показалось, что проще спросить о том, что случилось, чем сказать: «Эй, соболезную о потере Мары». — Качая головой, он выдыхает протяжно и медленно, как будто ему жаль. — Не понимаю, как вы это делаете.

— Что делаем?

Он выжидающе смотрит на меня. Мне следует что-то сказать, что угодно, но я не знаю, что именно. Я часто слышу подобные фразы от тех, кто никогда не испытывал такой боли. Они всегда говорят: «Я не знаю, как вы это делаете».

По правде говоря, родители, потерявшие ребенка, ничего не делают. День за днем. Это лучший ответ, который я могу вам дать. Я чувствую, что мой рот открывается, но слова так и не приходят в голову. Однако мне требуются все силы, чтобы не сломаться и не заплакать при мысли о Маре и своей постоянной борьбе за то, чтобы держаться. Не хочу, чтобы все это видели. Особенно те, кто кричит о том, как они соболезнуют твоей потере.

— Я просто имел в виду... — Лицо Маверика искажается, словно на мгновение его что-то расстроило, а затем снова приобретает спокойное выражение. — Не могу вообразить, через что тебе пришлось пройти. Я смотрю на своих дочерей и даже представить себе не могу, какую боль переживаете вы с Ноа.

Я часто слышу это заявление с тех пор, как умерла Мара. Люди смотрят на мать и думают, что поскольку у них тоже есть ребенок, то, должно быть, они понимают твою боль лучше всех. Кажется, что в некотором смысле в этом есть доля правды, но не для Ноа. Мара была его дочкой. Его первенцем, и он пережил ее уход так же тяжело, как и я. Возможно, даже хуже, потому что он — мужчина, отец, ее защитник — был вынужден стоять в стороне и смотреть, как болезнь забирает ее у нас.

— Я столкнулся с ним прошлым вечером в городе, — говорит Маверик, приободрившись.

— Столкнулся?

Он кивает.

— Я видел его в баре. Мы немного поговорили. Вероятно, к тому моменту, как он добрался до бара, он был уже мертвецки пьян.

Я поворачиваюсь к нему.

— Что он сказал?

— Нес какую-то фигню про книгу и про то, что позволил ей умереть. Он был очень расстроен.

Не понимая, что еще сделать, я киваю, потому что знаю: отдав Ноа дневник, я лишь сделала хуже.

— Вчера вечером после того, когда приехали в город, мы сильно поссорились. Дети хотели пойти на могилу Мары, а Ноа не хотел. Просто я сильно на него разозлилась.

— Думаю, я бы тоже не захотел, — признает Маверик, а затем поднимает руку, когда я переключаю на него потухший взгляд. — Просто выслушай меня. Знаю, это трудно понять, но я полностью понимаю его. Он потерял дочь.

— Я тоже потеряла. Но я не веду себя так, будто ее вообще не существовало. Представляешь, он сказал, что хочет забыть ее, Маверик. Как будто ее вовсе не было.

Он сглатывает, словно пытается подобрать правильные слова и объяснить мне это.

— Он по-своему борется с этим и залечивает раны. Мужчины не хотят, чтобы им напоминали о боли. Мы хотим разобраться с этим и забыть. Но когда речь идет о потере ребенка, мы принимаем это на свой счет. Работа отца — защищать своих детей. Мы воспитываем в сыновьях умение быть мужчинами и защитить себя, но дочери... — Он вздыхает и замолкает. — Это совсем другое. Мы их защитники. А он не смог спасти Мару. Так что его тяготит не только ее смерть, но еще он чувствует, что подвел и ее, и вас.

По моему лицу текут слезы.

— Он не подвел нас.

— Тогда выслушай его, когда он вернется.

Наклонившись, Маверик касается губами моего уха, нежно и трепетно, отчего у меня по спине пробегает холодок. Сейчас все по-другому. Я ничего не чувствую к нему, и он определенно не имеет в виду никакого сексуального подтекста.

— Я знаю кое-что о том, как потерять девушку, — шепчет Маверик. — Он тоже не хочет тебя терять.

— Я не знаю, что делать, — наконец произношу я, желая, чтобы он дал мне совет. — Все развалилось, и теперь с Ноа... Просто... Я ничего не понимаю. У меня ничего не получается. Я не знаю, как быть рядом с ним, когда я не могу сосредоточиться даже на себе и детях.

Маверик хмурится и смотрит на меня своими зелеными глазами.

— Ты хочешь быть с ним?

Я ненавижу то, как он произносит эти слова, потому что выражение его лица и тон голоса до жути напоминают ту ночь, когда я призналась, что изменяла ему с Ноа. И если пораскинуть мозгами, то и слова он говорил те же самые.

Казалось бы, на этот вопрос легко ответить, но, когда я думаю о том, через что мы с Ноа прошли, ответить на него нелегко. Я напряженно думаю; ответ прост, но понять его невозможно.

— Я люблю его и хочу быть счастливой.

— Тебе не нужен Ноа, чтобы быть счастливой. — Маверик серьезно смотрит на меня, и я понимаю, что он прав. — Ты ведь знаешь, что он никогда не хотел причинить тебе боль. Когда он вернется и захочет поговорить с тобой, выслушай его. Возможно, тебе не понравится то, что он скажет, но выслушай его.

— Это он тебя подговорил?

— Нет, конечно, — Маверик посмеивается, подмигивая мне. — Наверняка он надрал бы

мне задницу, если бы знал, что я здесь с тобой. Но кто знает, где он сейчас. Он был пьян, когда я его видел. — Маверик искоса поглядывает на меня с улыбкой. — Наговорил мне всякой хрени о том, как он трахается. А потом уехал со своим двоюродным братом.

Сглотнув, я глубоко вздыхаю, надеясь, что мои страхи уйдут с потоком выдыхаемого воздуха, но они не исчезают. Нервное состояние все еще присутствует. Понятия не имею, что нас ждет сегодня вечером, но я боюсь.

Келли

*Надвигается буря
(во всех смыслах)*

Свадьба в тexasской семье — это событие года. Представьте: двадцать подружек невесты и столько ковбойских шляп, что создается впечатление, словно вы попали на родео.

К трем часам дня я уже пьяна, но, хотя бы, облачилась в платье подружки невесты. А вот погода на улице непонятная. В Техасе всегда так: только что светило солнце, а в следующую минуту — пасмурное небо.

Вам, наверное, интересно, где Ноа, правда? Пока я нахожусь наверху, в ванной, помогая Келси подготовиться, мы замечаем его на поле за домом, потому что Хейзел визжит, когда видит своего папу. Он появляется со своим кузеном Джастисом. Оба в смокингах. Между прочим, хоть это и не имеет значения, но Келси потеряла девственность именно с Джастисом и все четыре года в старшей школе встречалась с ним, а теперь выходит замуж за Джонаса, его брата. И тут я поняла, что у меня проблемы, потому что как только сестра видит Джастиса, то выглядит так, будто ее вот-вот стошнит.

У Келси перехватывает дыхание, когда она замечает Джастиса, облаченного в смокинг.

— Я совершаю ошибку? — спрашивает она меня, будто я должна взять на себя такую ответственность и принять решение.

Отбросив свои собственные проблемы, я смотрю на нее.

— Ты любишь Джонаса?

На ее голубых глазах выступают слезы.

— Я люблю его. Люблю. Но мое сердце колотится в груди каждый раз, когда я вижу Джастиса. — Келси стучит рукой по окну.

Я никогда не спрашивала ее об этом, потому что в то время занималась воспитанием детей и мне некогда было присматривать за своей младшей сестрой. А следовало бы.

— Почему ты рассталась с ним?

— Я не расставалась. Он стал учиться в колледже, изменил мне, а потом я замутила с его братом. Не знаю, как все это произошло, но сейчас я думаю о Джастисе, и мне так больно. — Она поворачивает голову в мою сторону, и я вижу на ее щеках разводы от туши. — Скажи, что мне делать. Ты сразу знала, что хочешь выйти замуж за Ноа?

— Да, но я тоже поступила неправильно, если ты помнишь. Я встречалась с Мавериком, которого ты, кстати, пригласила на свадьбу, не сказав мне ни слова, но я не буду об этом...

— Прости, — шепчет она, промокнув салфеткой уголки глаз.

— Я влюбилась в Ноа с того дня, как увидела его. Даже когда я встречалась с Мавериком, мое сердце никогда не принадлежало ему.

К сожалению, от этих слов сестра плачет еще сильнее. Она ревет так сильно, что ее будущая свекровь поднимается к нам, чтобы проверить, что случилось. Линда бросает на Келси хмурый взгляд.

— Джастис тебя нашел?

Теперь она тоже привлекает мое внимание.

— Нет, зачем? — спрашивает Келси.

Линда замирает с каменным лицом.

— О, да ничего, просто спрашиваю. Ты готова?

Келси прищуривается, глядя на Линду.

— Почему Джастис должен искать меня?

Линда бледнеет.

— Это должен сказать он, а не я. Я люблю своих сыновей, но, прежде чем пойдешь к алтарю, тебе следует поговорить с ними обоими.

В течение следующего часа Келси рыдает, Джонас бьет своего старшего брата, а Джастис запирается с Келси в одной комнате.

Не зная, состоится свадьба или нет, я спускаюсь вниз, чтобы отыскать своих детей и маму Ноа. Она распахивает глаза и спрашивает:

— Там все в порядке?

Наконец чувствуя, что протрезвела, я пожимаю плечами.

— Понятия не имею, но Джастис заперся вместе с ней в комнате, поэтому не знаю, чем все это закончится. — Я указываю на улицу. — Дети там?

Она кивает.

— Да, они нашли Ноа. Фин заснула у дедули на руках после того, как плюнула во флористку и назвала ее дурой, а Севи заметил собаку, которая лежала рядом. И теперь они вместе дремлют под столом.

— Вау, похоже, я многое пропустила, — смеюсь я. Забавно, как сильно мама Ноа не похожа на мою, которой даже нет здесь. Она не явилась на свадьбу собственной дочери. Так на нее похоже. — Хейзел и Оливер с Ноа?

— Они где-то там. Оливер встретил своих друзей, а Хейзел — пирожные.

— О боже.

Я выхожу на улицу, где все бегают, как будто не знают, что им делать. Джонаса нигде нет, и я сталкиваюсь с Ноа. Завернув за угол, я буквально врезаюсь в него. Просто сталкиваюсь с его грудью, как с кирпичной стеной. Он хватает меня за руки, прежде чем я падаю назад.

— Иисусе, ты в порядке, дорогая?

Дорогая? Ну ладно. Может, его не так сильно расстроило все, что он прочитал? *Или, может быть, он чертовски любит тебя? А, тупица?*

На ответ у меня уходит минута.

— Я в порядке. — Не хочу смотреть в его глаза, но сердце предает меня, и я перевожу взгляд на мужа как в замедленной съемке. Такое ощущение, что вижу его впервые.

Я давно не видела Ноа в смокинге; выглядит он в нем потрясающе. Охренеть как потрясающе. Черная ткань подчеркивает загорелую кожу, щетину на лице, взъерошенные волосы и воспаленные покрасневшие глаза. Можете называть меня сумасшедшей, но я всегда испытывала слабость к его мрачному внешнему виду.

Если присмотреться, то можно разглядеть в его глазах что-то еще. Может быть, сожаление?

Даже простое прикосновение к его телу кажется мне незнакомым. Я отступаю и, тяжело дыша, произношу:

— Привет.

Проведя руками по лицу, муж издает стон. Создается впечатление, что его разрывает на

части от того, что он хочет сказать. Ноа смотрит на меня мрачным взглядом, таким глубоким и мучительным, что, боюсь, из-за сомнений он никогда не освободится от этого. Мне знаком этот взгляд. Я видела его раньше. Тот самый, который я увидела в день смерти нашей дочери. Тот, который говорит: «Хотел бы я все забрать, но не могу».

— Ты прочитал дневник? — спрашиваю я.

Он щурится от заходящего солнца, пытаюсь разглядеть сквозь грозовые облака, как крохотные полоски бледно-розового и пурпурного цветов разрезают темно-серое небо.

Ноа наклоняет голову в мою сторону, но его взгляд устремлен на поле, где должна была состояться свадьба.

— Прочитал, — тихо отвечает он, слегка повернувшись. Ноа приподнимает бровь.

Качая головой, я вздыхаю:

— Весь?

Меня подташнивает. Как будто в любую минуту вырвет. Зря я пила вино.

Покрасневшие глаза мужа и моя уязвимость, наше молчание — все это подводит к моменту, к которому мы не готовы. Я вижу то, чего думала, больше никогда не увижу у Ноа Беккета. Слезы. Может, это и пара слезинок, но все же. Он сглатывает, его кадык двигается вверх-вниз, и он кивает, как будто не может произнести вслух эти слова. Когда он отмахивается от них, то заставляет себя улыбнуться.

Музыка в стиле кантри звучит справа от нас, друзья и семья празднуют несостоявшуюся свадьбу.

— Полагаю, Джастис нашел ее? — спрашивает Ноа, глядя на второй этаж дома.

Я киваю.

— Он заперся с ней в комнате после того, как они с Джоном подрались.

Ноа посмеивается:

— А мы думали, что у нас проблемы.

— У нас действительно есть проблемы, — замечаю я.

— Ты же понимаешь, о чем я. Я не пытался... — Он замолкает, продолжая смотреть на меня все тем же мрачным взглядом. Я закрываю глаза и чувствую его дыхание на своем лице. — Ты знаешь, что я имел в виду, — хрипит Ноа.

— Понимаю.

Прислонившись к кухонной стойке, которую поставили на открытом воздухе, я обхватываю руками живот и ощущаю легкий ветерок. Мой пульс учащается от предвкушения того, что будет дальше.

Ноа переводит взгляд на мое розовое кружевное платье.

— Ты прекрасно выглядишь.

Я отворачиваюсь, пытаюсь уйти. Он хватает меня за руку, отказываясь отпустить.

— Ноа...

— Ты действительно собираешься так поступить? — спрашивает он обвиняюще, стискивая зубы.

Я смотрю на него.

— Как так?

— Сбежать от меня, — заканчивает он, смотря на меня своим темным властным взглядом.

Я пытаюсь не хмуриться.

— Ну, тебе же не привыкать. У тебя это так хорошо получается.

Я понимаю, почему срываюсь на мужа. Боюсь, что как только этот разговор начнется, пути назад уже не будет. Мы будем сражаться до конца. На словах, конечно, но это правда. Ни один из нас не любит сдаваться. Вот почему он сбегает.

Ноа внимательно следит за мной.

— Я это заслужил. Пойдем со мной, — шепчет он, медленно наклоняясь ко мне. Его глаза сверкают в мерцании гирлянд, развевающихся на ветру.

— Не думаю, что мы должны делать это здесь. — Снова усиливается ветер, разнося по воздуху салфетки и скатерти. Я слышу вдали детский смех, смешивающийся с музыкой и глухим раскатами грома. — Мне нужно проверить, как там Келси.

Ноа натянуто улыбается, глядя на Оливера и его друзей, которые дурачатся на танцполе, затем смотрит на меня. Даже в полутьме видно, что он нервничает и расстроен.

— Она в порядке.

Я не могу смотреть на него, хотя чувствую на себе его взгляд, раскаивающийся и искренний. Я не смотрю, потому что если сделаю это, если уступлю и взгляну в эти глаза, по которым так скучаю, то мне захочется попасть в этот шторм и найти в нем укрытие. Я выскажу то, что хочу ему сказать, выскажу все, что чувствую. Но я отказываюсь делать это сейчас, потому что не хочу устраивать сцену. Я не хочу его расстраивать, поэтому вообще ничего не говорю и, конечно, не смотрю на него.

— *Пойдем со мной*, — повторяет он. Его голос звучит громче, призывая меня к гибели. Когда я не отвечаю, муж рычит мне на ухо: — Черт возьми, я не спрашиваю тебя, Келли.

— А как же дети? — киваю я в сторону, как и Ноа.

Мать внутри меня говорит, что я должна следить за ними, но жена, цепляющаяся за разрушающийся брак, твердит, что мне нужно остаться в объятиях мужа и выслушать то, что он скажет. Если мы собираемся пережить это, я должна остаться и поговорить с ним хотя бы раз. Мы должны столкнуться с этим лицом к лицу. Нам нужно выговориться и поверить в то, что мы сможем с этим справиться.

Он вздыхает, выпрямляется и нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Они в порядке. Моя мама присмотрит за ними.

Я смотрю на него, по щекам текут непрошеные слезы.

— Почему именно сейчас, Ноа?

Он стискивает зубы, и я могу с уверенностью сказать: Ноа ненавидит тот факт, что я даже не решаюсь куда-то с ним пойти. Об этом мне говорит его разочарованный взгляд.

— Потому, что мне есть что сказать своей жене, и я не хочу говорить об этом перед всеми.

— Давай поговорим позже. Я слишком много выпила, сейчас не подходящее время. Сегодня важный день для Келси. — Сердцебиение учащается, потому что я пытаюсь оправдаться.

Неожиданно Ноа прижимает меня к стойке, положив руки по обе стороны от моих бедер. Когда он говорит, его голос становится громче и решительнее:

— Ты швырнула в меня свой чертов дневник, полный воспоминаний о том, как ты влюбилась в меня, и о душевной боли, причиной которой был я, потому что не находился рядом. Позволь мне хотя бы что-то прояснить.

— Прояснить? — фыркаю я, пытаюсь отстраниться от него. — Так теперь ты хочешь поговорить? Я завела дневник, потому что он единственный, кто меня слушал.

Ноа замечает мой нарастающий гнев и добавляет:

— Пожалуйста.

Как будто это поможет мне определиться, станцевать с ним или нет. Это не тот Ноа, которого я знаю. Мой муж, Ноа Беккет, избегает конфликтов, сдерживает эмоции... он не вмешивается в споры. Я смотрю на его протянутую руку, затем на его лицо, и вот оно — хрупкая надежда в его глазах и нервно поджатые губы. Я не могу отказать ему.

— Не говори «нет», — бормочет он.

Я всегда любила его бормотание и шепот, от них по спине пробегают искры.

— Здорово, — говорю я, подавая ему руку.

Мы переплетаем пальцы, которые идеально подходят друг другу. Само совершенство. Это напоминает мне о том, как я взяла его за руку той ночью на концерте Pearl Jam. В ту ночь мы сделали один выбор, а сегодня — другой. Надеюсь, правильный.

Мы не уходим слишком далеко. Вместо этого обходим заднюю часть дома и спускаемся по тропинке туда, где я отдала (а если быть точнее, то бросила) ему дневник.

— Что ты сделал с дневником?

Ноа оглядывается на меня через плечо. Он, наверное, задастся вопросом, почему я говорю о дневнике как о человеке. На самом деле за последние два года он стал для меня подобием человека.

— Все, что ты написала... Ты действительно так думаешь? — спрашивает Ноа, желая услышать честный ответ.

— Да.

Мой голос звучит так же, как если бы я была настолько не уверена в своих словах, что заикаюсь на каждом. Уставившись на свои руки, а не в лицо мужа, я отчаянно пытаюсь не заплакать от того, что он знает все. Теперь он знает каждую мысль, которую я не могла до него донести. Это похоже на один из тех приснившихся кошмаров, в котором Ноа узнает о моей фантазии о Джейсоне Момоа, кормящего меня «Нутеллой» с ложечки, пока ласкает мою... Ну, вы поняли.

Наклонив голову, Ноа пытается поймать мой взгляд. Я тяну время, но не могу долго сопротивляться и смотрю на него. Он морщится.

— Ты ошиблась кое в чем, — шепчет он.

Мое сердце замирает.

— В чем же?

Выражение его лица становится очень серьезным, он тяжело сплывает, медля с ответом.

— Ты думала, что все это... Все, что пошло между нами не так, — твоя забота. Нет, — наконец говорит он. Ноа осматривается, как будто хочет увидеть кого-то. Но мы совершенно одни.

— Ноа... — начинаю я, но он одним взглядом заставляет меня замолчать, словно знает, что я просто попрошу его забыть. Я готова сказать все, что угодно, лишь бы избежать этого разговора. Хочу сказать ему, чтобы он забыл все прочитанное, но не могу. Я все еще не уверена, готова ли говорить об этом.

Повернувшись ко мне, он хватается за руки и притягивает к себе.

— Я чертовски скучаю по тебе, — на выдохе произносит он дрожащим голосом.

С помощью пяти простых слов он открывается мне. Его слова значат гораздо больше. Это не просто «Я скучаю по этому» и даже не «Я скучаю по нам». Я. Он скучает *по мне*, и в

его словах таится гораздо больше смысла.

— Почему? — шепчу я, упираясь лбом в его грудь. Голоса в моей голове кричат, чтобы я заткнулась и позволила ему держать меня в объятиях так, как он хочет. Так, как ему нужно.

Ноа сжимает руки на моей талии. Мы молчим, но по напряжению в его теле я понимаю, что он пытается что-то сказать. Наконец-то. Я практически не могу дышать, находясь так близко к нему. Не знаю почему. Может, потому, что он знает всю правду обо мне. В последние дни я заметила припухлость его глаз. Черт, да последние два года я наблюдаю на его лице только выражение страдания и боли от утраты. Он наклоняет голову вперед, пока губы не соприкасаются с моей кожей.

Я чувствую его дыхание, его заминку, фразу «Ты выслушаешь что я скажу?» Наблюдаю его глубокий хмурый взгляд и то, как морщинки на лбу становятся все более выраженными, потом окидываю взглядом небо, внимательно рассматривая, как меняется цвет облаков.

— Да.

Ноа кивает и делает еще один мощный вдох, словно ему не хватает кислорода.

— Да. А ты хочешь этого?

Сердце выпрыгивает из груди, когда я украдкой смотрю на него. Теперь он делает глубокие ровные вдохи. Либо он к чему-то готовится, либо успокаивает нервы.

— Думаю, что хочу.

Но не могу сказать этого наверняка, потому что иногда мы прячемся от того, что нам нужно услышать. Из-за страха, что нам причинят слишком много боли и оставят слишком глубокий порез, который мы не сможем залечить.

Объятия мужа ослабевают, но он не делает ни шага назад. Просто сомневается. Мы застыли в моменте, к которому никто из нас не готов. Ноа хмурится и разочарованно кривит губы. Я могу сказать, что таким образом он изо всех сил пытается выразить свои мысли. Он опускает голову, словно в поражении.

— Нам необязательно говорить прямо сейчас, — произношу я.

Ноа мгновенно поднимает голову и смотрит на меня.

— Это не так, Келли. Просто... Я даже не знаю, с чего начать и что сказать.

— Хорошо.

— Я читал дневник, но есть страницы, которые я вообще не смог прочитать.

Мое сердце пропускает удар, на глазах наворачиваются слезы. Мы оба знаем, что такое печаль. *Ух, это просто ужасное чувство.*

В его голосе слышно сожаление, а покрасневшие глаза блестят от слез.

— Даже те, где ты обвиняла меня.

Обвиняла его? Я не ожидала, что он это скажет и что эти слова причинят мне боль.

— Ты так предположил, да?

Мое сердце разрывается от каждого слова и с каждым вдохом бьется все сильнее. Мне больно дышать, потому что сердце пронзает резкая боль. Я пытаюсь отстраниться от мужа.

Когда я отступаю, его глаза превращаются в грозное облако. Он готов метать гром и молнии.

— А что еще я должен думать? — От его тихого голоса мое сердце снова пропускает удар, а кожу покалывает. — Все, что ты чувствовала, было оправдано. Но ты никогда не думала, что в этом есть твоя вина. Я считаю, что по-своему виноват в случившемся. Или я неправ?

Наконец, я делаю вдох. Резкий и спонтанный, как будто все это время тонула и только

сейчас поднялась на поверхность воды, чтобы плотннуть воздуха. Когда Ноа говорит о том, что ему причиняет боль, то это становится реальностью. Той, которую я не готова услышать. Меня словно кирпичом по голове ударили. Я не понимаю, как реагировать.

— Не знаю, как ты должен думать, но мне нужно пойти проверить детей.

И я убегаю.

Келли

Навеки

(И что это вообще значит?)

В небе раздаются раскаты грома, и я понимаю, что частые капли вот-вот превратятся в стену дождя. Надеюсь, не будет торнадо. Я не только морально и физически истощена, но и не хочу оказаться в убежище вместе с Ноа. Плавали. Знаем. Он ненавидит замкнутые пространства и из-за этого всех вокруг сводит с ума.

Воздух такой влажный и душный, как будто я застряла в сушилке с мокрыми полотенцами на цикле подогрева. Да, я потею настолько сильно, что вы даже представить себе не можете. Когда я убежала с озера, то собиралась вернуться в дом, чтобы проверить детей, но не стала этого делать. Почему-то я направилась к сараю. Сработала реакция «бей или беги». Я швырнула в Ноа дневник и теперь убегаю от него, как от убийцы с топором, оглядываясь через каждые несколько шагов, чтобы понять, догонит он меня или нет.

Ноа от природы спортивный, поэтому не отстает. Проблема в том, что я бегу босиком, так что у Ноа довольно быстро получается догнать меня.

— Я еще не закончил разговор, Келли. Вернись! Нам нужно поговорить.

Поговорить? Это один из тех моментов, когда мне хочется его ударить, а такое за время нашего брака случалось всего несколько раз. Фактически каждый раз, когда я рожала и мучилась от сильнейшей физической боли.

— Нет! — кричу я ему в ответ, надеясь, что он сдастся.

Не-а. Ни единого шанса. Ноа — эмоциональный скопидом. Некоторые люди скупоберегут свои вещи, а Ноа — чувства. До тех пор, пока не взорвется. По его мнению, разговор вовсе не завершен, поэтому он продолжает преследовать меня.

— Просто поговори со мной, черт возьми! — кричит он, заглушая далекий раскат грома.

— С чего я должна это делать? Потому что тебе так захотелось?

Я продолжаю идти, несмотря на то что с трудом различаю дорогу из-за слез и дождя. Вдалеке, справа от себя, я вижу сарай. Ветер усиливается, дождь хлещет по щекам.

— Потому что мне нужно кое-что тебе сказать.

Ноа произносит слова так, будто то, что он хочет поговорить, — обычное дело. Сейчас он идет прямо за моей спиной, звук наших тяжелых шагов заглушает вспышка молнии в небе и громкий раскат грома.

От грохота я останавливаюсь и, всплеснув руками, снова смотрю на мужа. Не обращая внимания на спутанные мысли, пытаюсь осознать свою боль, я спрашиваю:

— Зачем? Хочешь, чтобы я почувствовала себя еще более паршиво?

— Проклятье. — Он глубоко вздыхает от разочарования. — Я не это имел в виду. Давай просто поговорим.

— Я пыталась. *Очень много раз.* — Я поворачиваюсь к нему лицом, упираясь рукой в бедро. — Ты не можешь год избегать этого разговора, а затем продолжить его как ни в чем не бывало. Так не делают, Ноа! — Чем больше я кричу на него, тем меньше что-то понимаю. Мое нутро скручивает от гнева и негодования.

— Так происходит, когда ты кидаешь дневник мне в голову.

— Он не попал в голову!

Ухмыляясь, муж стучит пальцем по отметине на своем виске, куда, собственно, и угодил дневник. Я не осознавала, какой силы оказался бросок, но опять же, в то время я была не в состоянии ясно мыслить.

Пыхтя, я поворачиваюсь и продолжаю идти, надеясь, что он оставит меня в покое. Конечно же, Ноа никогда не делает то, чего я хочу. Я в бешенстве и готова надавать ему по щеке. Когда мы оказываемся на неровной почве, я поскользнулась на мокрой траве. Ноа пытается помочь и ловит меня, предотвратив падение, но я только отбрасываю его руки и бегу к сараю.

— Ради бога, я же поставлю тебя в положение, в котором ты не успеешь продумать свой ответ! — кричу я ему, стараясь побольнее его задеть.

Ноа хватается за меня, когда я добираюсь до сарая, насквозь промокшая. Я так тяжело дышу, что едва могу вымолвить слово. Он прижимает меня к дверям, заставляя посмотреть на него. Вспышки молнии пронзают темное небо за его спиной.

Он ищет в моих глазах то, чего боится не найти, а я боюсь, что он это сделает. Ноа отказывается отпускать меня, обхватывая руками мое лицо.

— Это не так, — оправдываясь, говорит он с таким видом, будто его ударили под дых. — Все это нелегко сказать, услышать или прочитать. Но ты не можешь передать мне дневник с описанием своей боли, которую я причинил, и не дать мне возможности оправдать себя. Я тоже через это прошел. Я был там. Я тоже потерял дочь. — Руками он скользит вниз, касаясь моей груди. — Я знаю, что ты это чувствуешь. Я здесь. И мы обязаны поговорить ради себя и нее.

Меня бесит, что теперь по прошествии времени он ждет, что я запросто откроюсь ему, потому что он хочет поговорить. И в глубине души я знаю, что это только из-за дневника. Я не могу винить его за это. Я сама заварила кашу, когда бросила в него дневник.

— Вот здесь ты ошибаешься. — Капли дождя стекают по моему лицу, ветер вокруг бушует. Мы смотрим друг на друга, никто из нас не отступает. — Я знаю, что ты прочитал, но как ты можешь говорить, что я винила тебя? Я не винила. Я хотела, чтобы ты был рядом со мной, а ты не мог этого сделать. Ты вообще избегал разговора и вел себя так, как будто ничего этого не было. Как будто для тебя это неважно.

Он быстро моргает, хмурит брови, тяжело сплывает, но не произносит ни слова. Он знает, о чем я говорю.

Дождь усиливается, и Ноа дергает меня за запястье, затаскивая в сарай. Какое-то время мы оба молчим, потому что сарай хранит слишком много наших воспоминаний. В этом сарае Ноа поцеловал меня, когда мне было одиннадцать лет. В нем же спустя пять лет я лишилась с ним девственности. Сарай, в который я въехала на его машине, потому что мы не могли договориться, куда пойти ужинать. И в этом же сарае я рассказала ему о своей беременности.

Оглядываясь, я понимаю, что внутри этих деревянных стен ничего не изменилось. Но между нами все ощущается иначе. Со слезами на глазах я поворачиваюсь к мужу.

Ноа склоняет голову. Я вижу, как на него давит тяжесть каждого воспоминания, когда он меняет позу. Засунув руки в карманы брюк, он тихо вздыхает:

— Келли...

Лицо Ноа искажается, когда он скользит по мне взглядом. Словно муж так часто думал

об этом моменте, что он занимал каждую минуту прошлого года. Вы можете сколько угодно избегать чего-то, но рано или поздно вам придется с этим разобраться. Реальности только и остается, что показать свое уродливое лицо, просочившись сквозь трещины.

Предвидя его слова, его оправдания, я прерывисто дышу, двигаясь вперед, чтобы разорвать этот порочный круг. Он прав. Нам нужно это сделать. Иначе в какой-то момент произойдет конфликт, и мы оба знаем, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Ноа прижимает меня к себе, крепко удерживая руками, отказываясь отпустить. Все под контролем, как и его настроение.

— Отпусти меня, — умоляю я, чувствуя, как угасает моя решимость. Если он меня не отпустит, я не смогу заставить себя от него уйти. Вздохнув, я ощущаю, что таю от его прикосновений.

— Я не могу, — отвечает он, у него перехватывает дыхание. — Разве ты не видишь? Я не могу тебя отпустить.

По моим щекам текут слезы. Ноа обнимает меня за талию, прижимая еще ближе к себе.

— Возможно, тебе следует. Всем будет проще. — Как только я произношу эти слова, то жалею об этом.

— Разве мы этого не стоим? — спрашивает Ноа, глядя на меня умоляющим, разбитым взглядом. Его темные глаза отчаянно жаждут большего.

Я не отвечаю. Не потому, что не хочу, а потому, что больше не могу терпеть эту боль. Я могу справиться с душевной болью, но не с той, которую мы причиняем друг другу снова и снова. Я достигла предела. Знаю, любовь — это далеко не всегда счастливая пара, срущая радугой и цветами. Это еще и мокрые от слез подушки в три часа ночи. Это наблюдение за восходом солнца после бессонной ночи, когда вы орали во всю мощь своих легких. Это любовь, которая поселилась в твоём сердце и не требует ничего, кроме обещаний.

Это Ноа.

Это я.

Вот какое чувство прямо сейчас я наблюдаю в выражении его глаз, умоляющих меня бороться за большее. Он показывает мне, что чувства не ушли. Быстро и тихо вздохнув, Ноа прижимает ладонь к моей щеке.

— Не говори мне, что я должен уйти, — умоляет он, едва шевеля губами. — Не говори мне, что за наши отношения не стоит бороться.

Я медлю из-за его слов. Они проникают глубоко в душу, где начинают тлеть, и от этого я испытываю раздражение.

— Что нам делать? — Я отступаю от него, вышагивая по сараю и пытаюсь контролировать себя, но так сильно нервничаю, что хочется кричать. Обхватив себя руками, я продолжаю плакать, присаживаясь на тюк сена, лежащий в другом конце сарая. — Я чувствую, что даже не знаю, кто ты... и кто я, — бормочу я, надеясь, что он услышит меня сквозь бурю. — Я больше не хочу быть такой. Я не хочу все время злиться.

— Мы и не должны быть такими. — Его голос звучит сломлено, и внешне он выглядит ничуть не лучше.

— Почему? Потому что ты вдруг решил, что пора присутствовать в нашем браке, а не ходить как привидение?

Ноа резко хмурится.

— Я не знаю, что еще ты хочешь, чтобы я тебе сказал, потому что ты не слышишь то, что я говорю.

Я смотрю на мужа. Он ударился головой? Может, я слишком сильно бросила этот дневник.

— О чем ты вообще?

Ноа поворачивается и смотрит на меня. На мгновение он позволяет мне увидеть, насколько действительно устал от всего этого. Насколько сильно он был подавлен тем, что, как он знает, уничтожило нас. Я хочу помочь ему и облегчить бремя. Хочу, чтобы он понял, что ему не придется справляться с этим в одиночку, даже несмотря на то что в последний год я справлялась с этим сама, без него.

Он хмурится и смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать. Я жду. *Ничего.* Он сглатывает. Его взгляд напряженный, может быть, слишком пристальный.

— В этот раз ты действительно *выслушаешь* то, что я скажу?

Я киваю. Знаю, что это наш последний шанс, наша последняя возможность спастись от крушения поезда, которым были наши отношения. Опустив голову, Ноа переступает с ноги на ногу, чувствуя себя неловко.

— Те воспоминания, которые я прочитал... Они причиняют боль. Нет, они, черт возьми, выпотрошили меня, когда я узнал, как ты относишься ко мне и насколько одинокой себя чувствовала. Я заново пережил все, что случилось с Марой... — внезапно он замолкает, и когда я смотрю на него, то вижу, как он плачет. Беззвучные слезы, вызванные одним воспоминанием, которое мы оба пытаемся игнорировать, но не можем. Я подробно писала о смерти Мары, и, хотя Ноа был там, читать о ее смерти глазами матери — это совсем не то, что переживает отец. — Тогда я этого не видел, и я не думаю, что ты тоже не видела, но мой способ пережить это отличается от твоего. Я ее отец, Келли. Ее защитник. Я должен был быть тем парнем, который заботится о ней, но независимо от того, сколько денег я зарабатывал, как бы много я ни работал, я не мог вылечить ее от рака и не мог вернуть ее. Я не мог забрать твою или свою боль, поэтому просто избегал этого. И мне жаль, что я так поступал.

Я знала, что читать мои слова ему будет тяжело. Но, глядя сейчас в его лицо, полное агонии и разрушения, я понимала, что он не только прочитал мою версию ее смерти. Ему пришлось пережить ее заново.

— Прости, что бросила в тебя дневник. — Ноа вздрагивает от моих извинений. — Я не подумала об этом. Сделала это только потому, что больше так не могла.

— Нет, я рад, что ты это сделала. Мне больно, что ты чувствовала себя одиноко, хотя я был там. Ведь ты тоже все это пережила. Чертовски больно читать все это снова.

— Но ты не всегда там был, Ноа. — Он знает, что это правда. Все месяцы, что мы с Марой провели в больнице, борясь за ее жизнь, Ноа работал. Ему пришлось это делать, потому что один из нас должен был работать. Его не было рядом, когда дочь умоляла меня убрать ее боль или части тела, в которых она появлялась, когда я обнимала ее по ночам и умоляла Бога забрать ее, чтобы она больше не страдала. Но... он прочитал это. Все это, и по его лицу видно, что ему это было необходимо.

— Что я должен был делать? Бросить работу? Мы не смогли бы оплатить ее лечение или позаботиться о других наших детях. Знаю, ты думаешь, что я бросил тебя в тот момент, но я сделал единственное, что считал правильным, — поддержал свою семью деньгами. Ты не можешь обвинять меня в этом, как и я не могу обвинить тебя в том, что ты обвиняешь меня. Мы сделали это вместе. Я отстранился, но ты вела себя так, будто я виноват в том, что она умерла, потому что я не хотел вести ее к врачу.

Я мгновенно прихожу в ярость. Как он мог такое сказать?

— Я зла, Ноа. До сих пор. Я не могу это изменить.

Зарывав, он резко бьет кулаком по стене сарая. Дряхлое дерево с треском раскалывается от удара правой рукой. Вокруг поднимается пыль.

— МНЕ ОХРЕНЕТЬ КАК ЖАЛЬ! — кричит он. — Каждый гребаный день я хочу, чтоб забрали меня, и тебе не пришлось бы иметь дело с этой хренью.

— Я не хочу этого, Ноа, — уверяю я его, чувствуя себя еще хуже. — И я не хочу, чтобы ты так себя чувствовал.

Теряя терпение и все больше раздражаясь, он начинает ходить по сараю, как недавно это делала я.

— Что я должен был делать? Я... не мог избавиться от боли. Не мог ее вылечить. Ну, я сделал то, что посчитал нужным. И можешь винить меня в этом, если хочешь. Я возьму на себя вину, но тебе нужно знать, что я тоже потерял ее. Из всего, что я прочитал, меня больше всего бесило то, что я потерял тебя, но ты ни разу не задумывалась о том, что я чувствую.

Я киваю. Он абсолютно прав. Я никогда не переставала думать о причине, по которой он закрылся от меня. Просто не думала о том, что ему было больно. Я вела дневник. Что было у Ноа, чтобы облегчить боль?

Его гнев. Его отстраненность.

Мы оба ошиблись в том, как пытались с этим справиться.

Но затем он произносит:

— Ты говоришь, что я виноват в твоей боли. Тебе будет легче, если я уйду? — С каждым словом его голос смягчается. Ноа садится напротив меня. — Ты хочешь этого? Если хочешь развестись, я не собираюсь силой удерживать тебя в браке, в котором ты эмоционально уже разошлась со мной. Это несправедливо по отношению ко мне и детям.

Все эмоции отчетливо читаются в глубине его глаз и в морщинках на лбу. Закрыв глаза, он тихо рычит и проводит руками по волосам. Наклонив голову вперед, он разочарованно вздыхает и потирает правой рукой подбородок.

— Иисусе, — бормочет он, качая головой. — Не думал, что будет так сложно.

— Сложно, потому что мы все еще любим друг друга.

Он внимательно смотрит на меня.

— Что, если проблема заключается *в любви* к тебе? — От его слов у меня перехватывает дыхание. Я не готова к ним. Он качает головой. — Это не значит, что я не люблю или даже не могу, — добавляет он, сглатывая.

— Но иногда тебе хочется?

— Может, так было бы проще. — Ноа вздыхает, взъерошив волосы. — Ты стала такой несчастной. Совсем перестала улыбаться, и я виноват в этом.

Его слова правдивы и причиняют боль.

— Ты не виноват во всем на свете, Ноа. Она умерла и оставила нас с такой болью. Не думаю, что кто-то из нас знал, как ее принять, не говоря уже о том, чтобы справиться с этим и продолжить жить.

Мы потеряли Мару, но навсегда связаны с ней. Наши сердца играют на струнах души, и если мы собьемся, то наша семья развалится. Я думаю об Оливере, Хейзел, Севи и Фин. Если у нас ничего не получится, что я им скажу?

Иногда больно слышать правду, но я знала, что мне это нужно. Ноа прочитал мой дневник. Вполне справедливо, что я выслушала его.

От глубоко вздоха, рубашка Ноа расходится на груди.

— Ты хочешь это исправить?

Вытянув ноги на тюке сена, я внимательно рассматриваю Ноа: растрепанные волосы падают на лицо, щеки покраснели. Может, по этой причине я никогда не подталкивала его к этому разговору? Потому что правда ранит, и видеть уязвимую сторону мужа — это уже слишком.

Я молчу. Не уверена, что знаю, что сказать, пока пытаюсь побороть свои эмоции.

— Ты хочешь развода? — Он смотрит на меня, и, кажется, я никогда не чувствовала себя такой беспомощной. — Это то, чего ты хочешь?

Ноа протягивает руку и касается моего лица. Наклонившись вперед, в своей особенной манере, он прикасается своими теплыми и мягкими губами к моим. Я реагирую на это как угодно, но точно не с нежностью. И моя реакция передается мужу. Он громко вздыхает.

Из моих легких также резко выходит воздух.

— Мое отношение к тебе не изменилось. Этого никогда не случится.

Я снова начинаю нервничать. Ноа молча вытаскивает другую руку из кармана и касается моей щеки. Я полностью растворяюсь в прикосновении его грубых пальцев.

— Ты не ответила на мой вопрос. — Он замолкает, глядя мне в глаза в ожидании ответа. А я начинаю рыдать, сотрясаясь всем телом. Муж смотрит на меня с сожалением в глазах, а затем прочищает горло, так как его голос охрип. — Я серьезно. Если это то, чего ты хочешь, то я сдамся, — он произносит это медленно и четко. Такое бывает, когда ему не нравится то, что он говорит. Его голос так звучит от досады и сожаления. Точно так же он прошептал мне: *«Она ушла, Келли. Мы должны ее отпустить»*. Хотя он понимал, что я никогда бы не сделала этого. — Знаю, ты думаешь, что я не слышал тебя той ночью, когда ты сказала, что мы должны расстаться. Но я слышал. Ты это имела в виду?

— Нет. — Я закрываю глаза, пытаюсь не развалиться на части. — Я хочу быть с тобой, Ноа. И это никогда не изменится. — Я пытаюсь дышать ровно, не делая судорожных вдохов. — А чего хочешь ты?

Он качает головой.

— Я обещал тебе... Оно, — он берет меня за руку и касается обручального кольца, — было обещанием. И все, что я говорил... Я имел в виду каждое слово. Для меня нет ничего важнее тебя и наших детей. Прости, если когда-либо заставил тебя усомниться в этом.

Я отвожу взгляд от кольца с бриллиантом, которое он мне подарил, и погружаюсь в темноту его глаз.

— Можно спросить?

Ноа кивает.

— Почему ты не взял Фин на руки, когда она родилась?

Его глаза застилают слезы.

— Не знаю... Я... — Он сглатывает и делает вдох. Его горло сжимается. Он сломлен. — Когда я посмотрел на Финли в твоих объятиях, с красным личиком и плачущую, все, о чем я мог думать, — это как мне защитить ее? Я не смогу. На что я годен? — Слезы медленно текут по его щекам. Я не видела, как он плачет, с того дня, как умерла Мара.

Я протягиваю руку и вытираю слезы.

— Ноа, не говори так.

Муж смотрит на меня ожесточенным взглядом.

— Серьезно. На что, черт возьми, я годен, если не могу сделать единственное, что

должны делать родители?

— Ты хорошо справляешься с ролью отца.

Ноа хмурится.

— Я не знаю, как это делать. Только думал, что знаю.

— А знаешь, что мне сказала терапевт?

Со стоном Ноа закатывает глаза.

— Нет.

Он всегда считал, что терапия не решит всех проблем, поэтому и отказался ходить со мной на сеансы. Кажется, до сих пор я не думала о сказанных терапевтом словах и в действительности не позволяла себе в них вникнуть.

— Она просила меня позволить себе почувствовать боль. Позволить себе расстроиться и разозлиться. Это нормально. Единственный способ исцелиться — признать и почувствовать боль. И только тогда ты сможешь двигаться вперед. Не забыть, а двигаться вперед. Это нормально, что мы грустим о ней, Ноа. Она была нашим ребенком. Она тяжело боролась, и нам бороться с ее потерей также трудно.

С каждым моим словом поведение Ноа меняется. Он борется с этим. Если бы он этого не делал, то не был бы Ноа Беккетом. А затем, так же легко, как он вступает в борьбу за то, чтобы оставаться сильным, с такой же скоростью ее проигрывает. Его тело сотрясается, лбом Ноа упирается в мое плечо. Протянув руку, я провожу ей по влажным волосам на его затылке. Мы плачем. Вместе. Держимся друг за друга, прочувствовав всю боль. То, чего мы не делали с тех пор, как она умерла.

— Быть сломленным — нормально, — говорю я ему.

Муж сжимает руки на моей талии и падает передо мной на колени. Он держится за меня. Я опускаюсь на колени, и мы не разрываем объятий, потому что для нас это единственный способ вернуться в реальность. Ноа проиграл битву, не смог остаться сильным. Крутой парень сдался и поник.

— Я никуда не уйду, — плачет он, целуя мою шею, а затем его губы касаются моих. Поцеловав меня, Ноа смотрит мне в глаза, уверенно и твердо произнося: — Мое «навсегда» в силе, если и твое тоже.

По моей спине пробегает дрожь. Он рассматривает мое лицо, одним взглядом обнажая меня. В глубине души я не думаю, что на протяжении последних двух лет мое сердце когда-либо сомневалось в его любви. Да, мысленно я перебирала наихудший сценарий, но мое сердце... Оно знало о его намерениях, знало и удерживало меня от расставания.

— Мое «навсегда» — твое, — заверяю я его, зная, что всегда и во всем буду с этим человеком.

Говорят, что потеря ребенка — это главное испытание брака и личной силы. Если мы столкнулись с этим, то я знаю, что мы справимся. Вместе.

Ноа

*Сожаление и ромовые пирожные
(Не спускайте глаз с тети Ди)*

Мы с Келли пробыли в сарае, наверное, еще час. Понятия не имею, к чему все это приведет, и даже не знаю, уладили ли мы эту хрень, но, кажется, начало положено. Впервые после похорон Мары мы вроде бы движемся в одном направлении. Вместе.

Мы сидим на тюке сена. Жена на моих коленях, обнимает меня за плечи. Я прижимаюсь губами к ее лбу.

— Нам нужно пойти проверить детей.

Кивая, она мурлычет:

— Следовало бы. — Соскользнув с моих колен, встает и протягивает руку. — Надеюсь, они хорошо себя вели.

Я беру Келли за руку и выглядываю из дверей сарая. Солнце уже зашло, оставив после урагана небо золотисто-пурпурного цвета. Рассеянные кучевые облака похожи на зефир. Я улыбаюсь от этой мысли. Мара любила зефир. Она говорила, что на вкус он напоминает шарики сахарной ваты.

Держась за руки, мы с Келли проделываем путь в полмили от сарая до дома моих родителей. На подъездной дорожке все еще стоит несколько машин, и я не могу сказать наверняка, отменили свадьбу или нет.

— Я чувствую себя такой ужасной сестрой, — шепчет Келли, шагая босиком рядом со мной. — Я сбежала в самый трудный момент.

— Ты не ужасная сестра. — Жестом я предлагаю ей запрыгнуть мне на спину. — Давай я понесу тебя. — Она принимает мое предложение, и я удовлетворенно улыбаюсь, когда она упирается подбородком в мое плечо. — Это напоминает вечер, когда мы поженились.

Я смеюсь, вспоминая, как нес ее по этой самой дорожке. На тот момент она была на пятом месяце беременности, поэтому было немного неудобно, но мы справились. Думаю, именно так мы и переживем все это. Мы справимся. Будет нелегко. Это же не волшебство. Исправить все будет непросто, и я это понимаю. Я не могу щелкнуть пальцами и вмиг пережить это.

— Ты скучаешь по жизни здесь? — спрашивает Келли.

Мгновение я раздумываю над ее вопросом.

— Не спорю, есть вещи, по которым я скучаю, но думаю, мне было бы гораздо хуже, если бы мы все еще жили здесь. Мне казалось, что день ото дня я задыхаюсь из-за напоминаний о ней.

— А я здесь чувствую себя ближе к ней.

Я снимаю жену со спины и ставлю перед собой.

— О чем ты говоришь?

— Я думаю о том, чтобы когда-нибудь вернуться сюда. Понимаешь?

Я киваю.

— Понимаю. Я тоже думал об этом, но не знаю. Я только что открыл магазин. У нас

ремонт в доме не закончен...

Я мог бы продолжать перечислять причины, по которым не стоит все бросать и возвращаться назад. Но на самом деле именно так я и поступил с Келли, когда по своей прихоти перевез семью в Санта-Барбару. Глубоко вдохнув, я качаю головой.

— Прости, что увез нас отсюда из-за собственного дерьма.

Она касается моей щеки.

— Я понимаю, Ноа. Правда. Я не жалею, что мы переехали. Не думаю, что прямо сейчас пора возвращаться, но, может быть, когда-нибудь.

Наклонившись, я целую ее в лоб.

— Когда-нибудь.

* * *

По возвращении в дом мы узнаем, что свадьба отложена. Гости общаются, а отец Келли выглядит разъяренным, ведь его дочь и Джастис до сих пор отсутствуют.

— Думаю, сейчас твой отец ненавидит Джастиса сильнее, чем меня, — шепчу я Келли, прижимая ее к себе.

Она наклоняется, хватая за талию, пробегающую мимо Хейзел и притягивая ее к нам.

— Ну, наверное. Джастис ему никогда не нравился.

Я приподнимаю бровь.

— А я ему когда-нибудь нравился?

— Может, раз или два. — Келли берет Хейзел на руки. — Привет, сладкая. Где твои братья?

Лицо дочери измазано шоколадом, платье заляпано чем-то похожим на грязь. Хейзел пожимает плечиками и пытается убрать волосы с глаз.

— Я не знаю. — А потом она извивается, чтобы спуститься. — Отпусти меня. Я должна идти. Я вожу, и если они поймают меня, то съедят на ужин.

Келли оглядывается.

— Кто?

— Мальчишки! — визжит Хейзел и убирает руку за спину, тем самым ударяя меня по лицу.

Келли ставит ее на пол, и та убегает.

Наши дети разбежались повсюду и играют с другими малышами. Все, кроме Оливера. Он ест пирожные. Здесь я остановлюсь, потому что за этим последует целая история.

Моя тетя Ди — набожная христианка, поэтому мама подумала, что было бы неплохой идеей поручить ей приготовить пирожные. Теоретически это была отличная идея. Вот только тетя Ди... Она чокнутая. Пусть ее образ «добропорядочной христианки» не вводит вас в заблуждение. Она ругается как матрос и способна перепить большинство мужчин за столом. Это также объясняет события, которые произойдут в дальнейшем.

Расскажу вам небольшую предысторию. Тетя Ди приготовила пирожные для каждого гостя на свадьбе. Учтите, что это не просто пирожные. Они с ромом. Позволю этой информации впитаться в ваш мозг, подобно рому, пропитывающему шоколадное пирожное.

Теперь продолжу дальше, но знайте: тете Ди нельзя доверять.

Просто немного подождите. Дальше — больше. Я не знаю, как хорошо вы разбираетесь в пирожных. Вы знали, что они бывают с ромом? Сначала я не знал.

— Они реально вкусные, — говорит Келли, протягивая мне одно.

Голодный, я съедаю пирожное. Вкусно. Глазурь, сахар, ром... Мне хватает мужества признать, что иногда я люблю десерты с алкоголем. Не надо меня осуждать. Чтобы вы поняли, что это за пирожные, скажу: они не похожи на те с карамельной крошкой, что продают в «Старбакс». Не-а. Эти пирожные размером с детский кулачок, упакованы в блестящую пластиковую коробочку с элегантно повязанной лентой.

— Можно мне еще одно? — спрашивает Оливер мою маму, а затем берет со стола пирожное, прежде чем та успевает сказать ему нет.

— Нам нужно заставить его что-нибудь съесть, — говорит мне Келли, убирая палочку от пирожного, которую Оливер бросил на стол. — Он весь день ест вредную пищу.

Я собираю для сына тарелку с едой, когда в дом возвращается Джонас. Вокруг него и его шафера разгорается чертов ад из-за того, где находится его будущая жена, будто они все еще собираются пожениться. Честно говоря, я в замешательстве, и мне плевать.

Даже спустя полчаса Джастис и Келси не появляются. Ситуация наверху напоминает захват заложника, а Оливер за это время сполз на стол, подперев голову рукой.

— Как дела, чувак? — спрашиваю я, присаживаясь рядом с ним.

— Музыка слишком громкая! — кричит он, глядя на меня. — Ненавижу это. Можно мне уйти?

Я подталкиваю к нему тарелку.

— Съешь что-нибудь.

— Я не голоден, — ворчит он, отпихивая тарелку.

Маленький гаденыш.

Помните момент в фильме «Красавица и Чудовище», где зверь вручает Белль еду, а она отказывается от нее? Благодаря Маре (а теперь и Хейзел) я смотрел этот фильм много раз. Но когда Оливер говорит, что не голоден, я борюсь с желанием закричать, как то Чудовище: «Хорошо! Давай, помри с голоду!». Сомневаюсь, что это как-то повлияет на него, поэтому воздерживаюсь. Но однажды я произнесу эту фразу кому-нибудь из моих детей.

После ужина Оливер начинает бледнеть. Он забирается под стол, жалуется, что музыка слишком громкая, и выражает желание уйти наверх. Подняв скатерть, я смотрю под стол и вытаскиваю сына.

— Прекрати! Просто посиди здесь, — говорю я ему, удерживая его тощую задницу на стуле. Он тут же резко подается вперед и прижимается головой к краю стола.

Келли бросает на него взгляд, и я вижу, что она что-то заподозрила.

— Что с ним происходит?

Приподняв голову сына, я прижимаю руку к его лбу. Не горячий. Оливер говорит, что с желудком все в порядке, просто он очень устал, а музыка, цитирую, «чертовски громкая». И еще он хочет спать.

— Давай, приятель. Пойдем подышим свежим воздухом.

— Свадьба и так на открытом воздухе, — слишком громко хихикает Хейзел прямо в ухо Оливеру.

— Отвали! — Он хлопает ее по плечу, встает и закрывает уши. — Прекрати болтать.

И тут же падает лицом в траву. Я снова смотрю на Келли.

— Какого хрена?

— Можно с тобой поговорить? — спрашивает тетя Ди, смотря выпученными глазами на Оливера, лежащего на земле.

— Да, конечно. Я же ничем не занят, — фыркаю я, пытаюсь поднять безвольное тело сына с земли.

Тетя Ди нервно сглатывает.

— Думаю, я добавила в пирожные слишком много алкоголя.

Я быстро смотрю на Келли, качающую головой, а затем снова на тетю Ди. Келли, улыбаясь, говорит ей:

— При выпечке из них выпаривается алкоголь, тетя Ди. Так что ничего страшного.

Та наклоняется и шепчет:

— Я не добавляла его в тесто. Я добавила ром *постфактум*.

Широко раскрытыми глазами она смотрит на Оливера, который переворачивается на спину и хмурится.

— Как я попал на крышу?

Тетя Ди смотрит на меня.

— Думаешь, я переборщила?

— Не знаю. — Я указываю на Оливера, лежащего на земле. — Сама-то как думаешь?

Тетя Ди смеется:

— По крайней мере, первая проба алкоголя прошла успешно.

Ноа

Лучший мужчина

(И он не всегда побеждает. Спросите об этом Джонаса)

Лужи на скатертях, платья и смокинги насквозь промокли от дождя... Думаете, эта свадьба накрылась медным тазом, верно? Не-а. Мы же в Техасе. Здесь правила не работают. И меня не покидает предчувствие, что все только начинается. Священник разговаривает с тетей Ди (надеюсь, он не попробовал ее пирожные), а отец невесты в бешенстве. Он и мой тесть тоже, но пока не сказал мне ни единого слова.

Не удивляйтесь. Он все еще меня ненавидит.

— Поверить не могу в эту хрень. Я заплатил за эту свадьбу, — ворчит он, отпивая виски прямо из бутылки, — и сегодня вечером ей лучше выйти замуж за кого-нибудь.

Пока мы с Келли укладываем нашего пьяного десятилетнего сына, чтобы он проспался, угадайте, кто возвращается из бегов? Джастис с Келси. Явились через три часа. Понятия не имею, чем они там занимались, но могу догадаться, что дрались. А может быть, трахались, потому что по своему опыту знаю: эти действия обычно происходят параллельно.

Кстати, о трахе. Жаль, мы с Келли не смогли уединиться, ведь знаете, что лучше секса?

Примирительный секс.

Доказанный факт.

Поэтому я озвучиваю Келли свои мысли, кладя руку на ее обнаженное бедро.

— Мы вызовем подозрения, если ускользнем наверх? — Закидывая руку на спинку стула жены, я заглядываю в вырез ее платья. — Похоже, мне срочно нужно увидеть эти висюльки на своем лице.

— Прекрати, — улыбаясь, игриво отталкивает она меня. — Мы не можем просто взять и ускользнуть. Оливер пьян, Севи вылизывается рядом с собакой, Фин плюется в священника, а Хейзел тверкает.

Я поворачиваю голову на танцпол и вижу, что моя пятилетняя дочь на самом деле трясет попой.

— Иисусе. — Не знаю почему, но на какое-то мгновение я замираю. Наверное, потому что не могу отвести глаз. Это как попасть в автокатастрофу, когда ты не можешь не смотреть. — Заставь ее прекратить это делать, — стону я, прикрывая глаза.

Слава богу, Келли подхватывает дочку и показывает, как нужно правильно танцевать.

— О господи! — Келси плюхается в кресло рядом со мной. От этого ее платье надувается, как воздушный шар, обернутый вокруг талии. — Я нервничаю.

Не зная, что еще сделать, я протягиваю ей пирожное.

— Вот. Это поможет успокоиться.

Словно одичавшая, она вырывает его из моей руки и целиком засовывает в рот. При этом Келси произносит что-то типа «Топай ногами», и крошки пирожного вылетают из ее рта, падая на стол и мою руку. В переводе с языка полностью-набитого-рта, которым я хорошо овладел благодаря своим детям, она только что сказала: «Это помогает».

С трудом проглотив, она доедает пирожное, а затем смотрит на меня своими

покрасневшими и усталыми голубыми глазами.

— В нем ром?

Я киваю.

— Ага. Где, черт возьми, ты была последние три часа?

Она смотрит мимо меня, сосредоточив все внимание исключительно на том, кто у барной стойки запивает свои проблемы.

— В заложниках.

Держа в руке бутылку воды (поверьте, мне больше не нужен алкоголь), я рассматриваю Келси. Ее волосы растрепаны, тушь размазана по щекам, и она дрожит.

— Ты в порядке?

— Ноа, скажи, что мне делать?

— Я?

Она пинает меня ногой.

— Да, ты.

Я практически задыхаюсь после глотка воды, попавшей не в то горло. Нет, я вообще-то подавился. Прокашлявшись, я ставлю бутылку на стол.

— Черт возьми, с чего ты решила, что я знаю, что делать?

Келси смотрит на меня со слезами на глазах, поджав губы, по цвету похожие на жевательную резинку.

— Потому что вы с Келли следовали за своим сердцем.

Она права, мы так и сделали. Я смотрю на жену, которая танцует с нашими дочерьми. Ее улыбка такая же сияющая, как в тот день, когда мы сказали друг другу «Да». А если учесть сегодняшнюю ночь и, черт возьми, последние два года, трудно поверить, что она все еще может так улыбаться. Когда песня меняется на более медленную, Келли зовет меня к себе, поманив пальчиком. Встав, я похлопываю Келси по плечу:

— Что говорит твое сердце?

Она плачет.

— Мое сердце говорит не делать ему больно.

Думаю, она говорит о Джонасе, но не уверен наверняка.

— Тогда ты знаешь ответ.

Наверное, вы предполагаете, что, ступив на танцпол, я буду танцевать с Келли, не так ли? Что ж, угадайте, кто стоит передо мной с раскинутыми в стороны руками? Она около двух футов ростом и плюется в людей.

Ага. Наша маленькая верблюжонка протягивает ко мне свои ручки.

— Сиськи? — говорит она, широко раскрыв глаза, и ждет. Может, это кодовое слово, означающее «вверх»? Она знает только одно слово, так почему бы не сделать его универсальным, верно? Если только дочь не думает, что я ее покормлю. Если это так, то мои волосатые соски ее сильно разочаруют.

Я беру ее на руки.

— Ты же не собираешься в меня плевать?

Фин хмурит бровки, и на нежной детской коже пролегает небольшая складочка. Дочь ничего не говорит. Она просто зевает и кладет головку на мое плечо.

Мое сердце колотится, потому что я не могу осознать происходящее. Подняв руку, я поглаживаю ее спинку и раскачиваюсь вместе с ней под музыку. Я могу сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз вот так держал Фин. И всегда это происходило потому, что

она использовала меня, чтобы вскарабкаться на что-нибудь или добраться до Келли.

Однако сейчас она позволила мне держать себя на руках, потому что захотела ко мне. Я всегда думал, что неприятен Фин из-за того, что в первые несколько недель ее жизни я не брал ее на руки. Мне было страшно. Я боялся привязаться к ней и поэтому отстранился. Думаю, она это почувствовала и сделала то же самое. Какова бы ни была причина, обнимая ее сейчас, я сожалею, что не приложил усилий раньше.

Оглянитесь вокруг. Она ни к кому не просится, она положила головку мне на плечо. Расположив ручку на моем сердце, Фин закрывает глазки. Вы плачете? Я прилагаю титанические усилия, чтобы не допустить этого. Я справлюсь. Да, слезы появились, но сейчас меня больше волнует то, что происходит вокруг меня, потому что жених только что увидел невесту, а шафер стоит между ними.

Вот-вот развернется ад...

— Устала? — спрашиваю я Фин, наклоняя голову так, чтобы заглянуть в ее полузакрытые глаза.

Она кивает и указывает на дом. В этот момент моя мама подходит и протягивает к ней руки.

— Я могу уложить ее спать, если хочешь.

Она забирает у меня Фин, держа Севи за руку. Он весь в грязи, в руке зажато пирожное. И он уже успел его разок откусить.

Дерьмо.

Выхватив пирожное, я запикиваю его в рот. Севи рычит на меня.

— Песики не едят пирожные, — говорю я, надеясь, что он не укусит. К счастью, Севи отмахивается от меня, и мама уводит детей в дом.

Келли подходит ко мне с широко распахнутыми глазами.

— Ты должен что-то сказать.

Я смотрю на нее.

— Кому?

— Джонасу или Джастису. Я не знаю. — Хватая ртом воздух, она всплескивает руками. — Не дай им подраться.

— Если судить по их виду, в одной драке они уже поучаствовали.

— Я, черт возьми, не верю тебе! — кричит Джонас в лицо своей потенциальной, но не нынешней жене. — Ты трахалась с ним, пока мы были вместе?

На заднем дворе наступает тишина; Келси нечего ответить на этот вопрос.

Охваченный гневом, Джонас подходит к ней. Он изучает ее лицо, ожидая ответа.

— Твою мать, серьезно?

Келси в панике переводит взгляд с Джонаса на Джастиса, затем обратно.

— Я не... Не после того, как мы объявили о помолвке.

Джонас замахивается прямо ей в лицо, но отводит руку, и его кулак врезается в стену позади ее головы.

— Мы вместе уже восемь лет! Все это время ты с ним трахалась?

В ответ Джонас получает простой кивок, с которым я слишком хорошо знаком.

Келли ахает и прикрывает рот рукой.

— Вот дерьмо, — шепчет она, уткнувшись в мое плечо, и качает головой. — Ноа, сделай что-нибудь. Не позволяй ему прикоснуться к ней.

Джонас стал бы покойником, если бы сделал это, и он это знает. И не по моей вине

(хотя я бы, конечно, заступился за девушку): этого не допустит ее отец.

— Достаточно! — рявкает тот, хватая Джонаса за руку. — Оставь ее в покое.

Немного отвлечемся. Взгляните на Джастиса, который с хмурым видом смотрит на своего младшего брата. Они еще не закончили.

Стоя рядом с Келли, я жду, не возникнет ли сегодня необходимость разнимать еще одну драку.

Жизнь и отношения — это бардак. И половину времени мы принимаем неправильные решения. Я не говорю, что из всех людей в мире Келси следовало взять и изменить Джонасу именно с его братом, и в данном случае мне ненавистен тот факт, что я на стороне Джастиса, но эта девушка с самого начала принадлежала ему. У меня сложилось такое мнение, будто Джонас просто перехватил ее на время.

Знаю, вы сейчас думаете, что это ужасно звучит, если учесть мое мнение по поводу того, что Ник изменяет Сианне, но так и есть. То же самое я могу сказать о Келли и Маверике. С самого начала Келли была моей, когда в шестилетнем возрасте вошла в сарай моих родителей и сказала, чтобы я засунул палку себе в задницу. Она не поделилась со мной сладким чаем, который я так сильно хотел. Тогда я не знал, что люблю ее, но уже любил. Она была моей.

И Келси стала принадлежать Джастису в тот момент, когда ей летом только исполнилось тринадцать и она ехала с ним на заднем сиденье квадроцикла. Забавно, как это происходит, как люди влюбляются самым странным образом, и эта связь превращается в цемент. В нем, конечно, есть трещины, но они поверхностные.

Джастис глубоко вздыхает. С диким взглядом, зловеще сжав губы, он делает шаг к брату. Джастис — чертовски плохой парень. Иногда он пугает даже меня.

— Оставь ее в покое. Это не ее вина.

А Джонас — хороший парень. Его ждет будущее, не связанное с тюрьмой, которое пятьдесят на пятьдесят (и здесь можно было бы поспорить) светит Джастису.

— Нет, ее! — кричит он на старшего брата, ударяя его рукой в плечо. — Я не верю вам обоим.

Быстро приблизившись, Джастис толкает брата к ближайшему столу.

— Заканчивай, ты, мелкий кусок дерьма!

— Это я кусок дерьма? Ты трахнул мою девушку.

Джастис замирает напротив брата лицом к лицу.

— Сначала она была моей.

— Это не имеет значения! — кричит Джонас разбитым голосом, цепляясь за свою гордость. — Она дала обещание мне.

Холодный и собранный Джастис пожимает плечами и усмехается:

— Она этого не хотела.

Келси хватается за Джастиса за руку, пытаясь притянуть его ближе к себе.

— Джастис, не надо.

Джонас отступает, подняв руки.

— Пофиг. Свадьбы не будет. Невеста — шлюха.

И он оказывается на заднице. Джастис бьет его прямо в челюсть.

— Я предупреждал: если ты снова скажешь это, то подавишься своими же словами.

— Мальчики! — кричит тетя Линда, бросаясь к ним, в то время как они дерутся на земле.

Джастис и Джонас как масло и вода. Не смешиваются. Никогда. Они так сильно отличаются друг от друга, что вы даже не догадаетесь, что они близкие родственники, что уж говорить про братьев.

Драка прекращается довольно-таки быстро. Джонас уходит. Джастис стоит в залитой кровью рубашке и смотрит со слезами на глазах на Келси, ожидая ее решения. Видимо, она не знает, что делать, если судить по выражению ее лица.

Может, Джастис не самый лучший человек, но он единственный, кто боролся за свое сердце.

Ноа

*Что нам делать дальше
(Надеюсь, в постели)*

Рассказываю вам все грязные подробности этого вечера. Например, то, что Джастис не дождался ответа Келси. Он притянул ее к себе и сказал: «Я не тот, кто тебе нужен. Я облажаюсь много раз. Даже когда тебе исполнится пятьдесят, ты будешь гадать, правильный ли сделала выбор. Но тебе никогда не придется сомневаться в моей любви к тебе».

На этом все закончилось. Нет, они не поженились. До этого им еще далеко. Но почему-то она взяла его за руку.

Фишеру, отцу Келли и Келси, было не до этого. Выпив, он высказал свое полное недовольство сложившейся ситуацией.

— Отлично, обе мои девочки вышли замуж за дебилов, — пробурчал он, допивая бутылку виски.

Видите? Говорил же, что я ему не нравлюсь.

Но все это не имеет значения, потому что как только мы с Келли оказываемся наверху, пока дети спят в другой комнате, я намереваюсь показать ей, насколько хорош примирительный секс. Слышали такое высказывание: «Разрушенный брак нельзя исправить»? Верно, нельзя. Но знаете, что вы можете сделать? Потрахаться.

Обхватив ее за подбородок, большим пальцем я скольжу по щеке, удерживая Келли своим измученным взглядом. Мои губы приоткрыты, веки отяжелели, ее губы сжаты. Я устал, но хочу показать ей единственным известным мне способом, что она значит для меня.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, крепко зажмурившись, прижавшись лбом к ее лбу. — Пожалуйста, скажи, что ты хочешь секса, потому что я просто... прости меня. Я тебя хочу.

Келли смеется, закатывая глаза.

— Было бы неплохо, но я хочу тебя, и чтобы ты сказал свою правду.

Не совсем уверен, что понимаю значение ее слов. Я начинаю испытывать вину. За то, что она усомнилась в моей любви. Вы можете просто отталкивать человека настолько долго, пока тот не сорвется в пропасть из неуверенности в себе. Я закрылся от Келли, и открыться — это все, что ей нужно, и все, чего боялся я. Ответ я получаю, когда она наклоняется ближе, размыкает губы и как следует целует меня. Скользнув ладонью к шее, я удерживаю ее неподвижно. Мы стонем, нежно прикасаясь друг к другу.

— Ты знаешь мою правду, — шепчу я, не желая отрывать свои губы от ее.

Потянувшись ей за спину, я расстегиваю платье. Келли скользит к пуговицам моей рубашки. Она возится с ними, стараясь не разорвать наш поцелуй.

Оторвавшись друг от друга, мы сбрасываем остатки одежды. Я опускаю руку между нами, лаская ее киску, и чувствую, что она уже мокрая и готова для меня. Провожу пальцем по клитору, но Келли отстраняется от меня, улыбаясь. Положив руки на мои плечи, она поворачивает меня спиной к кровати, и я приземляюсь на матрас от легкого толчка.

— Ты руководил всеми нашими ночами. Теперь моя очередь.

Я киваю. Если я хочу взять мою девочку и похоронить себя глубоко в ней, то придется подождать, когда она кончит. Закинув руки за голову, я смотрю, как она устраивается сверху. Как только мой член оказывается внутри, Келли выгибается и скачет на мне, вцепившись в меня. Под этим углом я могу рассмотреть каждый дюйм ее тела, ее сиськи и то, как прекрасно ее волосы ниспадают на плечи. Она охрененно потрясающа, когда трахается.

Вот черт! Я скоро кончу.

Я борюсь с этим, отчаянно желая увидеть, как она кончает на мой член.

— Моя девочка. Воспользуйся мной, чтобы кончить, — говорю я ей, пытаюсь не финишировать. — Вот так, — хриплю я, напрягая каждый мускул своего тела. — Давай, милая, сделай это.

Мои слова подталкивают ее к оргазму. Тело Келли сотрясается, ее киска сжимается вокруг моего члена. Рот Келли приоткрыт, и я с восхищением наблюдаю, как она кончает, стараясь как можно тише стонать во время оргазма.

Крепко удерживая Келли за бедра, я переворачиваюсь, чтобы оказаться сверху. Обхватив задницу жены, я вколачиваюсь в нее снова и снова, снова и снова, наблюдая, как с каждым толчком подпрыгивают ее сиськи. И затем кончаю в нее.

Когда мы приходим в себя, то смотрим друг на друга. Келли смотрит на меня так, словно хочет что-то сказать, и я немного боюсь этого.

— Что такое? — спрашиваю я, меня охватывает тревога.

— Пытаюсь представить, что ждет нас в будущем.

Я откатываюсь в сторону и смотрю в потолок.

— Что ты имеешь в виду?

Она делает вдох, такой, когда вы готовитесь к тому, что кого-то подведете. Мое сердце колотится в ожидании, когда она скажет, что все кончено.

— Мы начали заново, Ноа, но это не отменяет того факта, что мы потеряли дочь, родили еще одну, и за все это время отдалились друг от друга. Бывают моменты, когда я смотрю на тебя и не знаю, кто ты. Я помню мальчишку, в которого влюбилась, но он — лишь малая часть того, кем ты являешься сейчас.

Голос Келли печален. Я хочу утешить ее и сказать, что все будет хорошо, но я ведь этого не знаю. А я никогда не был из тех парней, которые могут одурачить кого угодно, только не самого себя.

Протянув руку по простыне, я беру ее руку и прижимаю к своей груди.

— Мы справимся с этим, Кэл. Мы всегда так делаем. Пусть это займет у нас двадцать лет, но совместными усилиями мы придем в норму.

Это все, что мы можем сделать. Мы уже не те люди, которые трахались в машине во время концерта Pearl Jam. Мы даже не те, какими были в тот день, когда дали друг другу клятву, и определенно не те, какими были в тот день, когда врачи сказали нам: «Мы больше ничего не можем сделать».

Мы — люди, которые лежат в постели, разглядывают потолок и гадают, достаточно ли прочен построенный нами фундамент и выдержит ли он этот груз. Вы проживаете жизнь, испытывая худший из кошмаров, но смысл всего этого заключается в том, как вы выберетесь из сложившейся ситуации. Это и есть реальное испытание.

Келли

Совместная поездка. Дубль два.

(Если я больше никогда не услышу «Детеныша акулы», скучать точно не буду)

Мне вновь нелегко покидать Техас, но я плачу гораздо меньше, чем в первый раз, когда пришлось попрощаться не только с семьей, но и смириться с тем, что Мара остается здесь. Я понимала, что фактически ее там не было. Я оставила только тело, в котором больше не было нашей малышки, но ведь я не могла просто сходить на ее могилу и сказать «Привет».

Думаю, именно поэтому я так часто обращалась к дневнику. Было легче писать в нем, чем говорить с Ноа о своих чувствах и о печали, от которой я не могла избавиться. Он не был виноват во всех наших проблемах. Мы создали их вместе.

На этот раз, уезжая из Техаса, я не думаю о том, чтобы поскорее открыть дневник и записать все, чего мне будет не хватать. Сейчас я думаю о жизни, которую мы создали в Калифорнии, и о том, как можем ее улучшить. Грейс сказала мне, что, когда они с Реном потеряли мать всего через несколько месяцев после свадьбы, это разрушило их семью. Его мать была основой их отношений. Как и Грейс. Поэтому, когда та скоропостижно скончалась, они не понимали, что делать, когда пришло время отпусков. Им пришлось создать новые воспоминания, новые традиции — те, которые включали память о ней и то, чего хотелось каждому из них.

Ради нашей семьи нам пришлось создавать новые воспоминания и новые традиции с детьми. Наше последнее Рождество было катастрофой. Я провела весь день в постели и отказывалась в чем-либо участвовать. Если бы не Грейс, в тот день у моих детей не было бы ничего хорошего.

Я не позволю этому повториться.

* * *

Если вы когда-нибудь захотите проверить, насколько крепок ваш брак, то попробуйте пережить потерю ребенка. Или поездку с четырьмя детьми в возрасте до десяти лет. Уверена, у кого-то точно поедет крыша.

Если вы когда-нибудь захотите испытать мужчину в поездке и проверить уровень его самообладания, побрейте ноги и наденьте шорты. Он будет постоянно блуждать руками по вашим ногам либо от искушения, либо от скуки. Что касается Ноа, он чувствует и то, и другое.

— Это пытка, — стонет он, не в силах оторвать руки от моих обнаженных ног, которые я предусмотрительно расположила рядом с центральной консолью в пределах его досягаемости.

Невинно прикусив нижнюю губу, я смотрю на него.

— Что именно?

— Ты. Это.

Я смеюсь.

— Ой, прекрати. Мы сделали это перед отъездом.

Он поворачивает голову в мою сторону, смотрит на меня *этим взглядом*. Тем самым взглядом, которым словно говорит: «*Да ладно, нахрен*».

— Это было восемь часов назад.

— А я насчитала лишь два.

Улыбаясь, Ноа качает головой, наблюдая, как я пью воду из бутылки.

— Для парней это все восемь.

Хихикая, я отодвигаю бедро в сторону. Его рука падает.

— Ну, тогда перестань меня трогать. Ты делаешь себе только хуже.

На самом деле он делает хуже нам обоим, потому что из-за его отчаянных прикосновений и игривого взгляда я хочу его так же сильно. Есть что-то сексуальное в том, как два человека, наконец, открываются друг другу, это делает все гораздо более приятным. С той ночи на свадьбе (которой не было) мы занимались сексом шесть раз за два дня. Это больше, чем за последний месяц.

Вам, наверное, интересно, что произошло с Келси и Джастисом. Ну, не скажу, что они вместе, но они не *не вместе*, как-то так. Им есть над чем поработать.

Оглядываясь через плечо на заднее сиденье, я проверяю детей. Так как уже немного за полночь, все спят. Мы выехали поздно вечером, потому что Ноа хотел, чтобы они спали большую часть пути. Не могу сказать, что виню его в этом после поездки сюда.

Мне приходит в голову, что можно было бы сделать Ноа минет, и это помогло бы на время его утихомирить, но я не собираюсь этого делать. Так и слышу крики службы опеки в своей голове, и, если нам повезет, Ноа просто разобьет машину. Представляю себе эти заголовки: «*Все испортил минет. Муж разбивается с семьей на машине*».

Не-а. Не прокатит.

Двадцать минут спустя Ноа снова кладет руку на мое бедро и сжимает его.

— Мои родители приедут в гости на Рождество в следующем месяце.

— Грейс упоминала об этом. Думаю, она хочет помочь Сианне вернуться в Остин.

Ноа качает головой, как мне кажется, разочарованно.

— Гребаный Ник.

— Как думаешь, он рассказал ей?

— Или она его застукала.

— Очень жаль, — добавляю я. — Но он всегда был таким. Даже не представляю, сколько раз он ей изменял, а она об этом не догадывалась.

— Больше, чем мне хотелось бы знать.

Ноа сжимает рукой мое бедро. Я смотрю на него, и он подмигивает.

— Что?

— Мама предложила присмотреть за детьми, пока они будут в городе. Я подумал, может, нам уехать на пару дней?

— Ты сделаешь это, даже если магазин слетит с катушек?

Потянувшись за моей рукой, он берет ее, а затем подносит к губам, целуя мою ладонь.

— За последние пару дней я понял одну очень важную вещь.

— *Никогда не изменяй своей жене?*

Он фыркает:

— И это тоже. А еще то, что мне нужно прилагать больше усилий.

— Нам обоим это нужно. Последние два года я была не лучшей версией себя.

— Но ты очень старалась, в отличие от меня. Ты заботишься обо мне, детях, доме. Я просто хочу, чтобы ты знала: это не осталось незамеченным.

Хмурясь, я дотрагиваюсь до его лба.

— Что ты сделал с моим мужем? Ты головой ударился или как?

Он смеется и отпускает мою руку, не отрывая взгляда от дороги. Я смотрю на его профиль и на то, как его лицо освещает свет приборной панели.

— Я действительно упал с капота машины Джастиса на кладбище. Может, в процессе повредил голову.

Я медленно сглатываю.

— На кладбище?

У Ноа перехватывает дыхание.

— Да.

— Ты ходил туда?

Он просто кивает. Мое сердце колотится, не поспевая за мыслями. Мне больно, что он пошел без меня, что не смог этого сделать со своей семьей, но пошел с Джастисом.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты пошел с ним, но не смог с нами?

Какое-то время муж молчит. Может быть, он раздумывает над ответом, а может, и правда не знает, что сказать. Меня удивляет его хриплый и дрожащий голос, когда он произносит:

— Я не мог находиться там с тобой.

Мне тяжело дышать, к глазам подступают слезы.

— Почему?

Ноа стискивает зубы, усиливая хватку на руле. Муж наклоняется ко мне.

— Я ничего не имею против тебя, милая. Я просто... Я не мог... Не знал, как с этим справиться. Мне было страшно видеть ее могилу, потому что это было реальностью. Она там, а не с нами. Вот почему я так долго избегал этого. — Он смотрит на меня блестящими от слез глазами. — Я не мог пойти с тобой, потому что знал, что ты будешь плакать, и я не хотел снова смотреть в твои глаза и не иметь возможности вернуть ее.

Ноа плачет, я плачу, и мне неприятно, что каждый разговор в последнее время заканчивается этим.

Кивая, я смотрю в окно, почти ничего не видя из-за слез.

Он снова тянется к моей руке.

— Я не хотел тебя расстраивать.

Я сжимаю его руку, пытаюсь успокоить.

— Все нормально. Ты сделал то, что нужно было сделать. Я рада, что ты сходил к ней до того, как мы снова уехали.

— И я рад, что сделал это.

* * *

К четырем утра дети просыпаются голодные. Также они чертовски надоели своим пением и постоянными вопросами, где мы находимся и сколько еще ехать. Пение достало больше всего.

Кажется, Ноа не рад тому, что дети открыли глаза.

— Почему они так рано проснулись?

— Мы движемся. Скорее всего, их разбудил шум автострады.

— Хочу есть! — кричит Севи с заднего сиденья, пиная Оливера ногой. — Дайте бичиков.

— Бичиков? — спрашивает Ноа, качая головой. — Он имеет в виду блины?

Я киваю, улыбаясь.

— Именно.

— Сиськи! — кричит следом Фин, и мы все смеемся. Она произносит только одно слово и использует его во всех ситуациях.

Мы останавливаемся на завтрак, но единственное место, открытое в такой ранний час, — «Макдоналдс». Ноа пришла в голову гениальная идея разрешить детям есть в машине. Когда вы позволяете подобное, то это не заканчивается ничем хорошим. Вы просите их: «Ешьте аккуратно» и «Не говорите с набитым ртом», а они делают все наоборот. Каждый раз. Так что пол моего внедорожника заляпан апельсиновым соком, кусочками колбасы и, вероятно, таким количеством сиропа, что им можно наполнить целую бутылку.

— Хорошо, что у меня есть один знакомый механик. Может, он сможет как следует вычистить мою машину.

— Или просто продадим ее, — говорит Ноа, набив рот колбасой Макмафин. — Что-то типа того, когда ты просто приезжаешь в автосалон и спрашиваешь: «Сколько за нее дашь?»

— Клянусь, если ты не остановишься, я тебя задушу! — кричит Оливер на Хейзел, пока та без конца продолжает петь «Детеныша акулы», только теперь перепела версию про котенка и птенчика. Серьезно: у дочери все, что связано с малышами, превращается в песню.

Я резко оборачиваюсь, пальцем указывая на сына.

— Оливер, перестань. Не угрожай ей.

Он прижимает руки к ушам, глядя на меня.

— Пусть она замолчит!

Ноа издает стон.

— Кто решил, что эта песня удачно зайдет?

Я смеюсь и протягиваю ему кофе.

— Без понятия.

— Мне нужно пирожное, — ворчит Оливер, опуская свое окно.

К счастью, Хейзел останавливается. Только потому, что переходит к пению репертуара из «Русалочки».

— Папочка? — кричит она, прерывая свое выступление, из-за которого Оливер вынужден высунуть голову из окна. Он утверждает, что лучше проглотит насекомых, чем услышит, как поет сестра.

Ноа запрокидывает голову и протягивает мне обертку.

— Да, Хейзел?

— Если бы ты мог стать любым животным, то кем?

— Тем, у которого нет ушей, — бормочет он.

Я хлопаю его по груди.

— Прекрати.

— Я бы стал быком, — говорит Ноа, улыбаясь мне.

— А я — единорогом, — произносит Хейзел. — Потому что тогда я смогу какать

радугой.

— Что это за вонь? — стонет Оливер, высунув голову из окна.

— Что говоришь? — Хейзел снова поет, а Севи кричит.

Повернувшись, я замечаю Фин со странным выражением на лице. Я поворачиваюсь к Ноа.

— Помнишь тот раз, когда нам пришлось остановиться в пустыне?

Он бросает на меня взгляд.

— Она опять обосралась?

Я киваю.

Следующие несколько часов мы тратим на чистку автокресла и Фин (во второй раз за эту поездку), а затем совершаем четырехчасовой крюк, чтобы сделать семейный снимок в Гранд-Каньоне на фоне фиолетово-розового заката. Мы создаем новые воспоминания.

Ноа обнимает меня за плечи, держа Фин, а остальные дети играют с камнями у наших ног.

— Думаю, теперь она с нами, — шепчет он, и его дыхание обдает теплом мой висок.

Сдерживая слезы, я кладу голову ему на грудь.

— Она всегда с нами.

Ноа

Помощь

(Не позволяйте Боннеру продвигать ваш бизнес)

Как только мы возвращаемся домой из Остина, я клянусь, что больше никогда в жизни не отправлюсь в путешествие с детьми. Вообще никогда. А также меняю внедорожник Келли на новый. Мы не особо можем позволить себе новую машину, но вы получаете хорошую скидку, когда ваш брат пытается подлизаться.

Ник говорит, что Сианна бросила его, на что я отвечаю:

— Хорошо. Она заслуживает кого-то получше, чем ты.

— Ты можешь вернуться к своей работе, — добавляет брат до того, как я собираюсь уехать на новой машине.

Повернувшись к нему, я смотрю на магазин, Райкера, и безобразие внутри.

— Нет, спасибо.

После этого я уезжаю. Мне не нравится мой брат и его образ жизни, но он все еще мой брат. К тому же, полезно иметь связи в автобизнесе. И, судя по всему, в порно тоже.

Мне стоило догадаться об этом, когда Боннер сказал: «Я помогу тебе». Точно так же, как я должен был прислушаться к интуиции, когда он сказал: «Вот, попробуй эту таблетку» или «Запиши секс на видео». Я так же не прислушался, когда он сказал: «Давай выкосим член на лужайке леди из ТСЖ». Что, кстати, закончилось тем, что я покосил газон, когда мы вернулись, потому что мы там потеряли Фин. Думаю, трава высотой в два фута — немного перебор. Но, черт возьми, это дело принципа.

Вернемся к Боннеру. Я позволил ему пропиарить меня. Можете себе представить его связи, правда?

Это хуже, чем вы думаете. Поверьте мне. Или не верьте.

Все начинается, когда я возвращаюсь в магазин на новой машине Келли. Войдя, я встречаюсь с Боннером, прислонившимся к кадиллаку. Он улыбается, а, по моему опыту, это никогда не было хорошим знаком.

С опаской я выхожу из машины.

— Что ты здесь делаешь?

Он засовывает руки в карманы шорт.

— Ты сказал, что тебе нужен бизнес. Друг нашел это. Думаю, ему нужен новый двигатель. — Боннер вышагивает вдоль передней части машины. — Как думаешь, сможешь ее починить?

Я иду за ним и поднимаю капот.

— Он ее угнал?

— Нет, — смеется он. — Но я могу достать такую и тебе, если понадобится.

— Я бы предпочел оставаться в рамках закона, — бормочу, изучая машину. После недолгого осмотра понимаю, что нужна новая коробка передач.

Но это не так интересно, как то, что будет дальше. Пока мы едем по городу, я слышу какой-то царапающий звук. Когда мы возвращаемся в магазин, я проверяю, что это может

быть и жалею, что сделал это.

По возвращении появляется Джейсон с шестью бутылками пива.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, недоумеваю, почему он явился в магазин с пивом в полдень вторника.

— Мы празднуем торжественное открытие, — говорит он, открывая пиво.

Боннер берет у него пиво, поглядывая на багажник кадиллака, откуда доносится шум.

— Он уже месяц как работает.

— Лучше поздно, чем никогда. — Джейсон не обращает на это внимания. — Что за шум?

Я обхожу машину, и шум становится громче.

— Откуда у тебя эта машина?

Боннер усмехается.

— Она принадлежит моему приятелю. Может, нам не стоит открывать багажник. У меня такое чувство, что там может быть что-то нехорошее.

Джейсон стоит рядом и улыбается:

— Может там вибратор?

Я смотрю на Боннера, затем на багажник.

— Чувак порнозвезда?

Ухмылка Боннера превращается в усмешка. Прежде чем вы скажете, что ухмылка и усмешка — одно и то же, я осмелюсь с вами не согласиться. Потому что они отличаются.

— Он режиссер, — говорит Боннер, поднося пиво к губам.

У меня нет времени возиться с этим дерьмом, поэтому я открываю багажник и жалею, что сделал это. Угадаете, что в багажнике?

Нет?

Не напрягайтесь. Это гребаная обезьяна. В багажнике. Но это не самое худшее. Каким-то образом (и я уверен, что вы догадываетесь, кем работает владелец машины) обезьяна уплетает «Виагру» из пакета, как будто это чертовы «Скитлс».

— Неа. — Я захопываю багажник. — Убери эту машину отсюда.

Парни ржут, и я понимаю, что они меня разыграли.

— Черт, ты подставил меня, да?

Они оба смеются до слез. Я не удивлен.

— Она и правда ест «Виагру»?

Боннер качает головой:

— Нет. Это конфетки. Клянусь.

Беру пиво из коробки.

— Спасибо, блядь.

Парни стоят и разговаривают несколько минут, прежде чем Боннер довольно непринужденно заявляет:

— Эшлинн беременна.

— От тебя? — спрашиваем я и Джейсон хором.

Боннер выглядит обиженным.

— Конечно, от меня. Почему вы так думаете?

— Твоя жена порно звезда, — поясняю я, опираясь на свой ящик с инструментами.

— И?

— Она трахается с другими мужиками, — добавляет Джейсон.

— Они используют презерватив.

Джейсону это не нравится:

— Все равно, существует вероятность, что ребенок не твой, да?

— Он мой. Я уверен в этом.

Мы смотрим на него. В конце концов он вздрагивает и закатывает глаза.

— В контракте указано, что никто не кончает в нее.

Это довольно умно с его стороны. Если бы Келли снималась в порно (а я уверен, что она не будет этого делать), я бы позаботился о том, чтобы этот пункт был частью ее контракта. И еще то, что единственный член, который она сосет — мой. О, и никто не входит в ее задницу. Или ее киску. Так что единственное, что бы осталось — это ее рука.

— Ах, чувак. Бедолаги, — смеется Джейсон. — Я бы разозлился, если бы явился, чтобы трахнуть ее, и не смог в нее кончить.

Боннер приподнимает бровь, глядя на него.

— Прекрати смотреть порно с участием моей жены.

— Ты сам виноват. Это ты сказал мне, что она там снимается.

— Тем не менее, это странно. Перестань.

Джейсон смотрит на него:

— Значит, Ноа ты позволил смотреть, а мне нет.

— Это было против моей воли, — отмечаю я. — Он практически связал меня и заставил смотреть.

Смеясь, Джейсон запрокидывает голову.

— Просто хуже не придумаешь.

Он прав, это так. Поэтому я перевожу внимание обратно на Боннера и отхожу от багажника машины, когда замечаю, что царапанье снова возобновляется.

— Так она уходит?

Боннер пожимает плечами:

— Нет. Беременные в порно очень популярны. — Никто из нас не говорит ни слова. — Я не шучу. И в большинстве случаев это двойное проникновение. — Мы продолжаем пялиться, пока он не начинает смеяться, поднося пиво к губам. — Она больше не играет. Устроилась на работу в качестве режиссера независимого кино.

— Ей нужны актеры? — мгновенно спрашивает Джейсон.

Теперь пялиться Боннер.

— Мне нужно вернуть обезьяну хозяину.

— Да, верни. — Я возвращаюсь к своему ящику с инструментами, поднимаю телефон, чтобы посмотреть на время. — У меня работа.

Вскоре после этого парни уезжают, и я остаюсь наедине с машинами в магазине. Должен признаться, какими бы странными они ни были, приятно, что они рядом. Не говорите им, но они мне, вроде как, нравятся.

Работать на себя — совсем другое дело. Больше не нужно заставлять парней выполнять их же работу. Только я и машины. Это как работа на ранчо. По крайней мере, машины не убегают на поле к соседям и не заставляют тебя гоняться за ними посреди ночи.

Времени чуть больше трех часов дня, когда дверь магазина открывается, и заходит Келли. Одна, без детей.

Я улыбаюсь, потому что рад ее видеть. Она сразу замечает машину, взглядом пробегаясь по черному внедорожнику.

— Это моя новая машина?

Я киваю.

— Тебе нравится?

— А мы можем себе такую позволить?

Опираясь на ящик с инструментами, я пожимаю плечами.

— Я знаю парня, который был мне должен.

Келли поджимает губы:

— Ник?

Я снова киваю.

— Куда дела отпрысков?

— Эшлинн повела их в парк после школы. — Она подходит ко мне поближе. — Я подумала, может, мы сможем вместе пообедать. Только мы вдвоем.

Надеюсь, что под обедом она имеет в виду секс, но я не прочь перекусить. Протянув руку, я обхватываю ее бедро и прижимаю к своей груди. Подняв руки, Келли обнимает меня за шею. Наклонившись вперед, я целую ее губы.

— Что скажешь, если я сначала попробую на обед тебя?

Она отстраняется, ухмыляясь:

— Я надеялась, что ты это скажешь.

Следующие пятнадцать минут мы трахаемся напротив моего ящика с инструментами. То, чего мы не делали годами. Или, может быть, никогда. Возможно, это была моя фантазия, и на самом деле в прошлом подобного не происходило. Неважно. Теперь это уже не мечта.

Застегивая мой пояс и все еще улыбаясь, Келли поправляет одежду. Как будто она настолько невообразимо счастлива, что не может не улыбнуться. Ее улыбка такая яркая, что я не могу не улыбаться в ответ.

— Что? — спрашивает она.

Я беру ее за руку и притягиваю к себе, целуя в лоб.

— Я люблю тебя.

С ее губ срывается удовлетворенный вздох:

— Я тоже тебя люблю.

Хотите верьте — хотите нет, но на днях я ходил на консультацию вместе с Келли. Знаю, звучит немыслимо, да. Но еще более безумно то, что я реально слушал то, что говорила та цыпочка. Минут пять, а потом потерял интерес. Она сказала одну вещь, которая мне запомнилась. Скорбеть о потере ребенка — все равно, что смотреть на жизнь после его смерти через стеклянную стену. Вокруг вас кипит жизнь, но вы не можете участвовать в ней, пока не будете готовы разбить стекло и идти дальше. Два года, и даже до смерти Мары, я жил за этой стеклянной стеной. Боялся чувствовать, любить и просто наслаждаться жизнью, потому что не был уверен, что смогу.

Я могу. Вполне нормально снова быть счастливым. По крайней мере, я так думаю. Будет ли справедливо по отношению к Келли, детям и мне, если я вмиг перестану что-либо чувствовать из-за страха любить кого-то? Ответ прост — это нормально. Хотя временами меня все еще это пугает. Сложно сделать нашу жизнь настолько нормальной, насколько это возможно, но мы делаем это с неприятным ощущением внутри каждый раз, когда видим маленькую белокурую девочку с кудряшками и голубыми глазами.

Этого хотела бы от нас Мара. Это не значит, что мы стали меньше ее любить. Именно потому, что мы любим ее, мы выбрали двигаться вперед и помнить ее во всех отношениях,

которыми она нас изменила.

Вот вам совет... Не знаю, сколько советов вы от меня уже слышали, потому что давайте посмотрим правде в глаза, я послушал Боннера. Но совет таков: брак — это не формула. Если вы добавите в него любовь и страсть, то не всегда это равно счастью. Вы должны работать над отношениями и создавать свои собственные.

И это, друзья мои, может быть лучшим советом, который вам когда-либо давали. В браке вы или нет.

Ноа

Рыболовецкие судна, парни, поездки и крючки

(Каждый из этих пунктов теперь вызывает у меня страх. Без разницы, в каком порядке вы их перечисляете)

8 МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Вам знакомо то чувство, когда вы планируете поездку и думаете: «Блин, это будет круто»? Да, мне тоже. С тех пор, как стал отцом. Когда ты молод, все это кажется развлечением и игрой, но когда у тебя есть жена и ребенок — страх берет верх, и все, что может пойти не так в этом эпическом путешествии, происходит и идет не так.

Автопутешествие — яркий тому пример. Вы видели, как прошла поездка в Остин. Я знал, что эти выходные будут чем-то похожи на нее. По крайней мере, я этого боялся.

Помните, я обещал Оливеру рыбалку? Он-то уж точно не забыл. В июле меня уговорили взять его на ловлю голубого тунца из Ньюпорт-Лэндинг в Ньюпорт-Бич.

Теперь позвольте мне рассказать, с чего все началось. Дело не в том, что я не хочу брать сына на рыбалку. Проблема в другом. Я хочу проводить с ним время, и мы всегда ходили вместе ловить рыбу. Я боюсь того, что он окажется на рыболовецком судне в семидесяти милях от берега. И все сводится к тому, что я хочу защитить своих детей. Признаюсь, с мальчиками дело обстоит иначе, чем с девочками. Моя миссия в воспитании Оливера — научить его быть мужиком, но при этом я хочу быть уверен, что он будет в безопасности.

Еще он ведет себя как придурок, так что поездка будет интересной. Произойдет чудо, если я лично не выкину его за борт. Ему одиннадцать лет. «Одиннадцать» на языке мальчишек означает: он знает все и обо всем, а я ничего не смыслю в воспитании детей. Терапевт Келли сказала ей, что заметила улучшения в его поведении. Джейсон говорит мне, что это не так. Гретхен говорит, что тоже улучшений не заметила. Заглядывая вперед, признаюсь, что верю своим друзьям.

Наше приключение начинается с того, что мы едем три с половиной часа до Ньюпорт-Бич с Джейсоном и его мальчишками. Предупреждаю вас: путешествие с тремя пацанами в возрасте до шестнадцати лет, возможно, хуже, чем путешествие с девочками. Я говорю так, потому что у меня есть опыт в обоих случаях, и если у вас нет возможности побольше времени провести с мальчиками в возрасте одиннадцати-двенадцати лет, вы не так много пропустили. Все их общение сводится к куче шуток о пердеже, разговорам о видеоиграх, ужасных запахах и скуке. Человек всегда голоден, всегда должен хотеть в туалет, создавать трудности и не соглашаться во всем со взрослыми. Таков Август. Он не будет счастлив, если кого-нибудь не выбесит. Я начинаю понимать, что он очень похож на Джейсона, потому что было время в Лос-Анджелесе, когда я думал о том, чтобы присоединиться к банде, просто чтобы не оставаться с ним в машине лишние десять минут (не говоря уже о часе, который нам оставалось ехать). А может, все дело во мне. Может, я просто не гожусь для таких поездок. Очень может быть.

В какой-то момент я понимаю, что мой сын такой же умник, как и я. Все начинается с

того, что Джейсон спрашивает у него и мальчиков, почему они смотрят в интернете видео про людей, играющих в видеоигры.

— Почему бы просто самим не поиграть?

Оливер ухмыляется:

— Вы смотрите гонки по телевизору. Почему бы не поучаствовать в них лично?

— Вот дерьмо, — бормочет Джейсон, закатывая глаза.

Я улыбаюсь:

— Ага, чувак, почему?

Он смотрит на меня:

— Просто веди машину.

* * *

— Будет круто, если мы поймаем акулу, — говорит Джаггер, глядя на воду.

Мы все стоим на причале. Сейчас около четырех часов утра. Никто не хотел вставать так рано, и я глотаю таблетки от укачивания, как будто это гребаные «Скитлс».

Помните, я сказал, что люблю рыбачить с Оливером? Рыбалка на озере, с берега, с моста — это мое. Океаны с волнами вдали от суши? Нет. Не мое. Но когда я вижу, как глаза Оливера загораются при виде бескрайнего океана и большого рыболовецкого судна, набитого опытными рыбаками и удочками, которые, вероятно, стоят столько же, сколько и аренда за дом, то забываю о своих потребностях и сосредоточиваю внимание на сыне.

Я обнимаю его за плечо, и он смотрит на меня с улыбкой.

— Спасибо, пап.

Я подмигиваю ему:

— Все для тебя, приятель.

Он дерзко улыбается:

— Как насчет Nova 69-го на мое шестнадцатилетие?

— У тебя хороший вкус, но если твои оценки не улучшатся в ближайшие пять лет, то ты будешь гонять на автобусе.

— Дерьмо.

Хейзел отличница. Она перфекционистка и любит учиться. Оливер предпочитает просто выполнить необходимый минимум, чтобы перейти в следующий класс. Нам повезет, если он хотя бы школу закончит, о поступлении в колледж и говорить нечего. Мы на это даже не надеемся. Хорошо, что ему досталась моя внешность, потому что он чертовски тупой. Знаю, нельзя так говорить о своих детях, но я говорю это любя. Он тупой.

Пока мы ожиданием посадки на судно, мне не очень приятно слышать, как Джейсон и Кейт спорят по телефону.

— Ты больше не можешь указывать, что мне делать, Джейсон.

Он фыркает:

— Кто такое сказал?

— Свидетельство о расторжении брака.

Джейсон раздраженно вздыхает.

— Пофиг. Я просто забочусь о наших мальчиках.

— Да если бы. Ты заботишься о себе и своих потребностях. И ты понимаешь, что именно поэтому мы развелись.

Осознание поражает его, и он опускает плечи. Я очень хочу, чтобы он убавил громкость на своем телефоне. Мне не хочется знать столько подробностей об их браке.

— Если ты не уступишь и не дашь мне немного личного пространства, то сделка, по которой мы живем в одном доме, больше не работает.

Джейсон отходит от меня (чего я бы хотел, когда он только ответил на звонок, но он этого не сделал). Думаю, в глубине души я прекрасно понимаю и Кейт, и Джейсона. Вы знали, что они влюбились друг в друга, когда им было по десять лет? В восемнадцать они поженились, и все завертелось. Дети и все это дерьмо, осложняющее отношения в браке. Не думаю, что они больше не любят друг друга, и считаю отличным их решение воспитывать детей вместе, зная, что это будет лучше, чем делить опеку. А ведь это так часто не учитывается.

Скажу вам, что еще не принято во внимание. Я и лодки. Мне стоило подумать об этом, прежде чем отправиться в поездку на глубоководную рыбалку.

— Ты болен, мужик? — Джейсон толкает меня своим плечом.

Я представляю свое мертвецки белое лицо, хотя просто сижу на пристани.

— Все в порядке.

Огромная ложь.

— Ты когда-нибудь занимался глубоководной ловлей?

Я кладу имбирь в рот. Кстати, я ненавижу имбирь. Он ужасен.

— Нет.

Он смеется. Как будто это охрененно смешно. Я толкаю его в воду. Мальчики думают, что это смешно, а Джейсон — нет.

Мы с детьми забираемся на судно, а Джаггер не хочет одевать спасательный жилет.

— Ненавижу их, — фыркает он, пристегивая ремень. — Чувствую себя пухлым.

— Неприятно слышать его мысли по поводу того, что он чувствует, когда получает тело отца, — бормочет Джейсон, посмеиваясь про себя.

Следующие несколько часов я провожу, перегнувшись через борт лодки. Меня рвет без остановки. Оливер делает то же самое, а потом, наконец, мы около часа ловим рыбу. После чего нас обоих снова рвет. В промежутках, когда меня рвало с борта лодки и мне хотелось, чтобы океан поглотил меня, избавив от страданий, я провел пару моментов с Оливером. Протягиваю ему бутылку воды, и вырываю из большого пальца крючок, который он воткнул мне во время заброса удочки.

— Рыба когда-нибудь моргает? — спрашивает Август своего отца, глядя на мертвую рыбу, лежащую рядом с ним в луже собственной крови. Это похоже на бойню на лодке и, откровенно говоря, никак не помогает мне бороться с тошнотой. На самом деле, это еще больше усугубляет ситуацию, потому что я не переношу вида крови, не говоря уже о том, что она повсюду на мне, и я не могу на нее не смотреть.

Лучший момент рыбалки (если не считать того, когда мы снова выходим на берег) наступает, когда Оливер ловит голубого тунца.

— Пап, я это сделал! — кричит он, а два рыбака рядом с ним удерживают его в лодке, пока он пытается затащить рыбу на борт. У него это не получается, и один из помощников отходит в сторону, позволяя мне помочь. С трудом и применением багра, мы затаскиваем рыбу в лодку, и она трепыхается, когда рыбаки опускают ее в лед.

Мы промокшие и пропитанные кровью, а Оливер смотрит на меня широко раскрытыми и возбужденными глазами.

— Это самая крутая вещь! — кричит он одновременно с тем, как тунец, извиваясь, спихивает за борт Джейсона и Джаггера.

— Люди за бортом! — кричит Август, качая головой, а затем смотрит на меня с улыбкой. — Так и знал, что они окажутся в воде.

— Я тоже, — смеюсь, глядя на них, барахтающихся в воде.

Не волнуйтесь. Парни в полном порядке. В конце концов, они возвращаются на борт, и никто не пострадал. Они мокрые и злые, но в порядке. Я сижу рядом с Оливером, и он во всех подробностях расписывает мне, откуда узнал, что на его крючок попала рыба. У меня больше не крутит живот (ложь), но в этот момент я полностью осознаю тот факт, что мне нужно почаще выводить его на такие эмоции. Сейчас он не тот агрессивный подросток, который толкает сестру по всему дому или непонятно как разговаривает с нами. Здесь он довольный, улыбается и шутит.

Он смотрит на мой большой палец, который пострадал от крючка и теперь кровоточит.

— Черт возьми, пап. Ты в порядке?

— Все хорошо. — Я притягиваю его к себе.

Мне очень больно, но я ни за что не испорчу Оливеру впечатление от рыбалки.

Он достает свой телефон. Да, в одиннадцать у него есть смартфон. Не стреляйте в меня. Оливер фотографирует мой палец, а потом замечает вдалеке дельфина. Я улыбаюсь. Хейзел с ума сходит по дельфинам с тех пор, как мы переехали в Калифорнию, и мне хочется верить, что в этот момент Оливер думает о своей сестре.

С радостью сообщаю, что в последнее время они стали ладить намного лучше. Я бы не сказал, что их отношения идеальны, потому что здесь вам не сериал «Предоставьте это Биверу». Оливер — мальчик. Молодой парень. И наличие младших братьев и сестер в большинстве случаев сводит его с ума, но иногда, в редкие моменты, вы можете увидеть, как он играет с ними. И не дай бог кому-то к ним придраться, потому что он мгновенно ударит. Просто спросите об этом Джаггера, который толкнул Хейзел около двух недель назад. Заметили небольшую ссадину на его губе? Это результат того, что мой мальчик заступился за свою сестру.

На обратном пути в Ньюпорт-Бич нас с Оливером снова рвет, и где-то на тридцатой миле он наклоняется ко мне и говорит:

— Пап? Помнишь, я бесился, что Мара всегда напрашивалась с нами на рыбалку?

Я киваю, едва в состоянии оторвать голову от борта лодки, желая умереть.

— Я бы хотел, чтобы она была жива и поехала с нами. Думаю, ей бы здесь понравилось.

— Я тоже, приятель.

Вы не просто оплакиваете потерю своего ребенка. Вы оплакиваете жизнь, которой у него не было. Все, что они пропускают, и то время, которое вы упускаете вместе с ними. Оливер, Хейзел, Севи, даже Фин — будут горевать об одних и тех же вещах в разное время своей жизни. Это один из таких моментов для Оливера.

В то время я не знал этого, просто чувствовал. Конечно, чтобы понять это, мне потребовалось время. За последние полтора года я подвергал сомнению свою веру, последние слова, сказанные Марой и каждое мгновение, которое я не провел с ней, пока она болела. Я спрашивал себя, когда она умерла: «Мы сделали все, что могли?». Я очень долго отказывался признавать реальность ее смерти, но однажды она обрушилась на меня. И это было так же плохо, как и в тот день, когда мы ее потеряли. Так наступило Рождество, которое мы праздновали без нее. Кажется, я был слишком пьян в тот день, чтобы понять,

куда направлялся, но в тот раз я осознал, что наша дочь умерла, и ничто не может ее вернуть. Вместо этого мне пришлось найти новую реальность. Ту, где я знал, что она любила: сильно, искренне и безмерно.

Я чувствую, что она рядом с нами. Каждый день. Незримо. Неслышно. Но она все еще здесь и любима, даже если это всего лишь воспоминание. Долгое время я не мог прогнать из головы мысль, что буду вечно горевать об этих моментах, и, вероятно, я буду, но мне пришлось признать, что жизнь Мары не оборвалась. Она прожила столько, сколько ей было отведено, и мирно ушла на моих руках. На семь лет она была дана нам. Две тысячи пятьсот пятьдесят пять дней. В каждый из этих дней она знала, что мы любим ее. Она прошла чертовски сложный путь, но собрала в себе все самое лучшее, и нам пришлось прожить свою лучшую жизнь ради нее.

Я могу рассказать вам все, что угодно. Например, как пережить этот момент и начать жить сегодняшним днем. Но пока не поднял голову, я не мог этого принять. Даже сейчас я не уверен, что принял ее смерть, но мне нравится думать, что я стал лучше, чем раньше.

* * *

На следующий день мы вернулись домой, и, конечно же, в мой большой палец попала инфекция. Он пульсирует, и я едва могу его коснуться. Мысль о том, что какая-то рыба отложила яйца (икру) в мой палец, — повторяющийся ночной кошмар.

Оливер не хотел, чтобы его рыбу раздвигали в доках, поэтому решил ее заморозить. Теперь она чем-то похожа на сорокафунтовое ледяное оружие, которое он настойчиво пытается сам занести в дом.

Дети думают, что это самая крутая вещь в мире. Кроме Фин. Она едва удостоила рыбку взглядом и пошла в другую сторону. Я помню, что назвал одного из моих детей тупицей, но, честно говоря, эта малышка та еще засранка. У нее даже до идеала отточено умиротворенное лицо сучки, а ей еще и двух лет не исполнилось.

Келли смотрит на морозильник, а затем на Оливера:

— Не думаю, что он влезет.

Оливер широко улыбается и восклицает:

— Мягко сказано.

Взгляните на лицо моей жены. Окей, она злится. Теперь посмотрите на мое. Я чертовски горд.

Оливер убегает с рыбой, как будто собирается пронзить ею Хейзел, и мы отнимаем ее у него именно потому, что вполне очевидно — такое возможно. В течении следующих пары часов он рассказывает Келли обо всем, что произошло в поездке, а я вожусь с Фин, которую раньше пыталась одеть Келли. Она недавно решила, что одежда больше не входит в ее повседневную жизнь.

— Просто надень их, девочка!

— Кики ни рами, ни хригдим!

Понятия не имею, что это было, но на языке рассерженного малыша это может означать что-то типа «пошел ты на хрен, я не ношу чертову одежду».

Поэтому я позволил ей бегать голышом. Кого это волнует? Мы же не на публике, правда?

Немного позже Келли находит меня, когда я пытаюсь вспомнить, куда в прошлом году

дел антибактериальное средство, необходимое для моей руки.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я ей. Мне не нужна ее помощь. Это уловка. Хочу заставить ее подняться наверх, чтобы запереть в спальне и навестать упущенное за две ночи моего отсутствия.

Она поднимается и теперь стоит в дверях в ванную, прижавшись плечом к косяку. Бля, она такая красивая. Посмотрите на нее. Тридцать ей к лицу. И скажу еще больше. Меня не волнует, что в Истаграм и в других социальных сетях пытаются заставить женщин поверить в то, что женское тело после пятерых детей чертовски красиво. И я вам скажу, почему...

Потому что она дала жизнь нашим детям. Келли держала их, пока они плакали, позволяла спать на своей груди и кормила. На нее блевали, мочились, и она провела больше бессонных ночей, чем я. Каждая растяжка, каждый лишний фунт — заработан. И если вы спросите меня, то я бы не хотел, чтобы она выглядела иначе.

Келли ловит мой блуждающий взгляд.

— Ты же позвал меня не для того, чтобы я помогла, правда?

— Конечно для этого, — я подхожу к ней, подмигивая, — чтобы ты помогла мне затащить тебя в постель.

Она закатывает глаза, но позволяет себя обнять и спрятать мое обветренное лицо между ее плечом и шеей.

— Ты такой мальчишка.

— Почему бы тебе не показать своему мальчишке, как сильно ты по нему соскучилась?

— Я провела последние две ночи одна с тремя детьми. — Еще один смешок вырывается из нее. — Конечно, я скучала по тебе. — Но тут она замечает мой большой палец и восклицает. — Ноа, твой палец! Что, черт возьми, случилось?

Я кладу ее на нашу кровать и пожимаю плечами:

— Меня подцепили.

— Сказала она... — хихикает жена.

Вот поэтому, друзья, я и женился на этой женщине.

Келли

Пневмопистолет и скорая помощь

(А вы думали, что мы усвоили хоть какие-то уроки за эти 8 месяцев? Ха. Блядь. Ха.)

— Нет, так не пойдет. Ты не можешь начать, а затем просто остановиться и оставить меня вот так.

Знаете, чем мы занимаемся?

Если вы подумали о сексе, то вы правы.

Если вы подумали о грызне, то тоже оказались бы правы. Кажется, у нас хорошо получается и то, и другое. Я думаю, это то, что люди имеют в виду, когда говорят — противоположности притягиваются, потому что мы с Ноа — совершенно разные. Возьмем, например, то, как моментально он реагирует на мои слова.

Хмурясь, Ноа смотрит на меня, как бы предупреждая, чтобы я забрала свои слова обратно.

— Я не останавливался.

Мне трудно сосредоточиться на чем-либо, кроме собственной потребности. Последние несколько дней мой муж провел на рыбалке с Оливером и своими друзьями. И в данный момент я могу думать только о двух вещах: как горячо он сейчас выглядит с отросшей щетиной, и как я возбуждена.

— Да, именно это ты сделал! — задыхаясь, говорю я, и меня охватывает разочарование. — Я почти достигла цели.

Ноа переворачивает меня на спину. Напряжение в его лице, пот на лбу, полуприкрытые глаза — все говорит о том, что он полностью в процессе. Может, дело во мне. Может быть, я отвлеклась или этот ремонт меня доконал. А может дело в нем. Может, Ноа просто больше не может этого сделать.

Я думала, что он снова войдет в меня, но он этого не делает. Вместо этого муж опускается между моих ног, глядя мне в глаза.

— Я не останавливался. — Прикусив внутреннюю часть бедра, он приближается к моему клитору. — Я чуть не кончил, поэтому сбавил обороты, но не останавливался.

На самом деле он остановился, но я не собираюсь сейчас с ним спорить, потому что... Эй, его рот находится именно там, где мне нужно.

Позвольте рассказать вам кое-что об этом: мой муж действительно хорош в том, чтобы вывести меня из себя. В чем он не хорош, так это в том, чтобы проследить заперта ли дверь в спальню, потому что как раз в этот момент Севи открывает дверь и заходит без рубашечки и с пневматическим пистолетом в руках.

Представляете, что будет дальше?

Бьюсь об заклад, вы угадаете (а может, и не сможете), но я просто вам расскажу.

— Папочка, я помогаю. Я помогаю тебе, — говорит Севи, неся пневмопистолет к нашей кровати, где я, как каратистка, зажимаю голову Ноа между своих бедер и накрываю нас одеялом. — Вот!

Многие говорят, что авария происходит, как в замедленной съемке. Что тут скажешь.

Это не так. Все произошло настолько быстро, что я даже не успела убрать ногу.

А еще я хотела бы добавить, что во всем виноват Ноа. Скоро вы поймете, почему.

Хотите знать, чем все закончилось? Кроме того, что я с гвоздем в бедре, а Ноа с опухшей губой, потому что я ударила его по лицу своей вагиной. Скорой помощью. Семейство Беккет и это место... Мы друзья.

* * *

— Зачем ты снял с предохранителя пневматический пистолет? — кричу я на Ноа, который пытается успокоить Севи, полностью игнорируя тот факт, что у его жены в бедро загнан гвоздь для гипсокартона. Это даже не отделочный гвоздь, который я бы предпочла, потому что это именно тот случай, когда меньше, определенно, лучше.

— Так быстрее, — отвечает Ноа, глядя на мою ногу, потом на Севи, который опустил головку на его плечо, и начал вышагивать по приемному отделению. Могу сказать, что мужу плохо, но недостаточно, чтобы я так легко могла его простить.

— Прости, папочка, — разочарованно говорит Севи. — Я пытался помочь тебе.

Заметили, что он больше не ползает по полу? Ага. Мы пережили эту фазу, потому что на его четырехлетие подарили ему собаку. Процесс занял около недели. Севи перестал спать в собачьей корзинке и хотел, чтобы собака исчезла. Сейчас они подружились, но, как и сказал наш педиатр — Севи вырос из этой фазы.

Теперь он перешел к тому, чтобы никогда не выпускать Ноа из поля своего зрения. Ему наплевать, что я лежу на столе, истекая кровью и, знаете ли, испытываю сильную боль. Похоже, гвоздь застрял в гребаной кости.

Входит Кейт с Фин на руках. Она смотрит на меня.

— Девочка, ты истекаешь кровью.

— Я знаю. А что здесь делаешь ты?

Она пожимает плечами.

— Папа нырнул в мусорный контейнер, и его поместили в психушку на сорок восемь часов. И это круто. Я подумываю, не натворить ли и мне чего-нибудь безумного, чтобы самой оказаться там. Похоже, у них можно неплохо отдохнуть.

Мы все смеемся, но она серьезна. Даже сейчас Кейт близка с семьей. Она моя лучшая подруга, моя приемная сестра и вообще — вечно ругающаяся, пьющая винишко лучшая из девушек. Я люблю ее.

Наморщив лоб, она улыбается Ноа.

— Похоже, девчужке нужно сменить подгузник.

Фин бросается к Ноа, когда замечает его у двери. А он задыхается от запаха.

— Боже мой, как от тебя воняет.

— Папочка, — хмурится Фин.

Я знаю, что она только что сказала «папочка», но это фирменное словечко на ее «финском» языке означает «нет, я не воняю».

Хотелось бы отметить, что почти в два года Фин наконец произнесла свое следующее слово и, что более важно: из всех людей, она сказала его именно Ноа.

Папочка. И теперь она постоянно это говорит. Она по-прежнему много болтает о сиськах, но теперь папочка стал мужчиной, которого она просто обожает. Ей потребовалось много времени, чтобы подпустить его к себе, но я думаю, что как только она это сделала, он

стал для нее самым любимым человеком в мире.

И я с ней согласна. Нам с ним повезло.

Через час меня отвозят в хирургию, и тогда я, наверное, поспорила бы с тем, что Ноа сокровище. Если вам никогда не стреляли в ногу из пневмопистолета, то вы не упустили ничего, кроме боли. Врачи не могли просто достать гвоздь и отправить меня восвояси. Гвоздь попал в кость, поэтому им пришлось удалять этого ублюдка хирургическим путем.

После того, как они назначили курс лечения антибиотиками и обезболивающими, расстроенная, я лежала в палате и ждала, когда меня выпишут.

Кейт зашла с улыбкой на лице в тот момент, когда я бросила стакан с пудингом в стену.

— Что за кислая мина, детка?

— Мне больно, — раздраженно отвечаю я. — Где Ноа?

Она садится на стул возле кровати.

— Совершает с детьми набег на торговые автоматы. — Затем она протягивает мне стаканчик из «Старбакс». — Осмелюсь спросить, как это случилось?

— Ноа тебе не сказал?

— Неа. Он сказал, чтобы я не лезла не в свое дело.

Я улыбнулась. А ее глаза загорелись, как будто я сообщила, что мы выиграли пожизненный запас вина.

— Опять «Виагра»?

Я смеюсь и отпиваю кофе, который она принесла.

— Ни за что. Короче, Ноа не запер дверь спальни. Клянусь, нельзя доверять мужику, когда он говорит, что «запер ее» или «вроде бы закрыл».

Не думайте, что я забыла о том видео. Просто подождите.

— Мне нужны подробности.

Я смотрю на стаканчик, зажатый в руке, и понимаю, что сбоку написано незнакомое имя.

— Кто такая Кристен?

— Понятия не имею. Я собиралась сделать заказ, очередь была длинной, а заказы на вынос стояли рядом, и никто их не трогал. Поэтому я бросила немного денег в банку для чаевых и схватила готовый кофе. Никто ничего не сказал. — Она пожимает плечами. — Кристен заказывает хороший кофе. Запомню. А теперь перестань меня отвлекать. Рассказывай, что случилось?

Я подробно рассказала о горячем, безумном, слишком долгом сексе, который у нас был сегодня днем, и как в меня вколотили гвоздь, только не в сексуальном плане. Кейт смеется, потому что это все, что вы в силах сделать, когда дело доходит до того дерьма, которое происходит в семействе Беккетов.

Ноа возвращается примерно через час, и я сразу понимаю, что что-то не так.

— Я посижу с детьми. — Кейт тоже это чувствует и быстро ретируется.

Ноа кивает, ждет, пока она закроет дверь, а затем его взгляд скользит к моим глазам.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я зла. — Мой ответ однозначен, потому что, как я уже говорила, меня раздражают болеутоляющие. Как будто они производят прямо противоположное действие тому, для чего были прописаны врачом.

Медленно сглотнув, он шагает вперед и садится на край кровати, своей рукой находит мою. Он сжимает ее один раз.

— Мне, правда, жаль.

— Поэтому ты так расстроен?

— Я не расстроен. — Он пожимает плечами. — Просто ненавижу больницы.

От эмоций в груди перехватывает дыхание. Всегда происходят такие тонкие напоминания, которые, кажется, выбивают из вас весь дух. Крохотные детали, которые вы, казалось, забыли, а потом вспоминаете. Мара. Не то чтобы память о ней ускользнула из моей головы. Это не так. Такого никогда не произойдет. Она навсегда останется частью нас. Но когда люди говорят, что со временем становится легче, думаю, что в каком-то смысле, они правы. Становится легче улыбаться, чувствовать, что ты снова можешь жить. А потом все возвращается, и вы вспоминаете об этой боли, и снова как будто возвращаетесь в тот момент, когда все изменилось. У Ноа перехватывает дыхание, когда он замечает мои слезы.

— Я не хотел тебя расстраивать. Просто... Это место, запахи, это все... она. И я ненавижу то, что у меня остались такие воспоминания о ней.

Несмотря на то, что я хочу врезать ему за инцидент с гвоздем, я беру его за руку и улыбаюсь сквозь слезы.

— У нас есть и хорошие воспоминания о ней.

Его блестящие от слез глаза находят мои:

— Да, дорогая. Определенно, есть.

Как бы больно ни было думать о ней, гораздо легче переносить это рядом с Ноа. Сначала он закрылся от меня, и вот он здесь: делится со мной, почему выглядит так, словно хочет сжечь больницу. Мне нравится думать, что мы прошли долгий путь с той ночи в отделении неотложной помощи, когда он порезал руку. Жаль, что мы не смогли удержаться от того, чтобы снова не оказаться в гребаной больнице.

В конце концов, врачи оставляют меня до вечера, потому что принимают мой гнев за осложнение. Тем же вечером Кейт с Джейсоном приходят с мальчиками и пиццей, а затем, конечно же, Боннер и Эшлинн со своей новорожденной дочерью Хейли. Ей всего месяц, и она чертовски прекрасна. Еще бы! Посмотрите на ее родителей. Фин не любит Хейли. Полагаю, она воспринимает ее как соперницу. Когда дочь замечает Хейли, она цепляется за ногу Боннера, и он тут же ее обнимает.

— Больно? — спрашивает Боннер, держа Фин на руках, как настоящий профи.

Меня удивляет, что он за одну ночь превратился из паренька, живущего по-соседству, в горячего молодого папочку-соседа. Не смейте говорить об этом Ноа, но я наблюдаю, как он косит лужайку без рубашки. Если вы ему расскажете, то я буду все отрицать.

— А как ты думаешь, Боннер? — спрашиваю я, все еще злясь на весь мир.

Входят Чарли и Стив с Гретхен. Они почти не разговаривают, потому что Джейден обрюхатил Эллу. Да ладно, шучу. Она еще не молодая мамочка, но они точно уже занимаются сексом. Стив застукал их на диване в гостиной, и это его не очень-то обрадовало.

Я улыбаюсь им, пока они разговаривают с Кейт, а затем смотрю на Боннера, который переводит взгляд с Фин на меня и пожимает плечами.

— Судя по тону твоего голоса, думаю, что да.

Посмеиваясь, Ноа протягивает мне пакет со льдом:

— Ей дали обезболивающее. От них Келли злится. Я пытался предупредить врачей, но

они не послушали.

Я кидаю в него пакет со льдом, при этом намеренно прицелившись в его больной палец.
— Засунь его себе в задницу, Ноа.

У нас все хорошо. Все в порядке. Но сейчас я его слегка ненавижу. Муж ухмыляется, стиснув челюсти, потому что, думаю, палец у него болит. Он улыбается Боннеру.

— Понимаешь, что я имел в виду?

Эшлинн сидит рядом со мной и кормит малышку Хейли. И да, Севи уделяет этому особое внимание. Ненавижу это говорить, но он еще не перерос фазу грудного вскармливания.

— Как, черт возьми, тебе в ногу забили гвоздь?

— Ноа не запер дверь, — говорю я, потому что, если Ноа сможет бросить меня под автобус своим грубым комментарием, то я прихвачу его с собой.

Ноа стонет, гневно поглядывая на меня.

— Я думал, что запер.

Кейт подходит к нам и плюхается рядом со мной с бутылкой вина.

— Извини, детка, нельзя смешивать алкоголь с наркотиками.

Я пожимаю плечами. Честно говоря, звучит не очень заманчиво. А вот шоколадный торт подойдет. В конце концов, я уговариваю Хейзел принести мне кусочек, а затем она обнимает меня.

— Мама, я отдала Августу пять долларов. Он сказал, что это на сберегательный счет. На что он копит?

— Вот засранец, — рычит Кейт. — На прошлой неделе, когда Ривел был в гостях у Боннэра, он взимал с людей по десять долларов за возможность просто пройти по улице.

— Рив узнал об этом и даже помогал ему, — рассмеялась Эшлинн. — Он дал автограф леди из ТСЖ, а Август положил в карман пятьдесят баксов.

— Мелкий жулик... — возмущенно вздыхает Кейт. — Завтра он купит мне кофе. — А потом улыбается. — И между нами: я бы заплатила деньги только за то, чтобы посмотреть на Ривела Слейда.

— Он такой красавчик, — кивает головой Эшлинн, укладывая Хейли повыше на плечо, чтобы та отрыгнула, а потом поворачивает голову и видит, что Боннер хмурится, — если тебе нравится энергетика рок-звезды.

Мы все смеемся, потому что знаем, что это правда.

Остальную часть вечера Оливер хвастается размерами своей рыбы перед все той же безумной компанией из Санта-Барбары, которая изменила нашу жизнь за прошедший год. Мне нравится думать, что мы с Ноа наконец-то взяли себя в руки и поговорили, но на самом деле, не думаю, что без них это произошло бы.

Позже, тем же вечером, Ноа помогает мне подняться в нашу комнату и укладывает на кровать.

— Я уже говорил, что мне очень жаль. Ты должна просто отпустить это.

Поправив подушки за головой, я смотрю на него «да пошел ты на хрен!» взглядом. Я по-прежнему зла, и он прав: обезболивающее делает меня такой.

— Не могу поверить, что ты не запер дверь.

— Как уже говорил, я думал, что сделал это, — улыбается он.

— Очевидно, ты ошибался — Я смотрю на него, сидящего рядом со мной на кровати. — Типа того, как ты думал, что удалил?

Муж прищуривает глаза. Он точно знает, о чем я говорю. Вам лучше поверить, что он это задницей чувствует. Помните, я сказала, что вернусь к этому? Сейчас самое время.

Я беру его телефон с тумбочки.

— Ты его удалил?

— Может быть, — приподняв бровь, отвечает он.

— Иисусе, Ноа... — всплеснув руками, говорю я. — Что, если кто-то еще найдет его?

Удали.

— Нет, пока ты не посмотришь его со мной.

— Что? Никогда. Мы не будем его смотреть.

— Тогда я оставлю его.

— Господи, блядь. Отлично! Давай посмотрим. Дай мне пакет со льдом.

Ноа протягивает мне лед, держа телефон в руке, и на его чертовски горячем лице появляется самая большая ухмылка в мире.

Итак, мы смотрим его, и примерно через час я вспоминаю всю нашу боль. Потому что вижу ее в наших глазах на видео. Но знаете, что еще я вижу? Любовь. Страсть. Все эмоции, которых, как мне казалось, не было у Ноа, были прямо передо мной. Я была так ослеплена своей собственной неуверенностью и горем, что не могла этого видеть.

Ноа улыбается мне, прижавшись своей головой к моей.

— Моя любовь к тебе никогда не была под вопросом, дорогая, — шепчет он, целуя меня в висок. Он берет мою руку и кладет на свою внушительную эрекцию. — А теперь давай запишем новое.

Я быстро вырываю телефон из его руки, удаляю видео и отбрасываю гаджет в сторону.

— Без шансов, приятель.

— Поверить не могу, что ты это сделала, — хмурится он.

— А я могу. Теперь позволь мне загладить свою вину.

Его хмурый взгляд исчезает, когда он забрасывает руки за голову.

— Как раз об этом и подумал.

Наши шрамы на месте. Их не сотрет даже время. Они исчезают, но все равно остаются. Время никогда не заберет наши воспоминания. Я навсегда запомню ту голубоглазую дикую девочку, потеря которой, практически разлучила нашу семью, но в то же время — она свела нас вместе и доказала, что мы можем все пережить.

Даже гвоздь в бедре.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net